

экономические и социальные перемены

№ 6 (190)
ноябрь — декабрь 2025

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИОЛОГИЯ
ИНТЕРНЕТА

МИГРАЦИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор АЦ ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента АЦ ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «АЦ ВЦИОМ», 2025. — № 6 (190). — 302 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

О. В. Фокина

Динамика отношения населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения в России (2005—2024 гг.)..... 3

М. Ю. Гурин, Д. А. Парщиков, Е. М. Долгова

Практики формирования инклюзивного жизненного пространства для людей с ментальной инвалидностью: кейс проекта сопровождаемого проживания ...25

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А. И. Бирюкова

Связь финансового стресса и решения бросить курить в России..... 47

О. Е. Кузина, А. Я. Абдураманов

Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи 71

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: ноябрь — декабрь 2025.....98

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

И. Д. Петров

Предупрежден — значит вооружен? Антивакцинный контент и восприятие пользователями пометок-предупреждений 110

В. И. Дудина, С. А. Бердыева

От блогера к активисту: пациентский активизм сквозь призму онкоблогинга 132

С. И. Чудинов, Д. А. Казначеев

Развитие идеологического дискурса исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте»..... 152

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

А. В. Попова, Ю. А. Тюменева

Осторожно, двери закрываются: (не)готовность работодателей рассматривать соискателей после окончания онлайн-курсов в IT-сфере 178

МИГРАЦИЯ

К. С. Григорьева

Изменения в процессах секьюритизации миграции в контексте российско-украинского конфликта..... 199

К. И. Казенин

Миграция и усложнение социокультурного ландшафта в центральноазиатском мегаполисе (на примере Алматы) 221

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

А. Ю. Филякин

Нематериальное культурное наследие в представлениях россиян (исследование троицкого обходного обряда в деревне Щербинино Московской области) 246

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

С. Ю. Демиденко

Взаимосвязь времен в массовом сознании россиян.
Рец. на кн.: «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2024 271

Р. К. Тангалычева

Консервативный поворот в высшем образовании США и Великобритании.
Рец. на кн.: Goodwin M. Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them? London: Transworld Publishes, 2025..... 288

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2918](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2918)

О. В. Фокина

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К СИСТЕМЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ (2005—2024 ГГ.)

Правильная ссылка на статью:

Фокина О. В. Динамика отношения населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения в России (2005—2024 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 3—24. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2918>.

For citation:

Fokina O. V. (2025) Dynamics of Public Attitudes Toward the Non-State Pension System in Russia (2005–2024). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 3–24. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2918>. (In Russ.)

Получено: 18.02.2025. Принято к публикации: 29.08.2025.

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К СИСТЕМЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ (2005—2024 ГГ.)

ФОКИНА Ольга Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга, Вятский государственный университет, Киров, Россия

E-MAIL: fokina@vyatsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6697-3353>

DYNAMICS OF PUBLIC ATTITUDES TOWARD THE NON-STATE PENSION SYSTEM IN RUSSIA (2005–2024)

Olga V. FOKINA¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Management and Marketing*

E-MAIL: fokina@vyatsu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6697-3353>

¹ Vyatka State University, Kirov, Russia

Аннотация. Анализ формирования системы негосударственного пенсионного обеспечения в России и ее актуального состояния, изучение и структурирование результатов, представленных исследовательскими агентствами, научными организациями, Банком России и отдельными учеными, позволили выявить ключевые направления трансформации отношения населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения. В работе рассматриваются изменения, произошедшие в системе негосударственного пенсионного обеспечения за почти 20 лет, описываются исторические предпосылки и выявляются причины формирования неблагоприятного отношения населения к системе, оценивается влияние пенсионной реформы на отношение граждан к пенсионной системе в Российской Федерации, анализируются изменения отношения различных возрастных групп россиян к источникам дохода при выходе на пенсию. Автором обнаружено дифференцированное отношение молодежи и людей предпенсионного возраста к негосударственному пенсионному обеспечению, разработаны рекомендации по совершенствованию деятельности участников рынка негосударственного пенсионного обеспечения. В качестве гипотезы, которая в результате исследования подтверждена, выдвинуто предположение о наличии положительной динамики

Abstract. The purpose of the work is to analyze the dynamics of the population's attitude to the system of non-state pension provision for the period 2005—2024. The analysis of the formation of the system of non-state pension provision in Russia and its current state, the study and structuring of the results presented by research agencies, scientific organizations, the Bank of Russia, and individual researchers, has revealed the main directions of transformation of the attitude of the population to the system of non-state pension provision. The paper presents changes in the system of non-state pension provision, examines the historical prerequisites and identifies the causes of the formation of an unfavorable attitude of the population towards the system at present, evaluates the impact of pension reform on the attitude of citizens to the pension system in the Russian Federation, analyzes changes in the attitude of the population of various age groups to sources of income upon retirement the differentiated attitude of youth and people of pre-retirement age to non-state pension provision has been revealed, Recommendations have been developed to improve the activities of participants in the non-state pension provision market. As a hypothesis, it is suggested that there has been a positive trend in the attitude of citizens towards the system in recent years. It is assumed that the prospects for the development of the system of non-state

отношения граждан к системе в последние годы. Среди перспектив развития системы негосударственного пенсионного обеспечения в России автор называет поиск дополнительных источников финансирования и усиление позиций негосударственных пенсионных фондов при активном участии государства.

Ключевые слова: негосударственное пенсионное обеспечение, негосударственные пенсионные фонды, управляющие компании, отношение населения, пенсионная реформа

pension provision in Russia are the search for additional sources of financing and strengthening the position of non-state pension funds with the active participation of the state.

Keywords: non-governmental pension provision, non-governmental pension funds, management companies, population attitudes, pension reform

Введение

Одним из приоритетных направлений пенсионной стратегии Российской Федерации является стимулирование развития системы негосударственного пенсионного обеспечения (НПО), занимающей особое место в социальной и экономической сферах жизни общества. Успех деятельности данной системы как подвижного и динамично развивающегося сектора во многом определяет сбалансированность пенсионной экосистемы страны и возможность поддержания достойного образа жизни граждан при выходе на пенсию. Активность развития системы НПО, в свою очередь, во многом зависит от отношения к ней населения, уверенности в ее доходности и устойчивости. Тем не менее за всю историю система негосударственного пенсионного обеспечения в России, развиваясь хаотично и создавая атмосферу неопределенности и недоверия со стороны населения, так и не стала целевым звеном российской пенсионной системы. Исследование динамики отношения населения к системе НПО и выявление причин, повлиявших на его формирование, позволят разработать рекомендации по совершенствованию деятельности участников рынка негосударственного пенсионного обеспечения с целью более полной реализации пенсионных прав граждан.

Отношение населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения: обзор литературы

Вопросы негосударственного пенсионного обеспечения граждан активно обсуждаются в работах российских и зарубежных ученых. Авторы отмечают проблемы и факторы, формирующие систему пенсионного накопления [Андрющенко, 2023; Безгачева, Галочкина, 2019]. Указывается, что результаты пенсионной реформы подлежат заслуженной критике, предлагаемые гражданам решения первоочередной целью имеют продажу продуктов, а модель финансирования системы обязательного социального страхования недостаточно сбалансирована [Цыганов, 2022; Savelyeva, Saidakova, 2023; Suptelo et al., 2020]. Еще одним значимым фактором сложившегося отношения населения к системе НПО названа индифферентность в вопросах формирования личных пенсионных накоплений, обусловленная низ-

ким уровнем финансовой грамотности [Кравченко, 2020: 8]. При этом анализ поведения граждан обнаруживает противоречие между осознанием необходимости обеспечения своего будущего в пенсионном возрасте и активностью в формировании накоплений, обеспечивающих достойную старость. Низкий уровень активности населения, как предполагается, связан с отсутствием в стране соответствующих моделей экономического поведения [Frolova et al., 2021].

Интересным представляется содержание исследований отношения потребителей к вопросам пенсионного обеспечения в других странах. Так, в странах ЕС отношение к дополнительным пенсионным услугам формируется под давлением законодательных ограничений, многочисленных барьеров и негативного влияния процесса интеграции различных инструментов пенсионной политики [Gruyters, 2023]. Нестандартная тема отношения населения Норвегии к этичному пенсионному управлению своими активами обусловлена отсутствием связи с восприятием отношения других людей к данному вопросу [Ditlev-Simonsen, Wenstop, 2016]. Для жителей Боснии и Герцеговины и Нидерландов характерны значительные различия в отношении к пенсионной системе, обусловленные демографическими характеристиками, что необходимо учитывать при разработке реформ частного пенсионного страхования в разных группах населения: молодые люди оптимистичнее настроены по отношению к изменениям, в то время как пожилые участники чувствуют себя во многом ущемленными. Помимо этого, многие потребители в своих суждениях основываются на предыдущем опыте и неправильной, а иногда и ложной интерпретации информации [Grujić, Cobovic, 2024; Nekken, Hoofs, Bruggen, 2022]. Низкое знание принципов работы пенсионной системы и отсутствие ощущения собственной значимости по сравнению с мужчинами характерно для женского населения Польши, что создает серьезные проблемы для самоидентификации женщин и процесса принятия решений в области пенсионных накоплений [Poprawska, Kwiecien, Jedrzychowska, 2022]. Главный фактор, определяющий слабое развитие мусульманских фондов, — низкий уровень знаний и доверия к пенсионной системе, а также более высокие ожидания со стороны женщин и представителей населения с высокими доходами к результатам своих вложений [Karina, Ayumardani, Kusuma, 2020].

В России часть работ посвящена проблемам адаптации людей предпенсионного возраста, образовавших новую социальную группу, к непривычному для них статусу и условиям существования. Многие представители данной категории столкнулись с недостаточностью информации о доступных льготах и правах, следствием чего стали упущенные возможности для обеспечения собственного благополучия, психологическое напряжение и наличие барьеров для социальной адаптации [Нордлунд, 2025; Вотинцева, Капранова, 2021; Латыпова, 2022]. Много внимания уделено поведенческим аспектам в молодежной среде. Например, выявлено, что представители поколения «У» (миллениалы, родились с 1984 по 2000 г.). Выросли в эпоху стремительного развития интернета, социальных сетей, мобильных технологий) демонстрируют характеристики, не схожие с другими поколениями. Молодежь студенческого возраста, задумываясь о формировании индивидуальных пенсионных планов, ориентируется прежде всего на достаточный размер текущих доходов и доходов в долгосрочной перспективе; при этом

деятельность негосударственной пенсионной системы она воспринимает как рискованную и недостаточно доходную [Zandi et al., 2021; Тюриков, Разов, Марков, 2021; Марков, 2024]. Отношение молодежи к сбережениям и пенсиям во многом формируется под влиянием способности к быстрой адаптации к новым условиям и, одновременно, некоторой уязвимости ее социального положения. Тем не менее именно молодые люди — ключевые адресаты политики государства по формированию положительного отношения и вовлечению населения в накопительные пенсионные схемы [Александрова, Марков, 2021].

Таким образом, отношение потребителей к негосударственной пенсионной системе исследовано достаточно полно как на российском, так и зарубежном уровне, но дискуссии по данному вопросу продолжаются, что обусловлено изменениями, происходящими в социально-экономическом положении стран, в том числе и в России. Ученые отмечают наличие неблагоприятного отношения большинства населения к системе НПО, но, по нашему мнению, недостаточно внимания уделяется историческим предпосылкам, сформировавшим такое отношение. Помимо этого, отсутствует целостная картина изменения отношения населения к системе НПО. Устранение выявленных пробелов позволит разработать рекомендации по совершенствованию деятельности участников рынка негосударственного пенсионного обеспечения.

Система негосударственного пенсионного обеспечения в России: предпосылки формирования и состояние в современный период

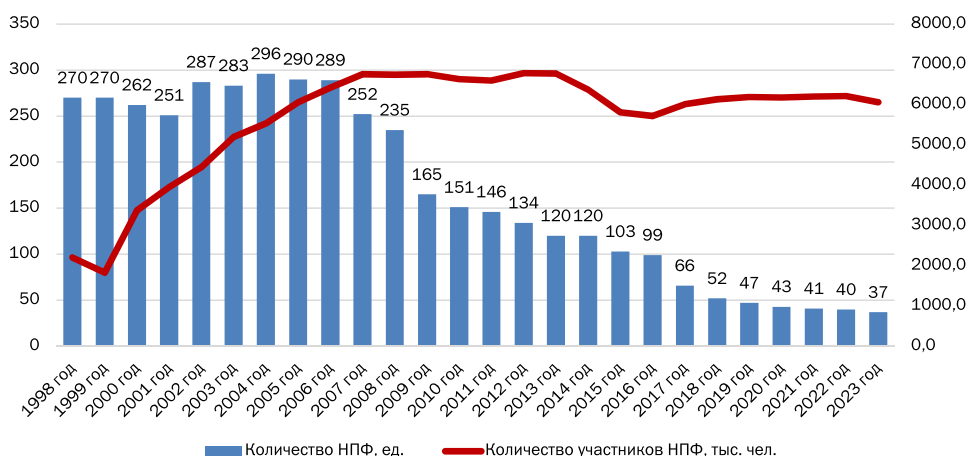
В Российской империи пенсионное обеспечение применялось в основном по отношению к государственным служащим и военнослужащим и осуществлялось за счет средств государственного бюджета, не позволявшего обеспечить необходимый социальный уровень пенсий [Лапаева, 2020]. Ограниченный охват пенсионным обеспечением и требования о повышении уровня обеспечения граждан в старости послужили толчком к формированию института эмеритальных касс, содержавшего признаки добровольного НПО. Но, не успев получить широкое распространение, в 1919 г. институт прекратил свое существование вместе с падением Российской империи. В СССР, характеризовавшемся государственным строем, основанным на принципах социалистической идеологии, негосударственное пенсионное обеспечение также не получило свое развитие. В 1980-х годах возможность дополнительного пенсионного дохода дало добровольное страхование дополнительной пенсии в системе Госстраха СССР. Деятельность данной системы было прекращена в 1991 г. в связи с организацией Пенсионного фонда РФ. Нестабильность системы негосударственного пенсионного обеспечения в различные периоды становления Российского государства определила неуверенность в ее устойчивости со стороны граждан и наложила отпечаток на отношение к ней в современный период. В 1992 г. в связи с Указом Президента РФ¹ с целью повышения социальной защищенности населения была создана современная система негосударственного пенсионного обеспечения, предоставляющая гражданам возможность самостоятельно фор-

¹ Указ Президента РФ от 16.09.1992 № 1077 (ред. от 12.04.1999) «О негосударственных пенсионных фондах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_930/ (дата обращения: 15.02.2025).

мировать свой пенсионный капитал. Но дополнительное пенсионное обеспечение, несмотря на поддержку государства, не заняло ожидаемого места в пенсионной системе страны.

Наиболее активными участниками системы НПО стали негосударственные пенсионные фонды (НПФ), получившие бурное развитие в начале 2000-х годов. Но уже начиная с 2007 г. наблюдается снижение количества фондов, обусловленное ужесточением требований со стороны законодательства в части заключения договоров и Центрального банка РФ — в части качества инвестиций (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика количества негосударственных пенсионных фондов^{2,3,4}

Снижение количества фондов сопровождается их укрупнением и концентрацией рынка. Последнее связано как с наращиванием активов отдельных игроков с целью получения доступа к капиталу в качестве пенсионных накоплений, так и с уходом части российских и зарубежных компаний, разочаровавшихся в российском пенсионном бизнесе. Процесс поглощения фондами друг друга продолжается до настоящего времени. На конец 2023 г. количество НПФ составляло 37 ед. при количестве участников 6 059 тыс. человек, а на пять крупнейших НПФ приходилось более 60 % всех средств клиентов⁵. Количество фондов в третьем квартале 2024 г. составило 35 ед. Основная часть НПФ зарегистрирована в Москве, а также на территории Приволжского, Уральского и Северо-Западного федераль-

² Негосударственные пенсионные фонды (май 1998) // Лаборатория пенсионной реформы. URL: <http://pensionreform.ru/250%23> (дата обращения: 15.02.2025).

³ Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов // Банк России. 2024. 14 июня. URL: https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ops_npf/2023/ (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ Якушев Е. Л. Основные тенденции развития негосударственных пенсионных фондов в Российской Федерации. Москва, 2009. С. 7. URL: http://pensionreform.ru/files/npf_trend2009/npf_industry_review_2009.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

⁵ Крупнейшие НПФ России на 1 января 2024 года // РИА Рейтинг. 2024. 24 мая. URL: <https://riarating.ru/finance/20240524/630263109.html> (дата обращения: 15.02.2025).

ных округов. Объем выплат негосударственных пенсий за период с 2018 г. увеличился до 81 437 млн руб. (+35%), выкупных сумм по договорам долгосрочных сбережений — до 25 423 млн рублей, или в 2,7 раза. В первом полугодии 2024 г. объем выплат составил 41 833 млн рублей, что на 4% выше по сравнению с соответствующим периодом прошлого года.

Также получило развитие корпоративное пенсионное обеспечение, что было обусловлено интересом к нему со стороны крупных и средних, в основном зарубежных компаний. С течением времени проявилась тенденция к сокращению числа компаний, реализующих корпоративные пенсионные программы. Если в 2014 г. их доля составляла 39%, то в 2023 г. — уже 33%⁶. Отношение работников к корпоративным пенсиям, зачастую заменяющим повышение зарплат, премии и бонусы, далеко не однозначно. Проблему усугубляет «привязка» сотрудников к компании, обусловленная необходимостью трудиться в организации, предоставившей возможность участия в программе, довольно продолжительное время. Влияет и критическое отношение к долгосрочным накоплениям, а также ограничения в программах, касающиеся минимального возраста или минимального стажа сотрудника. Поэтому развитие таких программ напрямую зависит от того, насколько активно они продвигаются компанией, в противном случае, как утверждают специалисты, участие в софинансировании пенсий принимают не более 20% сотрудников⁷.

Другими участниками отношений в НПО являются управляющие компании (УК), которые занимаются управлением средствами фондов, инвестированием средств, управлением ценными бумагами, денежными средствами, страховыми резервами, собственными средствами страховщиков и пр. Количество доверительных управляющих за период 2020—2024 гг. снизилось с 202 до 177, причем это касается как нефинансовых организаций (НФО) со снижением на 10,2%, так и кредитных организаций, количество которых уменьшилось на 18,2%⁸. Ограничения управляющих компаний в виде невозможности деления накоплений, наличия комиссии, переложения ответственности за выбор компании на клиента накладывают отпечаток на восприятие гражданами необходимости пользоваться услугами субъектов системы НПО. Это отражается в объемах активов и пенсионных резервов, удельный вес которых в суммарной стоимости активов, находящихся в управлении УК, заметно снижается. При росте объема активов в управлении УК за период 2022—2024 гг. до 26 296 млрд руб., или на 77%, доля активов, в которые инвестированы средства пенсионных накоплений НПФ, упала с 9,9% до 6,8%, а доля пенсионных резервов — с 21,0% до 13,2% (см. рис. 2).

⁶ Корпоративные пенсионные программы в РФ (по материалам Исследования в области корпоративных пенсионных программ — 2023) // Технологии доверия. 2023. URL: <https://data.tedo.ru/materials/corp-pension-programs-rf.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).

⁷ Прокопенков А. Козырь в рукаве: как корпоративные пенсионные программы помогают удержать сотрудников и сэкономить на бонусах // СБЕР Про. 2020. 12 ноября. URL: <https://sber.pro/publication/kozyr-v-rukave-kak-korporativnye-pensionnye-programmy-pomogaiut-uderzhat-sotrudnikov-i-sekonomit-na-bonusakh/> (дата обращения: 07.12.2025).

⁸ Динамические ряды основных показателей деятельности доверительных управляющих // Банк России. 2025. URL: https://cbr.ru/statistics/RSCI/du_stat/ (дата обращения: 23.04.2025).

Рис. 2. Доля пенсионных резервов и активов НПФ в суммарных активах управляющих компаний⁹

Значимую роль в системе НПО играют специализированные депозитариусы, брокеры и другие организации, занимающиеся инвестированием средств пенсионных накоплений и размещением пенсионных резервов. Регулятором и основным контролирующим органом для управляющих компаний и фондов выступает Банк России, задача которого состоит в установлении правил на рынке коллективных инвестиций и слежении за их соблюдением. Еще один контролирующий орган — специализированные депозитариусы, которые хранят имущество фондов и контролируют распоряжение им.

Система НПО, представляющая собой сложную совокупность взаимоотношений между работодателями, гражданами, негосударственными пенсионными фондами, кредитными организациями, управляющими компаниями и другими лицами, активно поддерживается государством с целью дополнительного пенсионного обеспечения населения и обеспечения более высокого уровня жизни в пенсионном возрасте. В приверженности населения негосударственной пенсионной системе важную роль играет более высокая доходность пенсионных накоплений по сравнению с инфляцией и с доходом от вложений в Социальный фонд России, а также наличие зафиксированных договором условий, возможность передачи накоплений по наследству и пр. Вместе с тем сложившиеся исторические условия, недобросовестность участников в период становления современной системы НПО, экономические кризисы и геополитические изменения, влияющие на стабильность системы, сформировали предпосылки критичного отношения населения к негосударственному пенсионному обеспечению, что наблюдается по настоящее время.

⁹ Динамические ряды основных показателей деятельности управляющих компаний // Банк России. 2025. URL: https://cbr.ru/statistics/RSCI/uk_stat/ (дата обращения: 23.04.2025).

Трансформация отношения населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения

Вопросы отношения населения к негосударственной пенсионной системе в различные периоды времени рассматривались разными российскими исследовательскими агентствами. Анализ динамики пенсионных намерений за 2005—2012 гг. был проведен НИУ ВШЭ. Установлено, что половина и более населения рассчитывают на дополнительные источники дохода при выходе на пенсию. При этом выявлены значительные различия между ожиданиями работающего населения и практиками текущих пенсионеров: на доходы от системы частного пенсионного накопления рассчитывало 11 % работающего населения, а доля таких респондентов, уже вышедших на пенсию, не превышала 2 % [Кузина, 2013: 138]. С 2009 по 2012 г. доля тех, кто делает добровольные отчисления на пенсию, осталась на прежнем уровне (5 %). Доля тех, кто однозначно не хотел бы делать такие отчисления, выросла с 25 % до 53 %. Основными причинами являются недоверие к НПФ и отсутствие свободных средств.

В 2015 и 2016 гг. были опубликованы результаты исследования уровня доверия населения к НПО и оказываемым услугам, проведенного Российским государственным социальным университетом в 45 регионах по восьми федеральным округам РФ. Общий уровень доверия почти не изменился, уровень недоверия вырос с 59,0 % до 60,6 %. Наибольший уровень доверия наблюдался среди молодежи; меньше всего доверяли системе респонденты в возрасте 50 лет и старше. Также определено, что на отношение населения к НПО решающее влияние оказывает его территориальный статус: большее доверие вызывали федеральные фонды, работающие в различных регионах России. Как предполагается, это связано с представлениями населения об их большей надежности и доходности. Среди ключевых факторов, определяющих выбор НПФ, были названы надежность, известность и доходность фонда, а также благоприятные отзывы друзей и знакомых¹⁰.

Отличительное преимущество данного исследования — результаты, полученные для сферы корпоративного негосударственного пенсионного обеспечения. 52 % руководителей предприятий ответили, что реализация корпоративной пенсионной программы привлекательна для работодателя, и чуть менее половины — что внедрение корпоративной пенсионной программы будет иметь положительное влияние на имидж компании. В качестве основных барьеров внедрения программ, помимо политической и экономической нестабильности в стране и административных ограничений, были названы отсутствие заинтересованности, нежелание и неготовность работодателей и сотрудников, недостаточность финансовых средств, низкий уровень доверия к пенсионным программам и недостаточная информированность. Лишь 19 % работодателей сказали, что работники могут проявить высокий интерес к корпоративным пенсионным программам как части социального пакета.

¹⁰ Починок Н. Б., Малолетко А. Н., Каурова О. В. и др. Перспективы развития негосударственного пенсионного обеспечения (по результатам комплексного общероссийского социологического исследования перспектив развития негосударственного пенсионного обеспечения). М.: Русайнс, 2016. URL: <https://theilib.net/2699491-perspektivy-razvitiya-negosudarstvennogo-pensionnogo-obespechenija.html> (дата обращения: 15.02.2023).

В 2016 г. Фонд общественного мнения провел опрос представителей населения РФ от 18 до 49 лет с целью сравнения накопительных стратегий вкладчиков НПФ и Пенсионного фонда России (ПФР), их планов и отношения к пенсии. Основной причины перечисления пенсии в НПФ была названа более высокая процентная ставка — так ответили 31 % респондентов. Было выявлено различное отношение к НПО участников и неучастников данной системы: количество участников, рассматривающих пенсию как источник дохода, оказалось в два с половиной раза больше, чем неучастников. Различны и намерения опрошенных. Среди источников доходов, которые должны обеспечить достойные выплаты, держатели пенсии в НПФ больше ориентируются на продолжение работы и личные сбережения. Те, кто вкладывает средства в Пенсионный фонд России, в большей степени ориентируются на финансовую помощь со стороны детей и родственников, что отражает их патерналистскую линию поведения при решении пенсионных вопросов.

Низкую степень доверия населения к НПФ выявили результаты исследования, проведенного в 2018—2019 гг. Вологодским научным центром РАН при поддержке РФФИ: 19 % мужчин и 17 % женщин сказали, что доверяют НПФ; среди пенсионеров, участвовавших в опросе, доля респондентов составляет по 9 % и 10 % соответственно¹¹.

В 2019 г. НПФ «Сафмар» провел опрос более полутора тысяч респондентов в возрасте 23—53 года. Около 84 % опрошенных ответили, что сохранение привычного уровня жизни на пенсию, получаемую от государства, считают невозможным. Среди способов накопления 9 % назвали индивидуальные пенсионные накопления в системе НПО, но более половины оказались не готовы к таким накоплениям. В качестве основных причин названо отсутствие финансовой возможности и недоверие, в том числе к государству, пенсионной реформе, НПФ¹².

Исследование 2021 г., проведенное учеными Вятского государственного университета в разрезе «участник НПО — неучастник НПО», выявило, что негосударственным пенсионным фондам как способу вложения средств среди участников пенсионных программ доверяло 14 %, среди неучастников — всего 4 %. Главным фактором, повлиявшим на решение стать участником НПО, стало мнение родственников и коллег — так ответили более 44 % опрошенных. В два раза меньше респондентов привлекла возможность получения более высоких доходов. На часть респондентов оказала влияние беседа с представителем фонда и, в отдельных случаях, установки работодателя. При этом всего 64 % полностью удовлетворены предложенными продуктами. Основная причина неудовлетворенности — недостаток предоставляемой информации.

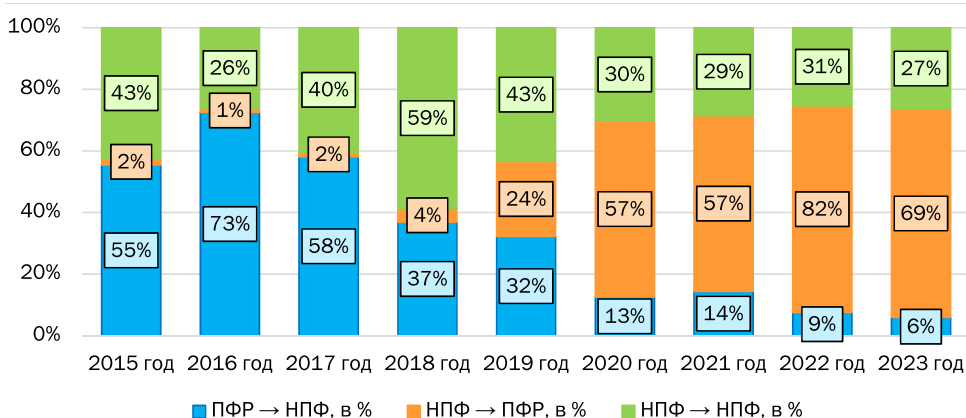
В 2023 г. специалистами финансового маркетплейса «Выберу.ру» было проведено социологическое исследование, охватившее 3 тыс. россиян в возрасте от 18 до 65 лет. Его результаты показали, что в устойчивость НПФ верят 32 % опрошенных; 22 % в целом доверяют, но предпочитают государственное

¹¹ Барсуков В. Н., Белехова Г. В. Культура финансового доверия в контексте старения населения: рекомендации по совершенствованию мер повышения финансовой грамотности старшего поколения. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. С. 8.

¹² Главным стимулом для начала самостоятельных накоплений на пенсию россияне считают софинансирование своих взносов // Достойное будущее. 2020. URL: [https://rostov.mk.ru/social/2020/02/06/rossiyane-nazvai-sofinansirovaniye-vznosov-glavnym-stimulom-dlya-nachala-nakopleniy-na-pensiyu.html](https://rostov.mk.ru/social/2020/02/06/rossiyane-nazvai-sofinansirovaniye-vznosov-glavnym-stimulom-dlya-nachala-samostoyatelnykh-nakopleniy-na-pensiyu.html) (дата обращения: 28.01.2025).

управление пенсионными накоплениями; 31 % утверждают, что ни при каких условиях не доверили бы пенсию никому, кроме государства¹³. Эти исследования показали, что участие в системе НПО по-прежнему воспринимается гражданами как один из наименее надежных способов размещения средств. Несмотря на наличие системы обязательного пенсионного страхования взносов, созданной с целью повышения уверенности населения в стабильности НПО, фонды сталкиваются с недоверием граждан. Опасения россиян вызывают долгие сроки размещения средств, изменчивость пенсионной системы и общей конъюнктуры в стране. Все это находит отражение в переходных кампаниях граждан (см. рис. 3).

Рис. 3. Переходные кампании в период 2015—2023 гг.¹⁴

Если в 2015 г. из Пенсионного фонда России в НПФ перешли более половины граждан, то в 2023 г. эта доля снизилась до 6 %. В то же время показатели перехода из НПФ в Социальный фонд России (ранее ПФР) в 2023 г. достигли 69 %, что отражает не только индифферентное, но во многом неблагоприятное отношение россиян к добровольному формированию своей пенсии.

Таким образом, за период 2005—2023 гг., несмотря на активную поддержку системы НПО со стороны государства, гарантию прав вкладчиков, страхование сбережений, регулярные проверки, а также на предложение фондами новых продуктов, гарантию минимальных доходов, повышение собственной надежности и устойчивости, неблагоприятное отношение значительной части населения к системе негосударственного пенсионного обеспечения сохранилось. Этому способствовали как исторические предпосылки, так и общие последствия пенсионной реформы 2019—2028 гг. Промежуточные итоги реформы, наряду с позитивными результатами в виде снижения уровня безработицы, уменьшения численности

¹³ Около 17 % опрошенных россиян заявили, что не знают о существовании НПФ // ТАСС. 2023. 7 июня. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17947311> (дата обращения: 20.01.2025).

¹⁴ Годовой отчет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации // Социальный фонд России. 2023. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/annual_report/ (дата обращения: 18.01.2025).

пенсионеров, увеличения сбалансированности доходов и расходов пенсионной системы и пр., показали и негативные моменты. Для работников предпенсионного возраста стало невозможным совмещать официальную работу с получением индексированной пенсии, что обусловило сокращение или замедление роста доходов части домохозяйств. В результате значительная часть работников ушла в «серую» зону без заключения трудового договора. Годовой рост реального размера пенсий в 2019—2021 гг. не превышал 4,1%. При целевых показателях среднего размера пенсии к 2030 г. в размере 2,5—3 прожиточных минимумов, за 2019—2021 гг. это соотношение выросло всего с 1,57 до 1,66, то есть на 0,09. Величина среднего коэффициента замещения, составлявшего в 2015 г. 35,2%, в 2021 г. стала равна 29,4%, а в 2024 г. — около 25%¹⁵. При увеличении номинального дохода пенсионеров доля пенсии в этих доходах составляет около 52% и существенно не изменилась. Все это свидетельствует о незначительных улучшениях в материальных условиях жизни пенсионеров и граждан предпенсионного возраста.

Последствия реформы оказали негативное влияние и на молодых людей: более длительное пребывание старшей возрастной группы на рынке труда вызывает дискриминацию молодежи вследствие недостаточного опыта и невысокого уровня компетенций, а также стагнацию продвижения молодежи по карьерной лестнице. В итоге молодежь воспринимает пенсионную реформу как барьер, затрудняющий интеграцию в трудовые отношения, а себя — как объект социального риска [Ермилова, 2022]. Что касается населения в целом, то большинство населения выражает отрицательное отношение к реформе. Как отмечают исследователи, «реформа пенсионного законодательства в России представляет собой уникальный пример накопления общественного недовольства» [Голубин и др., 2021: 61].

Целостную динамику изменения отношения населения к негосударственному пенсионному обеспечению позволяют проследить результаты Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам, организованного в различные периоды времени Минфином и Банком России. За период 2013—2024 гг. с 2,5% до 2,2% снизилась доля респондентов, участвующих в программах корпоративного пенсионного обеспечения и с 1,8% до 1,3% — доля респондентов, получающих дополнительную пенсию от предприятия, на котором работают (или работали). Вместе с тем исследование показало рост интереса к системе НПО в последние годы: с 0,7% до 1,0% выросла доля респондентов, делающих добровольные взносы в негосударственный пенсионный фонд, начала расти доля респондентов, получающих пенсию из НПФ (см. рис. 4). Вероятно, определенную роль сыграли открытость и более лояльные условия накоплений.

Наблюдается повышение лояльности к НПО среди молодых людей: если в 2022 г. намерения накапливать себе на пенсию в НПФ высказывали 44% опрошенных в возрасте от 17 до 35 лет, то в 2023 г. — уже 52%. Количество респондентов, отчисляющих часть зарплаты в НПФ, выросло с 2% до 6% (см. табл. 1).

¹⁵ Социально-экономическое положение России. 2024 год // Росстат. 2024. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf> (дата обращения: 26.04.2025). С. 207.

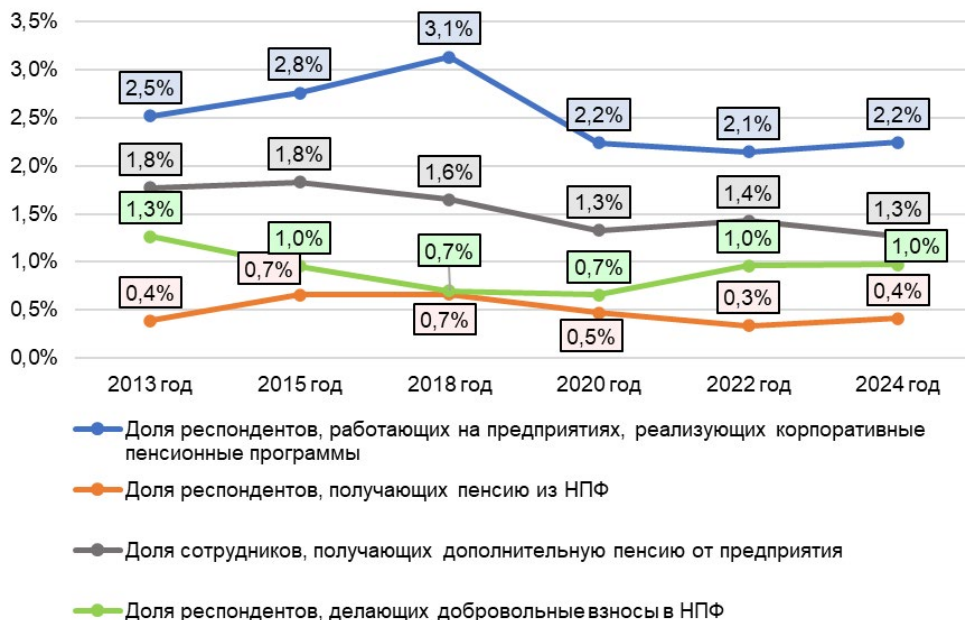
Рис. 4. Динамика участия населения в системе негосударственного пенсионного обеспечения¹⁶

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Если у Вас будет (или уже есть) стабильный и достаточный доход, Вы станете накапливать себе на пенсию в НПФ?»

Ответ	2022 г. (%)	2023 г. (%)	Динамика
Определенно да, стану	13	10	–3 п. п.
Скорее да	31	42	+11 п. п.
Скорее нет	29	30	+1 п. п.
Определенно нет, не стану	25	12	–13 п. п.
Уже отчисляю часть зарплаты в НПФ	2	6	+4 п. п.

Источник: [Марков, 2024: 14].

Рост удовлетворенности россиян деятельностью НПФ отражает снижение количества жалоб потребителей в надзорные органы: по данным Банка России, их количество в 2023 г. сократилось на 22%. Заметно снизилось число жалоб на незаконные переводы пенсионных накоплений из СФР в НПФ или между фондами: если в 2021 г. таких обращений было 1 166, то в 2022 г. — 601, а в 2023 г. — 306. На 28% сократилось число жалоб, связанных с порядком назначения выплат в рамках обязательного пенсионного страхования¹⁷.

¹⁶ Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам // Банк России. 2025. URL: https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-po-potrebitel-skim-finansam/ (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁷ Игнатова О. Россияне стали меньше жаловаться на негосударственные пенсионные фонды // Российская газета. 2024. 21 февраля. URL: <https://rg.ru/2024/02/21/rossiiane-stali-menshe-zhalovatsia-na-negosudarstvennye-pensionnye-fondy.html> (дата обращения: 26.04.2025).

2024 г. называют переломным в плане функционирования системы НПО. Если на 30 июня 2024 г. количество участников составляло 6 709 222 человека, то на 30 сентября 2024 г. их было уже 7 320 784 человек¹⁸. Положительными стимулами послужили запуск добровольной программы долгосрочных сбережений, где оператором является НПФ, и расширение инвестиционных возможностей фондов в виде покупки акций на IPO¹⁹. На конец сентября 2024 г. граждане заключили 1,23 млн договоров долгосрочных сбережений на сумму 31,5 млрд руб., количество единовременных взносов составило 158 тыс. в размере 32,6 млрд руб.²⁰ По состоянию на 31 января 2025 г. количество договоров в Программе составило 3,3 млн, сумма привлеченных средств — 245 млрд руб.²¹ Охотнее россияне стали участвовать и в корпоративных программах: если в 2021 г. количество участников составляло 3,8 млн человек, в 2022 г. — 3,7 млн, то на конец 2023 г. их численность достигла 4,3 млн²². Как показали исследования, в дальнейшем успех реализации программы напрямую определяется такими факторами, как снижение уровня безработицы и темпов инфляции, рост контроля коррупции в стране; также отмечено влияние политической стабильности и уверенности населения в будущем [Непп, 2024].

Основными целевыми аудиториями в системе НПО являются граждане предпенсионного возраста, наиболее часто задумывающиеся о пенсионных накоплениях и стремящиеся нарастить объемы сбережений, и молодые люди, желающие обеспечить финансовую стабильность себе, своей семье и сохранить или увеличить свое финансовое состояние после выхода на пенсию. Значимость этих категорий граждан определяется величиной сегментов: численность людей предпенсионного возраста (мужчины, которым осталось 5 и меньше лет до 65 лет, и женщины, которым осталось 5 и меньше лет до 60 лет) в 2025 г. составила более 7,2 млн человек²³; численность людей в возрастной группе от 18 до 25 лет на 1 января 2024 г. — 11,9 млн человек, от 26 до 35 лет — 18,6 млн²⁴. Кроме того, Д. И. Марков в своей статье отмечает, «...Для государства молодежная аудитория в силу ее возраста является одной из стратегических с точки зрения формирования и инвестирования долгосрочных сбережений в экономику страны»²⁵.

¹⁸ Количество участников в системе негосударственного пенсионного обеспечения // Cbonds. 2025. URL: <https://cbonds.ru/indexes/24343/> (дата обращения: 24.04.2025).

¹⁹ Internal Public Offering — первое публичное размещение акций на фондовой бирже.

²⁰ Переломный год для НПФ: как программа долгосрочных сбережений способствовала позитивным изменениям // Коммерсантъ. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7009284> (дата обращения: 26.04.2025).

²¹ Программа долгосрочных сбережений // Банк России. 2025. URL: https://cbr.ru/RSCI/activity_npf/program/ (дата обращения: 29.04.2025).

²² Деятельность НПФ по НПО. Мониторинг отдельных показателей // Саморегулируемая организация Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов. URL: <https://napf.ru/for-napf/activity/> (дата обращения: 26.04.2025).

²³ Эксперт назвала количество россиян в предпенсионном возрасте в 2025 году // Прайм. 2024. 8 декабря. URL: <https://1prime.ru/20241208/ekspert-853418563.html> (дата обращения: 27.04.2025).

²⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Росстат. 2025. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 29.04.2025).

²⁵ Марков Д. И. Особенности сберегательной культуры российской городской молодежи: отношение к сбережениям и пенсиям // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 1. Ст. 5. С. 1.

Несмотря на «оживление» системы НПО, по итогам 2024 г. для всех возрастных групп такие источники дохода при выходе на пенсию, как пенсионные отчисления из НПФ и дополнительная помощь от предприятия, где работали опрошенные, заметно проигрывают государственной пенсии, собственным заработкам и личным сбережениям (см. табл. 2).

Таблица 2. Источники дохода при выходе на пенсию (2024 г.), в процентах

Источник дохода	Возраст					Все группы
	18—25	26—35	36—45	46—55	56+	
На государственную пенсию	76,6	84,5	85,4	79,0	12,6	53,8
На пенсию из негосударственного пенсионного фонда	2,2	2,9	3,2	3,1	0,4	1,9
На дополнительную помощь от предприятия, где работали/работаете	3,0	1,6	1,2	1,1	0,2	1,0
На собственные заработки	57,3	59,9	58,5	49,4	7,4	36,3
На доходы от сдачи в аренду и продажи имущества	5,3	5,5	4,3	3,4	0,3	2,8
На помощь детей, родственников, знакомых	12,8	13,0	14,0	14,6	2,0	9,0
На доходы от личного подсобного хозяйства	6,8	5,8	9,0	12,1	2,1	6,1
На собственные сбережения	30,0	30,1	26,1	21,0	2,4	16,5
На помощь церкви и благотворительных организаций	0,2	0,5	0,4	0,4	0,1	0,3

Источник: составлено автором по материалам саморегулируемой организации Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов²⁶

Как видно из данных таблицы 2, менее всего надеются на пенсию из НПФ люди старшего возраста (0,4%). Доля молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет и от 26 до 36 лет составляет 2,2% и 2,9% соответственно. Причем с повышением возраста количество выборов этого источника дохода возрастает. Незначительная доля респондентов возраста 56 лет и старше (0,2%) надеются на помощь от предприятий. Доля молодых людей от 18 до 25 лет, надеющихся на дополнительную помощь от работодателя, составляет 3,0% — самый высокий процент по сравнению с остальными группами опрошенных.

Если рассматривать весь период исследования Банка России с 2013 по 2024 г., то выявлено снижение количества молодых людей, надеющихся на пенсию из НПФ,

²⁶ Деятельность НПФ по НПО. Мониторинг отдельных показателей // Саморегулируемая организация Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов. URL: <https://napf.ru/for-napf/activity/> (дата обращения: 26.04.2025).

с 8,4% до 2,2%²⁷. Скорее всего, причинами являются неуверенность молодежи в возможности накопить сумму, позволяющую обеспечить «нормальную жизнь», то есть наличие сомнений в целесообразности «стратегии регулярной копейки», а также развитие прочих финансовых инструментов и способов обеспечения будущей старости, таких как сдача имущества в аренду, инвестиционное страхование жизни, активная трудовая деятельность, участие в бизнес-проектах и пр. [Александрова, Марков, 2020: 53; Аликперова, Марков, 2022: 156; Созинова, Бондаренко, Фокина, 2022: 36]. Доля респондентов предпенсионного возраста, назвавших НПФ источником дохода, выросла с 0,1%²⁸ до 0,4% (см. табл. 2). Как предполагается, на это повлияли усилия государства в части развития НПО, увеличение прозрачности фондов, рост финансовой грамотности населения. Что касается корпоративной пенсии или получения другой помощи от предприятия, этот источник дохода стал чуть более популярным по сравнению с 2013 г.: +0,2 п. п. для молодых людей и +0,1 п. п. для представителей населения старшего возраста.

Следует отметить значительно меньшее количество ответов, полученное от представителей старшего поколения. Люди стремились выбирать неопределенные ответы или отказывались отвечать на поставленные вопросы, что, как отмечают социологи, характерно для людей старшего возраста [Романович, 1996: 43].

Обсуждение

Результаты настоящего исследования выявили сохранявшееся до недавнего времени неблагоприятное отношение населения России к системе негосударственного пенсионного обеспечения, обусловленное как историческими предпосылками, так и нестабильностью и в отдельных случаях недостаточной благонадежностью ее участников. Повышение прозрачности деятельности и ответственности участников системы, усилия со стороны контролирующих и регулирующих государственных органов, рост финансовой грамотности населения послужили стимулами для появления позитивных сдвигов в отношении населения к системе НПО в последние годы. Тем не менее пенсии и отчисления из негосударственных пенсионных фондов и от работодателей до сих пор не стали приоритетными источниками дохода для граждан после выхода на пенсию. Стимулирующим фактором выступает грамотная политика субъектов рынка НПО, направленная на улучшение имиджа и повышение привлекательности продуктов для населения с одновременным решением задачи более полного удовлетворения пенсионных прав граждан.

Работу в области совершенствования деятельности участников системы НПО рекомендуется строить по двум направлениям.

1) Аналитическое направление включает выявление источников роста совокупного портфеля финансовых средств, сравнение с динамикой ВВП, оценку доходности от инвестирования средств, изучение динамики выплат пенсий. Особое внимание следует уделить изменению количества участников фонда, застрахованных лиц и лиц, участвующих в переходных кампаниях, а также выявлению при-

²⁷ Обзор ключевых показателей негосударственных пенсионных фондов // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/rsci/activity_npf/rewiew_npf/ (дата обращения: 26.04.2025).

²⁸ Созинова А. А., Бондаренко В. А., Фокина О. В. Поведенческие характеристики аудиторий негосударственных пенсионных фондов в Российской Федерации // Практический маркетинг. 2022. № 7(304). С. 34—40.

чин усиления/снижения сложившейся динамики переходов. Важнейшим блоком является анализ клиентских данных, активности, особенностей поведения клиентов и влияющих на него факторов, уровня лояльности, оценок клиентами предлагаемых продуктов и уровня сервиса, численности новых и действующих клиентов, выбор целевых клиентских сегментов.

2) Практическое направление включает модификацию и разработку новых продуктов в соответствии с выявленными потребностями клиентов, упрощение продуктов, пересмотр условий заключения договоров, правил взаимодействия с населением, разработку программ лояльности, систематизацию работы с гражданами, внедрение системы оценки текущего состояния качества обслуживания и организацию качественного сервиса, выбор технологии организации «продаж» в зависимости от уровня развития пенсионного рынка и конкурентной позиции фонда, проведение аттестации персонала, повышение квалификации сотрудников, развитие сети филиалов для приближения к клиенту, укрепление сотрудничества с деловыми партнерами — управляющими компаниями и банками — с целью расширения линейки услуг и повышения надежности фонда. Здесь следует выделить коммуникационный блок, характеристики которого определяются целевыми сегментами и основными задачами которого являются удержание существующих и привлечение новых клиентов. В первом случае первоочередная роль отводится обновлению данных, повышению контактности базы клиентов, трансформации личных кабинетов и повышению их удобства и легкости пользования, организации «напоминаний» и уведомлений, обеспечению обратной связи, своевременному рассмотрению жалоб и удовлетворению претензий. Привлечение клиентов — после определения их местонахождения — обеспечивается путем использования различных каналов коммуникаций и их активизации, выбора релевантных методов продвижения, предоставления полной информации и повышения прозрачности фондов. Привлечение может быть организовано через высоко лояльных существующих клиентов, через сотрудников фонда, различного вида публикации, участие в деловых и общественно значимых мероприятиях, через информацию о закрывающихся организациях, а также предложение дополнительных услуг не-пенсионного характера и пр.

В качестве перспектив развития негосударственной пенсионной системы в России следует назвать усиление позиций негосударственных пенсионных фондов, которые могут стать надежными стабильными институтами в экономике России, стимулирование государством развития НПО, в том числе за счет привлечения дополнительных финансовых источников, повышение уровня доверия населения к НПО.

Заключение

Отношение населения как социально значимая категория, включающая одобрение или осуждение гражданами объектов, процессов или явлений, в нашем случае в значительной степени определяет общественное мнение относительно деятельности негосударственной пенсионной системы, во многом затрагивающей их интересы и потребности и, далее, формирует особенности поведения на рынке пенсионных накоплений.

Сохраняющееся до 2022—2023 гг. недоверие граждан к системе негосударственного пенсионного обеспечения, обусловленное нестабильностью политической и экономической ситуации, отсутствием свободных средств, недостатком информации, недобросовестностью отдельных участников рынка, а также историческими предпосылками развития системы, оказало значимое влияние на становление и развитие пенсионного рынка в стране. Несмотря на усилия государства и действия субъектов рынка, вложения в негосударственные пенсионные фонды и участие в корпоративных пенсионных программах не рассматриваются гражданами как приоритетные источники дохода после выхода на пенсию. Вместе с тем последние годы характеризуются положительной динамикой отношения граждан к системе НПО, что следует связать с повышением открытости фондов, ростом финансовой грамотности населения, более лояльными условиями пенсионных вложений, расширением инвестиционных возможностей и запуском в 2024 г. программы долгосрочных сбережений, инициируемой государством.

Вопрос отношения населения к системе НПО — сложный и многогранный, это широкое поле для дальнейшего изучения. Представляется логичным продолжить исследование, включающее выявление мотивов накопления средств и оценку предпочтений и ожиданий граждан относительно различных источников получения пенсионного дохода, что позволит точнее прогнозировать их поведение на рынке пенсионных накоплений. В связи с дифференцированным отношением людей молодого и предпенсионного возраста к вопросу формирования сбережений определенным интерес вызывает влияние специфики различных возрастных сегментов на поведение населения на рынке НПО. Интересным является выявление воздействия последствий пенсионной реформы в России на отношение населения к системе НПО, а результаты исследований сберегательной культуры населения послужат продуктивной базой для разработки прогнозов и формулирования рекомендаций для принятия управленческих решений в сфере негосударственного пенсионного обеспечения.

Список литературы (References)

1. Александрова О. А., Марков Д. И. Обеспеченные или нищие: что думают молодые россияне о будущей старости и как намерены действовать // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 42—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>.
Alexandrova O. A., Markov D. I. (2020) The Well-Off or the Poor: What Young Russians Think about Their Future Old Age and How They Intend to Act. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 42—65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>. (In Russ.)
2. Александрова О. А., Марков Д. И. Материальное обеспечение будущей старости: на что сегодня ориентируется молодежь? // Архитектура финансов: вызовы новой реальности. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции 22—26 марта 2021 г. / под научной редакцией И. А. Максимцева, Е. А. Горбашко, В. Г. Шубаевой. СПб.: СПГЭУ, 2021. С. 432—435.

- Alexandrova O. A., Markov D. I. (2021) Material Support for Future Old Age: What Are the Youth Focusing on Today? In: I. A. Maksimtsev, E. A. Gorbashko, V. G. Shubaeva (eds.) *Architecture of Finance: Challenges of a New Reality. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference on March 22—26, 2021*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University. P. 432—435. (In Russ.)
3. Аликперова Н. В., Марков Д. И. Как обеспечить будущую старость? Установки и стратегии молодежи // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1. С. 154—163.
Alikperova N. V., Markov D. I. (2022) Attitudes and Strategies of Youth for Future Old Age. *Social & Labor Research*. No. 1. P. 154—163. (In Russ.)
4. Андрющенко Г. И. Негосударственное пенсионное страхование: проблемы и перспективы // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 1. С. 181—190. <https://doi.org/10.18334/et.10.1.116943>.
Andryushchenko G. I. (2023) Non-State Pension Insurance: Problems and Prospects. *Russian Journal of Labour Economics*. Vol. 10. No. 1. P. 181—190. <https://doi.org/10.18334/et.10.1.116943>. (In Russ.)
5. Безгачева О. Л., Галочкина О. А. Факторы, влияющие на формирование системы пенсионного накопления и развитие предпринимательства // Вестник российского университета кооперации. 2019. № 38. С. 9—13.
Bezgacheva O. L., Galochkina O. A. (2019) Factors Affecting the Formation of the System Pension Accumulation and Entrepreneurship Development. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. No. 38. P. 9—13. (In Russ.)
6. Вотинцева Т. С., Капранова М. В. Проблема психологического сопровождения лиц предпенсионного и пенсионного возраста в условиях современного рынка труда // Человеческий капитал. 2021. № 4. С. 74—82. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.04.06>.
Votintseva T. S., Kapranova M. V. (2021) The Problem of Psychological Support for People of Pre-Retirement and Retirement Age in the Conditions of the Current Labor Market. *Human Capital*. No. 4. P. 74—82. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.04.06>. (In Russ.)
7. Голубин Р. В., Коротышев А. П., Рыхтик П. П., Беспалова И. В. Пенсионная реформа в восприятии Российского общества: исследование средствами web-аналитики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 4. С. 59—77.
Golubin R. V., Korotyshev A. P., Rykhtik P. P., Bespalova I. V. (2021) Pension Reform in the Perception of Russian Society: A Web Analytics Study. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin. Socio-Economic Sciences*. No. 4. P. 59—77. (In Russ.)
8. Ермилова А. В. (2022) Пенсионная реформа как барьер, затрудняющий интеграцию молодежи в сферу занятости населения // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения: Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и нова-

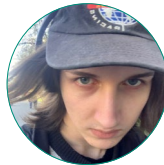

- ции в социальном развитии регионов» (9 декабря 2021 г., г. Санкт-Петербург, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН) / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского. С. 99—104.
- Ernilova A. V. (2022) Pension Reform as a Barrier Hindering the Integration of Youth into Employment. In: Z. Kh. Saralievа (ed.) *Senior Staff as the Human Capital of Modern Society: Conditions, Opportunities, Limitations: Proceedings of the VI All-Russian Sociological Congress “Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions” (December 9, 2021, Saint Petersburg)*. Nizhniy Novgorod: Lobachevsky University. P. 99—104. (In Russ.)
9. Кравченко Е. В. Развитие системы корпоративного пенсионного обеспечения как эффективный инструмент совершенствования пенсионной системы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 4. С. 5—9.
Kravchenko E. V. (2020) Development of the Corporate Pension System as an Effective Tool for Improving the Pension System. *Proceedings of the Sociosfera Research Center Conferences*. No. 4. P. 5—9. (In Russ.)
10. Кузина О. Е. Динамика пенсионных стратегий населения за 2005—2012 гг. // Мир России. 2013. № 4. С. 118—147.
Kuzina O. E. (2013) Dynamics of Pension Strategies of the Population for 2005—2012. *Universe of Russia*. No. 4. P. 118—147. (In Russ.)
11. Лапаева А. В. Пенсионное обеспечение в Российской империи в XIX—начале XX веков // Право: история и современность. № 3. 2020. С. 18—23.
Lapaeva A. V. (2020) The Pension System in the Russian Empire in the 19th—early 20th centuries. *Law: History and Modernity*. No. 3. P. 18—23. (In Russ.)
12. Латыпова Л. В. Особенности трудоустройства граждан предпенсионного возраста // Экономика и предпринимательство. 2022. № 9. С. 933—939.
Latypova L. V. (2022) Features of Employment of Citizens of the Pre-Retirement Age // *Economics and entrepreneurship*. No. 9. P. 933—939. (In Russ.)
13. Марков Д. И. Особенности сберегательной культуры российской городской молодежи: отношение к сбережениям и пенсиям // Социальное пространство. 2024. Т. 10. № 1. Ст. 5. <https://doi.org/10.15838/sa.2024.1.41.5>.
Markov D. I. (2024) Russian Urban Youth’s Savings Culture: Savings and Pension Attitudes. *Social Space*. Vol. 10. No. 1. Art. 5. <https://doi.org/10.15838/sa.2024.1.41.5>. (In Russ.)
14. Непп А. Н. Есть ли перспективы у программы долгосрочных сбережений граждан? Роль политической стабильности, коррупции и уверенности в будущем // Журнал новой экономической ассоциации. 2024. № 4. С. 156—176. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_156-176.
Nepp A. N. (2024) Are There Any Prospects for a Long-Term Savings Program for Citizens? The Role of Political Stability, Corruption and Confidence in the Future. *Journal of the New Economic Association*. No. 4. P. 156—176. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_4_156-176. (In Russ.)

15. Нордлунд Е. И. Информационный аспект статуса лиц предпенсионного возраста // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2025. Т. 9. № 1. С. 33—42. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2025-9-1-33-42>.
Nordlund E. I. (2025) Informational Aspect of the Status of Pre-Retirement Age Individuals. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. Vol. 9. No. 1. P. 33—42. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2025-9-1-33-42>. (In Russ.)
16. Романович Н. А. Отказы респондентов в зависимости от восприятия ими опроса и его методов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 4. С. 42—45.
Romanovich N. A. (1996) Refusals of Respondents Depending on their Perception of the Survey and its Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 42—45. (In Russ.)
17. Созинова А. А., Бондаренко В. А., Фокина О. В. Поведенческие характеристики аудиторий негосударственных пенсионных фондов в Российской Федерации // Практический маркетинг. 2022. № 7. С. 34—40.
Sozinova A. A., Bondarenko V. A., Fokina O. V. (2022) Behavioral Characteristics of Audiences of Non-State Pension Funds in the Russian Federation. *Practical Marketing*. No. 7. P. 34—40. (In Russ.)
18. Тюриков А. Г., Разов П. В., Марков Д. И. Установки российских студентов в отношении индивидуальных пенсионных накоплений // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 62—75. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.6>.
Tyurikov A. G., Razov P. V., Markov D. I. (2021) Readiness of Russian Students to Form Individual Pension Savings. *Population*. Vol. 24. No. 3. P. 62—75. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.6>. (In Russ.)
19. Цыганов А. А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36—42. <https://doi.org/10.31857/S013216250017479-9>.
Tsyganov A. A. (2022) Pension Expectations and Strategies of Russian Residents. *Sociological Studies*. No. 6. P. 36—42. <https://doi.org/10.31857/S013216250017479-9>. (In Russ.)
20. Ditlev-Simonsen C., Wenstop F. (2013) Attitudes towards Ethical Pension Management among Norwegians. *Beta*. Vol. 30. No. 2. P. 100—118. <https://doi.org/10.18261/issn.1504-3134-2016-02-01>.
21. Frolova E., Rogach O., Makushkin S., Ryabova T., Sorokina L. (2021) Pension Security in Russia: Major Problems and Assessments of the Population. *Laplage em Revista (International)*. Vol. 7. No. 3A. P. 143—156.
22. Grujic M., Cobovic M. V. (2024) Analysis of the Attitudes of Bosnia and Herzegovina Residents towards the Pension System and Private Pension Insurance. *Economy and Market Communication Review*. Vol. 24. No. 1. P. 97—115.

23. Gruyters J. (2023) The Internal Market for Supplementary Pensions: A Long and Winding Path. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. Vol. 29. No. 3. P. 375—398. <https://doi.org/10.1177/1023263X221096027>.
24. Hekken A., Hoofs J., Bruggen E. (2022) Pension Participants' Attitudes, Beliefs, and Emotional Responses to the New Dutch Pension System. *De Economist*. Vol. 170. No. 2. P. 173—194. <https://doi.org/10.1007/s10645-022-09396-7>.
25. Karina T. Y., Kusuma H., Ayumardani A. (2020) Exploring Attitudes and Expectations of Indonesian Muslim: A Case of Untapped Market of Islamic Pension Fund. *Humanities & Social Sciences Reviews*. Vol. 8. No. 4. P. 37—45. <https://doi.org/10.18510/hssr.2020.845>.
26. Poprawska E., Kwiecien I., Jedrzychowska A. (2022) The Determinants of Women's Pension Gap and the Knowledge of the Structure of the Polish Pension System in the Light of the Survey Research. *Politica Społeczna*. Vol. 18. No. 1. P. 5—12. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0016.1387>.
27. Savelyeva N. K., Saidakova V. A. (2023) Assessment of Social Security of the Population of Federal Districts. In: Popkova E. G. (ed.) *Sustainable Development Risks and Risk Management. Advances in Science, Technology & Innovation*. Cham: Springer. P. 515—519. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34256-1_90.
28. Suptelo N., Sobol T., Rubtsova E., Fokina O. (2020) Sustainable Regional Social Protection System. *E3S Web of Conferences*. Vol. 164. Art. 11042. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016411042>.
29. Zandi G., Torabi R., Yu O. T., Devan A., Tan T. K. (2021) Factors Affecting the Intention of Generation Y in Malaysia to Invest for Retirement. *Advances in Mathematics: Scientific Journal*. Vol. 10. No. 3. P. 485—1507. <https://doi.org/10.37418/amsj.10.3.36>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3012](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3012)**М. Ю. Гурин, Д. А. Парщиков, Е. М. Долгова****ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНКЛЮЗИВНОГО ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
ДЛЯ ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ:
КЕЙС ПРОЕКТА СОПРОВОЖДАЕМОГО ПРОЖИВАНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Гурин М. Ю., Парщиков Д. А., Долгова Е. М. Практики формирования инклюзивного жизненного пространства для людей с ментальной инвалидностью: кейс проекта сопровождаемого проживания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 25—46. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3012>.

For citation:

Gurin M. Y., Parschikov D. A., Dolgova E. M. (2025) Practices of Forming an Inclusive Living Environment for People with Mental Disabilities: A Case Study of a Supported Living Project. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 25–46. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3012>. (In Russ.)

Получено: 12.05.2025. Принято к публикации: 13.10.2025.

ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ: КЕЙС ПРОЕКТА СОПРОВОЖДАЕМОГО ПРОЖИВАНИЯ

*ГУРИН Максим Юрьевич — аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mgurin@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0008-2175-158X>*

*ПАРЩИКОВ Данила Александрович — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dparschikov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0003-4216-664X>*

*ДОЛГОВА Екатерина Михайловна — аспирант, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: e.dolgova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5104-3110>*

Аннотация. В статье эксплицированы и описаны практики, способствующие формированию инклюзивного жизненного пространства для подростков и молодых взрослых с ментальной инвалидностью. Данные практики направлены на обучение людей с ментальной инвалидностью использованию пространства проживания для реализации своих желаний и потребностей. Их анализ проведен на примере одного из московских проектов

PRACTICES OF FORMING AN INCLUSIVE LIVING ENVIRONMENT FOR PEOPLE WITH MENTAL DISABILITIES: A CASE STUDY OF A SUPPORTED LIVING PROJECT

*Maksim Yu. GURIN¹ — Postgraduate Student and Research Assistant at the International Laboratory for Social Integration Research; Lecturer at the Department of Sociological Research Methods
E-MAIL: mgurin@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0008-2175-158X>*

*Danila A. PARSCHIKOV¹ — Research Assistant at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: dparschikov@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0003-4216-664X>*

*Ekaterina M. DOLGOVA¹ — Postgraduate Student and Research Assistant at the International Laboratory for Social Integration Research; Lecturer at the Department of Sociological Research Methods
E-MAIL: e.dolgova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5104-3110>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article explicates and describes practices that contribute to the formation of an inclusive living space for adolescents and young adults with mental disabilities. These practices are aimed at teaching people with mental disabilities to use the living space to realize their desires and needs. The authors use the example of one of the Moscow projects of educational supported living and base their analysis on the materials of the included

учебного сопровождаемого проживания и опирается на материалы включенных наблюдений и 20 интервью с клиентами и педагогами, собранные в формате кейс-стади. Тематический анализ данных позволил проиллюстрировать способы минимизации влияния среды и конструирования инклюзивного жизненного пространства: 1) через описание физического пространства квартиры и взаимодействия с ним; 2) через описание социальной среды и взаимодействия внутри нее. При этом удалось установить, что практики внутри квартиры проекта сопровождаемого проживания воплощают заложенные в проект ценности самостоятельности, выбора, уважения другого. Показано, что уровень самостоятельности повышается через снижение уровня оказываемой поддержки в каждом конкретном взаимодействии. Обучение самостоятельности людей с ментальной инвалидностью происходит не в смоделированных учебных ситуациях, а в реальных обстоятельствах — через декомпозицию комплексных бытовых навыков на отдельные операции. Предлагаемые к рассмотрению практики нацелены на обучение клиентов существованию вместе с другими, пониманию, что самостоятельность и выбор ограничены имеющимися ресурсами, контекстом и уважением к другому. Развитие умения следовать правилам, которые являются некоторой инструкцией к поведению в обществе в целом, позволяет осваивать навыки с постоянно снижающимся уровнем поддержки.

Ключевые слова: самостоятельность, социальная инклюзия, инклюзивное жизненное пространство, сопровождаемое проживание, люди с ментальной инвалидностью

Благодарность. Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)..

observations and 20 interviews with clients and teachers, collected in the case study format. The thematic analysis of the data allowed to illustrate ways to minimize the impact of the environment and design an inclusive living space: 1) through a description of the physical space of the apartment and interaction with it; 2) through a description of the social environment and interaction within it. At the same time, the authors were able to establish that practices within the supported living project apartment embody the project's values of independence, choice, and respect for others. Data analysis revealed that that an increase in the level of independence occurs through a decrease in the level of support provided in each specific interaction. Learning independence of people with mental disabilities takes place not in simulated learning situations, but in real circumstances — through the decomposition of complex everyday skills into smaller elements. The practices proposed for consideration are aimed at teaching clients to exist with others, to understand that independence and choice are limited by available resources, context and respect for the other. Developing the ability to follow the rules, which in turn are some kind of instruction for behavior in society, allows one to master skills with a steadily decreasing level of support.

Keywords: independency, social inclusion, inclusive living environment, supported living, people with mental disabilities

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Введение

Люди с инвалидностью по всему миру сталкиваются с проблемами с доступом к подходящим для них жилищным условиям [Cho et al., 2016; Lindsay et al., 2024; Plouin et al., 2021]. Зачастую они имеют специальные, отличные от других требования к месту проживания [Beer et al., 2011] и желают жить самостоятельно [Lindsay et al., 2024]. Проблемы с наличием подходящего жилья — элемент маргинализации и социальной эксклюзии людей с инвалидностью [Carnemolla, Bridge, 2014]. В России ратифицирована Конвенция о правах людей с инвалидностью¹, в 19-й статье которой закреплено их право жить самостоятельно и быть вовлеченными в локальное сообщество². На достижение этой цели направлены проекты сопровождаемого проживания [Esteban et al., 2021]. О том, что задача по реализации такого права в России в отношении людей с ментальной инвалидностью остается нерешенной, указывают как научные исследования [Синявская и др., 2022], так и опросы общественного мнения³. При этом проекты сопровождаемого проживания реализуются во многих регионах в различных форматах [Кожушко, Владимирова, 2021]. В последние годы активно развивается законодательство, касающееся сопровождаемого проживания. В качестве ключевых нововведений отметим изменения в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 2023 и 2025 гг., закрепляющие определение технологии сопровождаемого проживания⁴ и нацеленность на разработку и внедрение общих подходов к комплексной реабилитации и абилитации людей с инвалидностью, реализации сопровождаемого проживания⁵.

Вовлечение людей в локальное сообщество является одной из задач программ сопровождаемого проживания для достижения социальной инклюзии [Esteban et al., 2021]. Вовлеченность в локальное сообщество, использование пространства района для реализации собственных потребностей и интересов — значимый аспект нормализации жизни [Carnemolla et al., 2021; Koller, Pouesard, Rummens, 2018], важность чего отмечают и сами люди с ментальной инвалидностью [Bigby, Bould, Beadle-Brown, 2017]. Вместе с тем развитие навыков проживания в сообществе и адаптации к нему — часть освоения навыков самостоятельной жизни людей с ментальной инвалидностью [Dimitriadou, 2020]. При общении с соседями по дому, жителями района или работниками общественных мест люди с ментальной инвалидностью ощущают себя в большем комфорте и безопасности, если взаимодействуют с уже знакомыми им людьми, которые относятся к ним добро-

¹ Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // ГАРАНТ. URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/70170066/paragraph/1:0> (дата обращения: 15.07.2024).

² Конвенция о правах инвалидов, 2006 // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 15.07.2024).

³ Что мы знаем об аутизме? // ВЦИОМ. 2021. 2 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/chto-my-znaem-ob-autizme> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Статья 9.1 Сопровождаемое проживание инвалидов. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/01f353d94372090d67fed81dc8ec0a43f8c0d640/ (дата обращения: 19.08.2025).

⁵ Статья 4. Полномочия федеральных органов государственной власти в области социальной защиты инвалидов. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/73869d07ef8188fcef25791f332b1698aa4bd2eb/ (дата обращения: 19.08.2025).

желательно [Carnemolla et al., 2021]. Их общение может происходить как при случайных встречах, так и в рамках целенаправленного посещения «третьих мест», таких как фитнес, боулинг, кафе, бар или церковь [Bigby, Bould, Beadle-Brown, 2017; Carnemolla et al., 2021]. Инклюзивность пространства района выражается, с одной стороны, в возможности установления доброжелательных социальных контактов, а с другой — в адаптации физической среды к потребностям людей с ментальной инвалидностью [Carnemolla et al., 2021].

К людям с ментальной инвалидностью относят тех, кто имеет интеллектуальные или множественные нарушения, затрудняющие интеллектуальное функционирование и адаптивное поведение [Esteban et al., 2021]. Ментальная инвалидность может вызывать сложности при коммуникации с другими людьми и сопровождаться двигательными особенностями. К этой группе могут относить и тех, у кого есть сложности в поведении, обуславливающие необходимость в повседневном сопровождении. Особенности функционирования индивида и само наличие инвалидности не сводятся к индивидуальным характеристикам человека, а проявляются во взаимодействии как с физической, так и с социальной средой, окружающей его [Esteban et al., 2021; Layton, Steel, 2015].

Гетерогенность группы людей с ментальной инвалидностью выражается в том числе в возможной степени самостоятельности жизни: одним для самостоятельно-го проживания нужно больше поддержки, другим — меньше [Esteban et al., 2021]. При этом самостоятельность в данном контексте нельзя приравнивать к автономности. Самостоятельное проживание людей с ментальной инвалидностью можно определить как жизненный сценарий, который они выбрали самостоятельно, с необходимым для каждого объемом поддержки со стороны других людей [Esteban et al., 2021; Fisher et al., 2019]. Такой формат проживания зачастую называется сопровождаемым проживанием [Dimitriadou, 2020; Richter, Hoffmann, 2017]. Сопровождаемое проживание — стационарозамещающая технология, то есть альтернатива пребыванию людей в интернатах, нацеленная на нормализацию жизни людей с ментальной инвалидностью [Esteban et al., 2021; Richter, Hoffmann, 2017; Кожушко, Владимирова, 2021]. Сопровождаемое проживание бывает учебным (ограниченным по времени) или постоянным [Krotofil, McPherson, Killaspy, 2018; Кожушко, Владимирова, 2021]. При любом формате реализации важно, чтобы со временем снижался уровень требуемой поддержки для выполнения повседневных задач [Krotofil, McPherson, Killaspy, 2018]. При этом в любом случае могут остаться действия, для выполнения которых человеку с ментальной инвалидностью будет требоваться помощь на протяжении всей жизни [Esteban et al., 2021]. В качестве ключевых характеристик программ сопровождаемого проживания авторы систематического обзора их исследований выделяют индивидоцентричный подход, акцент на продвижение внутри программы, ограничение среды, интеграция жилищных услуг и услуг по поддержке ментального здоровья [Krotofil, McPherson, Killaspy, 2018]. Отметим, что форматы реализации технологии сопровождаемого проживания сильно различаются, и ни в России, ни в мире нет общепринятого консенсуса в отношении идеально-типической модели.

Реализацию проектов учебного или постоянного сопровождаемого проживания можно воспринимать как практики по конструированию инклюзивного жиз-

ненного пространства, которое с точки зрения физических и социальных характеристик является пространством проживания, позволяющим людям с ментальной инвалидностью реализовывать свои желания и потребности, быть вовлеченными в общество. Термин «инклюзивное жизненное пространство» предлагается нами на основе анализа ряда работ, строящихся вокруг концептов инклюзивной среды, инклюзивного проживания, инклюзивного дизайна, дизайна для всех, инклюзивного города [Lindsay et al., 2024; Fang et al., 2023; Liang et al., 2022; Литвинцев, Можейкина, Дегтярева, 2021]⁶. Основываясь на идеях других исследователей, под социальными характеристиками мы понимаем социальную инклюзию, ощущение чувства дома, социальное участие, необходимый уровень поддержки [Lindsay et al., 2024]. При таком подходе в данной статье используется рамка социальной модели инвалидности, при которой инвалидность рассматривается в значительной степени как результат социального взаимодействия, то есть конструируется социальным окружением [Esteban et al., 2021; Lawson, Beckett, 2021].

Цель статьи в том, чтобы на примере одного из проектов учебного сопровождаемого проживания эксплицировать практики, способствующие формированию инклюзивного жизненного пространства для людей с ментальной инвалидностью.

В понимании практик мы следуем за Людвигом Витгенштейном, а точнее за его интерпретацией Вадимом Волковым и Олегом Хархординим. Практика — это то, что можно видеть, то есть вся совокупность производимых действий [Волков, Хархордин, 2008: 63]. Практика — это близкие, открытые взору, знакомые аспекты человеческого поведения [там же: 64]. Мы реализуем так называемый синхронный анализ практик, фокусируясь на процессах «практического воспроизводства и структурирования форм жизни» в обыденном повседневном времени [там же: 25]. Помимо тезисов, изложенных в предыдущих абзацах, фокус на повседневности проекта учебного сопровождаемого проживания обуславливается тем, что «то, чего мы [до поры] не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным» [Витгенштейн, 1994, цит. по: Волков, Хархордин, 2008: 17].

Методология исследования

Материалы для статьи были собраны в формате кейс-стади на примере одного из московских проектов учебного сопровождаемого проживания. Интервью и наблюдения, послужившие эмпирическим материалом, проводились с мая по июль 2024 г. Согласно методологической литературе, коммуникация с людьми с ментальной инвалидностью может быть затруднена и требовать дополнительной подготовки исследователя, которая заключается в адаптации инструментария к коммуникативным особенностям информантов и налаживании доверительного контакта. Такой подготовкой может служить предварительное общение с информантами из числа людей с ментальной инвалидностью и со значимыми взрослыми, которые их окружают [Courchesne et al., 2022; Hollomotz, 2018]. Возможности интервьюирования нейроразличных людей в различной степени ограничены,

⁶ Подробнее формулирование концепта раскрывается в статье одного из авторов данной работы. См.: Гурин М. Ю. Инклюзивное жизненное пространство для людей с ментальной инвалидностью: обзор литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2025. Т. 18. № 1. С. 109—127.

но, как показывают и предыдущие исследования [Dimitriadou, 2020; Fisher et al., 2019], и наш опыт, проводить интервью и наблюдения как возможно, так и необходимо. Следуя упомянутым методологическим рекомендациям, на предполевом этапе мы провели ряд неформальных встреч с участниками проекта вне учебной квартиры. Первое знакомство происходило в рамках нескольких посещений некоммерческой организации, курирующей проект. Во время визитов нам удалось принять участие в индивидуальных занятиях клиентов проекта с профильными специалистами (психологами, дефектологами), а также групповых занятиях по кулинарии и настольным играм. Так как проект развивается и расширяется, не все клиенты и педагоги вовлечены в занятия упомянутой некоммерческой организации, с некоторыми из них мы впервые познакомились уже при посещении учебной квартиры.

На момент проведения полевого этапа исследования учебное сопровождаемое проживание реализовывалось менее полугодом в специально подготовленной квартире на первом этаже нового многоквартирного дома. Сам проект к периоду сбора данных существовал почти год, но первые месяцы реализовывался в другом месте. В настоящей статье участники проекта учебного сопровождаемого проживания называются «клиентами». Здесь мы, с одной стороны, следуем за языком информантов, с другой — используем терминологию исследователей [Richter, Hoffmann, 2017]. Клиентами являются подростки и взрослые в возрасте от 14 до 24 лет. Они проживают в квартире посменно — 3 дня в неделю подростковая группа, 3 дня в неделю — взрослая группа. Всего было собрано 20 интервью, включая 9 интервью с сопровождающими и 11 интервью с участниками (см. табл. 1 Приложения). Значительная часть интервью была собрана при посещении учебной квартиры⁷.

Полевой этап исследования совпал с периодом постепенного масштабирования проекта, во время которого к нему присоединялись новые клиенты и сопровождающие. При этом организаторы программы продвигают формат гостевого посещения для различных участников. Клиенты, семьи которых планируют в дальнейшем начать полноценное участие в проекте, начинают с посещения квартиры в течение нескольких часов, постепенно увеличивая время пребывания до полного дня, а затем начинают оставаться на ночь — таким образом организаторы программы обеспечивают постепенную интеграцию новых клиентов в повседневность квартиры и облегчают адаптационный период для участников. Схожим образом выглядит появление в проекте новых сопровождающих: сначала они приходят на несколько часов в день, знакомятся с клиентами и педагогами, постепенно увеличивая время пребывания, после чего берут на себя функции полноценного сопровождения наравне с другими участниками коллектива. Таким образом, появление в квартире новых людей не нарушает повседневный порядок, а является одной из привычных для участников проекта форм взаимодействия, в рамках которой они «приглашают» новых людей к равному участию в своих повседневных занятиях.

⁷ Интервью с клиентами были согласованы с родителями через сопровождающих. Кроме того, клиенты, принявшие участие в исследовании, давали согласие непосредственно перед интервью.

Авторы статьи приняли на себя роль гостей квартиры, обозначив знакомство и проведение интервью с клиентами в качестве основной цели посещения. При этом мы подстраивались под распорядок дня сопровождающих и клиентов, стараясь не отвлекать их от повседневных совместных занятий и проводя интервью в «свободное время». В результате нам удалось провести включенное наблюдение в различных контекстах — при походе в магазин, в ситуациях совместной готовки, во время дальней прогулки и проведения пикника в ближайшем лесопарке. Суммарно мы приезжали в квартиру четыре раза, в каждом из выездов принимали участие как минимум двое исследователей для обеспечения триангуляции результатов наблюдения. После каждого визита мы осуществляли индивидуальную исследовательскую рефлексивную практику, заключающуюся в насыщенном описании особенностей взаимодействия участников проекта друг с другом и материальной средой, которые удалось увидеть в процессе наблюдения. С середины июня по середину августа проект приостанавливает свою работу и уходит на «каникулы». В это время НКО, ответственная за реализацию проекта, организует семейный кемпинг, куда приезжают по большей части семьи с детьми с ментальной инвалидностью. Авторы статьи побывали на одном из таких мероприятий, прожив бок о бок с участниками проекта в течение пяти дней и выполняя функции сопровождения в тех случаях, когда педагогам проекта требовалась помощь.

При обработке данных использовался тематический анализ, комбинирующий дедуктивную и индуктивную стратегии работы с данными [Вруман, 2016]. На этапе планирования исследования в гайд было включено несколько обширных тем, раскрывающих логику формирования инклюзивного жизненного пространства внутри учебной квартиры и за ее пределами: «Профессия», «Программа», «Отношения с соседями» и «Пространство района». В рамках темы «Профессия» планировалось репрезентировать опыт участия в проекте с перспективы педагогов и сопровождающих. В частности, их профессиональную траекторию до начала сотрудничества с НКО, организующей программу; историю попадания в проект; субъективное отношение и декларируемую мотивацию к работе и профессиональные задачи. Тема «Программа» включала в себя вопросы о повседневности участников проекта внутри учебной квартиры: практиках взаимодействия клиентов с сопровождающими и между собой; обеспечении безопасности клиентов в рамках проекта; гласных и негласных правилах для сопровождающих и клиентов; индивидуальных стратегиях формирования и развития навыков участников проекта. Вопросы из темы «Отношения с соседями» были направлены на интерпретацию информантами понятия соседства в контексте современного города и обсуждение конкретных практик интеграции людей с ментальной инвалидностью в локальное сообщество. В рамках темы «Пространство района» раскрывался опыт освоения участниками проекта ранее незнакомого городского пространства.

После сбора данных наш анализ заключался в чтении и открытом кодировании материалов интервью, поиске паттернов в данных и создании целостного нарратива по рассматриваемым темам. При анализе собранных данных мы реинтерпретировали дедуктивно заданные темы и свели полученные нарративы к трехчастной структуре: 1) выстраивание физической среды (включающее материальную

среду учебной квартиры и городского пространства); 2) выстраивание социальной среды (включающее практики взаимодействия в рамках коллектива участников проекта, соседского сообщества и коммуникацию с жителями района); 4) обучение людей с ментальной инвалидностью взаимодействию с физической и социальной средой (включающее опыт освоения социально-бытовых, коммуникативных навыков и интернализации правил и практик, необходимых для обеспечения самостоятельного непроблематичного взаимодействия с физическим и социальным окружением).

Каждая из описанных индуктивных тем является одним из аспектов формирования инклюзивного жизненного пространства для людей с ментальной инвалидностью усилиями организаторов проекта. В рамках статьи мы фокусируемся на повседневности клиентов и сопровождающих в учебной квартире, временно вынося за скобки более широкий контекст освоения городского пространства и интеграции в локальное сообщество. Иными словами, мы обращаем внимание на те элементы жизненного пространства, которые формируются самими информантами и в которых выражаются их ценности, а также субъективные представления об инклюзивности и нормализации жизни людей с ментальной инвалидностью на этапе взросления.

Инклюзивность пространства сопровождаемого проживания: физическая среда, выбор и правила

Согласно социальной модели инвалидности, инвалидность в значительной степени конструируется средой [Esteban et al., 2021]. Через описание практик внутри квартиры мы показываем, как можно стремиться к минимизации влияния среды и конструированию инклюзивного жизненного пространства: 1) через выстраивание физической среды; 2) через выстраивание социальной среды; 3) через обучение людей с ментальной инвалидностью взаимодействию с физической и социальной средой. Процессы формирования среды и обучения взаимодействию с ней зачастую происходят одновременно в рамках проекта и с трудом поддаются разграничению. В связи с этим раздел с результатами имеет следующую структуру: 1) описание физического пространства квартиры и взаимодействия с ним; 2) описание социальной среды и взаимодействия внутри нее. Мы показываем, что практики формирования инклюзивного физического и социального пространства проекта воплощают некоторые ценности, которые лежат в основе проектов и в той или иной степени эксплицируются педагогами во время интервью или же поддаются реконструкции из материалов включенных наблюдений. В понимании ценностей или ценностных установок мы следуем за исследовательницей Натали Эник, которая предлагает единое понимание ценностей, применимое для разных социальных дисциплин. Эник рассматривает тройственность ценности (value) через возможности, которые объект предоставляет для оценивания (valuation), через коллективные представления акторов и через возможности, предоставляемые контекстами, в которых эти представления активируются в отношении объекта [Heinich, 2020: 16]. Поддающиеся эмпирическому изучению ценности можно понимать как принципы, связывающие представления о ценностях как стоимости или качестве объекта и как о товаре [ibid.: 13—14]. Далее будет по-

казано, что выстраивание социальной среды и обучение взаимодействию с ней основываются на практическом воплощении ценностей самостоятельности, выбора, уважения другого.

Физическое пространство

Квартира проекта учебного сопровождаемого проживания находится на первом этаже нового дома, в специально подготовленном помещении — с большим количеством комнат с индивидуальными санузлами, а в некоторых случаях и кухнями. Вход в помещение осуществляется через отдельную дверь со стороны внутреннего двора. Рядом находится дверь сквозного подъезда, которой пользуются остальные жильцы. Заходя в квартиру, мы проходим через два общих помещения. Одно из них используется для хранения обуви, а в следующем расположены вешалки для хранения верхней одежды. Далее помещение разветвляется. Слева по коридору находится общий туалет с раковинами, личные комнаты клиентов. В конце коридора — помещение, в котором сопровождающие проекта могут отдохнуть в течение дня. Справа по коридору расположены оставшиеся личные комнаты и одна из двух общих кухонь. Посередине коридора, напротив входа в квартиру, находится общая гостиная, совмещенная с кухней, — пространство для совместного времяпровождения.

Внутри квартиры соблюдается баланс между приватным пространством клиентов и общим пространством. Каждому клиенту предоставляется личная комната, однако в некоторых случаях клиенты могут проживать вдвоем.

Сами комнаты могут различаться по бытовому оснащению — некоторые из них оборудованы собственной зоной для приготовления и хранения продуктов; другие отличаются наличием ванны вместо душевой кабины для более комфортного проживания клиентов с двигательными нарушениями. На момент сбора данных в «студиях» с кухней проживали клиенты, обладающие достаточным уровнем самостоятельности для того, чтобы готовить без посторонней помощи. Опираясь на полученный опыт, со временем педагоги проекта пересмотрели собственный подход к формированию инклюзивного жизненного пространства с точки зрения выстраивания материальной среды. Один из информантов описывает это как смещение внимания с актуальных возможностей отдельных клиентов (тех, кто может самостоятельно пользоваться личной кухней) на особые потребности других (тех, кто по определенным причинам не может пользоваться общей).

Ну, наверное, кто более обособленный и кто может сам готовить. Да, их в студии направляли. Мы сейчас, правда, думаем, что более трудные клиенты... им бы тоже хорошо студию иметь. <...> Потому что, ну, иначе они вообще на кухне... им тяжело находиться на общей. А там они хотя бы могут готовить иногда. (ИЗ, сопровождающий)

Так мы видим, что ценность выбора закладывалась в пространство квартиры на этапе проектирования. Физическая среда предусматривает различные сценарии проявления самостоятельности клиента в том или ином вопросе, при этом задачей становится не «научиться готовить в тех условиях, в которых это делают остальные», а «научиться готовить в тех условиях, в которых ты сможешь это делать».

Помимо личных комнат клиентов, в квартире существует выделенное пространство для совместного времяпровождения — оно представляет собой гостиную, совмещенную с кухонной зоной. Гостиная является центром притяжения для клиентов. Как правило, большую часть времени все проводят именно здесь, а не в личных комнатах — готовят, общаются, смотрят телевизор или играют.

Ну то есть нет такого, знаешь, чтобы все разошлись по комнатам, все равно все тусят в гостиной, просто потому что здорово вместе тусить. Это очень взрывоопасно, но это круто. (И15, сопровождающая)

«Взрывоопасность» описанных условий проистекает из особенностей клиентов и их повышенной утомляемости при нахождении в одном пространстве с большим количеством людей, тем не менее именно это пространство создает возможности для формирования и развития коммуникативных навыков, соответствующих ценности «уважение другого».

Общее пространство дополнительно маркируется при помощи карточек альтернативной дополненной коммуникации (АДК):

Также есть такая маркировка среды, то есть это либо надписи, либо картинки, где что находится. Кухня достаточно большая, шкафов очень много, и когда тебе в процессе, например, готовки, нужно что-то найти, просто открывать все шкафы сложно. (И11, сопровождающая)

По словам информантов, в течение двух месяцев большинство клиентов уже освоились в пространстве квартиры и свободно в нем ориентируются. В иных случаях подопечные всегда могут обратиться к сопровождающим и уточнить, где может находиться какой-либо предмет. Для того чтобы сделать процесс нахождения в квартире более понятным и предсказуемым для клиентов, на стене расположена магнитная доска с интерактивным расписанием. На нее вывешиваются фотографии и имена клиентов и сопровождающих, которые находятся в квартире утром, днем или вечером в каждый из дней смены, а также выстраивается расписание совместных занятий в течение предстоящего дня — сами занятия иллюстрируются пиктограммами. Распределение задач в рамках отдельных занятий (к примеру, распределение ответственных за разные блюда при приготовлении ужина) дополнительно фиксируется на переносных досках в письменном виде. Аналогичным образом подкрепляются и ситуации коллективного выбора — на доске записываются имеющиеся альтернативы и затем подсчитывается количество голосов за каждый из предложенных вариантов.

Наличие средств альтернативной дополнительной коммуникации способствует инклюзивности пространства проекта. Такую практику можно рассматривать как воплощение всех трех обозначенных ценностей: 1) самостоятельность — наличие карточек и других проявлений АДК позволяет большему числу людей без помощи или с меньшей помощью ориентироваться в пространстве проекта; 2) выбор — между различными способами и формами коммуникации; 3) уважение другого — предоставление разных вариантов для взаимодействия с пространством отражает признание различий между людьми в наиболее удобном способе восприятия информации.

Умение делать выбор

Цель проекта — научить клиентов самостоятельности. А это проявляется через то, что педагоги не делают ничего за клиентов. Такой подход требует от педагогов определенного настроения. Информантка так рассказывает о своем первом рабочем дне:

В первый мой день мне так вот старший педагог мягко очень сказала: «Обрати внимание, все-таки это люди взрослые, нужно здесь вот чуть-чуть по-другому себя вести». Она заметила это, она увидела, что я не вписываюсь опять же в цели программы научить людей самостоятельности: «Вот я сейчас все сделаю за тебя». Нет, так нельзя. Ты должна дать сначала человеку попробовать сделать самому, потом подсказать, как это сделать лучше. (И14, сопровождающая)

Об этом говорят и сами клиенты:

Да, мы готовим там, я хожу в магазин, покупаю продукты. Мне хочется научиться полностью самому все делать. Вот, если бы поселиться в квартире, то пошел в магазин, купил, привез домой, приготовил. Полностью самостоятельно. Ну, мы этого хотим. (И12, клиент)

Таким образом, самостоятельность безусловно является одной из ценностей проекта, тогда как сам вопрос самостоятельности — это в значительной степени вопрос уровня поддержки. Клиенты проекта обладают различным уровнем самостоятельности. Из интервью с организаторами и педагогами, разговоров с самими клиентами и посещения учебной квартиры мы увидели, что клиенты делятся на несколько категорий по необходимому объему сопровождения: 1) те, кому нужно минимальное сопровождение на уровне подсказок; 2) те, кому требуется сопровождение в разное время дня (к примеру, минимальное сопровождение днем, но довольно плотное сопровождение ночью); (3) те, кто нуждается в плотном сопровождении, но с может справиться один педагог; (4) те, кому довольно сложно справиться с собой и с новыми обстоятельствами и требуется сопровождение в формате двух сопровождающих на одного клиента. Граница между разными категориями довольно условна и, что важно, не является устойчивой, а отношение того или иного клиента к определенной категории в значительной степени происходит заново при каждом взаимодействии. Из интервью и наблюдений мы видим, что уровень поддержки — это вопрос выбора, и выбор делает в том числе сам клиент.

Если человек это уже умеет делать, мы ему не напоминаем. Если человек требует напоминать, мы ему напоминаем и спрашиваем его при этом: «Тебе напомнить об этом завтра или ты это сам вспомнишь?» Это обязательный момент. Если он не может сделать вообще никак сам, мы делаем с ним, обучая его делать это самостоятельно. То есть следующий этап — это всегда будет не «вместе с тобой», а «ты делаешь сам, но с напоминанием». (И14, сопровождающая)

Приведенная цитата показывает практику предоставления выбора в уровне поддержки, которая эксплицирует ценности самостоятельности и выбора и способствует конструированию инклюзивного жизненного пространства в повседневных ситуациях с опорой на предыдущий опыт взаимодействия с клиентом и оценку его актуальных возможностей. Такая практика соответствует логике постепенного снижения уровня поддержки по мере того, как это становится возможным.

Следующая практика, раскрывающая сфокусированность на выборе как основе приобретения самостоятельности и агентности людьми с ментальной инвалидностью, заключается в разбиении на компоненты различных навыков для освоения в рамках проекта. Для того чтобы участники проекта могли овладеть комплексными бытовыми навыками, задача декомпозируется на более мелкие элементы. Рассмотрим этот подход на примере приема ужина. Чтобы поужинать, клиент должен совершить последовательный ряд действий: выбрать блюда; составить список требуемых продуктов; соотнести продукты из списка с продуктами в холодильнике; выбрать между покупкой недостающих продуктов в магазине и приготовлением другого блюда из имеющихся продуктов; выбрать магазин; преодолеть путь до магазина; в магазине — выбрать продукты с учетом их цены и качества, соотнести стоимость товаров с имеющимся бюджетом, пообщаться с кассиром (в некоторых случаях — с работниками торгового зала или другими покупателями), оплатить покупки; пройти обратный путь от магазина до дома; приготовить ужин; принять пищу; убрать за собой.

Из такой декомпозиции ужина мы видим, что приобретение самостоятельности реализуется через набор последовательных действий и совершение последовательных выборов. Сопровождающие находятся рядом на протяжении всего процесса, оказывают поддержку, но не делают что-либо за клиента.

Наша [сопровождающих] задача, как они [клиенты] делают это сами, а мы стоим, помогаем. Если они что-то не знают, как делать, мы им показываем и говорим, вот это делается так. Все. Делай сам. Мы наблюдаем, помогаем и подбадриваем: молодец, правильно сделал. Менторство, наверное, и происходит. (И14, сопровождающая)

Для того чтобы клиенты учились делать самостоятельный выбор, важно выстраивать такой формат взаимодействия, который обеспечит альтернативные варианты развития событий в каждой конкретной ситуации. На примере приемов пищи этот тезис можно проиллюстрировать наличием кулинарных книг:

Ребята берут книгу: «Хочу это!» Читают, если это доступно, или там в какой-то альтернативной коммуникации показывают, что они хотят. Там есть продукты, записываем, фотографируем, сразу распределяем, кто что готовит, и по этому списку мы идем в магазин. Ты хочешь, там, наггетсы готовить, значит ты покупаешь курицу и ее же готовишь. (И14, сопровождающая)

Одним из альтернативных вариантов, указывающим на инклюзивность пространства проекта, является возможность клиента не присоединяться к большинству. Снова обратимся к еде: если клиент не хочет есть блюдо, выбранное остальными

ми, он может выбрать и приготовить что-то другое. Более того, в некоторых комнатах есть плита и другая инфраструктура, позволяющая готовить в своей комнате, а не на общей кухне. То есть создается среда, позволяющая сделать выбор. В рамках квартиры социальная и физическая среды работают в связке — возможность делать выбор в сторону неприсоединения к большинству (социальные условия) подкрепляется материальными условиями, позволяющими этот выбор реализовать.

В статьях, посвященных различным проектам сопровождаемого проживания, гибкость расписания рассматривается в качестве одного из важных критериев оценки инклюзивности: чем больше правил, касающихся распорядка дня, тем менее инклюзивным можно считать такой проект, тем меньше нормализуется жизнь людей с ментальной инвалидностью и сложнее развивается самостоятельность [Krotofil, McPherson, Killaspy, 2018]. В изучаемом нами проекте есть общие представления о распорядке дня, при этом каждый клиент обладает свободой в его реализации с учетом собственных желаний и потребностей.

Они [клиенты] встают все по-разному очень. Кто-то встает в семь, кто-то встает в восемь, кто-то в десять встает. Они сами выходят из своих комнат. Как правило, кто-то из сопровождающих встает рано. Но не потому, что это какая-то обязанность, просто такой режим сна. <...> Но даже если взрослого [сопровождающего] нет, в принципе, они [клиенты] находят, чем заняться самостоятельно. (И20, сопровождающая)

Время подъема — это частный пример индивидоцентричного подхода к распоряжению временем в рамках участия в проекте учебного сопровождаемого проживания. Как мы упоминали во введении, индивидоцентричный подход — одна из четырех характеристик проектов сопровождаемого проживания, выделяемых в качестве значимых для клиентов таких проектов самими людьми с ментальной инвалидностью [Krotofil, McPherson, Killaspy, 2018]. Такой подход подразумевает балансирование между выбором и контролем, возможность клиентов принимать решения о повседневных активностях, быть вовлеченными в планирование устройств сервиса, принимать участие в формировании целей пребывания в проекте [ibid.]. В изучаемом нами проекте все участники разделены на две группы, каждая из которых проводит три дня на учебной квартире, а остальное время — дома. Группы сменяют друг друга. При этом каждый клиент может решать (сам или вместе с родителями), сколько дней из трех возможных проведет в квартире проекта на конкретной неделе. Время приезда и отъезда из квартиры в каждый конкретный день зависит от личного расписания клиента — занятий в школе, секции, кружке, колледже, университете или рабочего графика в случае старших участников. Кроме того, чаще всего клиенты проживают в комнатах по одному, но и этот вопрос остается пространством выбора.

Есть комнаты, у каждого клиента своя комната. Бывает иногда, что вдвоем. Но это вот по желанию, опять же. Две подружки, так скажем. (И14, сопровождающая)

Можно сказать, что инклюзивное пространство — это в том числе пространство выбора, однако выбор не означает вседозволенность. У пространства выбора есть ограничения и границы. Во-первых, при совершении выбора должны

учитываться имеющиеся ресурсы. На примере «ужина» это проявляется при соотношении желаний с продуктами в холодильнике и/или с возможностями бюджета. Даже если клиент захочет приготовить краба, он сделает выбор, но этот выбор не будет учитывать контекст, задача педагогов проекта — научить делать выбор из возможных альтернатив. При этом, как мы показали ранее, граница возможного может двигаться, особенно это касается уровня оказываемой поддержки. Во-вторых, в квартире и за ее пределами есть другие люди, их мнение тоже надо учитывать. Здесь мы говорим о том, что в квартире регулярно происходят ситуации, когда нужно совершить коллективный выбор: что приготовить на обед, какой фильм посмотреть вечером, куда пойти в субботу. Так мы переходим к третьему пункту границ выбора — в пространстве квартиры, как и в остальном мире, есть правила.

Умение следовать правилам

Правила, действующие в рамках программы, можно рассматривать как практики, которые являются в значительной степени воплощением в повседневности проекта ценности «уважение другого». Называя такие практики правилами, мы следуем за Питером Уинчем, который понимал правила как повторяющееся поведение в сходной ситуации нескольких людей, и вновь за Людвигом Витгенштейном, для которого правила — это (1) то, что делает действие понятным, связывая прошлое и будущее; (2) институты, имеющие внешнюю принудительную силу [цит. по: Волков, Хархордин, 2008: 85—86].

Правила, предлагаемые к рассмотрению в этом разделе, по нашему мнению, сформированному на материалах интервью и наблюдений, нацелены на обучение клиентов существовать вместе с другими, понимать, что самостоятельность и выбор не пребывают в вакууме, а ограничены имеющимися ресурсами, контекстом, самостоятельностью и выбором других людей. Практики, которые мы называем правилами, можно считать формализованными в том плане, что они упоминаются в разных интервью в ответ на прямые вопросы про существующие правила. Кроме того, реализация значительной части обсуждаемых далее правил наблюдалась во время посещения квартиры членами исследовательского коллектива. Тем не менее названия правил являются результатом аналитической работы.

И еще одно отступление-пояснение. По ходу текста мы так или иначе пишем о навыках, которые развиваются у клиентов в процессе воплощения педагогами ценностей через практики. Следование обсуждаемым в этом разделе правилам в значительной степени нацелено на развитие коммуникативных навыков.

Практики по конструированию инклюзивного жизненного пространства когерентны практикам минимизации влияния среды на формирование инвалидности. Можно сказать, что такие практики могут быть прямо или опосредованно нацелены на ослабление ощущения инаковости у клиентов по отношению к другим и у педагогов по отношению к клиентам. Так, правила в квартире проекта распространяются не только на клиентов, но и на педагогов, и на гостей проекта, в роли которых выступили авторы настоящего текста.

В рамках квартиры существует правило «стучаться» при входе в комнату клиента. Таким образом оберегаются границы приватного пространства. Как мы

писали ранее, в проекте участвуют клиенты с различным требуемым уровнем поддержки, рядом с некоторыми клиентами находятся один или два сопровождающих постоянно. На таких клиентов ряд правил может не распространяться. Мы считаем важным это пояснение, для того чтобы еще раз подчеркнуть гетерогенность людей с ментальной инвалидностью в целом и клиентов проекта в частности. Тем не менее мы пишем о самих правилах, а не обсуждаем повсеместность их соблюдения.

Мы всегда стучимся друг к другу и ребят учим. Даже если дверь открыта, мы стучимся. И человек причем сидит прямо перед дверью, — мы все равно спрашиваем, можно ли зайти. <...> Они иногда уходят там в свои комнаты и говорят: «Мне нужно там отдохнуть, у меня там дела». (И15, сопровождающая)

Еще одно правило, работающее на понимание своих границ и границ другого, — правило «неприкосновенности тела». Оно заключается в том, что участники, педагоги и гости проекта должны спрашивать у другого разрешение перед тем, как обнять его(ее) или совершить любое иное тактильное взаимодействие. Правило распространяется в том числе на ритуал приветствия/прощания:

Это как раз про границы, про то, что тело человека неприкосновенно и его можно трогать только с согласием самого человека... Когда у нас начались какие-то постоянные обнимашки, мы решили, что нужно вводить вот эти границы. И сопровождающие начали с себя, и теперь мы все время спрашиваем друг у друга, можно ли тебя обнять? И дети переняли это, и сейчас успешно используют. (И20, сопровождающая)

Мне нравится помогать еще и на кухне, помогаю нарезать, помочь с посудой тоже. Я много чего помогаю, некоторые есть сложности, но я справлялась, потому что мне очень нравится. (И13, клиентка)

Правила не существуют в вакууме квартиры, а являются некоторой инструкцией к поведению в обществе в целом. Так, следование правилу «неприкосновенности тела», экстраполированное за рамки квартиры, помогает избегать неприятных, конфликтных и опасных ситуаций, в которых клиент может оказаться, если, например, захочет обнять понравившегося человека в общественном транспорте.

Следующее правило мы назвали «спроси прежде, чем помочь». В рамках квартиры принято спрашивать другого, нужна ли ему помощь, вместо того чтобы сразу ее оказать. Это связано с тем, что помощь другому человеку имеет двойственное значение в рамках проекта. С одной стороны, практика взаимопомощи выражает ценность «уважение другого», с другой — излишняя взаимопомощь вступает в конфликт с целью достижения самостоятельности клиентов.

Мне нравится помогать еще и на кухне, помогаю нарезать, помочь с посудой тоже. Я много чего помогаю, некоторые есть сложности, но я справлялась, потому что мне очень нравится. (И13, клиентка)

Предварительно задавая вопрос о необходимости помощи, педагоги программы одновременно наделяют клиента агентностью в принятии решений и демонстрируют окружающим принцип взаимности перспектив, признавая за другим право на альтернативную интерпретацию ситуации.

В контексте организации совместных активностей действует правило «общего голосования». В таких голосованиях, проводящихся в основном по поводу меню и вариантов досуга, участвуют клиенты и педагоги с равным весом голоса каждого. В рамках голосований необязательно прийти к единому общему решению. Например, приготовление еды в рамках квартиры может быть как индивидуальным, так и коллективным: *«Ребята сами начинают предлагать, чего они сегодня хотят, и всеобщим голосованием решают, что сегодня готовим»* (И15, сопровождающая). В ситуации совместной готовки, которую неоднократно наблюдали авторы данной статьи, клиенты также развивают коммуникативные навыки — учатся распределять задачи, договариваться, приходиться к компромиссам и ориентироваться на других в процессе работы.

Таким образом, следование правилам при выполнении повседневных задач в рамках пребывания в квартире сопровождаемого проживания учит участников взаимодействовать с физической и социальной средой.

Дискуссия и заключение

При описании результатов исследования мы стремились эксплицировать конкретные практики, которые реализуются в одной из московских программ учебного сопровождаемого проживания, направленные на конструирование инклюзивного жизненного пространства для людей с ментальной инвалидностью. Анализируя практики, мы увидели, что они воплощают в повседневности определенные ценности, а именно самостоятельности, выбора, уважения другого. Натали Эник, на идеи которой мы опираемся в понимании ценностей, пишет, что ценности можно понимать как стоимость или качество объекта [Heinich, 2020]. Под объектом автор понимает вещь (thing), человека (person), действие (action) или состояние мира (state of the world) [ibid.: 13—14]. В рамках нашей статьи мы говорим о состояниях мира пространства квартиры, выделяя два измерения — состояние физической среды и состояние социальной среды. В свою очередь физическая и социальная среды — это то, на что можно декомпозировать «инклюзивное пространство квартиры». Таким образом, можно представить терминологическую пирамиду: 1) инклюзивное жизненное пространство состоит из состояний мира (физическая и социальная среды); 2) эти среды наделяются инклюзивностью через ориентацию на ценности, заложенные в проект (самостоятельность, выбор, уважение другого); 3) ценности воплощаются в повседневности через конкретные практики; 4) ряд практик мы понимаем как правила, так как они имеют внешнюю относительно принудительную силу, являются повторяющимся поведением в сходной ситуации нескольких людей, делают действия понятными, связывая прошлое и будущее. Перечень выявленных практик, соответствующие им ценности и состояния мира резюмированы в табличном формате в таблице 2 Приложения.

Несколько отстраняясь от предложенной рамки, можно сказать, что роль программы учебного сопровождаемого проживания в выстраивании инклюзивного

жизненного пространства для людей с ментальной инвалидностью проявляется, во-первых, в создании физически инклюзивной среды, во-вторых, в создании социально-инклюзивной среды, в-третьих, в подготовке людей с ментальной инвалидностью к взаимодействию со средой (не всегда инклюзивной). Первый пункт в данном контексте можно свести к физическому обустройству квартиры с общими и индивидуальными зонами, с удобствами для людей, передвигающихся на кресле-коляске, с использованием альтернативной дополнительной коммуникации, в том числе позволяющей лучше ориентироваться в пространстве квартиры как клиентам, так и сопровождающим. Второй и третий пункты сложно разделить между собой, здесь мы сталкиваемся с напряжением между необходимостью классифицировать и упорядочить полученные результаты с сопротивлением самого классифицируемого материала, что уже отмечали Л. Болтански и Л. Тевено в предисловии своей книги [Болтански, Тевено, 2013]. Конструирование среды и подготовка клиентов к взаимодействию с ней в рамках проекта происходят в значительной степени одновременно при развитии самостоятельности у клиентов, которая является и целью проекта, и ценностью в предложенной нами рамке. Согласно образовательной теории неоконструктивизма, «для развития способности к самостоятельному созидательному действию» обучение должно происходить через реальные ситуации, характеризующиеся динамичностью и неопределенностью [Жорешникова, Сорокин, 2024: 142]. В изучаемом нами проекте обучение самостоятельности происходит именно таким образом. В ситуациях, возникающих в квартире, клиенты — подростки и молодые взрослые с ментальной инвалидностью — обучаются конкретным навыкам (что и как делать в разных ситуациях), обретают большую самостоятельность в условиях множественных выборов, осуществляемых с ориентацией на уважительное отношение к другим (в частности, учитывать при совершении действий, что есть другой человек, также наделенный агентностью, имеющий свои возможности, желания и потребности, потенциально отличающиеся от таковых у других людей).

Обучение самостоятельности неразрывно связано с поддержкой. У каждого клиента свой уровень самостоятельности, свои слабые и сильные стороны, свой темп освоения нового и выполнения тех или иных действий. А следовательно, свой требуемый уровень поддержки. И у клиентов есть свои желания, в том числе в отношении оказываемой помощи. Их тоже необходимо учитывать при сопровождении, каждый раз стремясь снизить степень поддержки.

На основании исследования мы выделяем два направления, в которых учебное сопровождаемое проживание работает на конструирование инклюзивного жизненного пространства. Первое направление заключается в попытке сконструировать инклюзивное жизненное пространство в границах квартиры. Второе — в подготовке людей с ментальной инвалидностью к взаимодействию с городским пространством.

В завершение статьи обозначим некоторые ограничения нашего исследования. Работа основана на изучении проекта учебного сопровождаемого проживания в большом развитом городе, что оставляет за рамками исследования практики формирования инклюзивного жизненного пространства в малых городах или сельской местности.

Список литературы (References)

1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
Boltanski L., Thévenot L. (2013) *De la Justification: Les économies de la Grandeur*. Moscow: New Literary Observer.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. С. 166—167.
Wittgenstein L. (1994) *Philosophical Investigations*. In Wittgenstein L. *Philosophical Works. Part 1*. Moscow: Gnosis. P. 166—167. (In Russ.)
3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
Volkov V. V., Kharkhordin O. V. (2008) *Theory of Practices*. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)
4. Кожушко Л. А., Владимирова О. Н. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития сопровождаемого проживания инвалидов // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 4. С. 701—714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-701-714>.
Kozhushko L. A., Vladimirova O. N. (2021) Ratings of the Constituent Entities of the Russian Federation by Development Level of Assisted Living for Disabled People. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 4. P. 701—714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-4-701-714>. (In Russ.)
5. Корешникова Ю., Сорокин П. От бихевиоризма к неоконструктивизму: обзор образовательных теорий для задач развития самостоятельности в условиях неоструктуризации // Вопросы образования. 2024. № 4. С. 126—150. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17084>.
Koreshnikova Yu. N., Sorokin P. S. (2024) From Behaviorism to Neoconstructivism: A Review of Educational Theories for the Development of Independence in the Conditions of Neo-struction. *Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 126—150. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17084>. (In Russ.)
6. Литвинцев Д. Б., Можейкина Л. Б., Дегтярева В. В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 84—92. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/468/10>.
Litvintsev D. B., Mozheikina L. B., Degtiareva V. V. (2021) Inclusive Living in Russia as an Aspect of the Multidimensionality of Social Inclusion. *Tomsk State University Journal*. No. 468. P. 84—92. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/468/10>. (In Russ.)
7. Синявская О. В., Селезнева Е. В., Якушев Е. Л., Горват Е. С. Разработка финансово-экономической модели сопровождаемого проживания граждан с ментальной инвалидностью и ее сравнение с ПНИ. М.: Институт социальной политики НИУ ВШЭ, 2022.

- Sinyavskaya, O. V., Selezneva, E. V., Yakushev, E. L., Gorvat, E. S. (2022) Development of a Financial and Economic Model of Supported Living for Citizens with Mental Disabilities and its Comparison with Residential Care Facilities. Moscow: Institute for Social Policy of the HSE University. (In Russ.)
8. Beer A., Faulkner D., Paris C., Clower T. (2011) *Housing Transitions through the Life Course: Aspirations, Needs and Policy*. 1st ed. Bristol: Bristol University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgq1p>.
  9. Bigby C., Bould E., Beadle-Brown J. (2017) Conundrums of Supported Living: The Experiences of People with Intellectual Disability. *Journal of Intellectual & Developmental Disability*. Vol. 42. No. 4. P. 309—319. <https://doi.org/10.3109/13668250.2016.1253051>.
  10. Bryman A. (2016) *Social Research Methods*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press.
  11. Carnemolla P., Kelly J., Donnelley C., Healy A., Taylor M. (2021) 'If I Was the Boss of My Local Government': Perspectives of People with Intellectual Disabilities on Improving Inclusion. *Sustainability*. Vol. 13. No. 16. P. 9075. <https://doi.org/10.3390/su13169075>.
  12. Carnemolla P., Bridge C. (2014) The Potential of a Home Modification Strategy — a Universal Design Approach to Existing Housing. *Assistive Technology Research Series*. Vol. 35. P. 259—268. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-403-9-259>.
  13. Cho H., MacLachlan M., Clarke M., Mannan H. (2016) Accessible Home Environments for People with Functional Limitations: A Systematic Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 13. No. 8. P. 826. <https://doi.org/10.3390/ijerph13080826>.
  14. Courchesne V., Tesfaye R., Mirenda P., Nicholas D., Mitchell W., Singh I., Zwaigenbaum L., Elsabbagh M. (2022) Autism Voices: A Novel Method to Access First-Person Perspective of Autistic Youth. *Autism*. Vol. 26. No. 5. P. 1123—1136. <https://doi.org/10.1177/13623613211042128>.
  15. Dimitriadou I. (2020) Independent Living of Individuals with Intellectual Disability: A Combined Study of the Opinions of Parents, Educational Staff, and Individuals with Intellectual Disability in Greece. *International Journal of Developmental Disabilities*. Vol. 66. No. 2. P. 153—159. <https://doi.org/10.1080/20473869.2018.1541560>.
  16. Esteban L., Navas P., Verdugo M. Á., Arias V. B. (2021) Community Living, Intellectual Disability and Extensive Support Needs: A Rights-Based Approach to Assessment and Intervention. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 6. Art. 3.3175. <https://doi.org/10.3390/ijerph18063175>.
  17. Fang M. L., Sixsmith J., Hamilton-Pryde A., Rogowsky R., Scrutton P., Pengelly R., Woolrych R., Creaney R. (2023) Co-Creating Inclusive Spaces and Places: Towards an Intergenerational and Age-Friendly Living Ecosystem. *Frontiers in Public Health*. Vol. 10. P. 1—19. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.996520>.

18. Fisher K. R., Purcal C., Jones A., Lutz D., Robinson S., Kayess R. (2019) What Place Is There for Shared Housing with Individualized Disability Support? *Disability and Rehabilitation*. Vol. 43. No. 1. P. 60—68. <https://doi.org/10.1080/09638288.2019.1615562>.
19. Heinich N. (2020) A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation. *Theory, Culture & Society*. Vol. 37. No. 5. P. 75—94. <https://doi.org/10.1177/0263276420915993>
20. Hollomotz A. (2018) Successful Interviews with People with Intellectual Disability. *Qualitative Research*. Vol. 18. No. 2. P. 153—170. <https://doi.org/10.1177/1468794117713810>.
21. Koller D., Poesard M. L., Rummens J. A. (2018) Defining Social Inclusion for Children with Disabilities: A Critical Literature Review. *Children & Society*. Vol. 32. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1111/chso.12223>.
22. Krotofil J., McPherson P., Killaspy H. (2018) Service User Experiences of Specialist Mental Health Supported Accommodation: A Systematic Review of Qualitative Studies and Narrative Synthesis. *Health & Social Care in the Community*. Vol. 26. No. 6. P. 787—800. <https://doi.org/10.1111/hsc.12570>.
23. Lawson A., Beckett A. E. (2021) The Social and Human Rights Models of Disability: Towards a Complementarity Thesis. *The International Journal of Human Rights*. Vol. 25. No. 2. P. 348—379. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1783533>.
24. Layton N. A., Steel E. J. (2015) ‘An Environment Built to Include Rather than Exclude Me’: Creating Inclusive Environments for Human Well-Being. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 12. No. 9. P. 11146—11162. <https://doi.org/10.3390/ijerph120911146>.
25. Liang D., De Jong M., Schraven D., Wang L. (2022) Mapping Key Features and Dimensions of the Inclusive City: A Systematic Bibliometric Analysis and Literature Study. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*. Vol. 29. No. 1. P. 60—79. <https://doi.org/10.1080/13504509.2021.1911873>.
26. Lindsay S., Fuentes K., Ragnathan S., Li Y., Ross T. (2024) Accessible Independent Housing for People with Disabilities: A Scoping Review of Promising Practices, Policies and Interventions. *PLoS One*. Vol. 19. No. 1. Art. e0291228. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0291228>.
27. Plouin M., Adema W., Fron P., Roth P.-M. (2021) A Crisis on the Horizon: Ensuring Affordable, Accessible Housing for People with Disabilities. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. No. 261. <https://doi.org/10.1787/306e6993-en>.
28. Richter D., Hoffmann H. (2017) Independent Housing and Support for People with Severe Mental Illness: Systematic Review. *Acta Psychiatrica Scandinavica*. Vol. 136. No. 3. P. 269—279. <https://doi.org/10.1111/acps.12765>.

Приложение

Таблица 1. *Характеристики информантов*

№ интервью	Роль	Возраст
1	Клиент	24 года
2	Клиент	24 года
3	Сопровождающий	33 года
4	Клиент	17 лет
5	Клиент	16 лет
6	Клиент	14 лет
7	Клиент	16 лет
8	Клиентка	14 лет
9	Клиентка	14 лет
10	Клиент	16 лет
11	Сопровождающая	22 года
12	Клиент	21 год
13	Клиентка	23 года
14	Сопровождающая	37 лет
15	Сопровождающая	19 лет
16	Сопровождающая	23 года
17	Сопровождающий	60 лет
18	Сопровождающая	52 года
19	Сопровождающий	25 лет
20	Сопровождающая	23 года

Таблица 2. *Перечень практик*

Состояние мира	Практика	Ценность
Физическая среда	Личные комнаты + общее пространство	Уважение другого
	Наличие средств АДК	Самостоятельность; Выбор; Уважение другого
Социальная среда	Предоставление выбора в уровне поддержки	Самостоятельность; Выбор
	Предоставление альтернативных вариантов для самостоятельного выбора клиентами	Самостоятельность; Выбор
	Декомпозиция навыков на элементы	Самостоятельность; Выбор
	Гибкость распорядка дня	Самостоятельность; Выбор
	Правило «стучаться»	Уважение другого
	Правило «неприкосновенности тела»	Уважение другого
	Правило «спроси прежде, чем помочь»	Уважение другого
	Правило «общего голосования»	Уважение другого

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2911](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2911)

А. И. Бирюкова

СВЯЗЬ ФИНАНСОВОГО СТРЕССА И РЕШЕНИЯ БРОСИТЬ КУРИТЬ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Бирюкова А. И. Связь финансового стресса и решения бросить курить в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 47—70. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2911>.

For citation:

Biryukova A. I. (2025) The Relationship Between Financial Stress and Smoking Cessation in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 47–70. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2911>. (In Russ.)

Получено: 03.02.2025. Принято к публикации: 29.08.2025.

СВЯЗЬ ФИНАНСОВОГО СТРЕССА И РЕШЕНИЯ БРОСИТЬ КУРИТЬ В РОССИИ

БИРЮКОВА Алина Ильинична — аспирант факультета экономических наук, лаборант Лаборатории экономических исследований общественного сектора, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aibiryukova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3359-3319>

Аннотация. Для России характерны высокие показатели распространенности курения и потерь, связанных с курением. Многие курильщики предпринимают попытки бросить вредную привычку или как минимум сообщают о таких намерениях. Это актуализирует задачу изучения причин отказа от курения, в том числе в условиях экономической нестабильности и финансового стресса. В статье на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000—2023 гг. исследуется, как связаны решение об отказе от курения и финансовый стресс. Анализируются характеристики индивидуального стресса (его наличие, интенсивность), оценивается влияние четырех кризисных периодов в России (2008—2009, 2014—2015 и 2020—2021, 2022—2023 гг.) на принятие решения об отказе от курения. Используются модели логистической регрессии с фиксированными эффектами отдельно для мужчин и женщин. Помимо финансового стресса в модели включены социально-экономические характеристики респондентов — возраст, семейное положение, наличие детей, высшее образование, самооценка здоровья и уровень дохода. Согласно полученным результатам, низкий уровень стресса не способствует отказу от курения. Женщины отказываются от курения только при умеренном уровне финансового стресса, тогда как при высоком продолжают курить. Мужчины бросают курить на фоне как умеренного, так и высо-

THE RELATIONSHIP BETWEEN FINANCIAL STRESS AND SMOKING CESSATION IN RUSSIA

Alina I. BIRYUKOVA¹ — PhD student at the Faculty of Economic Sciences; Laboratory Assistant at the Laboratory of Public Sector Economic Research, Centre for Basic Research
E-MAIL: aibiryukova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3359-3319>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Russia is characterized by high rates of smoking prevalence and smoking-related losses. A substantial proportion of tobacco users attempt to discontinue this harmful habit or, at the very least, report such intentions. The paper uses RMLS data for 2000–2023 to examine how the decision to quit smoking and financial stress are related. The author analyzes the characteristics of individual stress (its presence and intensity) and estimates impact of four crisis periods in Russia (2008–2009, 2014–2015, 2020–2021 and 2022–2023) on the probability of a decision to quit smoking. Logistic regression models with fixed effects are used separately for men and women. In addition to financial stress, the models include socioeconomic characteristics of respondents, namely, age, marital status, presence of children, higher education, self-assessed health, and income level. The study shows that stress levels do not favor smoking cessation. Women quit smoking only at moderate levels of financial stress, while at high levels of stress they keep smoking. Men quit smoking at both moderate and high levels of stress. The 2014–2015 crisis encouraged smokers to quit, while the 2008–2009, 2020–2021 and 2022–2023 crises were accompanied by a decrease in the likelihood of quitting.

кого уровня стресса. Кризис 2014—2015 гг. побуждал курящих к отказу от курения, тогда как кризисы 2008—2009, 2020—2021, 2022—2023 гг. сопровождались снижением вероятности отказа от курения.

Ключевые слова: финансовый стресс, аддиктивное поведение, экономический кризис, гендерные поведенческие различия, табакокурение

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в Лаборатории экономических исследований общественного сектора ЦФИ.

Keywords: financial stress, addictive behavior, economic crisis, gender behavioral differences, tobacco smoking

Acknowledgments. The paper was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program in the Laboratory of Economic Research of the Public Sector of the Center for Fundamental Research.

Введение

По экспертным оценкам, доля курильщиков в России с 1994 г. по 2016 г. снизилась с 31 % до 28 % [Богданов, Лебедев, 2018], а с 2017 г. по 2020 г. — с 27 % до 25 % [Бирюкова, 2022]. Несмотря на успешную реализацию кампании по снижению распространенности курения, Россия все еще остается одной из самых курящих стран Европы, в том числе из-за того, что бросить курить сложно даже при наличии такого желания. Среди главных причин невозможности побороть вредную привычку — никотиновая зависимость, психологические факторы, социальное окружение. По данным ВОЗ, по состоянию на 2020 г. 780 млн курильщиков хотели бы бросить курить¹. На такое решение способно повлиять множество факторов, в том числе культурных, социальных, психологических и финансовых. Некоторые из них хорошо известны и изучены. Так, люди склонны бросать курить при высокой вероятности угрозы своему здоровью, планировании беременности, ужесточении государственной антитабачной политики. Финансовый стресс также может оказывать влияние на поведение курильщика, причем его влияние может быть разнонаправленным. С одной стороны, табак может служить средством борьбы с негативными эмоциями, которые порождает стресс. Тогда под действием финансового стресса вероятность отказа от курения будет снижаться, а возвращения к курению (рецидивы), напротив, расти. С другой стороны, сокращение доходов и финансовое давление на бюджет должны способствовать сокращению расходов на сигареты и прекращению курения. Какой из двух эффектов возобладает, может зависеть от разных обстоятельств, включая уровень стресса или влияние кризиса [Засимова и др., 2024].

Цель данного исследования — изучить аддиктивное поведение россиян на фоне экономических потрясений. В частности, выяснить, каким образом финансовый

¹ WHO Report on the Global Tobacco Epidemic, 2008: the MPOWER package // World Health Organization. 2008. January 6. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241596282> (дата обращения: 22.01.2025).

стресс и его интенсивность могут способствовать или препятствовать отказу от курения; действительно ли мужчины и женщины по-разному реагируют на финансовый стресс и как изменяется поведение курильщиков в условиях экономических кризисов.

Обзор литературы

Унифицированного определения финансового стресса не существует: разные авторы приводят различные описания данного состояния. Зачастую финансовый стресс согласуется с концепцией психологического стресса, в рамках которого происходит реакция на реальную или предполагаемую угрозу [Lazarus, 1966]. В случае финансового стресса под угрозой находится дальнейшее благополучие человека, когда финансовые проблемы превышают имеющиеся финансовые ресурсы [Van Dijk, Van der Werf, Van Dillen, 2022]. Также финансовый стресс — многокомпонентный процесс, в который может входить как субъективная оценка различных ситуаций (недостаток финансовых ресурсов или отсутствие контроля над своим положением), так и эмоциональные реакции (финансовая тревога и обеспокоенность) [Simonse et al., 2024]. В некоторых работах финансовый стресс определяется через оценку личных финансов (финансового благополучия) [Kim, Garman, Sorhaindo, 2003] или как неспособность выполнять экономические обязанности [Northern, O'Brien, Goetz, 2010]. Можно найти и другие определения, такие как неудовлетворенность финансовым благополучием [Garman et al., 1999] или беспокойство о деньгах [Starrin, Åslund, Nilsson, 2009]. В рамках данной работы, суммируя все вышеизложенное и учитывая многообразие формулировок, мы будем определять стресс как результат финансовых и/или экономических событий, вызывающих тревогу, беспокойство или ощущение дефицита ресурсов, сопровождающееся физиологической реакцией организма.

Способов измерения финансового стресса, так же как и его определений, множество, в том числе при помощи шкал, позволяющих оценить интенсивность стресса, а не просто его наличие. А. Правитц и его соавторы [Prawitz et al., 2006] разработали метод оценки финансового стресса с помощью восьми пунктов по 10-балльной шкале. Шкала включает в себя такие вопросы, как «Каков, по вашему мнению, уровень вашего финансового стресса сегодня?» и «Как часто вы беспокоитесь о том, что сможете покрыть нормальные ежемесячные расходы на жизнь?». Другой широко используемый подход — это измерение стресса через ответы на вопросы о тревоге, определяемой как тревожное отношение к эффективному управлению своими личными финансами [Shapiro, Burchell, 2012] или через общие симптомы тревоги, связанной с финансовым положением [Archuleta et al., 2011; Archuleta, Dale, Spann, 2013]. Измерение финансовой тревоги Г. Шапиро и Б. Берчелла содержит десять пунктов, измеряемых по 4-балльной шкале, среди которых в том числе такие пункты, как «Размышления о своих личных финансах могут вызвать у меня чувство вины» и «Мне неприятно открывать свои банковские выписки» [Shapiro, Burchell, 2012]. К. Арчулета и др. [Archuleta, Dale, Spann, 2013] предлагают шкалу, которая оценивает реакцию респондентов по 7-балльной шкале, среди которых «Я чувствую беспокойство по поводу своего финансового положения» и «Мне трудно спать из-за моего

финансового положения». Как показывает опыт зарубежных авторов, измерение и оценка стресса в виде шкалы — достаточно распространенный прием для решения исследовательских задач.

Имеется достаточно работ, в которых исследователи обнаруживали, что финансовый стресс способствует отказу от курения. Такой вывод о связи финансового стресса и попыток отказаться от курения был получен на данных Великобритании [McKenna, Law, Pearce, 2017; Siahpush et al., 2009], США [Kalkhoran et al., 2018; Siahpush et al., 2009], Канады [Siahpush et al., 2009] и Австралии [Siahpush et al., 2009; Siahpush, Carlin, 2006; Siahpush, Spittal, Singh, 2007a; 2007b]. Однако есть также достаточно свидетельств тому, что финансовый стресс, наоборот, провоцирует рецидивы и увеличивает распространенность и вероятность курения. Такие результаты получены, например, в работе по Калифорнии, где распространенность курения была выше среди той группы молодых людей 18—30 лет, которая не имела возможности обеспечить себя или получить доступ к полноценному питанию [Kim, Tsoh, 2016], и Миннесоте, где среди курильщиков с низкими доходами более высокий уровень никотиновой зависимости тесно связан с финансовыми затруднениями при осуществлении повседневных расходов, таких как оплата жилья, медицинских услуг и продуктов питания [Widome et al., 2015].

Такие же противоречивые результаты получены при оценке эффекта отдельных экономических кризисов на поведение курильщиков. Некоторые авторы склоняются к проциклической связи между кризисом и курением, когда на фоне экономического кризиса потребление сигарет и табака снижается [Ruht, 2005; Filippidis et al., 2014; Jofre-Bonet et al., 2018]. Другие же, напротив, отстаивают позицию о нулевой или контрциклической связи, когда потребление во время экономических потрясений растет [Shaw, Agahi, Krause, 2011; Gallus, Ghislandi, Muttarak, 2015; Gallus et al., 2011]. Необходимо также сделать акцент на том, что каждый из кризисов ввиду своих особенностей мог по-своему отразиться на аддиктивном поведении людей. Так, сравнительный анализ двух крупнейших кризисов — 2008 и 2020 гг. — показал, что, несмотря на разные причины происхождения кризисов, они характеризовались схожими последствиями [Бессонова, Свеженцева, 2021]. Вместе с тем масштабы и темпы их развития различались и во многом определялись оперативностью и эффективностью мер, предпринимаемых государством. В 2020 г. удалось избежать резкого всплеска безработицы даже при условии значительного сокращения мировой торговли. В другой статье [Засимова и др., 2024] авторы продемонстрировали, что пандемийный кризис отличался от предыдущих. Кроме негативного экономического эффекта (снижения располагаемых доходов, роста цен, безработицы и др.), этот кризис нанес огромный ущерб здоровью и жизни людей. А кроме того, государство было вынуждено сильно вмешиваться в жизнь людей, вводя достаточно жесткие ограничения и меры (локдауны, ограничения передвижения людей, перевод на удаленный режим работы и др.).

Таким образом, на примере других стран показано, что кризисы и финансовый стресс могут оказывать неоднозначное влияние на поведение курильщиков. В то же время зарубежные авторы, как правило, используют данные за относительно короткие периоды, что не всегда позволяет учитывать экономические ци-

клы и наблюдать как отказ от курения, так и рецидивы. Предположительно в периоды экономических кризисов финансовый стресс может испытывать большее число людей, а его интенсивность может возрастать.

На российских данных делались попытки оценить связь между курением, интенсивностью курения, стажем курения и финансовым благосостоянием человека, тогда как факторы отказа от курения не изучались. Большинство работ связывают курение и заработную плату или доход человека, анализируя данные опросов населения. М. Локшин и З. Саджая установили, что курение снижает заработную плату мужчин (для женщин не удалось выявить статистически значимого результата) [Локшин, Саджая, 2007]. С. А. Ермаков провел анализ влияния интенсивности курения на заработную плату, показывая, что курящие женщины получают выигрывают в заработной плате в сравнении с некурящими (для мужчин связь курения и заработной платы не была статистически значимой) [Ермаков, 2012]. Наконец, в работах М. Д. Кима [Ким, 2017] и Е. А. Шульги [Шульга, 2024] подтверждается вывод М. Локшина и З. Саджай [Локшин, Саджая, 2007] об отрицательном эффекте табакокурения на уровень заработной платы курящих в сравнении с некурящими. В работе Я. М. Рощиной показано, что среди курильщиков меньше зарабатывают те из них, чей стаж курения больше [Рощина, 2009]. А кроме того, длительность курения (с нормировкой на возраст) в прошлом периоде негативно сказывается на вероятности работать в будущем периоде. В статье Л. С. Засимовой и О. А. Лукиных спрос на сигареты анализируется в контексте располагаемого дохода [Засимова, Лукиных, 2009]. Согласно результатам, индивиды снижают потребление табака, если рост их доходов ниже роста реальных цен на сигареты. Однако и в этой работе речь идет не об отказе от курения, а о снижении числа выкуриваемых сигарет.

Описание выборки, формирования переменных и методологии

Источником данных для проведения анализа выступил Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, поскольку эти данные содержат перечень основных вопросов, касающихся различных сфер жизни индивида (включая курение), имеют панельную структуру и охватывают большой временной промежуток. Последнее крайне важно для отслеживания изменений в аддиктивном поведении респондентов (переходы из группы курящих в некурящие и наоборот).

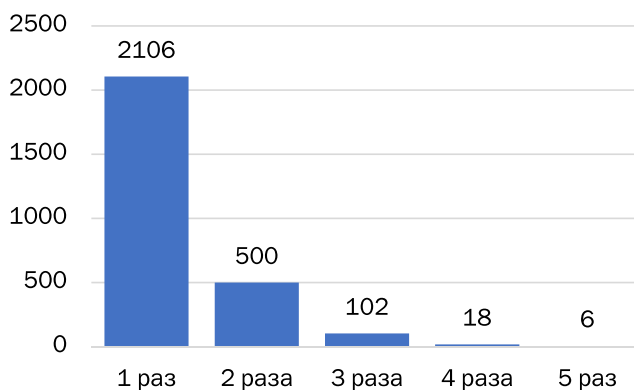
В работе использовались данные объединенной базы индивидов с 2000 по 2023 г. включительно. Из базы были удалены детские анкеты, затем индивиды, участвовавшие в опросе только единожды. Также из выборки исключались те, кто затруднялся дать четкий ответ на вопрос о курении, и те, кто никогда не курил. Важно отметить, что вопросы, связанные с определением финансового стресса, имеют прямое отношение к наличию работы, поэтому в выборку попали только трудоспособные респонденты: мужчины в возрасте 16—64 лет, женщины в возрасте 16—59 а также те, кто не входит в обозначенные возрастные группы, но при этом работает. В итоговую выборку вошло 35 638 наблюдений. Собранная панель не является сбалансированной, так как не для всех индивидов есть наблюдения во все рассматриваемые годы.

В качестве зависимой переменной использовалась бинарная переменная, сконструированная на основе двух вопросов индивидуальной анкеты: «Курите ли Вы в настоящее время?» и «Вы курили когда-нибудь?». Первый вопрос задается всем опрашиваемым, второй — только при условии отрицательного ответа на первый. Таким образом, с помощью ответов индивидов можно разделить на три группы: 1) не куривших никогда в жизни (ответ «нет» на оба вопроса), 2) куривших когда-то, но бросивших (ответ «нет» на первый и «да» на второй вопросы), 3) курящих на момент прохождения опроса (ответ «да» на первый вопрос). Поскольку на этапе формирования выборки мы исключили первую категорию никогда не куривших респондентов, оставшиеся две категории были использованы для создания зависимой переменной, где 1 — это бывший курильщик, а 0 — текущий курильщик.

Некоторые курильщики неоднократно бросали курить и вновь возвращались к курению, то есть имели место рецидивы. Общее число респондентов с рецидивами составляет 2 732 человек (менее 7,7 % от всей выборки). Согласно рисунку 1, большинство бросивших курить возвращались к курению один раз (77 % от всех, у кого были рецидивы). И только 24 респондента делали это от четырех до пяти раз. В данной работе группа курящих с рецидивами специально не выделяется, так как важен сам факт отказа от курения и факторы, связанные с ним. Если же респондент снова бросает курить в какой-то из волн, то в следующей волне его относят к бывшим курильщикам.

Рис. 1. Распределение частоты рецидивов среди респондентов выборки, кол-во респондентов с числом рецидивов

В анкетах РМЭЗ имеются вопросы, с помощью которых можно оценить финансовый стресс респондента. К сожалению, вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?», задавался только в нескольких волнах обследования и потому не был включен в анализ. Вместо него были выбраны вопросы, связанные с работой индивида, которые так же, как и в исследованиях зарубежных авторов, описывают неприятные и стрессовые ситуации, связанные с работой и с доходами человека, и могут быть использованы как косвенные показатели финансового стресса.

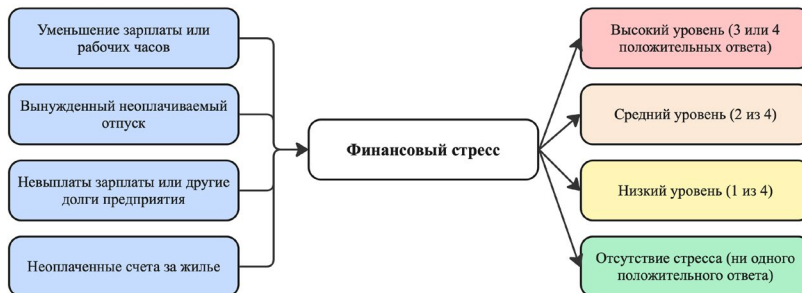
Это вопросы: «В течение последних 12 месяцев Вам уменьшали зарплату или сокращали часы работы не по Вашему желанию?», «В течение последних 12 месяцев Вас отправляла администрация в вынужденный неоплачиваемый отпуск?», «В настоящее время Ваше предприятие осталось должно Вам какие-то деньги, которые по разным причинам не выплатило вовремя?».

Помимо вопросов индивидуальной анкеты в рассмотрение был включен вопрос из анкеты домохозяйства «Ваша семья имеет неоплаченные счета за жилье, то есть за квартиру и коммунальные услуги?». Этот вопрос был выбран по аналогии со структурой индекса стресса в работах М. Сианпуша и соавторов [Siahpush et al., 2009].

С опорой на предыдущие исследования в данной работе была разработана и протестирована собственная шкала финансового стресса на основе трех вопросов индивидуального опросника РМЭЗ и одного вопроса опросника домохозяйств (см. рис. 2).

Если индивид ответил положительно на три или четыре вопроса из четырех, считалось, что он испытывает высокий уровень стресса, если на два вопроса из четырех — стресс умеренный, если на один из четырех — низкий уровень стресса. Если на все вопросы был дан отрицательный ответ, считалось, что финансовый стресс отсутствует.

Рис. 2. Схема создания переменной финансового стресса

Для регрессионного анализа было построено три группы моделей с разными зависимыми переменными финансового стресса (модель 1, модель 2 и модель 3 соответственно):

1) переменная «наличие стресса» — принимает значение 1 в случае наличия финансового стресса любого уровня и 0 при его отсутствии;

2) переменная «интенсивности стресса» — принимает значение от 0 (отсутствие стресса) до 4 (высокий уровень стресса);

3) три бинарные переменные, соответствующие высокому, умеренному и низкому уровню стресса (с базовой переменной отсутствия стресса).

Первые две модели финансового стресса использовались в работах М. Сианпуша и соавторов [Siahpush et al., 2009], а третья предложена в данной работе для того, чтобы оценить возможное нелинейное влияние финансового стресса разного уровня на принятие решения об отказе от курения.

В качестве контрольных переменных использовались возраст и квадрат возраста в годах, фиктивная переменная (*dumty*) на брак или совместное проживание, фиктивная переменная на наличие законченного высшего образования, фиктивная переменная на плохую самооценку собственного здоровья. Переменная самооценки здоровья из категориальной была переведена в бинарную и принимала значение 1, если респондент оценивал свое здоровье как «очень плохое» и «плохое», и 0 во всех остальных случаях. Для контроля уровня дохода была создана переменная логарифма реального среднедушевого дохода: для каждого респондента определен доход его домохозяйства, далее он поделен на число членов семьи и затем с помощью региональных годовых ИПЦ приведен к ценам базового 2000 г. Похожий набор контрольных переменных (возраст, семейный статус, уровень полученного образования, уровень дохода и самооценка собственного здоровья) использовался в работах других авторов [Kossova, Kossova, Sheluntcova, 2018].

Эконометрическое оценивание проводилось отдельно на подвыборках мужчин и женщин. На каждой выборке оценивались одни и те же спецификации моделей, различавшиеся между собой лишь переменными стресса (фиктивная переменная на наличие стресса как такового, численная шкала стресса и набор из самостоятельных фиктивных переменных на каждый уровень финансового стресса). Оценивались модели с фиксированными и случайными эффектами, а также сквозная регрессия. В каждом из случаев путем попарного проведения соответствующих тестов (F-тест, Тест Бройша-Пагана, тест Хаусмана) из двух моделей выбиралась наилучшая. Как и ожидалось, по результатам тестов лучшей стала модель с фиксированными эффектами, позволяющая учесть ненаблюдаемые характеристики курильщиков. Ниже представлены оцениваемые в работе модели бинарного выбора.

Наблюдаемой зависимой переменной ($exsmoke_{it}$) была бинарная переменная, где 1 обозначала, что на момент опроса респондент был бывшим курильщиком, а 0 — что респондент курит в текущий момент:

$$exsmoke_{it} = \begin{cases} 1, & \text{если } y_i^* > 0 \\ 0 & \text{— иначе} \end{cases}.$$

Уравнения для латентной (y_i^*) зависимой переменной для индивида i в момент времени t можно записать так:

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 has\_stress'_{it} + \beta_1 age'_{it} + \beta_2 age\_squared'_{it} + \beta_3 married'_{it} + \beta_4 has\_child'_{it} + \beta_5 bad\_health\_estim'_{it} + \beta_6 high\_educ'_{it} + \beta_7 log\_real\_inc'_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 stress\_scale'_{it} + \beta_1 age'_{it} + \beta_2 age\_squared'_{it} + \beta_3 married'_{it} + \beta_4 has\_child'_{it} + \beta_5 bad\_health\_estim'_{it} + \beta_6 high\_educ'_{it} + \beta_7 log\_real\_inc'_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 low\_stress'_{it} + \beta_1 moderate\_stress'_{it} + \beta_2 high\_stress'_{it} + \beta_3 age'_{it} + \beta_4 age\_squared'_{it} + \beta_5 married'_{it} + \beta_6 has\_child'_{it} + \beta_7 bad\_health\_estim'_{it} + \beta_8 high\_educ'_{it} + \beta_9 log\_real\_inc'_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где α_{it} — индивидуальная константа (фиксированный эффект), $has\_stress'_{it}$ — наличие стресса, $stress\_scale'_{it}$ — оценка стресса в виде шкалы (от 0 до 4),

$low\_stress'_{it}$ — низкий уровень стресса, $moderate\_stress'_{it}$ — средний уровень стресса, $high\_stress'_{it}$ — высокий уровень стресса, age'_{it} — возраст индивида в годах, $age\_squared'_{it}$ — квадрат возраста, $married'_{it}$ — в браке ли индивид, $has\_child'_{it}$ — имеет ли индивид детей, $bad\_health\_estim'_{it}$ — оценивает свое здоровье как плохое, $high\_educ'_{it}$ — есть ли у индивида высшее образование, $log\_real\_inc'_{it}$ — логарифм реального подушевого дохода, а случайные ошибки ϵ_{it} имеют логистическое распределение.

Связь между личным уровнем финансового стресса и экономической обстановкой в стране не является прямой и однозначной. Общая экономическая ситуация задает фон и может повысить тревожность, но реакция каждого индивида зависит от его персональной ситуации, психологических характеристик и имеющихся ресурсов. Бывают случаи, когда люди в благополучные периоды ощущают тревогу из-за нехватки средств и, как следствие, повышенный уровень стресса (например, в случаях внезапного развода, гибели главы семьи, рождения детей и др.), а во время кризиса, наоборот, способны адаптироваться и обойтись без сильного стресса. Поэтому, чтобы развести влияние личного финансового стресса и внешних шоков, были построены модели с добавлением фиктивных переменных на кризисные годы (2008, 2014 и 2020, 2022) и годы после кризисов (2009, 2015, 2021, 2023) отдельно для мужчин и женщин.

Кризис пандемии коронавируса (2020—2021 гг.) и кризис, вызванный санкциями (2022—2023 гг.), рассмотрены в работе по отдельности, несмотря на то что они следуют друг за другом. Данные кризисы различаются прежде всего своим происхождением. Пандемийный кризис был в значительной мере внешним шоком, вызванным распространением заболевания, а не специфическими внутренними экономическими проблемами. Кризис 2022—2023 гг. — более глубокий структурный кризис с серьезными экономическими ограничениями, вызванный преимущественно геополитическими событиями. Уравнение для данной спецификации представлено ниже и включает в себя фиктивную переменную как на год кризиса ($year2008'_{it}$, $year2014'_{it}$, $year2020'_{it}$, $year2022'_{it}$), так и на посткризисные годы ($year2009'_{it}$, $year2015'_{it}$, $year2021'_{it}$, $year2023'_{it}$).

$$y_i^* = \alpha_i + \beta_0 low\_stress'_{it} + \beta_1 moderate\_stress'_{it} + \beta_2 high\_stress'_{it} + \beta_3 age'_{it} + \beta_4 age\_squared'_{it} + \beta_5 married'_{it} + \beta_6 has\_child'_{it} + \beta_7 bad\_health\_estim'_{it} + \beta_8 high\_educ'_{it} + \beta_9 log\_real\_inc'_{it} + \beta_{10} year2008'_{it} + \beta_{11} year2009'_{it} + \beta_{12} year2014'_{it} + \beta_{13} year2015'_{it} + \beta_{14} year2020'_{it} + \beta_{15} year2021'_{it} + \beta_{16} year2022'_{it} + \beta_{17} year2023'_{it} + \epsilon_{it}. \quad (4)$$

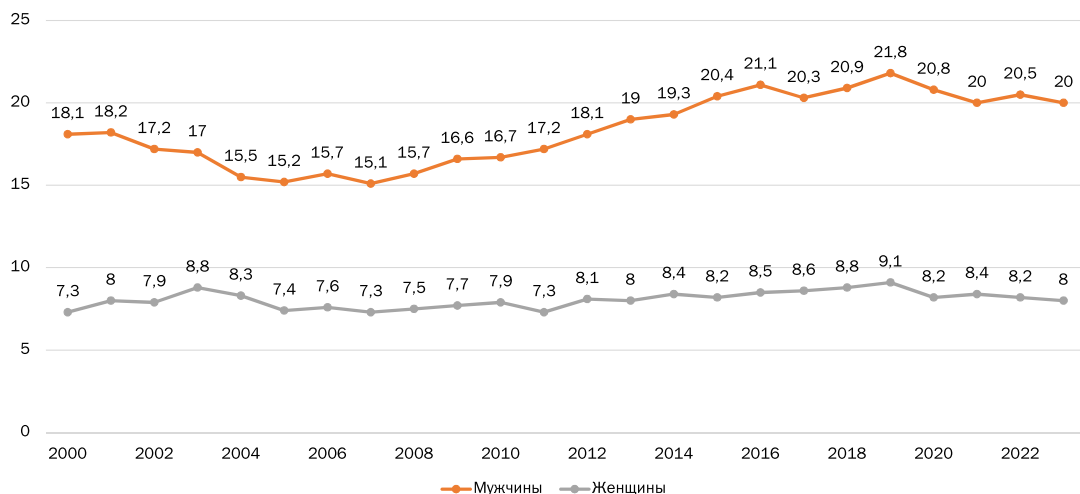
Сбор и предобработка данных производились в R-Studio и Python, расчеты и построение регрессий — в Stata 14. Кроме нахождения оценок коэффициентов, были найдены отношения шансов и средние (полу)эластичности (с помощью команды `aexlogit` в Stata).

Результаты дескриптивного анализа

Все результаты дескриптивного анализа представлены на рисунках 3—5. На рисунке 3 приводятся данные о динамике доли бывших курильщиков (в % от всех ре-

спондентов). Доля отказавшихся от курения мужчин плавно снижалась в период с 2001 по 2005 г., затем планомерно росла с 2008 по 2016 г., стабилизировалась на уровне 20—22% после 2016 г. Максимальный процент бывших курильщиков среди мужчин составлял 22% в 2019 г., а минимальный — 15% в 2007 г. У женщин показатели доли отказавшихся от курения менялись не так сильно: за все 23 года наблюдения доля бывших курильщиц колебалась в коридоре от 7,3% (самое низкое значение в 2000 и 2007 гг.) до 9,1% (самое высокое значение в 2019 г.).

Рис. 3. Динамика распространенности бывших курильщиков
(в % всех респондентов), 2000—2023 гг.

Обратим внимание на значительное снижение доли бывших курильщиков в 2020 г. по сравнению с 2019 г. (на 1 п. п. для мужчин и на 0,9 п. п. для женщин). Возможно, из-за COVID-19 и политики изоляции индивиды реже отказывались от курения. Для кризиса 2008 г. прослеживается обратный тренд — рост процента бывших курильщиков как среди мужчин, так и среди женщин (для мужчин этот рост выражен более явно). Во время валютного кризиса 2014—2015 гг. наблюдаем разнонаправленный характер изменений для респондентов разного пола — рост бывших курильщиков среди мужчин и незначительное снижение у женщин. Предположительно, разные кризисы могли оказать неодинаковый эффект на поведение курящих мужчин и женщин.

В рисунках 4.1—4.3 представлен процент мужчин и женщин, испытывающих стресс, в зависимости от уровня финансового стресса. Динамика показателей в целом схожа для обоих полов в каждой из категорий стресса, однако процент женщин, испытывающих умеренный уровень стресса, выше в сравнении с мужчинами на всем промежутке исследования, тогда как высокий и низкий уровень стресса чаще встречается у мужчин. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что мужчины и женщины могут реагировать на тот или иной уровень стресса неодинаково.

Рис. 4.1. Доля мужчин и женщин, испытывающих низкий уровень финансового стресса (в % от всех респондентов), 2000—2023 гг.

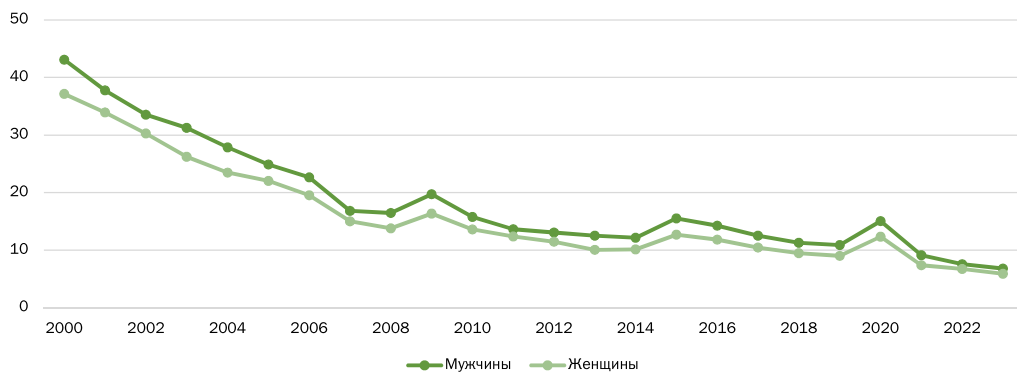

Рис. 4.2. Доля мужчин и женщин, испытывающих средний уровень финансового стресса (в % от всех респондентов), 2000—2023 гг.

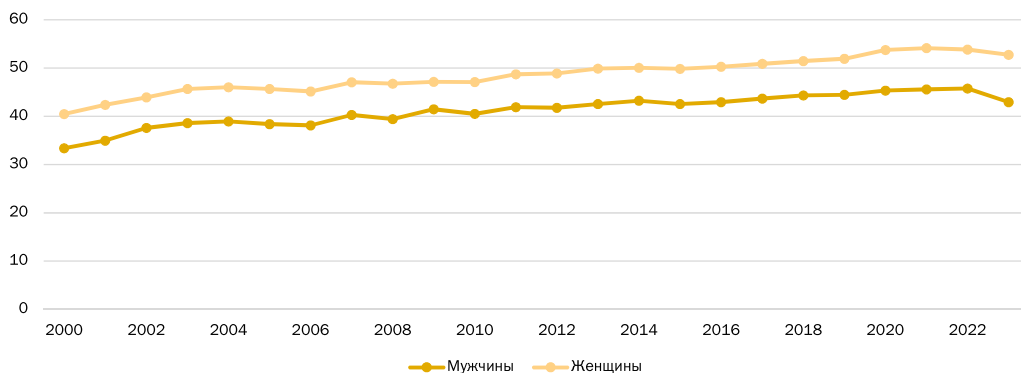
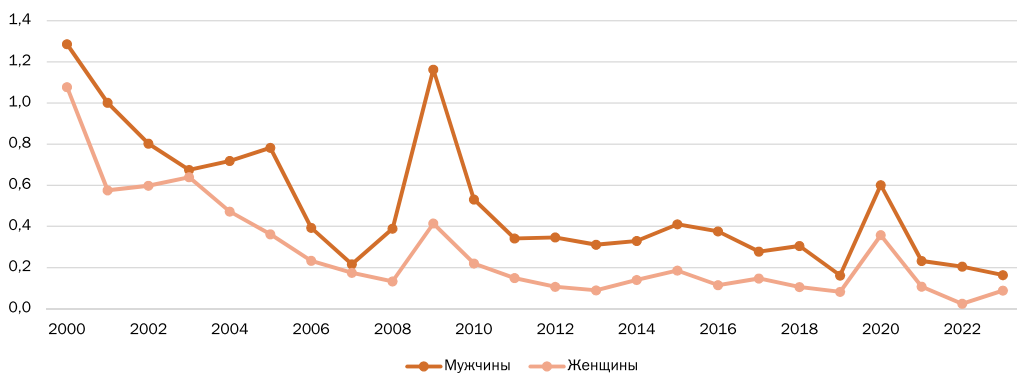

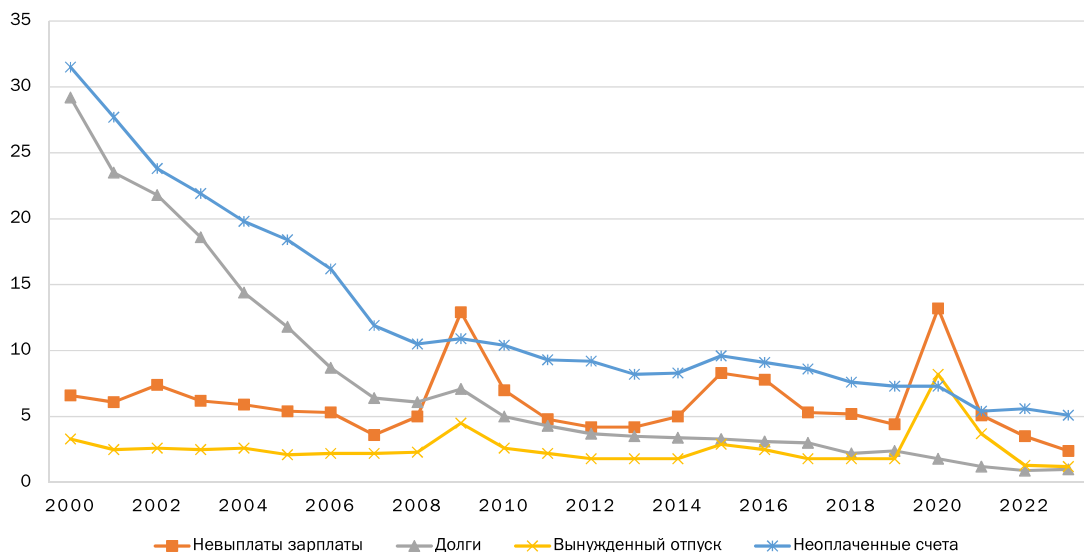
Рис. 4.3. Доля мужчин и женщин, испытывающих высокий уровень финансового стресса (в % от всех респондентов), 2000—2023 гг.

Также рисунки 4.1 и 4.3 показывают, что в кризисные и посткризисные годы (2008—2009, 2014—2015, 2020—2021, 2022—2023) заметно изменялся процент людей, испытывающих финансовый стресс. Лучше всего эти изменения заметны на графиках с динамикой низкого и высокого уровня стресса. Можно предположить, что кризис 2008—2009 гг. сильнее отразился на мужчинах, чем на женщинах. Также в периоды 2008—2009 и 2014—2015, 2022—2023 гг. снизилась доля тех, кто испытывал средний уровень стресса (для обоих полов). Вместе с тем людей с низким и средним уровнем стресса в разы больше, чем с высоким. Вероятно, люди, ощущавшие себя вполне устойчиво в спокойные годы, начинают испытывать усиление низкого и среднего уровня стресса в кризисные периоды.

Анализируя данные с рисунка 5, заметим, что в 2008—2009 гг. каждая компонента финансового стресса росла, то есть стало больше респондентов, испытывающих трудности во всех обозначенных категориях (невыплаты зарплаты, долги, вынужденный отпуск и неоплаченные счета). В 2014—2015 гг. также увеличился процент испытывающих стресс во всех категориях, кроме одной (стресс из-за невыплаты заработной платы на предприятиях). В 2019—2020 гг. произошел значительный рост доли тех респондентов, кому уменьшили заработную плату (или сокращали рабочие часы) и отправили в вынужденный отпуск (рост на 8,8 и 6,4 п. п. к предыдущему году соответственно). В этот же период стало меньше тех, у кого были какие-либо долги или неоплаченные счета (падение на 0,6 к предыдущему году соответственно). Сравнивая разные кризисы между собой, можно предположить, что 2008 г. оказал серьезное влияние как на трудности, связанные с работой, так и на стресс из-за невозможности оплаты финансовых счетов. 2020 г. спровоцировал рост финансового стресса, связанного с проблемами на работе.

Рис. 5. Доля людей, испытывающих финансовый стресс по его компонентам (в % от всех респондентов.), 2000—2023 гг.

По результатам дескриптивного анализа были сформулированы следующие гипотезы для дальнейшей проверки:

- 1) финансовый стресс способствует отказу от курения;
- 2) возможна нелинейная связь стресса с решением об отказе от курения;
- 3) воздействие финансового стресса на отказ от курения для мужчин и женщин будет различным;
- 4) кризисы разных лет (2008, 2014, 2020 и 2022) будут оказывать различный эффект на вероятность отказа от курения.

Регрессионный анализ

В таблицах 1 и 2 представлены результаты построения всех моделей. Во всех рассмотренных спецификациях подтверждается положительная связь между финансовым стрессом и вероятностью отказа от курения.

Наличие финансового стресса ассоциируется с ростом вероятности бросить курить для женщин (модель 1.2). При оценивании модели со шкалой стресса было получено, что с увеличением уровня стресса растет вероятность отказа от курения и у мужчин, и у женщин (модель 2.1 и 2.2 соответственно). Наконец, построение модели с разными уровнями стресса (модели 3.1 и 3.2) позволило выявить нелинейный характер связи между стрессом и вероятностью отказа от курения. Низкий уровень финансового стресса, по всей видимости, не мотивирует бросить курить ни женщин, ни мужчин. В то время как умеренный способствует отказу от курения и у мужчин, и у женщин. Вместе с тем мужчины, в отличие от женщин, подвержены влиянию как умеренного, так и высокого уровня стресса.

Как видно из таблиц 1—2, чем старше человек, тем ниже вероятность того, что он бросит курить, однако по достижении определенного возраста эта вероятность, наоборот, начинает увеличиваться. Скорее всего, это объясняется тем, что с возрастом обычно возникают или обостряются хронические заболевания, которые вынуждают человека бросить курить, несмотря на силу привычки. Это подтверждает и полученный результат для переменной плохой самооценки здоровья: если человек оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, это может стать для него фактором отказа от курения. Замужество (или сожитительство) положительно влияет на вероятность перейти в категорию бывших курильщиков как для мужчин, так и для женщин. Также увеличивает вероятность бросить курить наличие детей. Высокий уровень образования сказывается на вероятности бросить курить только для женщин: женщины с полным высшим образованием, вероятнее всего, бросят курить.

Таблица 1. **Оценки коэффициентов в логит-модели с фиксированными эффектами с использованием фиктивной переменной наличия стресса и переменной шкалы стресса (1 и 2)**

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
	(1.1)	(1.2)	(2.1)	(2.2)
Номер модели				
Есть финансовый стресс (модели 1.1 и 1.2)	0,0285 (0,0451)	0,0954* (0,0539)		
Уровень стресса в виде численной шкалы (модели 2.1 и 2.2)			0,0563** (0,0267)	0,0839*** (0,0326)

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Возраст	-0,0500**	-0,176***	-0,0474**	-0,174***
	(0,0201)	(0,0256)	(0,0201)	(0,0256)
Квадрат возраста	0,00275***	0,00358***	0,00271***	0,00355***
	(0,000243)	(0,000330)	(0,000243)	(0,000330)
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	0,227**	0,586***	0,235***	0,584***
	(0,0906)	(0,0763)	(0,0906)	(0,0763)
Есть ребенок/дети	0,184*	0,253**	0,185*	0,249**
	(0,0989)	(0,122)	(0,0990)	(0,122)
Законченное высшее образование и выше	-0,136	0,422***	-0,129	0,430***
	(0,117)	(0,128)	(0,117)	(0,128)
Плохая самооценка здоровья	0,497***	0,372***	0,491***	0,370***
	(0,0979)	(0,115)	(0,0980)	(0,115)
Логарифм реального среднедушевого дохода	-0,00672	-0,0381	0,000324	-0,0359
	(0,0394)	(0,0460)	(0,0394)	(0,0460)
Количество наблюдений	22119	13519	22119	13519
Количество групп (индивидов)	2584	1699	2584	1699
Логарифм правдоподобия	-7489,9	-4907,5	-7487,9	-4905,7
Вероятность (p-value)	0,000	1,65e-104	0,000	2,92e-105

Примечание. Стандартная ошибка в скобках, * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Таблица 2. **Оценки коэффициентов в логит-модели с фиксированными эффектами со всеми категориями стресса, где базовая категория — отсутствие стресса (3)**

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины
Номер модели	(3.1)	(3.2)
Низкий уровень стресса	-0,0759	0,00773
	(0,0560)	(0,0654)
Умеренный уровень стресса	0,123**	0,191***
	(0,0561)	(0,0675)
Высокий уровень стресса	0,449*	0,117
	(0,264)	(0,460)
Возраст	-0,0478**	-0,175***
	(0,0202)	(0,0256)
Квадрат возраста	0,00271***	0,00355***
	(0,000244)	(0,000331)
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	0,235***	0,582***
	(0,0907)	(0,0763)
Есть ребенок/дети	0,180*	0,245**
	(0,0990)	(0,122)
Законченное высшее образование и выше	-0,127	0,437***
	(0,117)	(0,128)
Плохая самооценка здоровья	0,492***	0,370***
	(0,0981)	(0,115)

Бывший курильщик	Мужчины	Женщины
Логарифм реального среднедушевого дохода	-0,00605	-0,0387
	(0,0395)	(0,0460)
Количество наблюдений	22 119	13 519
Количество групп (индивидов)	2 584	1 699
Логарифм правдоподобия	-7483,9	-4904,7
Вероятность (p-value)	0,000	6,55e-104

Примечание. Стандартная ошибка в скобках, * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Полученные оценки коэффициентов разных факторов устойчивы по своим знакам и значимости во всех построенных моделях, что говорит в пользу робастности выбранных спецификаций.

Из всех рассмотренных моделей выберем (3) и количественно оценим вклад разных факторов.

Ввиду того, что нахождение средних предельных эффектов в случае логит-модели с фиксированными эффектами неинформативно, посчитаем две разных величины: отношения шансов и среднюю (полу)эластичность (см. табл. 3).

Таблица 3. **Отношения шансов и средняя (полу)эластичность для отказа от курения для модели (3)**

Выборка	Мужчины (3.1)		Женщины (3.2)	
	ОШ	СЭ	ОШ	СЭ
Переменная				
Низкий уровень стресса	0,926	-0,048	1,007	0,004
Умеренный уровень стресса	1,131**	0,079**	1,211***	0,107***
Высокий уровень стресса	1,566*	0,286*	1,124	0,065
Возраст	0,953**	-0,031**	0,839***	-0,097***
Квадрат возраста	1,002***	0,002***	1,004***	0,002***
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	1,265***	0,150***	1,789***	0,325***
Есть ребенок/дети	1,197*	0,115*	1,277**	0,137**
Законченное высшее образование и выше	0,881	-0,081	1,547***	0,244***
Плохая самооценка здоровья	0,611***	0,314***	0,691***	0,206***
Логарифм реального среднедушевого дохода	0,994	-0,004	0,962	-0,022

Примечание. Базовая категория — отсутствие стресса. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 4, при прочих равных условиях вероятность отказа от курения при наличии умеренного уровня стресса по сравнению с его отсутствием выше на 13,1% — для мужчин и на 21,1% — для женщин. Высокий уровень стресса увеличивает вероятность бросить курить на 56,6% для мужчин.

Кроме того, умеренный уровень стресса на 7,9% для мужчин и на 10,7% для женщин увеличивает вероятность того, что они бросят курить. Вместе с тем высокий уровень стресса увеличит эту вероятность на 28,6%, если рассматривать только выборку мужчин.

Как видим, с добавлением фиктивных переменных на кризисы оценки коэффициентов для уровней стресса остались робастны и по значимости, и по своим знакам (см. табл. 4). Примечательно, что кризисы 2008 и 2020 гг. не оказали значимого влияния на женщин, однако женщины все же ощутили отложенный эффект потрясений в 2021 г. и 2022—2023 гг. Согласно результатам, кризисы 2008, 2020 и 2022 гг. схожим образом повлияли на поведение индивидов, снижая вероятность того, что они откажутся от вредной привычки. Напротив, кризис 2014—2015 гг. увеличивал вероятность отказа от курения. Такой результат может объясняться характеристикой самого кризиса 2014 г.: он был не таким глубоким в сравнении с 2008 или 2020, 2022 гг., а также проходил на фоне относительно высоких доходов. Вероятно, респонденты не так остро ощущали на себе последствия этого кризиса, а значит, им было легче отказаться от курения. Кроме того, как раз в этот период были введены ограничения на курение в общественных местах, что также могло стимулировать отказ от курения.

Таблица 4. **Оценки коэффициентов в логит-модели с фиксированными эффектами с фиктивными переменными на кризисы (4)**

Бывший курильщик	Мужчины (4.1)	Женщины (4.2)
Низкий уровень стресса	-0,0823 (0,0565)	0,00301 (0,0657)
Умеренный уровень стресса	0,109* (0,0564)	0,182*** (0,0677)
Высокий уровень стресса	0,466* (0,266)	0,0823 (0,468)
Возраст	-0,0275 (0,0206)	-0,173*** (0,0260)
Квадрат возраста	0,00281*** (0,000247)	0,00374*** (0,000337)
Состоят в зарегистрированном браке или проживают вместе	0,206** (0,0913)	0,580*** (0,0765)
Есть ребенок/дети	0,157 (0,0994)	0,237* (0,122)
Законченное высшее образование и выше	-0,165 (0,118)	0,408*** (0,129)
Плохая самооценка здоровья	0,485*** (0,0988)	0,362*** (0,115)
Логарифм реального среднедушевого дохода	-0,0302 (0,0400)	-0,0506 (0,0465)
2008 г.	-0,229** (0,0930)	-0,115 (0,109)
2009 г.	-0,0987 (0,0897)	-0,0616 (0,107)
2014 г.	0,147** (0,0716)	0,200** (0,0915)

Бывший курильщик	Мужчины (4.1)	Женщины (4.2)
2015 г.	0,148**	0,230**
	(0,0728)	(0,0920)
2020 г.	-0,277***	-0,138
	(0,0844)	(0,107)
2021 г.	-0,512***	-0,313***
	(0,0887)	(0,110)
2022 г.	-0,465***	-0,335***
	(0,0917)	(0,113)
2023 г.	-0,667***	-0,371***
	(0,0987)	(0,123)
Количество наблюдений	22119	13519
Количество групп (индивидов)	2584	1699
Логарифм правдоподобия	-7438,1	-4888,2
Вероятность (p-value)	0,000	1,99e-104

Примечание: Базовая категория — отсутствие стресса. * $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,01$.

Обсуждение

По результатам проделанной работы подтверждены все выдвинутые гипотезы. Во-первых, гипотеза 1 о том, что финансовый стресс может оказывать эффект на аддиктивное поведение курильщиков в России. Во-вторых, в рамках подтверждения 2 и 3 гипотез было показано, что финансовый стресс по-разному отражается на поведении мужчин и женщин. Так, если только умеренный стресс побуждает женщин задуматься о своем здоровье и бросить курить, то мужчины могут побороть вредную привычку в условиях и умеренного, и высокого стресса. По мнению некоторых исследователей, гендерные стереотипы, культивируемые в обществе, могут быть причиной того, что мужчины реже обращаются к врачам и меньше жалуются на проблемы со здоровьем [McLeod et al., 2016]. Исходя из этих стереотипов также традиционно подразумевается, что мужчины не должны проявлять эмоциональную слабость или демонстрировать огорчение, из чего следует, что они склонны недооценивать имеющийся уровень стресса и сообщать о нем только тогда, когда он достиг уже достаточно высокого уровня.

Гипотеза 4 также была подтверждена: кризисные периоды оказались связаны с решением об отказе от курения, однако их влияние на поведение курильщиков, по-видимому, определяется характером кризиса и природой экономических изменений. Во время кризиса 2008 г. (финансовый кризис), а также в период пандемийного (2020 г.) и санкционного (2022 г.) кризисов респонденты могли реже бросать курить, тогда как период 2014—2015 гг. (валютный кризис) способствовал отказу от курения. Можно предположить, что кризисы 2008, 2020 и 2022 гг. сильнее сказывались на эмоциональном и материальном состоянии респондентов и курящие на тот момент люди не могли справиться с растущей тревогой, поэтому начинали потреблять больше сигарет вместо того, чтобы бросить курение. То есть в случае этих трех кризисов эффект стресса оказался выше эффекта снижения дохода. Вместе с тем мужчины более восприимчивы к кризисам в сравне-

нии с женщинами. Возможно, это объясняется тем, что в российском обществе чаще именно мужчины считаются основными «добытчиками» в семье, из-за чего они более уязвимы к разного рода финансовым потрясениям. Исследователи из Новой Зеландии показали, что мужчины чаще сообщали о финансовых и рабочих проблемах, в то время как женщины в большей степени испытывали переживания из-за проблем со здоровьем и смерти близких [McLeod et al., 2016].

Полученные результаты не вполне совпадают с выводами исследователей из других стран [Siahpush, Carlin, 2006; Siahpush et al., 2009], что объясняется несколькими причинами. Во-первых, вопросы для измерения индивидуального уровня финансового стресса не были идентичными. Во-вторых, в вышеупомянутых работах авторы делают выводы на основе данных стран с высоким уровнем дохода и развитой системой социальной поддержки малообеспеченных семей. В-третьих, эти работы основываются на данных только двух и четырех волн исследования, тогда как отказ от курения или рецидивы могут происходить и спустя более длительное время. Таким образом, преимущество нашей работы заключается в проведении анализа на длительном периоде, что позволяет учесть отказ от курения даже с учетом большого стажа курения.

Главные ограничения исследования касаются особенностей используемых для анализа данных. Во-первых, в выборке РМЭЗ слабо представлены люди с очень высокими доходами, что стоит учитывать при интерпретации полученных результатов. Несмотря на то, что уровень дохода учтен в моделях, ввиду такого смещения выборки мы не видим эффект, оказываемый финансовым стрессом в высокодоходных группах, а значит, возможно преобладание эффекта дохода над эффектом кризиса. Во-вторых, вопросы, использованные для формирования финансовой шкалы стресса, напрямую затрагивают рабочую деятельность индивида, что накладывает ограничения на выборку респондентов. Так как выбраны ответы только работающих респондентов, игнорируется эффект стресса, который воздействует и на тех, у кого нет работы (например, пенсионеров или студентов). В-третьих, из-за отсутствия данных невозможно включить в анализ напрямую такие важные факторы, как меры антитабачной государственной политики и их восприятие респондентами.

Заключение

Воздействие финансового стресса на поведение курильщиков носит неоднозначный характер. С одной стороны, он может стать триггером отказа от вредной привычки. С другой стороны, если стресс характеризуется высокой интенсивностью, у женщин может снижаться вероятность отказа от курения. Это означает, что при разработке мер поддержки, направленных на удержание бывших курильщиков от рецидивов, важно учитывать индивидуальный уровень стресса.

Также следует иметь в виду, что различные события и факторы по-своему отражаются на разных типах курильщиков в зависимости от их социально-демографических (пол, возраст, семейное положение, образование и наличие детей) и личных (сила привычки, стаж курения) характеристик. Особое внимание стоит уделить гендерным различиям. Согласно полученным результатам, мужчины более чувствительны именно к высокому уровню стресса, в то время как жен-

щинам достаточно среднего уровня для отказа от курения. Такой результат может объясняться тем, что в целом мужчины курят больше, чем женщины, а значит, и их привычки сильнее, поэтому им нужны веские основания и причины (в данном случае более высокий уровень стресса), чтобы побороть вредную привычку. На примере российских данных было показано, что чем выше стаж курения, тем меньше вероятность бросить курить [Арженовский, 2008]. Поэтому нельзя игнорировать как интенсивность, так и стаж курения курильщиков как важные факторы при разработке антитабачных мер.

Вместе с тем кризисы также имели разное воздействие на поведение курильщиков ввиду разной природы их происхождения. Сильные кризисы (например, кризисы 2008, 2020 или 2022 гг.) в целом скорее снижают вероятность отказа от курения, поскольку индивид не в силах справиться с эмоциональным состоянием и может воспринимать сигареты как временное средство для снятия тревожности. В итоге это только усугубляет имеющуюся зависимость, не позволяя человеку бросить курить. Таким образом, меры государства, направленные на снижение распространенности курения и повышение мотивации по отказу от курения, должны в том числе учитывать возможный негативный эффект периодов экономической нестабильности.

Список литературы (References)

1. Арженовский С. В. Эконометрическое моделирование социально-экономических детерминант курения // Учет и статистика. 2008. № 9. С. 228—235.
Arzhenovsky S. V. (2008) Econometric Modeling of Socioeconomic Determinants of Smoking. *Accounting and Statistics*. No. 9. P. 228—235. (In Russ.)
2. Бессонова Е. А., Свеженцева К. И. Экономические кризисы XXI века: специфика, тенденции, последствия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11. № 3. С. 10—21.
Bessonova E. A., Svezhentseva K. I. (2021) Economic Crises of the 21 Century: Specifics, Trends, Consequences. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. Vol. 11. No. 3. P. 10—21. (In Russ.)
3. Бирюкова А. И. Статистический анализ изменений в потреблении табачной продукции в условиях пандемии COVID-19 // Вопросы статистики. 2022. Т. 29. № 5. С. 110—118. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-110-118>.
Biryukova A. I. (2022) Statistical Analysis of Changes in Tobacco Consumption amid the COVID-19 Pandemic. *Voprosy Statistiki*. Vol. 29. No. 5. P. 110—118. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-110-118>. (In Russ.)
4. Богданов М. Б., Лебедев Д. В. Структура и динамика курения в России в 1994—2016 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS — HSE). Вып. 8: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 149—171. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_149-171.

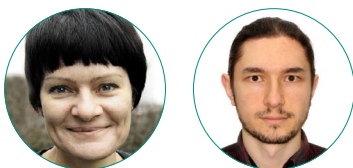
- Bogdanov M. B., Lebedev D. V. (2018) Structure and Dynamic of Tobacco Consumption in Russia, 1994—2016. In: Kozyreva P. M. (ed.) *Vestnik of The Russia Longitudinal Monitoring Survey—HSE (RLMS-HSE)*. Vol. 8. Moscow: HSE University. P. 149—171. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_149-171. (In Russ.)
5. Ермаков С. А. Влияние интенсивности потребления табака на заработные платы в России // *Прикладная эконометрика*. 2012. Т. 1. № 25. С. 70—94.
Ermakov S. A. (2012) The Impact of Smoking Intensity on Wages in Russia. *Applied Econometrics*. Vol. 25. No. 1. P. 70—94. (In Russ.)
  6. Засимова Л. С., Колосницына М. Г., Коссова Т. В., Шелунцова М. А., Бирюкова А. И., Макшанчиков К. Н., Золотарева А. А. Изменения в здоровом образе жизни в период пандемии COVID-19 и государственная политика: систематический обзор исследований // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2024. Т. 70. № 2. Ст. 12. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-2-12>.
Zasimova L. S., Kolosnitsyna M. G., Kossova T. V., Sheluntcova M. A., Biryukova A. I., Makshanchikov K. N., Zolotareva A. A. (2024) Changes in Healthy Lifestyle during COVID-19 Pandemic and State Policy: A Systematic Review of Studies. *Social Aspects of Population Health*. Vol. 70. No. 2. Art. 12. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-2-12>. (In Russ.)
  7. Засимова Л. С., Лукиных О. А. Оценка индивидуального спроса на табачную продукцию в России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2009. Т. 13. № 4. С. 549—574.
Zasimova L. S., Lukinykh O. A. (2009) Assessment of Individual Demand for Tobacco Products in Russia. *HSE Economic Journal*. Vol. 13. No. 4. P. 549—574. (In Russ.)
  8. Ким М. Д. Анализ издержек, связанных с табакокурением в России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2017. Т. 206. № 4. С. 182—199.
Kim M. D. (2017) Analysis of Costs of the Smoking in Russia. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. Vol. 206. No. 4. P. 182—199. (In Russ.)
  9. Локшин М., Саджая З. Экономические издержки курения: разница в зарплатах курящих и некурящих в России // *Прикладная эконометрика*. 2007. Т. 6. № 2. С. 60—80.
Lokshin M., Sajaia Z. (2007) The Economic Cost of Smoking: Differences in Wages between Smokers and Non-smokers in Russia. *Applied Econometrics*. Vol. 6. No. 2. P. 60—80. (In Russ.)
  10. Рощина Я. М. Микроэкономический анализ отдачи от инвестиций в здоровье в современной России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2009. Т. 13. № 3. С. 428—451.
Roshchina Ya. M. (2009) The Return on Investments into Health in Modern Russia: Microeconomic Analysis. *HSE Economic Journal*. Vol. 13. No. 3. P. 428—451. (In Russ.)
  11. Шульга Е. А. Потребление табачных изделий как фактор снижения производительности труда: экономический анализ потерь // *Прогрессивная экономика*. 2024. № 5. С. 7—16. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_5_7.

- Shulga E. A. (2024) Consumption of Tobacco Products as a Factor of Labor Productivity Reduction: Economic Analysis of Losses. *Progressive Economics*. Vol. 5. P. 7—16. https://doi.org/10.54861/27131211_2024_5_7. (In Russ.)
12. Archuleta K., Britt S., Tonn T., Grable. J. (2011) Financial Satisfaction and Financial Stressors in Marital Satisfaction. *Psychological Reports*. Vol. 108. No. 2. P. 563—576. <https://doi.org/10.2466/07.21.PR0.108.2.563-576>.
  13. Archuleta K., Dale A., Spann S. (2013) College Students and Financial Distress: Exploring Debt, Financial Satisfaction, and Financial Anxiety. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 24. No. 2. P. 50—62.
  14. Filippidis F. T., Schoretsaniti S., Dimitrakaki C., Vardavas C. I., Behrakis P., Connolly G. N., Tountas Y. (2014) Trends in Cardiovascular Risk Factors in Greece before and during the Financial Crisis: The Impact of Social Disparities. *European Journal of Public Health*. Vol. 24. No. 6. P. 974—979. <https://doi.org/10.1093/eurpub/cku028>.
  15. Gallus S., Ghislandi S., Muttarak R. (2015) Effects of the Economic Crisis on Smoking Prevalence and Number of Smokers in the USA. *Tobacco Control*. Vol. 24. P. 82—88.
  16. Gallus S., Tramacere I., Pacifici R., Zuccaro P., Colombo P., Ghislandi S., La Vecchia C. (2011) Smoking in Italy 2008—2009: A Rise in Prevalence Related to the Economic Crisis? *Preventive Medicine*. Vol. 52. No. 2. P. 182—183. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2010.11.016>.
  17. Garman E., Kim J., Kratzer C., Brunson B., Joo S. (1999) Workplace Financial Education Improves Personal Financial Wellness. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 10. No. 1. Art. 81.
  18. Jofre-Bonet M., Serra-Sastre V., Vandenborgh S. (2018) The Impact of the Great Recession on Health-Related Risk Factors, Behaviour and Outcomes in England. *Social Science & Medicine*. Vol. 197. P. 213—225. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.12.010>.
  19. Kalkhoran S., Berkowitz S., Rigotti N., Baggett T. (2018) Financial Strain, Quit Attempts, and Smoking Abstinence among US Adult Smokers. *American Journal of Preventive Medicine*. Vol. 55. No. 1. P. 80—88.
  20. Kim J., Garman E., Sorhaindo B. (2003) Relationships among Credit Counseling Clients' Financial Wellbeing, Financial Behaviors, Financial Stressor Events, and Health. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 14. No. 2. P. 75—87.
  21. Kim J., Tsoh J. (2016) Cigarette Smoking among Socioeconomically Disadvantaged Young Adults in Association with Food Insecurity and Other Factors. *Preventing Chronic Disease*. Vol. 13. Art. E08. <http://dx.doi.org/10.5888/pcd13.150458>.
  22. Kossova T., Kossova E., Sheluntsova M. (2018) Anti-Smoking Policy in Russia: Relevant Factors and Program Planning. *Evaluation and Program Planning*. Vol. 69. P. 43—52. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2018.04.006>.

23. Lazarus R. S. (1966) *Psychological Stress and the Coping Process*. New York, NY: McGraw-Hill.
24. McKenna C., Law C., Pearce A. (2017) Financial Strain, Parental Smoking, and the Great Recession: An Analysis of the UK Millennium Cohort Study. *Nicotine & Tobacco Research*. Vol. 19. No. 12. P. 1521—1525. <https://doi.org/10.1093/ntr/ntw269>.
25. McLeod G. F., Horwood L. J., Fergusson D. M., Boden J. M. (2016) Life-Stress and Reactivity by Gender in a Longitudinal Birth Cohort at 30 and 35 Years. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*. Vol. 51. No. 10. P. 1385—1394. <https://doi.org/10.1007/s00127-016-1254-z>.
26. Northern J., O'Brien W., Goetz P. (2010) The Development, Evaluation, and Validation of a Financial Stress Scale for Undergraduate Students. *Journal of College Student Development*. Vol. 51. No. 1. P. 79—92. <https://doi.org/10.1353/csd.0.0108>.
27. Prawitz A., Garman E., Sorhaindo B., O'Neill B., Kim J., Drentea P. (2006) Incharge Financial Distress/Financial Well-Being Scale: Development, Administration, and Score Interpretation. *Journal of Financial Counseling and Planning*. Vol. 17. No. 1. P. 34—50.
28. Ruhm C. J. (2005) Healthy Living in Hard Times. *Journal of Health Economics*. Vol. 24. No. 2. P. 341—363. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2004.09.007>.
29. Shapiro G., Burchell B. (2012) Measuring Financial Anxiety. *Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics*. Vol. 5. No. 2. P. 92—103. <https://doi.org/10.1037/a0027647>.
30. Shaw B., Agahi N., Krause N. (2011) Are Changes in Financial Strain Associated with Changes in Alcohol Use and Smoking among Older Adults? *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. Vol. 72. No. 6. P. 917—925. <https://doi.org/10.15288/jsad.2011.72.917>.
31. Siahpush M., Carlin J. (2006) Financial Stress, Smoking Cessation and Relapse: Results from a Prospective Study of an Australian National Sample. *Addiction*. Vol. 101. No. 1. P. 121—127. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2005.01292.x>.
32. Siahpush M., Spittal M., Singh G. (2007a) Association of Smoking Cessation with Financial Stress and Material Well-Being: Results from a Prospective Study of a Population-Based National Survey. *American Journal of Public Health*. Vol. 97. No. 12. P. 2281—2287.
33. Siahpush M., Spittal M., Singh G. (2007b) Smoking Cessation and Financial Stress. *Journal of Public Health*. Vol. 29. No. 4. P. 338—342. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdm070>.
34. Siahpush M., Yong H., Borland R., Reid J., Hammond D. (2009) Smokers with Financial Stress Are More Likely to Want to Quit but Less Likely to Try or Succeed: Findings from the International Tobacco Control (ITC) Four Country Survey.

- Addiction*. Vol. 104. No. 8. P. 1382—1390. <https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02599.x>.
35. Simonse O., Van Dijk W. W., Van Dillen L. F., Van Dijk E. (2024) Economic Predictors of the Subjective Experience of Financial Stress. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. Vol. 42. Art. 100933. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2024.100933>.
36. Starrin B., Åslund C., Nilsson K. (2009) Financial Stress, Shaming Experiences and Psychosocial Ill-Health: Studies into the Finances-Shame Model. *Social Indicators Research*. Vol. 90. No. 2. P. 283—302. <https://doi.org/10.1007/s11205-008-9286-8>.
37. Widome R., Joseph A., Hammett P., Van Ryn M., Nelson D. et al. (2015) Associations between Smoking Behaviors and Financial Stress among Low-Income Smokers. *Preventive Medicine Reports*. Vol. 2. P. 911—915. <https://doi.org/10.1016/j.pmedr.2015.10.011>.
38. Van Dijk W. W., Van der Werf M. M. B., Van Dillen L. F. (2022) The Psychological Inventory of Financial Scarcity (PIFS): A Psychometric Evaluation. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. Vol. 101. Art. 101939. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2022.101939>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3048](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3048)

О. Е. Кузина, А. Я. Абдураманов

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ, ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА И ФИНАНСОВАЯ АВТОНОМИЯ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Кузина О. Е., Абдураманов А. Я. Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 71—97. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3048>.

For citation:

Kuzina O. E., Abduramanov A. Y. (2025) Financial Literacy, Financial Culture, and Financial Autonomy of Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 71–97. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3048>. (In Russ.)

Получено: 17.06.2025. Принято к публикации: 15.10.2025.

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ, ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА И ФИНАНСОВАЯ АВТОНОМИЯ МОЛОДЕЖИ

КУЗИНА Ольга Евгеньевна — кандидат экономических наук, PhD, профессор кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: okuzina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4760-8780>

АБДУРАМАНОВ Артем Ягьяевич — аспирант, Международный институт экономики и финансов НИУ ВШЭ, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия
E-MAIL: aabduramanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8099-0494>

Аннотация. Цель статьи заключается в оценке уровня финансовой грамотности и финансовой автономии российских подростков в возрасте 15–19 лет, обучающихся в школах, ссузах и вузах, а также в выявлении взаимосвязи их финансовой автономии с социально-демографическими характеристиками. Авторы статьи сначала рассматривают существующие подходы к определениям финансовой культуры и финансовой автономии молодежи, затем предлагают обоснование операционализации финансовой автономии и оценивают ее уровень в целом и по отдельным компонентам, а также выявляют ее взаимосвязь с социально-демографическими характеристиками. В качестве базы данных используются результаты онлайн-опроса школьников, студентов ссузов и вузов, собранные в ноябре — декабре 2023 г. Выборка репрезентирует российских подростков 15–19 лет, которые проживают на территории РФ в городах с населением 100 тыс. человек и более, обучаются

FINANCIAL LITERACY, FINANCIAL CULTURE, AND FINANCIAL AUTONOMY OF YOUTH

Olga E. KUZINA¹ — Cand. Sci. (Econ.), PhD, Professor, Department of Economic Sociology; Senior Research Fellow at Laboratory for Studies in Economic Sociology
E-MAIL: okuzina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4760-8780>

Artem Ya. ABDURAMANOV¹ — Postgraduate Student at International College of Economics and Finance
E-MAIL: aabduramanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8099-0494>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study aims at assessing the level of financial literacy and financial autonomy among Russian adolescents aged 15–19 and studying in schools, colleges, and universities, and to identify the relationship between their financial autonomy and socio-demographic characteristics. The authors first review existing approaches to defining financial culture and financial autonomy among young people. Then the authors propose a rationale for operationalizing financial autonomy and assess its level overall and by individual components, as well as identify its relationship with socio-demographic characteristics. Empirically, the study bases on the data coming from an online survey of schoolchildren and students of colleges and universities, collected in November — December 2023. The sample represents Russian adolescents aged 15–19 who live in cities with a population of 100,000 or more, attend school, college, or university, and have internet access. A quarter of the adolescents surveyed demonstrated a high level of

в школе, ссузе или вузе, имеют доступ к интернету. Четверть опрошенных подростков показали высокий уровень финансовой грамотности, низкий уровень выявлен у трети респондентов. Наиболее финансово грамотными оказались студенты вузов, тогда как наименее грамотными — студенты ссузов. Среднее значение финансовой автономии составляет 3,8 балла из 9 возможных. Выявлено, что финансовая автономия увеличивается с возрастом; у юношей она выше, чем у девушек; получение знаний о финансах из школьных курсов и интернета положительно связано с финансовой автономией подростков.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая компетентность, финансовая культура, финансовая автономия, экономическое поведение подростков

Благодарность. В данной научной работе использованы результаты проекта «Потребление и экономическое поведение домашних хозяйств в России, 2025—2027 гг.», поддержанного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Повышение финансовой грамотности молодежи остается неизменно актуальной задачей для политики финансового просвещения населения, поскольку как для самих людей, так и для финансовых рынков важно, чтобы финансовая грамотность и компетентность выходящих на рынок финансовых услуг новых когорт людей позволяла им с выгодой для себя пользоваться всеми имеющимися услугами и продуктами.

В мониторинговом исследовании уровня финансовой грамотности россиян, которое проводится Банком России¹ начиная с 2017 г., был сделан вывод, что за последние семь лет произошли положительные изменения как в финансовой грамотности, так и в финансовом поведении россиян 14—22 лет. Так, уровень финансовой грамотности в этой группе увеличивался более высокими темпами по сравнению с остальными возрастными группами. Полученные данные свидетельствуют также о большей осознанности молодежи: молодые люди чаще, чем

financial literacy, while a third of respondents demonstrated a low level. University students were found to be the most financially literate, while college students were the least literate. The average financial autonomy scored 3.8 out of 9. The estimates show that financial autonomy increases with age; it is higher among males than among females; and acquiring financial knowledge from school courses and the internet is positively associated with adolescents' financial autonomy.

Keywords: financial literacy, financial competence, financial culture, financial autonomy, economic behavior of adolescents

Acknowledgments. This paper is based on the results of the project «Household Consumption and Economic Behavior in Russia, 2025–2027» supported within the HSE Fundamental Research Program.

¹ Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 25.05.2025).

представители более старших возрастов, ориентированы на планирование финансов и на заботу о завтрашнем дне, для большинства из них характерен внутренний локус ответственности за свое материальное положение, при выборе финансовых услуг они чаще остальных сравнивают условия, предлагаемые разными финансовыми организациями. Результаты совместного исследования «Ингосстрах» и НАФИ² показали, что среди молодежи, к которой в данном исследовании были отнесены люди 18—35 лет, подавляющее большинство (93% опрошенных) имеют опыт зарабатывания денег путем постоянного трудоустройства или подработки, причем почти каждый второй начал работать и зарабатывать уже в подростковом возрасте. При этом в группе до 23 лет каждый третий молодой человек пользовался финансовой поддержкой родителей, полностью за счет родителей жили всего 15% студентов. Несмотря на положительную динамику, по данным ежегодных опросов НАФИ, финансовая грамотность молодежи ниже, чем в группах людей более старшего возраста³.

В новой версии национальной Стратегии финансового просвещения, принятой Правительством РФ в 2023 г.⁴, помимо дальнейшего повышения финансовой грамотности населения в качестве цели ставится задача формирования финансовой культуры, которая определяется как «ценности, установки и поведенческие практики граждан в финансовой сфере, зависящие от воспитания, уровня финансовой грамотности, опыта принятия финансовых решений, уровня развития финансового рынка и общественных институтов»⁵. Таким образом, акцент смещается с *финансовой грамотности*, понимаемой как знания, умения и навыки по управлению личными финансами, на *финансовую культуру*, для формирования которой важны не только знания и навыки о финансах, но также ценности и установки финансово ответственного поведения.

В академической литературе нет общепринятого определения понятия финансовой культуры, зачастую понятия финансовой культуры и финансовой грамотности используются синонимично. В самом общем виде финансовую культуру можно определить как часть культуры общества, которая включает совокупность знаний, ценностей, норм, навыков и ответственного поведения в сфере управления личными и семейными финансами [Reuter, 2011]. Приобретение человеком ценностных установок и усвоение норм поведения, принятых в обществе, происходят в процессе социализации, наиболее важные этапы которой — детство и юность. Социализация в детстве и юности формирует габитус [Бурдые, 2001] — систему прочно приобретенных схем мышления и восприятия, которые определяют поведение людей, их вкусы, манеры, образование, стиль жизни и реакции на разные

² Жизнь за свой счет: когда молодые россияне становятся финансово независимыми // Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). URL: <https://nafif.ru/analytics/zhizn-za-svoy-schet-kogda-molodye-rossiyane-stanovyatsya-finansovo-nezavisimymi/> (дата обращения: 25.05.2025).

³ Финансовая грамотность россиян 2023 // Национальное агентство финансовых исследований. URL: <https://nafif.ru/projects/finansy/finansovaya-gramotnost-rossiyan-2023/> (дата обращения: 01.06.2025). Финансовая грамотность россиян 2024 // Национальное агентство финансовых исследований. <https://nafif.ru/projects/finansy/finansovaya-gramotnost-rossiyan-2024/> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s3Z2QoUgqP7fd.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

⁵ Там же.

жизненные ситуации. Сформированный в детстве и юношестве габитус сложно изменить, поэтому столь важны годы его первичного формирования. Для финансовой культуры такой период — старшие классы средней школы и студенчество. К этому времени большинство молодых людей уже приобретают некоторую степень финансовой самостоятельности: могут распоряжаться личными деньгами, имеют доступ к некоторым финансовым инструментам, таким как банковские карты и электронные кошельки, получают первый опыт зарабатывания денег.

Однако молодежь еще не в полной мере вовлечена в пользование финансовыми услугами, многие из которых либо недоступны из-за ограничений по возрасту, либо не актуализированы в системе потребностей. Тем не менее можно говорить о финансовой автономии, определяемой нами не как финансовая независимость, а как некоторый набор знаний, ценностей, норм, навыков и ответственного поведения в сфере управления личными финансами, формирование которых в детском и юношеском возрасте будет способствовать финансово грамотному поведению в будущей взрослой жизни. Какие практики финансового поведения распространены среди школьников старших классов и студентов? Каков уровень их финансовой грамотности и насколько сформированы базовые навыки их финансового поведения? Готовы ли они к ответственному отношению к своим финансам в будущей взрослой жизни? С какими характеристиками связана большая или меньшая степень их финансовой автономии в настоящее время?

Объект исследования — российские подростки 15—19 лет, обучающиеся в школах, ссузах и вузах РФ. Предмет исследования — уровень их финансовой грамотности (знаний) и финансовой автономии (знаний, ценностей, норм, навыков и ответственного поведения в сфере управления личными финансами), а также связь финансовой автономии с социально-демографическими характеристиками подростков.

Цель работы — оценить уровень финансовой грамотности и финансовой автономии российских подростков 15—19 лет, обучающихся в школах, ссузах и вузах РФ, а также выявить взаимосвязь их финансовой автономии с социально-демографическими характеристиками на основе базы данных опроса школьников, студентов ссузов и вузов, проведенного в рамках большого проекта НИУ ВШЭ «Потребление и экономическое поведение домашних хозяйств» (ЭПДХ).

Понятия финансовой грамотности, финансовой культуры и финансовой автономии молодежи

В исследовательской литературе понятие финансовой грамотности появилось несколько десятилетий назад. На сегодняшний день существует несколько подходов к ее определению и измерению. Первый — это *финансовая грамотность в широком смысле слова*, которая включает в себя «сочетание осведомленности, знаний, навыков, установок и поведения, необходимых для принятия разумных решений в области личных финансов для достижения индивидуального финансового благополучия» [OECD, 2011: 3]. В более поздних документах организации понятие финансовой грамотности было адаптировано для разных целевых групп. В частности, в отношении молодежи его определение было уточнено для использования в исследованиях Международной программы по оценке образователь-

ных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA): «Знание и понимание финансовых терминов и финансовых рисков, а также навыки, мотивация и уверенность в применении таких знаний и понимания для принятия эффективных решений в различных финансовых контекстах, для улучшения финансового благополучия отдельных лиц и общества, а также для обеспечения участия в экономической жизни» [OECD, 2015: 9]. Данные определения в обеих версиях демонстрируют наиболее широкий охват самых разных аспектов финансовой грамотности, включая как знания, так и то, что можно отнести к элементам финансовой культуры: установки и мотивацию.

Второй подход фокусируется исключительно на знаниях о сфере финансов и финансовой арифметике, это *финансовая грамотность в узком смысле слова*. Данный подход был впервые предложен А. Лусарди и О. С. Митчел [Lusardi, Mitchel, 2006] в их исследованиях стратегий пенсионных сбережений. В дальнейшем этот подход получил большую популярность у исследователей. Казалось бы, сужение финансовой грамотности до компонента знаний значительно обедняет данное понятие, поскольку не принимает во внимание все остальные важные аспекты. Однако авторы убедительно обосновали свое решение тем, что знания могут быть измерены объективно через тестовые задания, тогда как вопросы на установки, мотивацию и поведение предполагают ответы в форме самооценок, которые больше подвержены смещениям. Помимо этого, операционализация понятия финансовой грамотности в широком смысле, с одной стороны, перегружает анкету, требуя большого количества вопросов, а с другой — приводит к трудноразрешимой проблеме создания составного индекса, для чего необходимо найти формулу сведения множества ответов на разные вопросы в единую оценку.

Третий подход рассматривает финансовую грамотность как *финансовую компетентность* [Kempson, Collard, Moore, 2005; Kempson, Perotti, Scott, 2013], в которой первостепенное значение имеют не знания, а установки и мотивация. В основе этого подхода лежит идея о том, что наличие знаний в области личных финансов еще не свидетельствует о высоком уровне финансовой грамотности. Важно, чтобы индивиды помимо знаний имели правильные установки, а также следовали им в своей повседневной жизни. Это понятие наиболее близко к понятию финансовой культуры, так как в фокусе внимания исследователей находятся не столько знания о личных финансах, сколько их ценностные установки и мотивации. Более подробные описания разных концептуальных подходов к определению финансовой грамотности представлены в других работах [Кузина, 2015; Ouachani, Belhassine, Kammoun, 2020], как и адаптация методологии оценивания финансовой грамотности и финансовой компетентности для молодежи [Johnson, Sherraden, 2007; Totenhagen et al., 2015; Xiao et al., 2022].

В исследованиях финансовой грамотности данные многих страновых и межстрановых исследований показывают, что, несмотря на существующие образовательные усилия, молодые люди обладают более низким уровнем финансовых знаний, чем представители старших возрастных групп. Недостаток знаний у молодежи по сравнению с людьми старших возрастов был выявлен в большинстве стран ЕС и в США [Lusardi, Streeter, 2023; Demertzis, Mejino-López, Léry Moffat, 2024]. Семья и школа являются первыми и основными источниками финансовой грамот-

ности для детей [Mandel, Hanson, 2009]. Дети учатся у своих родителей обращаться с деньгами и принимать финансовые решения [Mandell, Klein, 2007; Jorgensen, Savla, 2010; Hanson, Olson, 2018; Maldonado, De Witte, Declercq, 2022]. Школа также играет важную роль, особенно если родители не могут выступать в качестве наставников и служить образцами ответственного финансового поведения. Если дети учатся финансовым знаниям и навыкам вместе со взрослыми и сверстниками под руководством преподавателей, то это позволяет добиться долгосрочного улучшения финансовых привычек всех участников [Mancone et al., 2024].

Понятие финансовой культуры в отличие от понятий финансовой грамотности или финансовой компетентности пока не так часто используется в академических публикациях в качестве концептуальной рамки для эмпирической стратегии исследования. Часто речь идет о привлекательности самой идеи того, что «культура имеет значение» [Harrison, Huntington, 2000], что культурные ценности, привычки, устоявшиеся в обществе паттерны поведения и другие черты культуры могут помочь объяснить финансовое поведение, особенно в той его части, где стандартная экономическая теория не работает [Williamson, 2010]. Исследования, в которых этот подход реализован в эмпирической стратегии, нацелены на выявление связи культурных различий с финансовым поведением или на данных межстрановых исследований [Park, Lemaire, 2011; Rodríguez-Planas, 2018; Huber, Schmidt, 2019; Shostya, Banai, 2023], или на сравнении финансового поведения мигрантов, социализировавшихся в иных культурных условиях, с поведением населения принимающей страны [Costa-Font, Giuliano, Ozcan, 2018; Marcén, Morales, 2020], или на сочетании обоих подходов [Ek, Gokmen, Majlesi, 2022].

Исходной предпосылкой в исследованиях финансовой культуры служит предположение, что финансовая культура населения весьма устойчива, изменения в ней происходят в связи со сменой поколений или в результате увеличения доли населения с иными культурными практиками. Для решения поставленной в обновленной Стратегии повышения финансовой грамотности в России задачи формирования финансовой культуры населения, которая бы способствовала финансово грамотному поведению домохозяйств и принятию ими правильных финансовых решений, необходимо сосредоточить усилия на социализации молодежи. Это важно, так как именно в формирующий период жизненного цикла под влиянием социальных институтов (семьи, школы и др.) у подростков формируются те схемы мышления и восприятия, которые будут определять их «финансовый габитус» — отношение к деньгам и финансовым институтам, привычки и стиль жизни, реакции на разные жизненные ситуации в финансовой сфере.

В исследованиях финансовой культуры детей и подростков есть несколько нерешенных методологических сложностей. Первая заключается в том, что многие виды финансового поведения для них неактуальны (например, ипотечное кредитование или пенсионные сбережения), а следовательно, необходима адаптация инструментария исследования под те компетенции в области личных финансов, которые релевантны для детей и подростков. Вторая проблема связана с тем, что финансовая культура подростков находится в процессе становления, причем достаточно быстро — имеет значение каждый прожитый год. Так, например, финансовая автономия, понимаемая как отделение молодых людей от родительской

семьи и приобретение ими финансовой независимости, еще невозможна до совершеннолетия ребенка, достаточно проблематична во время обучения (из-за сложности совмещения работы и учебы) и желательна после его окончания.

Таким образом, рассмотренные нами понятия и подходы позволяют обосновать следующую концептуальную рамку для нашего исследования. Финансовая культура понимается нами через ценностные установки в отношении зарабатывания и использования денег, знания и сформированные навыки обращения с финансовыми инструментами, а также устоявшиеся паттерны финансового поведения. Финансовая культура на макроуровне может быть сведена к некому единому общему индикатору, характеризующему ее для населения всей страны, и используется в кросс-культурных и межстрановых исследованиях, тогда как на микроуровне финансовая культура является частью культурного капитала индивида [Бурдые, 2001], а следовательно, варьируется в зависимости от социально-экономического статуса самого индивида и его семьи. Важная особенность понимания финансовой культуры через теоретическую оптику понятия культурного капитала заключается в том, что она является частью инкорпорированных в процессе социализации схем мышления и действия, которые не подвергаются сомнению и воспринимаются индивидами как само собой разумеющиеся.

В таком определении понятие финансовой культуры в значительной степени пересекается с понятиями финансовой компетентности (установки и мотивация), финансовой грамотности в узком смысле слова (знания и навыки) и финансового поведения. Для эмпирического исследования мы используем индикаторы финансовой грамотности, финансовой компетентности и финансового поведения как маркеры финансовой автономии, выбирая те из них, которые характеризуют формирование культурного капитала подростков и закладывают схемы мышления и действия в области личных финансов. Под финансовой автономией мы понимаем набор знаний, ценностей, норм, навыков и ответственного поведения в сфере управления личными финансами, формирование которых в детском и юношеском возрасте будет способствовать финансово грамотному поведению в будущей взрослой жизни.

Методология

В качестве основной базы данных используются результаты опроса школьников, студентов ссузов и вузов. Данные собраны в рамках проекта НИУ ВШЭ «Экономическое поведение домашних хозяйств» (ЭПДХ) в ноябре — декабре 2023 г. в формате самозаполнения онлайн-анкеты (CAWI). Приглашение к участию в опросе распространялось среди участников потребительской онлайн-панели компании OMI в период с 16 по 23 ноября 2023 г. (основной сбор) и среди первокурсников российских вузов в период с 18 по 20 декабря 2023 г. (дополнительный сбор). Выборка составила 2062 человека, она репрезентирует российских подростков 15—19 лет, проживающих на территории РФ в городах с населением 100 тыс. человек и более, обучаются в школе, ссузе или вузе, имеют доступ к интернету. Дополнительно используется (для сравнения значений самооценки финансовой грамотности и практик ведения письменного учета доходов и расходов подростков и взрослых) база данных Всероссийского опроса населения по за-

казу Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ, проведенного в 2024 г., размер выборки которой составляет 1600 респондентов в возрасте от 18 лет.

В качестве методов анализа исходных данных применяются описательная статистика, сравнительный анализ с использованием статистических критериев, регрессионный анализ. Для оценки связи финансовой автономии с социально-демографическими характеристиками подростков выбран метод наименьших квадратов на кросс-секционных данных с применением робастных стандартных ошибок. В данном случае размер выборки основной базы данных (ЭПДХ) составляет 1494 наблюдения (респонденты 15—19 лет), что меньше изначальной выборки из-за пропущенных данных по контрольным переменным, в частности по размеру располагаемого бюджета и уровню образования родителей. Ниже представлено описание основных переменных, используемых для регрессионного анализа.

Переменная отклика:

Зависимая переменная финансовая автономия — индекс, рассчитанный в виде суммы 9 дамми-переменных со значением 1, если респонденты обладали:

1. *Опытом зарабатывания и распоряжения денежными средствами:*
    - имели денежные средства в личном распоряжении;
    - получали часть средств в виде стипендий, призовых выплат за победу в олимпиадах, соревнованиях, конкурсах, заработков на оплачиваемой работе вне дома (репетиторство, присмотр за чужими детьми, доставка товаров, SMM и так далее), доходов от монетизации в социальных сетях или заработков в онлайн-играх.
  2. *Навыками:*
    - вели письменный учет своих денежных поступлений и расходов (полный или частичный);
    - использовали для этого цифровые или бумажные носители информации;
    - знали точно, какой суммой денег располагают.
  3. *Установками:*
    - имели установку на планирование своих расходов на следующий месяц и следование этому плану.
  4. *Опытом сберегательного поведения:*
    - когда получали деньги, не тратили их полностью, а каждый раз или в большинстве случаев откладывали какую-то их часть на будущее;
    - имели опыт сберегания более чем на месяц.
  5. *Финансовой грамотностью:*
    - правильно ответили на четыре из шести тестовых вопросов по финансовой грамотности на знание расчетов простого и сложного процентов, связи доходности с риском, инфляции, относительности величин (см. табл. 1 Приложения).
- Социально-демографические характеристики респондентов:

Пол — дамми-переменная со значением 1, если пол респондента женский, 0 — мужской.

Возраст — количество полных лет респондента.

Высшее образование — дамми-переменная со значением 1, если респондент обучается в вузе.

Высшее образование матери — дамми-переменная со значением 1, если у матери респондента имеется высшее образование.

Высшее образование отца — дамми-переменная со значением 1, если у отца респондента имеется высшее образование.

Располагаемый бюджет (логарифм, руб. в месяц) — размер ежемесячных денежных средств в рублях, которыми респондент может распоряжаться. Средства могут поступать из различных источников: деньги на карманные расходы от родителей/опекунов, государственные пособия, призовые выплаты за победу в олимпиадах, соревнованиях, конкурсах и т. д. Переменная логарифмирована для достижения нормального распределения.

Знания о финансах из школы — дамми-переменная со значением 1, если респондент сообщил, что получил знания и умения о финансовой грамотности в школе на уроках по финансовой грамотности.

Знания о финансах от друзей и знакомых — дамми-переменная со значением 1, если респондент сообщил, что получил знания и умения о финансовой грамотности от друзей и знакомых.

Знания о финансах из интернета — дамми-переменная со значением 1, если респондент сообщил, что получил знания и умения о финансовой грамотности в интернете (интервью с экспертами, онлайн обзоры, профильные каналы в мессенджере).

Федеральный округ — переменная с восьмью категориями в соответствии с регионом проживания респондента в одном из федеральных округов Российской Федерации: ЦФО, СЗФО, ЮФО, СКФО, ПФО, УФО, СФО, ДВФО.

Описательная статистика используемых в регрессиях переменных представлена в таблице 2 Приложения. Для проверки устойчивости коэффициентов переменных используется подход поэтапного добавления переменных в модель. В связи с высокой корреляцией (0,5) переменных возраста и уровня образования подростков (см. табл. 3 Приложения) последняя переменная исключена из моделей, однако дополнительно используются модели для двух выборок по уровню образования подростков: первая со средним образованием и ниже, вторая — с высшим.

Результаты

Описательная статистика

Источники личных денег. В данном разделе нас интересует, имеют ли подростки деньги, которыми могут распоряжаться лично, каков их объем и из каких источников они получены.

Подавляющее большинство опрошенных школьников и студентов (88%) имеют деньги, которыми могут распоряжаться самостоятельно. Причем юноши (91%) чаще девушек (86%) имеют в своем распоряжении личные деньги, студенты вузов (94%) — чаще, чем студенты ссузов (89%) или школьники (85%).

В среднем подростки получают деньги из двух-трех источников. Самые распространенные источники получения денежных средств — карманные деньги от родителей или опекунов (70%) и денежные подарки (54%). При этом студенты ссузов (66%) и вузов (69%) реже школьников (72%) получают карманные деньги от родителей, однако нет статистически значимых различий в распространенности вы-

плат денег за хорошую учебу от родителей (17 % в среднем по выборке). Около половины студентов ссузов и вузов получают стипендию, причем среди студентов доля тех, кто сам распоряжается положенными им государственными пособиями, в два раза больше, чем у школьников. Имеет работу или подрабатывает каждый пятый школьник (20 %), каждый четвертый студент ссуза (23 %), и каждый третий студент вуза (31 %) (см. табл. 1 [онлайн-приложения](#)).

Есть статистически значимые гендерные различия в источниках денежных поступлений у подростков. Среди студентов вузов девушки чаще получают деньги на карманные расходы от родителей (75 % в сравнении с 60 % юношей) и подарки (60 % и 46 % соответственно), тогда как юноши в этой подгруппе чаще девушек получают стипендию (58 % в сравнении с 48 %). В ссузах юноши чаще девушек зарабатывают на монетизации в социальных сетях (8 % по сравнению с 3 %). В отличие от студентов ссузов юноши-школьники и юноши — студенты вузов чаще девушек в своей подгруппе имеют оплачиваемую работу или подработку вне дома: 37 % студентов по сравнению с 28 % студенток, 26 % школьников по сравнению с 17 % школьниц.

В целом по выборке независимо от уровня обучения юноши несколько чаще получают вознаграждение от родителей или опекунов за хорошую учебу (19 %), чем девушки (15 %); также юноши (13 %) чаще девушек (4 %) зарабатывают на онлайн-играх. Нет различий между юношами и девушками в доле тех, кто самостоятельно распоряжается положенными им государственными пособиями (в среднем 11 %) и деньгами от родителей за выполнение домашних обязанностей (8 %) (см. табл. 2 [онлайн-приложения](#)).

Вероятность иметь оплачиваемую рыночную занятость увеличивается с возрастом: если в 15—18 лет работают 18—27 % опрошенных, то в 19 лет эта доля вырастает до 44 %. Размер месячного бюджета, которыми школьники и студенты располагают, составлял в среднем 11649 руб. в месяц. Поскольку среднее арифметическое значение чувствительно к выбросам, правильнее ориентироваться на среднее, рассчитанное за исключением 5 % минимальных и максимальных выбросов и пропущенных значений — 8171 руб., а также медиану — 5000 руб. Студенты распоряжаются деньгами, в 3,5 раза превышающими те, что есть у школьников. Если подростки подрабатывали на оплачиваемой работе вне дома (репетиторство, присмотр за чужими детьми, доставка товаров, SMM и т. п.), то это увеличивало их бюджет в среднем в два раза (с 5000 руб. до 10000 рублей по медиане) (см. табл. 3 [онлайн-приложения](#)).

Пользование финансовыми услугами

В данном разделе нас интересовал охват использованием финансовыми услугами среди школьников, студентов ссузов и вузов.

Наиболее популярными финансовыми инструментами, которыми пользовались школьники и студенты, были банкоматы (64 %), банковские карты (54 %) и платежные терминалы (48 %). Заемщиков и пользователей криптовалюты — единицы процентов. В среднем по выборке пользуются 2,8 финансовыми услугами.

Активнее всего к финансовым услугам прибегали студенты вузов. Они значимо чаще среднего пользовались банкоматами (70 %), банковской картой (60 %), пла-

тежными терминалами (59%), мобильным банкингом (30%, что в 2,5 раза превышает аналогичный показатель у школьников) и интернет-банкингом (20%, что в почти 3 раза превышает аналогичный показатель у школьников). Учащиеся ссузов по большинству показателей находятся посередине между школьниками и студентами вузов. Среди школьников и студентов ссузов количество используемых финансовых услуг меньше, чем среди студентов вузов (2,7 против 3,3) (см. табл. 4 Приложения).

Финансовая грамотность

В среднем по выборке высокую оценку своей финансовой грамотности дали 24% опрошенных, тогда как неудовлетворительные оценки себе поставили 30% школьников и студентов. Самооценки уровня финансовой грамотности у студентов вузов выше, чем у студентов ссузов и школьников. Сравнивая полученный результат с данными репрезентативного опроса россиян⁶, проведенного в 2023 г., можно сделать вывод, что студенты вузов реже ставят себе неудовлетворительные оценки (22%), тогда как среди школьников, студентов ссузов и взрослых россиян такие ответы дает приблизительно каждый третий респондент в группе (см. рис. 1 [онлайн-приложения](#)).

Объективная оценка уровня финансовой грамотности (см. раздел «Методология»), показала, что полностью правильно ответили на все вопросы 10% школьников и студентов, еще 16% допустили одну ошибку. «Средний» уровень финансовой грамотности присваивался тем, кто ответил правильно на три или четыре вопроса из шести, а низкий — на два или менее. Таким образом, высокий уровень финансовой грамотности показали 26% школьников и студентов, средний — 38%, низкий уровень грамотности выявлен у 36% опрошенных (см. рис. 1).

Рис. 1. Доля правильных ответов на тестовые вопросы по финансовой грамотности, % от опрошенных (N = 2062), данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

⁶ Данные ЛЭСИ (Всероссийский опрос населения по заказу Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, проведенный в 2024 г., размер выборки 1600 респондентов).

Предсказуемо наиболее финансово грамотными оказались студенты вузов, давшие в среднем 3,8 (из 6 возможных) правильных ответов, тогда как студенты ссузов — 2,8 (см. рис. 3 [онлайн-приложения](#)).

Большинство опрошенных смогли правильно ответить на вопросы о простом проценте — примерно две трети респондентов справились с этим заданием (64 % по данным ЭПДХ и 66 % — ЛЭСИ⁷). Похожие пропорции наблюдаются среди подростков при ответах на вопросы о реальных доходах и относительных и абсолютных величинах (60 % и 66 % соответственно). Почти половина опрошенных подростков верно ответили на вопросы о сложном и реальном процентах (45 % и 46 %), в то же время по данным ЛЭСИ (выборка респондентов в возрасте от 18 лет) аналогичные показатели значительно выше (55 % и 70 % соответственно). Около трети подростков смогли правильно ответить на вопрос о соотношении риска и доходности.

В анкете были вопросы и о том, ведут ли школьники и студенты письменный учет своих доходов и расходов, а также ведется ли такой учет в семье. Полный письменный учет всех *личных* поступлений и трат практикует лишь 15 % опрошенных подростков, 12 % бюджет не ведут и даже приблизительно не знают, сколько получили и сколько потратили денег.

Распределение ответов на вопрос о практиках учета в семье имеет схожее распределение. Полный письменный учет доходов и расходов ведется в 16 % семей опрошенных студентов и школьников. Не ведут учета и не знают, сколько денег поступило и сколько было потрачено за месяц, 11 % семей опрошенных. Схожее распределение было получено на данных опроса ЛЭСИ (см. табл. 4 [онлайн-приложения](#)). Однако, несмотря на схожесть общего распределения ответов на вопросы о практиках учета денежных средств в семье и самими подростками, на уровне отдельных наблюдений полный письменный учет в родительской семье лишь в половине случаев (47 %) сопровождается наличием такой же практики в отношении личных денежных средств у студентов и школьников. При этом в семьях, которые не ведут учета и не знают, сколько денег поступило и сколько было потрачено за месяц, о такой же практике по отношению к своим личным деньгам сообщил каждый второй подросток (49 %).

Подростки практикуют различные способы ведения учета: 12 % школьников и студентов используют мобильное приложение банка, 10 % — ведут учет на бумаге (см. рис. 4 [онлайн-приложения](#)). Некоторые сочетают сразу несколько методов, например, мобильное приложение и учет на бумаге выбирают 2 % опрошенных. Лишь каждый второй подросток (50 %) точно знает, сколько всего денег у него есть в настоящее время, каждый третий (33 %) знает приблизительно, 5 % — не знают, 12 % вопрос не задавался, поскольку ранее они ответили, что не получают денег в свое распоряжение. При получении денег каждый пятый (19 %) из опрошенных подростков ответил, что каждый раз откладывает хотя бы часть из них на будущее, 32 % поступают так в большинстве случаев, 28 % — иногда (см. рис. 5 [онлайн-приложения](#)).

⁷ Здесь и далее, где были сопоставимые данные, приведены результаты оценки на данных ЛЭСИ (всероссийский опрос населения по заказу Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, проведенный в 2024 г., размер выборки 1600 респондентов).

Три четверти (75 %) имеют опыт откладывания денег на будущее, у трети (36 %) самый длительный срок сохранения денежных средств находился в диапазоне от месяца до года, каждый четвертый (26 %) отметил, что был опыт сбережения денег на протяжении более года (см. рис. 6 [онлайн-приложения](#)).

У каждого второго подростка есть правильная финансовая установка на планирование своих трат. На вопрос о том, стали бы подростки планировать свои расходы на будущий месяц и придерживаться этих планов, утвердительно ответили 55 % опрошенных. Почти каждый пятый (18 %) ответил, что план бы составил, но вряд ли стал бы его придерживаться, каждый десятый (10 %) не стал бы составлять план. Причем статистических различий в ответах школьников и студентов нет (см. рис. 7 [онлайн-приложения](#)).

При необходимости покрыть крупные расходы (например, приобретение нового телефона) 43 % ожидают помощи от родителей/опекунов, причем реже остальных на это рассчитывают студенты ссузов (37 %), тогда как среди школьников и студентов вузов такие ответы встречаются чаще — 46 % и 44 % соответственно (см. рис. 8 [онлайн-приложения](#)). Школьники и студенты чувствуют себя достаточно уверенными в том, как они управляют своими финансами: половина опрошенных (49 %) оценили себя на «отлично» еще 27 % — на «хорошо». Статистически значимых различий между школьниками и студентами не выявлено (см. рис. 9 [онлайн-приложение](#)).

Финансовая социализация.

Источники знаний и советов по управлению личными финансами

Подростки чаще общаются по финансовым вопросам с родителями/опекунами и друзьями, реже — с другими родственниками. Педагоги, несмотря на внедрение финансовой грамотности в ФГОС, не становятся теми людьми, к кому обращаются за финансовым советом. Интернет является наиболее популярным источником знаний и советов по личным финансам.

Личные финансовые вопросы обсуждаются большинством опрошенных, но среди школьников и учащихся ссузов выше доля тех, кто не говорит о деньгах ни с кем: 33 % против 25 % студентов вузов (см. табл. 5 [онлайн-приложения](#)). В случае необходимости совета в сфере личных финансов молодежь обратится к родителям или опекунам (64 %). Каждый четвертый молодой человек будет искать рекомендации в интернете (24 %) или посоветуется с друзьями (23 %), реже указывают на возможность получения совета у других членов семьи (15 %) и у финансового консультанта (10 %) (см. рис. 10 [онлайн-приложения](#)). При этом 38 % опрошенных отметили, что посещали занятия по финансовой грамотности в школе.

Наиболее популярным источником знаний, умений и/или навыков по финансовой грамотности среди молодежи является интернет (интервью с экспертами, онлайн-обзоры, профильные Telegram-каналы) — 41 %. Школу (уроки по финансовой грамотности) назвали 38 % опрошенных, друзей и знакомых — 30 %. Каждый пятый не получал знаний в этой области (см. табл. 6 [онлайн-приложения](#)).

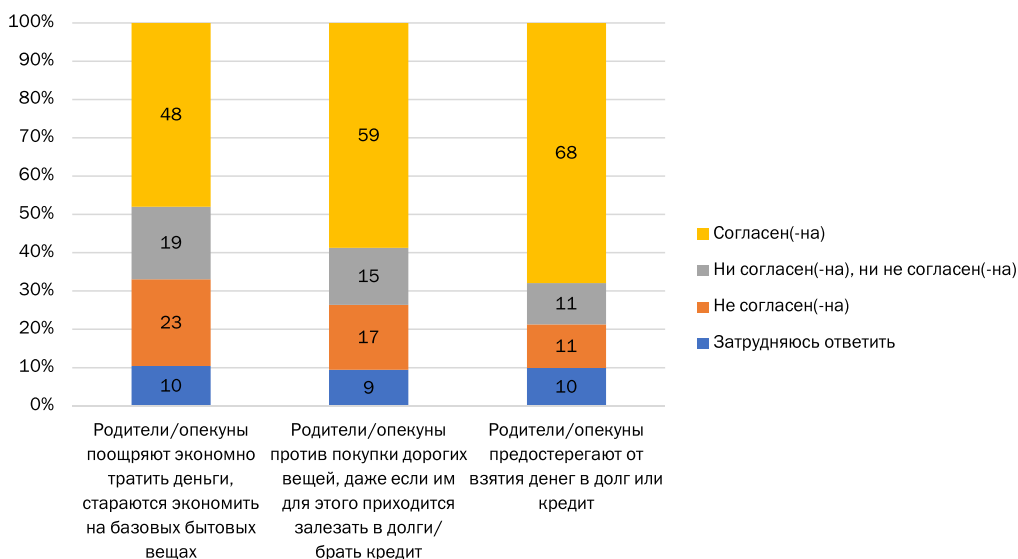
Среди тех, кто ответил, что получил знания на уроках по финансовой грамотности в школе ($N = 786$), 45 % отметили, что уроки были обязательными, 33 % — что

факультативными, остальные (22 %) не смогли вспомнить, были ли уроки обязательными или факультативными.

Более половины подростков (55 %), получивших знания по финансовой грамотности в школе, указали, что они повлияли на их поведение в отношении денег, 22 % не согласились с этим утверждением. Половина из них рассказали своим родителям/опекунам, что узнали на занятиях, 30 % не стали обсуждать содержание уроков в своих семьях (см. рис. 11 [онлайн-приложения](#)).

Каждый второй опрошенный (48 %) согласился с утверждением, что родители поощряли их экономно тратить деньги, еще чаще родители были против покупки дорогих вещей в кредит (59 %) и предостерегали своих детей от взятия денег в долг или кредит (68 %) (см. рис. 2).

Рис. 2. Транслируемые родителями/опекунами финансовые установки в отношении сбережений и кредитов, % по столбцу (N = 2062), данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

Финансовая автономия молодежи

Среднее значение индекса финансовой автономии — 3,8 (из 9 баллов). 11 % опрошенных школьников и студентов не имели никакой финансовой автономии, у 32 % был низкий уровень, у 46 % — средний, у 11 % — высокий (см. Рис. 3).

Есть статистически значимые различия уровня финансовой автономии подростков по возрасту, полу, типу учебного заведения, материального положения семьи подростка и наличию высшего образования у родителей (см. Рис. 4). Финансовая автономия подростков увеличивается с возрастом, студенты вузов более автономны, чем студенты ссузов, а те более автономны, чем школьники. Если хотя бы один из родителей имеет высшее образование, это увеличивает финансовую автономию подростка. Финансовая автономия у юношей выше, чем у девушек.

Рис. 3. Индекс финансовой автономии, % от опрошенных (N=2062), данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

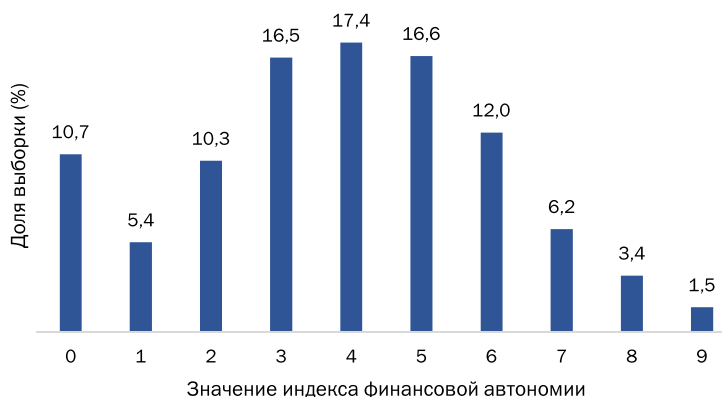
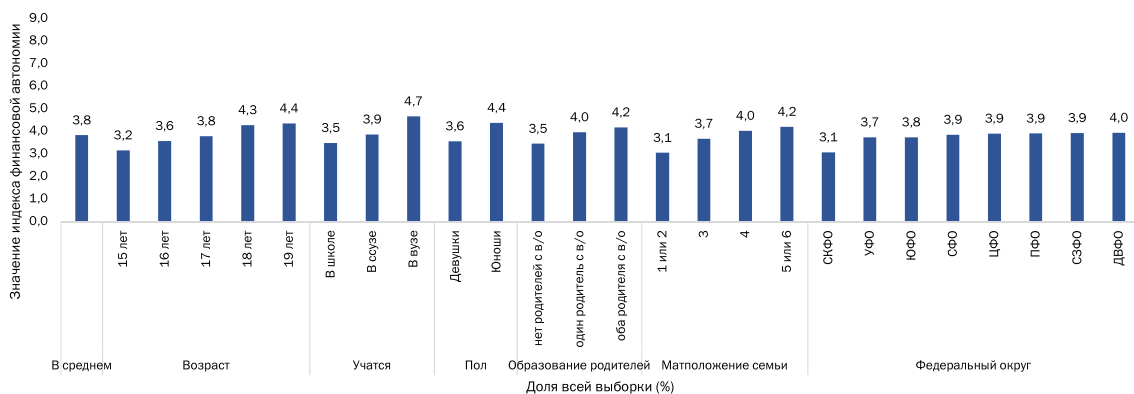

Рис. 4. Индекс финансовой автономии, баллы (max=9) (N=2062), данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

Взаимосвязь финансовой автономии с социально-демографическими характеристиками

Для выявления взаимосвязи финансовой автономии подростков с социально-демографическими характеристиками был применен регрессионный метод анализа. В качестве зависимой переменной использован индекс финансовой автономии, а в качестве независимых — социально-демографические характеристики респондентов. Для проверки модели на устойчивость были оценены несколько спецификаций модели с пошаговым введением регрессоров. Все модели статистически значимы на уровне $p=0,05$. Более того, с поэтапным добавлением переменных точность модели возрастает, а скорректированный коэффициент детерминации растет, поэтому в качестве основной модели для интерпретации

результатов выступает модель 4, в которую включены необходимые контрольные переменные (см. табл. 1). Фактор инфляции дисперсии (VIF) для основной модели не превышает 1,17, что свидетельствует об отсутствии мультиколлинеарности (см. табл. 6 Приложения).

Таблица 1. Метод наименьших квадратов (МНК) с пошаговым добавлением переменных в модель и делением выборки по уровню образования

Переменная отклика: финансовая автономия	(1) Вся выборка	(2) Вся выборка	(3) Вся выборка	(4) Вся выборка	(5) Среднее и ниже образо- вание	(6) Высшее образо- вание
Пол (1-Ж, 0-М)	-,702***	-,703***	-,683***	-,659***	-,622***	-,825***
	(,094)	(,1)	(,1)	(,098)	(,111)	(,213)
Возраст	,206***	,196***	,144***	,15***	,106**	-,006
	(,034)	(,035)	(,038)	(,037)	(,043)	(,151)
Высшее образование матери		,223**	,222**	,186*	,203*	-,003
		(,102)	(,101)	(,101)	(,114)	(,234)
Высшее образование отца		,018	,008	,02	-,058	,209
		(,1)	(,099)	(,098)	(,112)	(,207)
Бюджет (логарифм, руб. в месяц)			,15***	,132***	,084*	,229**
			(,042)	(,041)	(,045)	(,106)
Знания о финансах из школы				,205**	,198*	,268
				(,093)	(,102)	(,223)
Знания о финансах от друзей				,097	,165	-,132
				(,098)	(,108)	(,236)
Знания о финансах из интернета				,518***	,409***	,866***
				(,093)	(,104)	(,21)
Наблюдения	1655	1494	1494	1494	1185	309
Prob > F	,000	,000	,000	,000	,000	,000
R-squared	,061	,062	,071	,095	,065	,143
R-squared adjusted	,056	,058	,063	,086	,053	,099
Akaike's Crit	6591,47	5955,284	5943,727	5910,492	4673,991	1243,169
Bayesian Crit	6645,586	6018,994	6012,746	5995,44	4755,231	1302,903

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г. Робастные стандартные ошибки представлены в скобках
*** $p < ,01$, ** $p < ,05$, * $p < ,1$. Все модели контролируются переменной принадлежности к федеральному округу.

Полученные оценки позволяют сделать вывод, что девушки менее финансово автономны по сравнению с юношами. Эффект сильнее среди студентов высших учебных заведений, чем среди получающих среднее образование с разницей в 0,2 единицы. Этот вывод не противоречит результатам предыдущих исследований, показывающим, что девушки менее уверены в решении финансовых вопросов и чаще выбирают более безопасные стратегии, из-за чего снижается их самостоятельность при сложных финансовых решениях [Huang, Kosnik, 2024]. Также девушек чаще могут ограничивать родители, тогда как юношам предоставляется большая автономия. К тому же финансовая автономия юношей выше за счет более раннего выхода на рынок труда, включая различные подработки, а также за счет доступности работ, требующих физической силы, например в сфере строительства, курьерской службы и прочее [Роцин, Рудаков, 2014].

Возраст положительно связан с финансовой автономией в модели, оцененной на всей выборке. Так, в России подростки с 14 лет получают право работать с согласия родителей, а уже с 16 лет им доступны почти все виды работ с определенными исключениями, такими как ограниченность рабочих часов в неделю, опасные условия труда и прочее (ст. 63 ТК РФ⁸). На выборке студентов высших учебных заведений связь с возрастом не выявлена. Это, скорее всего, объясняется тем, что в выборке присутствуют только студенты младших курсов.

Наличие высшего образования у матери положительно связано с финансовой автономией детей-подростков во всех моделях, за исключением выборки студентов высших учебных заведений, хотя наличие высшего образования у отца статистически незначимо во всех моделях. Это может объясняться тем, что мать играет важную роль в воспитании детей и формировании их поведенческих привычек, поэтому образование матери может определять, как и какие знания передаются детям. Матери за счет большей вовлеченности в ведение домохозяйства передают финансовые установки детям через обучение на собственном примере [Ghafoor, Akhtar, 2024].

Располагаемый бюджет (денежные средства, которыми подростки распоряжаются лично) положительно связан с финансовой автономией подростков во всех моделях. Важно отметить, что коэффициент при переменной «логарифм дохода» в модели с выборкой для студентов вузов почти в три раза больше аналогичного показателя для студентов ссузов и учащихся школ со значениями коэффициентов 0,229 и 0,084 соответственно. Данное различие может объясняться тем, что у первых располагаемый месячный бюджет почти в два раза больше, чем у вторых (см. табл. 5 Приложения). При этом студенты вузов сталкиваются с более широким спектром обязательных расходов, включая затраты на оплату жилья, питания, транспорта и образования. Это формирует необходимость в более ответственном управлении личным бюджетом. Школьники и студенты ссузов, наоборот, в основном находятся на обеспечении родителей, а их траты носят необязательный характер.

Выявлена различная связь знаний о личных финансах и финансовой автономией подростков в зависимости от источника знаний. Школьные уроки по фи-

⁸ ТК РФ Статья 63. Возраст, с которого допускается заключение трудового договора // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/9627c87f117f9ccaaf55a73c9a614626c1e87ce0/ (дата обращения: 05.06.2025).

нансовой грамотности положительно связаны с финансовой автономией студентов ссузов и школьников. Однако, для студентов вузов данная связь пропадает. Это объясняется двумя причинами: во-первых, эффект от школьных уроков носит краткосрочный характер [Kaiser, Menkhoff, 2020]; во-вторых, для студентов более важным фактором становится доход. Приобретение знаний о финансовой грамотности из интернета ассоциируется с увеличением финансовой автономии подростков на 0,5 единицы, что в 2,5 раза больше соответствующего коэффициента при школьных уроках. Дело в том, что в интернете подростки могут выбирать, что им изучать, тогда как школьная программа стандартизирована. В интернете представлены различные форматы получения знаний (статьи, видеуроки, подкасты, интерактивные курсы и вебинары), что позволяет подросткам выбрать наиболее удобный формат и в итоге способствует лучшему усвоению материала, повышению интереса к вопросам личных финансов. Данная гибкость дает возможность в том числе студентам высших учебных заведений постоянно актуализировать и улучшать свои навыки и знания в управлении финансами.

Заключение

Цель работы состояла в оценке уровня финансовой грамотности и финансовой автономии школьников старших классов и студентов ссузов и вузов РФ, а также выявлении взаимосвязи финансовой автономии с социально-демографическими характеристиками. Для оценки уровня финансовой автономии подростков была предложена методика композитного индекса сформированности системы необходимых для будущей взрослой жизни знаний, установок и поведения в сфере личных финансов (таких как опыт распоряжения денежными средствами, ведение письменного учета, планирование расходов, формирование сбережений и т. д.), который составил 3,8 балла из 9 максимально возможных, что можно оценить как низкий уровень. При этом школьники и студенты чувствуют себя достаточно уверенными в том, как они управляют своими финансами: половина опрошенных (49%) оценили себя на «отлично» еще 27% — на «хорошо».

Большинство опрошенных подростков имели деньги, которыми могли распоряжаться самостоятельно. Чаще всего источником денег были родители, которые давали подросткам карманные деньги, а также знакомые и родственники, которые делали денежные подарки. Среди студентов вузов девушки чаще юношей продолжали получать деньги на карманные расходы от родителей и подарки, тогда как юноши чаще девушек получали стипендию. Около четверти опрошенных подростков в среднем по выборке имели оплачиваемую работу или приработки вне дома. Подрабатывал каждый пятый школьник, каждый четвертый студент ссуза, и каждый третий студент вуза.

Средний размер месячного бюджета, рассчитанный за исключением 5% минимальных и максимальных выбросов и миссингов, был равен 8171 руб., медиана — 5000 руб. При этом большая часть подростков имели опыт откладывания денег на будущее, у каждого второго подростка была правильная финансовая установка на планирование своих трат.

Однако полный письменный учет всех личных поступлений и трат вели лишь 15% опрошенных подростков, 12% бюджет не вели и даже приблизительно не знали

сколько получили и сколько потратили денег. Лишь каждый второй подросток точно знал сколько всего денег у них есть в настоящее время, каждый третий знал приблизительно. По сравнению с результатами всероссийского опроса взрослого населения по многим из тестовых вопросов на знание простых и сложных процентов, номинальных и реальных значений, абсолютных и относительных величинах, а также о соотношении рисков и доходности доля правильно ответивших среди подростков была ниже.

Наиболее популярными источниками знаний, умений и навыков по финансовой грамотности среди молодежи является интернет, школьные уроки по финансовой грамотности, а также друзья и знакомые. Более половины подростков, получивших знания по финансовой грамотности в школе, указали, что они повлияли на их поведение в отношении денег. Каждый второй рассказал своим родителям/опекунам о том, что они узнали на занятиях.

Эмпирически выявлено, что получение знаний по финансовой грамотности в школе положительно связано с финансовой автономией молодежи, как и приобретение знаний из Интернета, что делает эти источники знаний наиболее привлекательными для реализации государственных программ повышения финансовой грамотности. Важно отметить, что наиболее выраженным (по размеру и значимости) источником знаний является интернет, как для учащихся в школах и ссузах, так и для студентов вузов, тогда как школьные курсы значительно связаны только с финансовой автономией школьников и студентов ссузов. Таким образом, формирование общедоступных цифровых площадок для получения знаний по финансовой грамотности должно оставаться одним из приоритетов программ повышения финансовой грамотности. Несмотря на популярность источника получения знаний по финансовой грамотности от друзей и знакомых, данный канал обучения не имеет статистически значимой связи с финансовой автономией молодежи, что может объясняться более поверхностным знанием, передаваемым через неспециализированные каналы обучения. Выявлено отсутствие связи финансовой автономии с наличием высшего образования отца в отличие от наличия высшего образования матери, которое имеет положительную связь. Ранее в исследованиях финансовой грамотности и поведения молодежи обсуждение влияния родителей велось агрегированно без деления на отдельные характеристики отца и матери [Shim et al., 2009; Jorgensen, Savla, 2010; Hanson, Olson 2018], хотя, как показывает данное исследование, различия существенные. Помимо этого, устойчивым фактором формирования финансовой грамотности молодежи вне зависимости от образовательной группы (школьники или студенты) выступает располагаемый доход. Это свидетельствует о том, что финансовую автономию развивает не только теоретическое знание, полученное из школы или интернета, но и практический опыт управления личными финансами. Таким образом, культивирование возможностей для получения такого практического опыта должно стать важным элементом финансовой социализации в обществе.

Основным ограничением данного исследования является использование кросс-секционных данных, что не позволяет учесть ненаблюдаемые неизменяемые во времени характеристики подростков, которые могут влиять на финансовую автономию, например черты характера, семейные традиции и т. д., а также учесть

динамику изменения финансовой автономии при изменении факторов. Требуется дальнейшего развития операционализация концепта финансовой автономии подростков, а также, в случае появления панельной составляющей в использованной базе данных, рекомендуется применение панельной регрессии с индивидуальными фиксированными эффектами для контроля ненаблюдаемых неизменяемых характеристик подростков.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и авт. послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
Bourdieu P. (2001) *Practical Sense*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
2. Кузина О. Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 129—148. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>.
Kuzina O. (2015) Financial Literacy and Financial Capability: Definitions, Measurement Methods, and Analysis in the Case of Russia. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 129—148. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-8-129-148>.
3. Чернышева Е. В., Иванова А. А. Влияние финансовой культуры на финансовое поведение граждан // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 68. С. 219—234.
Chernysheva E. V., Ivanova A. A. (2024) The Influence of Financial Culture on Citizens' Financial Behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika Tomsk State University Journal of Economics*. No. 68. P. 219—234. (In Russ.)
4. Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152—179. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-2-152-179>.
Roshchin S. Y., Rudakov, V.N. (2014). Combining Work and Study by Russian Higher Education Institution Students. *Voprosy obrazovaniya*. No. 2. P. 152—179. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-2-152-179>. (In Russ.)
5. Çera G., Khan K., Belas J., Ribeiro H. (2020) The Role of Financial Capability and Culture in Financial Satisfaction. *Economic Papers: A Journal of Applied Economics and Policy*, Vol. 39. No. 4. P. 389—406. <https://doi.org/10.1111/1759-3441.12299>.
6. Costa-Font J., Giuliano P., Ozcan B. (2018) The Cultural Origin of Saving Behavior. *PLoS ONE*. Vol. 13. No. 9. P. 1—10. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0202290>.
7. Demertzis M., Mejino-López J., Léry Moffat L. (2024) The State of Financial Knowledge in the European Union: a New Survey. *Journal of Financial Literacy and Well-being*. Vol. 2. No. 1. P. 38—62. <https://doi.org/10.1017/flw.2024.8>.

8. Ek A., Gokmen G., Majlesi K. (2022) Cultural Origins of Investment Behavior. *Monash Economics Working Papers*. No. 16.
9. Ghafoor K., Akhtar M. (2024) Parents' Financial Socialization or Socioeconomic Characteristics: Which Has More Influence on Gen-Z's Financial Wellbeing? *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 11. No. 1. P. 1—16. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03007-3>.
10. Hanson T., Olson P. (2018) Financial Literacy and Family Communication Patterns. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*. Vol. 19. P. 64—71. <https://doi.org/10.1016/j.jbef.2018.05.001>.
11. Harrison, L.E., Huntington, S.P. (2000) *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York, NY: Basic Books.
12. Huang S., Kosnik T. (2024) Bridging the Gender-Based Financial Literacy Gap: An In-Depth Examination of Contributing Factors and Policy Recommendations for Equitable Financial Empowerment. *Journal of Student Research*. Vol. 13. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.47611/jsrhs.v13i1.6108>.
13. Huber S., Schmidt T. (2019) Cross-country Differences in Homeownership: a Cultural Phenomenon? Deutsche Bundesbank Discussion Paper. No. 40/2019. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3507642>.
14. Johnson E., Sherraden M. (2007) From Financial Literacy to Financial Capability among Youth. *Journal of Sociology and Social Welfare*. Vol. 34. No. 3, P. 119—145. <https://doi.org/10.15453/0191-5096.3276>.
15. Jorgensen B., Savla J. (2010) Financial Literacy of Young Adults: The Importance of Parental Socialization. *Family Relations*. Vol. 59. No. 4. P. 465—478. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2010.00616.x>
16. Kaiser T., Menkhoff L. (2020) Financial Education in Schools: A Meta-analysis of Experimental Studies. *Economics of Education Review*. Vol. 78. P. 1—15. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2019.101930>.
17. Kempson E., Collard S., Moore N. (2005) Measuring Financial Capability: An Exploratory Study. *FSA Consumer Research Report*. Vol. 37.
18. Kempson E., Perotti V., Scott K. (2013) *Measuring Financial Capability: a New Instrument and Results from Low- and Middle-income Countries*. Washington DC: World Bank. <http://documents.worldbank.org/curated/en/169421482489837037> (accessed: 11.10.2025).
19. Lusardi A., Mitchell O. (2006) Financial Literacy and Planning: Implications for Retirement Wellbeing. *Pension Research Council Working Paper*. Vol. 46. No. 5. https://www.cerp.carloalberto.org/wp-content/uploads/2008/12/wp_46.pdf?f6fa34 (accessed: 11.10.2025).
20. Lusardi A., Streeter J. L. (2023) Financial Literacy and Financial Well-being: Evidence from the US. *Journal of Financial Literacy and Wellbeing*. Vol. 1. No. 2. P. 169—198. <https://doi.org/10.1017/flw.2023.13>.

21. Maldonado J., De Witte K., Declercq K. (2022) The Effects of Parental Involvement in Homework: Two Randomised Controlled Trials in Financial Education. *Empirical Economics*. Vol. 62. No. 3. P. 1439—1464. <https://doi.org/10.1007/s00181-021-02058-8>.
22. Mancone S., Tosti B., Corrado S., Spica G., Zanon A., Diotaiuti P. (2024) Youth, Money, and Behavior: the Impact of Financial Literacy Programs. *Frontiers in Education*. Vol. 9. P. 1—17. <https://doi.org/10.3389/educ.2024.1397060>.
23. Mandell L., Hanson K. (2009) The Impact of Financial Education in High School and College on Financial Literacy and Subsequent Financial Decision Making. In *American Economic Association Meetings, San Francisco, CA*. Vol. 51. P. 1—38.
24. Mandell L., Klein L. (2007) Motivation and Financial Literacy. *Financial Services Review*. Vol. 16. P. 105—116.
25. Marcén M., Morales M. (2020) The Effect of Culture on Home-Ownership. *Journal of Regional Science*. Vol. 60. No. 1. P. 56—87. <https://doi.org/10.1111/jors.12433>.
26. Moscarola C. F., Kalwij A. (2021) The Effectiveness of a Formal Financial Education Program at Primary Schools and the Role of Informal Financial Education. *Evaluation Review*. Vol. 45. No. 3. P. 107—133. <https://doi.org/10.1177/0193841X2111042515>.
27. OECD (2011) Measuring Financial Literacy: Core Questionnaire in Measuring Financial Literacy: Questionnaire and Guidance. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/5k9csfs90fr4-en>.
28. OECD (2015) Core Competencies Framework on Financial Literacy for Youth. Paris: OECD Publishing. URL: <https://www.fo-der.org/wp-content/uploads/2019/05/6.-Core-Competencies-Framework-Youth.pdf> (accessed: 29.11.2025).
29. OECD (2025) Teenage Part-Time Working: How Schools Can Optimise Benefits and Reduce Risks for Secondary School Students. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/Odd35152-en>.
30. Ouachani S., Belhassine O., Kammoun A. (2020) Measuring Financial Literacy: a Literature Review. *Managerial Finance*. Vol. 47. No. 2. P. 266—281. <https://doi.org/10.1108/MF-04-2019-0175>.
31. Park S., Lemaire J. (2011) Culture Matters: Long-term Orientation and the Demand for Life Insurance. *Asia-Pacific Journal of Risk and Insurance*. Vol. 5. No. 2. P. 1—21. <https://doi.org/10.2202/2153-3792.1105>.
32. Reuter Ch. (2011) A Survey of Culture and Finance. *Finance*. Vol. 32. P. 75—152. <https://doi.org/10.3917/fina.321.0075>.
33. Rodríguez-Planas N. (2018) Mortgage Finance and Culture. *Journal of Regional Science*. Vol. 58. No. 4. P. 786—821. URL: <https://ssrn.com/abstract=3129260> (accessed: 11.10.2025).

34. Shim S., Xiao J., Barber B., Lyons A. (2009) Pathways to Life Success: A Conceptual Model of Financial Well-being for Young Adults. *Journal of Applied Developmental Psychology*. Vol. 30. No. 6. P. 708—723. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2009.02.003>.
35. Shostya A., Banai M. (2023) The Influence of Cultural Values on Household Debt: A Study in 39 Countries. In: *Globalization, Human Rights and Populism: Reimagining People, Power and Places*. P. 901—927. https://doi.org/10.1007/978-3-031-17203-8_42.
36. Totenhagen C., Casper D., Faber K., Bosch L., Bracamonte C., Borden W., Borden L. (2015) Youth Financial Literacy: A Review of Key Considerations and Promising Delivery Methods. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 36. P. 167—191. <https://doi.org/10.1007/s10834-014-9397-0>.
37. Williamson R. (2010) The Role of Culture in Finance. *Behavioral finance: Investors, Corporations, and Markets*. P. 629—645. <https://doi.org/10.1002/9781118258415.ch34>.
38. Xiao J., Huang J., Goyal K., Kumar S. (2022) Financial Capability: a Systematic Conceptual Review, Extension and Synthesis. *International Journal of Bank Marketing*. Vol. 40. No. 7. P. 1680—1717. <https://doi.org/10.1108/IJBM-05-2022-0185>.

Приложение

Таблица 1. **Финансовая грамотность — индекс, сформированный путем сложения количества верных (отмечены *) ответов на тестовые вопросы**

№	Вопрос	Варианты ответа
1	Выберите утверждение, которое, с Вашей точки зрения, является верным. На финансовых рынках...	Чем ниже риск, тем выше доходность Чем выше риск, тем ниже доходность Чем ниже риск, тем ниже доходность* Риск и доходность между собой не связаны Не могу сказать даже приблизительно
2	Итак, предположим, что Вы положили 100 000 рублей на счет в банк на два года под 8% в год. Сколько денег будет на Вашем счете через 2 года, если Вы не будете снимать деньги со счета или пополнять свой счет?	Более 108 000 рублей* Ровно 108 000 рублей Менее 108 000 рублей Затрудняюсь ответить
3	Предположим, что Вы положили 100 000 рублей на счет в банк на пять лет под 10% в год. Проценты будут начисляться ежегодно и прибавляться к основной сумме вклада. Сколько денег будет на Вашем счете через 5 лет, если Вы не будете снимать с этого счета ни основную сумму, ни начисленные проценты?	Более 150 000 рублей* Ровно 150 000 рублей Менее 150 000 рублей Затрудняюсь ответить

№	Вопрос	Варианты ответа
4	Представьте себе, что год назад Вы положили деньги на счет со ставкой 8 % в год, а уровень инфляции за год составил 10 %. Как Вы думаете, сегодня на деньги, которые есть на Вашем счете, в среднем можно купить больше, меньше или столько же товаров и услуг, что и год назад?	Больше, чем год назад Ровно столько же Меньше, чем год назад* Затрудняюсь ответить
5	Предположим, что через год ваш доход вырастет в два раза, при этом также в два раза вырастут цены. Как вы думаете, через год вы сможете купить больше, меньше или столько же товаров и услуг, что и сегодня?	Больше, чем сегодня Ровно столько же* Меньше, чем сегодня Затрудняюсь ответить
6	Предположим, что вы увидели телевизор одной и той же модели на распродаже в двух разных магазинах. Первоначальная цена телевизора в каждом из магазинов составляла 10 000 рублей. В одном магазине предлагается скидка в 1500 рублей с первоначальной цены, а в другом — 10 % с первоначальной цены. Что выгоднее — скидка в 1500 рублей или в 10 %?	Скидка в 1 500 рублей* Скидка в 10 % Затрудняюсь ответить

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

Таблица 2. **Описательная статистика переменных**

	Наблюдения	Среднее значение	Стандартное отклонение	Мин.	Макс.
Финансовая автономия	1494	4,472	1,819	1	9
Пол (1-Ж, 0-М)	1494	,667	,472	0	1
Возраст	1494	17,056	1,304	15	19
Высшее образование	1494	,207	,405	0	1
Высшее образование матери	1494	,59	,492	0	1
Высшее образование отца	1494	,43	,495	0	1
Бюджет (руб. в месяц)	1494	10109	13365	100	100000
Знания о финансах из школы	1494	,388	,487	0	1
Знания о финансах от друзей	1494	,335	,472	0	1
Знания о финансах из интернета	1494	,455	,498	0	1
Федеральный округ	1494	3,832	2,362	1	8
ЦФО	1494	,276	,447	0	1
СЗФО	1494	,115	,319	0	1
ЮФО	1494	,091	,288	0	1
СКФО	1494	,044	,204	0	1
ПФО	1494	,205	,404	0	1
УФО	1494	,085	,279	0	1
СФО	1494	,131	,338	0	1
ДВФО	1494	,053	,224	0	1

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

Таблица 3. Парная корреляция переменных

Переменная	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
(1) Пол (1-Ж, 0-М)	1,00								
(2) Возраст	-0,07	1,00							
(3) Высшее образование	-0,07	0,50*	1,00						
(4) Высшее образование матери	-0,01	-0,03	0,10	1,00					
(5) Высшее образование отца	-0,04	-0,01	0,10	0,38	1,00				
(6) Бюджет (руб. в месяц)	-0,06	0,30	0,29	0,01	0,05	1,00			
(7) Знания о финансах из школы	0,01	-0,06	-0,08	-0,02	-0,03	-0,03	1,00		
(8) Знания о финансах от друзей	-0,02	-0,03	-0,03	0,02	0,01	-0,02	0,04	1,00	
(9) Знания о финансах из интернета	-0,05	0,03	0,11	0,06	0,02	0,04	-0,05	0,18	1,00

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

* Образование сильно скоррелировано с возрастом, поэтому в моделях эта переменная опущена, однако дополнительно приведены результаты для двух выборок по уровню образования: среднее и ниже, высшее.

Таблица 4. Пользование финансовыми услугами, % по столбцу

	В среднем по выборке	В этом учебном году (2023/2024) вы обучаетесь:			Асимпт. значимость (2-стор)
		В школе / лице / гимназии	В колледже / техникуме / училище	В вузе	
Банкоматами	64	61	66	70	0,003
Банковской картой, в том числе привязанной к счету родителей	54	56	49	60	0,001
Платежными терминалами	48	44	48	59	0,000
Электронным кошельком	28	24	30	33	0,002
Оплатой со счета мобильного телефона	24	24	24	23	0,936
Школьной картой	18	27	10	8	0,000
Мобильным банкингом	16	12	15	30	0,000
Интернет-банкингом	11	7	10	20	0,000
Сайтом, на котором можно открыть счет для оплаты товаров, услуг или контента портала	7	6	8	9	0,145
Средствами, выданными в кредит (потребительским, образовательным, займом в микрофинансовой организации)	5	2	6	9	0,000
Предоплаченной картой	3	3	4	3	0,178
Криптовалютой / криптокошельком	3	2	4	5	0,002
Другое (укажите, чем именно)	1	1	0	1	0,907

	В среднем по выборке	В этом учебном году (2023/2024) вы обучаетесь:			Асимпт. значимость (2-стор)
		В школе / лицее / гимназии	В колледже / техникуме / училище	В вузе	
Ничем из перечисленного	6	7	7	3	0,027
Количество используемых финансовых услуг	2,8	2,7	2,7	3,3	
Количество наблюдений, чел.	2062	1000	681	381	

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г., формулировка вопроса: «Чем из перечисленного приходилось пользоваться за последние 3 месяца?»

Таблица 5. **Различия в располагаемом бюджете на месяц по уровню образования**

Уровень образования	Располагаемый бюджет (руб. в месяц)
Среднее и ниже	8,129
Высшее	17,702

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г. формулировка вопроса: «Сколько примерно в месяц вы получаете из всех отмеченных вами источников?».

Таблица 6. **Фактор инфляции дисперсии (VIF)**

Переменная	VIF
Пол (1-Ж, 0-М)	1,02
Высшее образование матери	1,19
Высшее образование отца	1,18
Бюджет (руб. в месяц)	1,20
Знания о финансах из школы	1,01
Знания о финансах от друзей	1,05
Знания о финансах из интернета	1,05
Среднее значение VIF	1,17

Примечание. Данные ЭПДХ, ноябрь—декабрь 2023 г.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2025 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 98—109.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): November — December 2025. (2025) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 98–109.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2025

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Методы опроса: (1) телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1 600 респондентов в возрасте от 18 лет (выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ); (2) интернет-опрос по формализованной анкете на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-онлайн» (участники панели рекрутируются в ходе ежедневного всероссийского телефонного (CATI) опроса «Спутник», который проводится по случайной (RDD) выборке мобильных номеров из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ). Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5—3,1 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ 2025-й: БЕЗ ПЕРЕЛОМА, НО С НАДЕЖДой	99
ПРЯМАЯ ЛИНИЯ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ: ОЦЕНКИ РОССИЯН	101

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЛАРИСА ДОЛИНА ПРОТИВ МОШЕННИКОВ: КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ?	103
ВОЛОНТЕРСТВО И ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	105

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ОБРАЗ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	107
О, ДИВНЫЙ НЕЙРОМИР!	108

Авторы аналитических обзоров: Татьяна Смак, Людмила Карпова

Составитель дайджеста: Ольга Якимова

ПОЛИТИКА

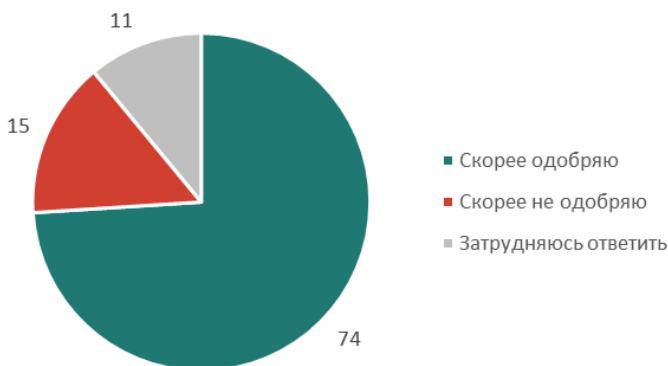
ПОЛИТИЧЕСКИЙ 2025-й: БЕЗ ПЕРЕЛОМА, НО С НАДЕЖДой 99
 ПРЯМАЯ ЛИНИЯ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ: ОЦЕНКИ РОССИЯН 101

ПОЛИТИЧЕСКИЙ 2025-Й: БЕЗ ПЕРЕЛОМА, НО С НАДЕЖДой

13 декабря 2025 г.

Конец года традиционно становится временем подведения итогов, не только личных или профессиональных, но и политических. Героем 2025 г. для россиян стал президент, имя Владимира Путина звучит в ответах чаще всего. Последние два года уровень общественного доверия Владимиру Путину держится на стабильно высоком уровне — 79%, который в целом сопоставим с уровнем одобрения деятельности главы государства в сфере внешней политики — 74%. Далее следует коллективный образ главных героев страны уходящего года — это бойцы СВО и военнослужащие в целом, защищающие Родину. Кроме того, в ответах звучали имена других политиков — С. Лавров, М. Мишустин, А. Белоусов. Наибольший общественный интерес в 2025 г. вызвал переговорный процесс по российско-украинскому конфликту. Наиболее заметным событием стала встреча В. Путина с Д. Трампом на Аляске.

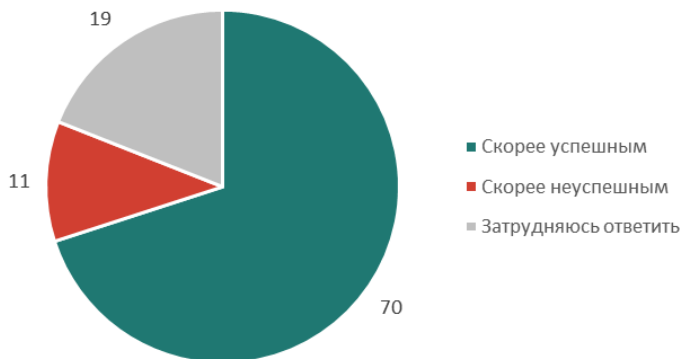
Рис. 1. В целом Вы одобряете или не одобряете деятельность президента России в сфере внешней политики? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

В число других резонансных событий вошли также: российско-американские переговоры, встреча Д. Трампа с В. Зеленским, а также прямые переговоры России и Украины в Стамбуле. Отдельно следует выделить празднование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, успехи Российской армии в специальной военной операции (освобождение Суджи), а также ряд внешне- (инаугурация Д. Трампа, конфликт Израиля и Ирана) и внутривнутриполитических событий (Прямая линия с президентом, местные выборы в регионах). В оценке 2025 г. доминирует ощущение политической успешности. При этом ожидания от 2026 г. оказываются

даже чуть более оптимистичными, чем от уходящего года. Общество живет с надеждой на улучшения, политическую нормализацию. Картина политических ожиданий россиян на 2026 г. однозначна: большинство ждет окончания СВО и достижения поставленных целей. Все остальное — внешняя политика, санкции, экономика, социальные темы — воспринимается как фрагментарное по отношению к главному вопросу, который волнует наших сограждан.

Рис. 2. Каким, по Вашему мнению, для российской политики будет следующий 2026 год? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ПРЯМАЯ ЛИНИЯ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ: ОЦЕНКИ РОССИЯН*20 декабря 2025 г.*

19 декабря 2025 г. Владимир Путин провел традиционную «Прямую линию», на которой подвел итоги уходящего года и ответил на волнующие вопросы прессы и граждан. В этом году о «Прямой линии» в той или иной степени оказались осведомлены почти восемь из десяти россиян (76%), в том числе каждый второй следил за ней в прямом эфире, пусть и с разной степенью вовлеченности (18% смотрели более чем четырехчасовое выступление главы государства от начала до конца, а 30% видели отдельные фрагменты). Еще 28% узнали о содержании программы из вторичных источников (выпусков теленовостей, газет или интернета), и только каждый пятый ничего не знает о прошедшем мероприятии. В целом выступление Владимира Путина произвело на россиян хорошее впечатление: большая часть опрошенных, следивших за «Прямой линией», ответили, что оно им понравилось (76%), причем 42% заявили об этом с полной уверенностью. Наибольший отклик аудитории вызвала специальная военная операция — приближающаяся победа и поддержка участникам/семьям участников спецоперации, а также направления государственной семейной политики. Восемь из десяти опрошенных отметили также искренность главы государства при ответах на вопросы россиян и журналистов (82% от числа следивших за выступлением).

Рис. 3. Скажите, пожалуйста, Вам в целом понравилось выступление Владимира Путина, то, как он отвечал на вопросы, или не понравилось? (закрытый вопрос, один ответ, в % от информированных о выступлении)

Рис. 4. Как Вам показалось, Владимир Путин отвечал на вопросы россиян и журналистов искренне или неискренне? (закрытый вопрос, один ответ, в % от информированных о выступлении)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЛАРИСА ДОЛИНА ПРОТИВ МОШЕННИКОВ: КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ? 103

ВОЛОНТЕРСТВО И ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО

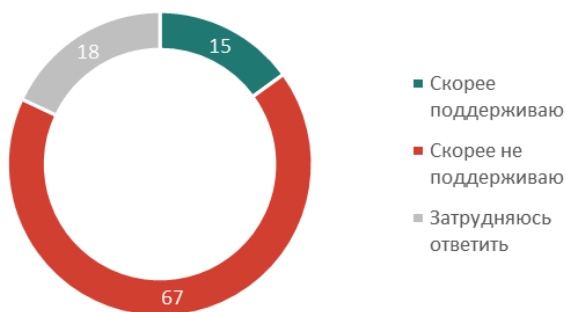
КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 105

ЛАРИСА ДОЛИНА ПРОТИВ МОШЕННИКОВ: КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ?

5 декабря 2025 г.

Так называемый кейс Долиной вызвал широкий общественный резонанс: о скандале с продажей «звездной» квартиры в той или иной степени наслышаны почти девять из десяти наших сограждан. Пристальнее остальных за ситуацией следили жители мегаполисов: в Москве и Санкт-Петербурге о случившемся не слышал только ленивый. Не остались в стороне и интернет-пользователи: в соцсетях завирусился флешмоб по «отмене» народной артистки, тогда как многие коллеги по цеху, напротив, высказались в ее поддержку. Поэтому совсем не удивительно, что лучше других с деталями громкого дела знакомы активные пользователи Сети и сторонники смешанной модели медиапотребления, в то время как у телезрителей сформировалось более поверхностное представление о произошедшем.

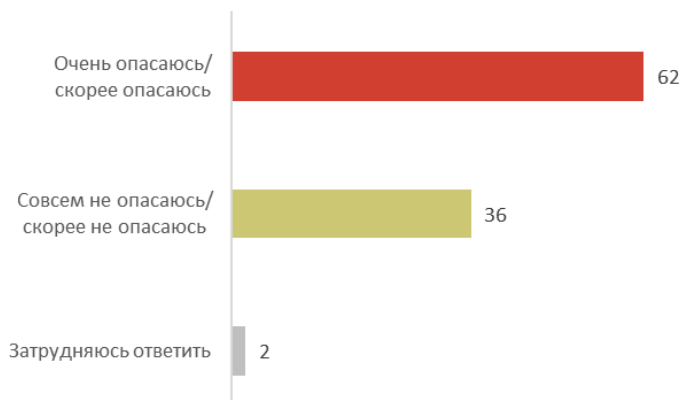
Рис. 1. Певица Лариса Долина продала квартиру и сама перечислила деньги мошенникам, но позже обратилась в суд, заявив, что стала жертвой обмана и приняла решение о продаже под влиянием мошенников. Суд признал сделку недействительной и вернул квартиру певице, но покупатель остался без денег. В целом Вы поддерживаете или нет такое решение суда? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Судебное решение по делу Долиной видится россиянам несправедливым: две трети наших сограждан скорее с ним не согласны, каждый седьмой — согласен. При этом среди представителей самого старшего поколения вынесенное судебное решение находит поддержку вдвое чаще, чем среди россиян в целом. «Кейс Долиной», по-видимому, сильно подорвал доверие ко вторичному рынку недвижимости, спровоцировав ужесточение требований при совершении сделок купли-продажи. Серьезнее других задуматься о юридической чистоте сделки придется тем, кто планирует решить квартирный вопрос в ближайшие несколько лет, сегодня к таковым в нашей стране можно отнести чуть ли не каждого пятого, а в городах-

миллионниках — каждого четвертого. Согласно полученным данным, среди потенциальных покупателей недвижимости достаточно сильны опасения, что продавец сможет аннулировать сделку через суд, в результате чего они останутся без денег, и судебное решение по делу Долиной лишь усиливает эту обеспокоенность.

Рис. 2. А Вы опасаетесь или нет, что при покупке недвижимости продавец сможет аннулировать сделку через суд, а деньги не вернут? (закрытый вопрос, один ответ, в % от тех, кто планирует покупать недвижимость в ближайшие несколько лет)

ВОЛОНТЕРСТВО И ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

15—17 ноября 2025 г.

Абсолютное большинство россиян (девять из десяти) относится к волонтерству положительно, и эта поддержка одинаково высока во всех возрастных группах. Наши сограждане уверены, что у волонтеров и людей, вовлеченных в общественную деятельность, доминируют ценности, связанные с заботой о других и высокими моральными принципами. Три главных ценности: взаимопомощь и взаимоуважение (средний балл 8,5 из 10), милосердие (8,5), жизнь в целом (8,4). В топ-5 вошли также гуманизм и справедливость, высоко оцениваются созидательный труд, коллективизм, высокие нравственные идеалы, достоинство, гражданственность и патриотизм. По мнению россиян, мотивация к волонтерству строится на сочетании моральных ценностей и личных потребностей. В основе лежит желание помогать другим, чувствовать себя неравнодушным, полезным обществу и возможность делать свой город или страну лучше. Также наши сограждане считают, что те, кто идут в волонтеры, действуют в соответствии со своими убеждениями, желая сообща решать общественные проблемы, жить интересной, насыщенной жизнью, заводить новые знакомства, получать знания, навыки и реализовывать себя. Материальные стимулы (льготы, баллы к ЕГЭ, поездки) и прагматические мотивы важны, но остаются второстепенными, скорее усиливая, а не заменяя внутренние мотивы. В целом волонтерство воспринимается россиянами через ценностные смыслы этой деятельности: быть полезным, поддерживать других, укреплять социальные связи. Волонтерство в России имеет значительный нереализованный потенциал вовлечения. За последние полгода-год приходилось помогать другим в качестве волонтера, по собственной оценке, 37 % россиян от 14 лет. И почти столько же (32 %) отметили, что хотели бы быть волонтером, то есть реальная и потенциальная аудитория практически равны, осталось понять, по каким причинам эта готовность не конвертируется в реальные шаги и как мобилизовать этот ресурс в будущем. Современное российское волонтерство — это прежде всего гуманитарная помощь (57 %). По-видимому, точкой входа здесь является помощь участникам СВО. На втором плане — экологические инициативы. В топ-3 направлений вошла и помощь животным. Четверть волонтеров оказывали помощь пожилым людям, почти столько же указали на организацию массовых мероприятий и культурных событий. Другие форматы (донорство, работа с детьми, проекты ЗОЖ, поиск пропавших людей и пр.) заметно более нишевые, но вместе с тем они показывают, что волонтерство в России развивается как многопрофильная система.

Таблица 1. Как Вы думаете, почему люди участвуют в волонтерской (добровольческой) и общественной деятельности? (закрытый вопрос, любое кол-во ответов, % от всех опрошенных)

Желание помогать людям или животным, проявлять милосердие	75
Желание чувствовать себя полезным членом общества	66
Желание быть среди неравнодушных, единомышленников	61
Стремление сделать страну/город лучше	56

Реализация своих нравственных убеждений и ценностей	54
Возможность решать общие проблемы вместе с другими	48
Желание жить интересной, насыщенной жизнью	45
Возможность завести новые знакомства и дружеские связи	43
Стремление защищать жизнь и здоровье людей	42
Желание реализовать себя, свои идеи и инициативы	41
Получение новых знаний, навыков и компетенций	31
Сохранение культурного наследия и исторической памяти	28
Желание способствовать единству и взаимопониманию в обществе	28
Пример семьи или друзей	28
Потребность передавать опыт и знания (преемственность поколений)	26
Получение льгот, поощрений (баллы к ЕГЭ, поездки и т.д.)	26
Желание получить признание и известность	19
Возможность для профессионального роста и карьеры	16
Другое	0
Затрудняюсь ответить	3

ОБРАЗ ЖИЗНИ

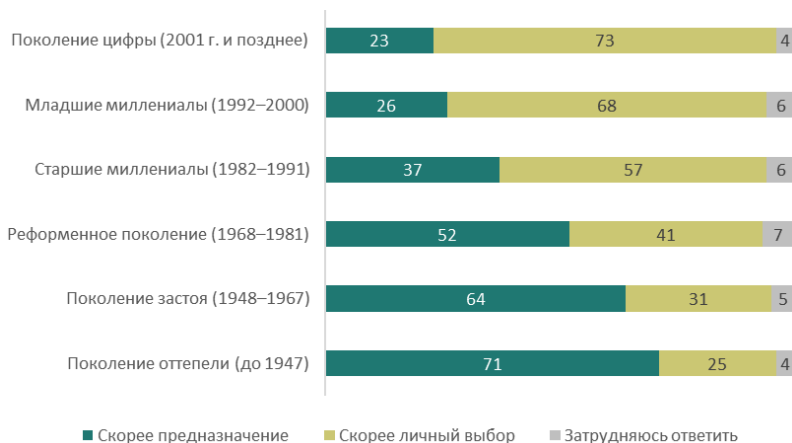
ОБРАЗ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	107
О, ДИВНЫЙ НЕЙРОМИР!	108

ОБРАЗ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

28 ноября 2025 г.

Для большинства россиян «мама» не просто слово, это воплощение любви, доброты и заботы. В ответах людей почти нет рациональных определений, только чувства. Главные ассоциации связаны с эмоциональной близостью и признательностью: нежность, счастье, тепло, ласка, любовь. Мама в нашем обществе «самая родная», «единственная», «близкая», «святая», то есть абсолютная форма добра и принятия, источник безусловной любви. Рядом с этим в ответах виден образ дома и семьи: мама здесь выступает как хранительница очага, уюта и детства, как центр, вокруг которого строится семейный мир. Чуть реже всплывают представления о роли матери в жизни детей: опора, поддержка, воспитатель, человек, подаривший жизнь. Материнство — тяжелая работа, с этим согласны россияне всех возрастов и независимо от того, есть ли у них дети или нет. Четверо из десяти также полагают, что в современном мире быть мамой стало сложнее, чем 20 лет назад. Точки зрения, что материнство стало проще, придерживается около четверти россиян; почти столько же полагают, что с годами ничего особенно не меняется. Ответа на вопрос, что же такое материнство в наше время — личный выбор или предназначение, — в российском обществе нет, россияне разделились на две равные группы. И это еще один вопрос «отцов и детей». Старшие поколения видят в материнстве естественную миссию женщины, тогда как молодежь — прежде всего проявление свободы и ответственности за собственное решение. Среди представителей поколения цифры и миллениалов доминирует идея материнства как выбора, отражая сдвиг в сторону автономии и индивидуальных сценариев родительства.

Рис. 1. Как Вы считаете, материнство — это скорее предназначение женщины или ее личный выбор? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

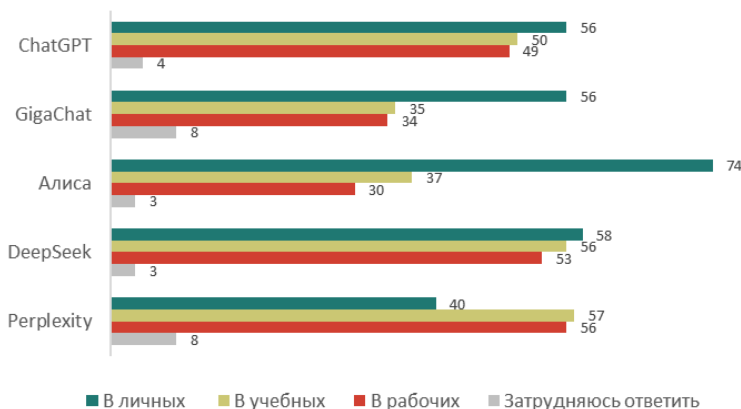

О, ДИВНЫЙ НЕЙРОМИР!

13—15 декабря 2025 г.

Тема технологий и ИИ уже закрепилась как общественный мейнстрим, интерес к ним носит массовый характер: девять из десяти активных в интернете россиян заявили, что интересуются цифровыми технологиями. И столько же с разной степенью вовлеченности следят за развитием искусственного интеллекта (ИИ), в том числе каждый пятый старается постоянно искать такую информацию. ИИ не просто становится новой составляющей повседневности, его роль в жизни будет только усиливаться. Если сегодня его влияние оценивается как умеренное и слабое, то в перспективе нескольких лет в восприятии опрошенных ИИ ожидаемо станет важным фактором, прежде всего для работы и обучения, а затем и для повседневных решений, личной жизни. Ощущение, что степень зависимости от технологий будет быстро расти, точно присутствует в общественном мнении.

Рис. 2. В каких целях Вы использовали следующие нейросети?
(закрытый вопрос, любое количество ответов, % от пользователей нейросетей)

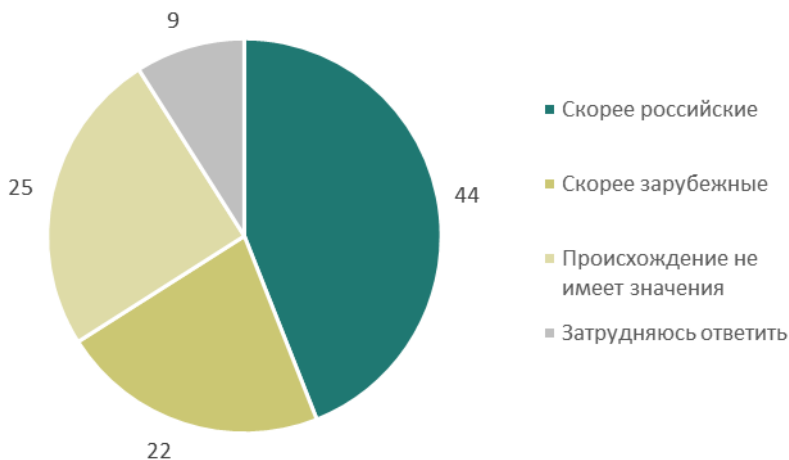

В целом отношение к ИИ оптимистичное: люди ждут от него скорее пользы, чем вреда, но без завышенных ожиданий. В будущем ИИ видят не как силу, которая все заменит и возьмет на себя контроль, а как удобный инструмент, помогающий человеку, но ключевые решения все равно остаются за людьми. Наряду с цифровыми технологиями и ИИ, прочно вошли в нашу жизнь сегодня и нейросети. Спонтанная узнаваемость нейросетей строится вокруг нескольких крупных брендов, среди наиболее узнаваемых нейросетей первое место у ChatGPT (38%), затем следуют GigaChat (21%), DeepSeek (20%) и Алиса (18%). Отечественные решения сегодня уже присутствуют в массовом сознании наравне с глобальными игроками. Практики использования нейросетей носят прикладной и повседневный характер: чаще всего к ним обращаются за советами, помощью в решении задач, создании текстов, переводов, в работе с графикой и видео, а также для досуга. ИИ видится как универсальный помощник, на которого можно переложить часть рутинных задач или усилить с его помощью результат. Нейросети уже активно встроились

в бытовые и рабочие задачи, и далее их функционал будет только расширяться, а популярность — расти. В целом при выборе нейросетей большая часть аудитории склоняется к российским решениям. Для каждого четвертого страна происхождения нейросети не имеет значения, а выбор исключительно зарубежных моделей остается более редким вариантом.

Рис. 3. Скажите, пожалуйста, если выбирать между российскими и зарубежными нейросетями, какие Вы, скорее всего, будете использовать? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2917](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2917)**И. Д. Петров****ПРЕДУПРЕЖДЕН — ЗНАЧИТ ВООРУЖЕН?
АНТИВАКЦИННЫЙ КОНТЕНТ И ВОСПРИЯТИЕ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ ПОМЕТОК-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ****Правильная ссылка на статью:**

Петров И. Д. Предупрежден — значит вооружен? Антивакционный контент и восприятие пользователями пометок-предупреждений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 110—131. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2917>.

For citation:

Petrov I. D. (2025) Forewarned is Forearmed? Anti-Vaccine Content and User Perception of Warning Labels. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 110–131. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2917>. (In Russ.)

Получено: 17.02.2025. Принято к публикации: 13.10.2025.

ПРЕДУПРЕЖДЕН — ЗНАЧИТ ВООРУЖЕН? АНТИВАКЦИННЫЙ КОНТЕНТ И ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ ПОМЕТОК- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ

*ПЕТРОВ Игорь Дмитриевич — аспирант Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: idpetrov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8465-8728>*

Аннотация. Распространение недостоверной информации в интернете требует от социальных сетей разработки эффективных инструментов противодействия. В данной работе оценивается восприятие пользователями различных форматов интерфейсных предупреждений о недостоверном контенте на примере антивакцинных публикаций. В качестве кейса выбрана социальная сеть «ВКонтакте» — одна из самых популярных платформ в Рунете, уже имевшая опыт внедрения подобных предупреждений. Эмпирически сравниваются четыре формата предупреждений: два распространенных (блокирующее всплывающее окно и постоянный баннер) и два экспериментальных (сообщение с прямым опровержением и комбинированный вариант, разработанный с учетом пользовательских предпочтений). В рамках смешанной методологии был проведен цикл исследований, включивший полуструктурированные интервью ($N=4$), тест предпочтений ($N=169$) и онлайн-эксперимент ($N=309$). Результаты показали, что пользователи статистически значимо чаще предпочитают сообщения со структурированным опровержением ложных утверждений ($p\text{-value}=0,026$). В то же время ни один из форматов не привел к значимому снижению желания пользователей взаимодействовать с помеченным постом (лайк, репост, комментарий). На основе выводов исследования сформулированы прак-

FOREWARNED IS FOREARMED? ANTI-VACCINE CONTENT AND USER PERCEPTION OF WARNING LABELS

*Igor D. PETROV¹ — Graduate Student at the Department of Sociology
E-MAIL: idpetrov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8465-8728>*

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The proliferation of misinformation online has compelled social media platforms to develop effective countermeasures. This study investigates user perceptions of different interface warning labels, using anti-vaccine content as an example. The research focuses on the social network «VKontakte» (VK), a major platform in the Russian-speaking internet segment that has previously experimented with such labels. We empirically compare four warning formats: two commonly used ones (a content-blocking interstitial pop-up and a permanent banner) and two experimental types (a refutational message and a combined format informed by user preferences). A mixed-methods approach was employed, involving a research cycle of semi-structured interviews ($N=4$), a preference test ($N=169$), and an online experiment ($N=309$). The findings reveal a statistically significant user preference for messages that provide a structured refutation of false claims ($p\text{-value}=0.026$). However, none of the tested warning formats resulted in a significant reduction in users' willingness to engage with the labeled post (i. e., liking, sharing, commenting). Based on these results, the study provides practical design recommendations for interface elements to counter misinformation, targeting researchers, designers, and platform developers.

тические рекомендации по проектированию интерфейсных элементов для противодействия дезинформации, адресованные исследователям, дизайнерам и разработчикам платформ.

Ключевые слова: предупреждающие сообщения, вакцинация, смешанная методология, человеко-компьютерное взаимодействие, интернет-исследования, социальные сети

Keywords: warning messages, vaccination, mixed-methods research, human-computer interaction, internet research, social media

Введение

Социальные сети стали ключевым инструментом для публичного выражения мнений, коллективных дискуссий и обмена информацией. Однако их открытость и масштаб делают их также мощным каналом для распространения недостоверной информации. Одна из наиболее острых проблем в этой области — антивакцинный контент, который, маскируясь под альтернативную точку зрения, зачастую продвигает ложные утверждения о безопасности иммунизации [Benoit, Mauldin, 2021; Дудина, Сайфулина, 2023]. Учитывая, что недоверие к вакцинам признается Всемирной организацией здравоохранения одной из глобальных угроз общественному здоровью¹, поиск эффективных стратегий противодействия вакцинной дезинформации становится критически важной задачей.

В ответ на эту угрозу академическое сообщество и технологические компании активно разрабатывают стратегии, направленные на смягчение негативного воздействия дезинформации. Одной из таких стратегий стало сопровождение потенциально недостоверных публикаций предупреждающими сообщениями [Sharevski et al., 2022]. Популярны социальные сети, включая X (ранее Twitter) и Facebook*², начали использовать уведомления, которые блокируют часть информации в потенциально недостоверных постах, но при этом оставляют пользователям возможность ознакомиться с их содержанием³. Конечная цель — предоставить индивидам дополнительный контекст, который помог бы им принимать обоснованные решения насчет потребления контента [Koch, Frischlich, Lerner, 2023]. Таким образом, предупреждения в социальных сетях действуют не как запрет, а как «мягкие» подсказки (англ. soft nudges), призванные побудить пользователя к критической оценке контента, не ограничивая при этом его доступ к информации [Konstantinou, Caraban, Karapanos, 2019]. Теоретически этот механизм можно описать в рамках эвристико-систематической модели: предупрежде-

¹ Ten health issues WHO will tackle this year // World Health Organization. 2019. URL: <https://www.who.int/news-room/spotlight/ten-threats-to-global-health-in-2019> (дата обращения: 22.01.2025).

² Здесь и далее * означает: компания Meta и соцсети, которыми она владеет, признаны в России экстремистскими и запрещены.

³ Roth Y., Pickles N. Updating our approach to misleading information // x.com. 2020. URL: https://blog.x.com/en_us/topics/product/2020/updating-our-approach-to-misleading-information (дата обращения: 22.01.2025).

ние призвано сместить обработку информации с быстрого, эвристического пути на более глубокий, систематический, способствуя принятию обоснованных решений [Koch, Frischlich, Lermer, 2023].

Эмпирические исследования подтверждают эффективность таких предупреждений в снижении доверия к фейковым новостям и намерения их распространять [Clayton et al., 2020; Mena, 2020]. Однако их успех зависит от множества факторов, включая дизайн, заметность и формат сообщения [Pennyscook et al., 2020]. При этом остается открытым вопрос о том, как пользователи воспринимают различные форматы предупреждений и как это восприятие трансформируется в конкретные поведенческие интенции, такие как желание взаимодействовать с помеченным контентом. Более того, большинство исследовательских работ сфокусировано на эмпирическом изучении западных социальных сетей, тогда как специфика российского медиаполя, в частности одной из крупнейших онлайн-платформ региона «ВКонтакте», изучена недостаточно. В нашем представлении эта исследовательская прореха не только затрудняет применение человекоцентричного подхода при принятии решений об ограничении недостоверного контента, но и препятствует дальнейшему развитию стратегий противодействия дезинформации в российском контексте.

Настоящее исследование пытается восполнить данный пробел, предлагая смешанную методологию, основанную на парадигме проектно-ориентированных исследований (англ. Design Science Research, DSR). Выбор этой парадигмы обусловлен ее двойной целью: не только исследовать существующие артефакты (в нашем случае — форматы предупреждающих сообщений), но и разработать новый, улучшенный артефакт на основе выявленных пользовательских предпочтений. Такой подход обеспечивает целостную методологическую рамку, в которой этапы качественного исследования, проектирования и количественной валидации логически связаны между собой. В рамках статьи мы ищем ответы на следующие вопросы:

- Как пользователи социальной сети «ВКонтакте» воспринимают различные форматы предупреждающих сообщений?
- Какой формат предупреждающих сообщений воспринимается пользователями как наиболее предпочтительный?
- Как предупреждающие сообщения влияют на желание пользователей взаимодействовать с антивакцинными постами?

Таким образом, эмпирическая проверка строится на сравнении нескольких форматов предупреждений. Во-первых, мы оцениваем два широко распространенных формата — интерстициальный (всплывающие окна, блокирующие контент) и контекстуальный (постоянные баннеры в новостной ленте пользователя). Во-вторых, мы предлагаем и тестируем опровергающий формат сообщения, основанный на научно обоснованных принципах контраргументации (структура «Fact — Myth — Fallacy — Fact»). Наконец, чтобы проверить ценность пользовательской обратной связи, мы разрабатываем и включаем в исследование «универсальный» формат предупреждений, созданный на основе пользовательских предпочтений, выявленных на качественном этапе. Такой подход позволяет нам не только сравнить эффективность стандартных и новаторских решений, но и косвенно проверить, что сильнее влияет на поведенческие интенции: дизайн, опирающийся на теорию, или дизайн, учитывающий предпочтения пользователей.

Для ответа на перечисленные вопросы мы фокусируемся на двух ключевых зависимых переменных. Первая — привлекательность предупреждения, которая позволяет оценить, насколько оно интегрируется в пользовательский опыт, не вызывая отторжения на визуальном и когнитивном уровне. Вторая переменная — намерение взаимодействовать с контентом, измеряется через готовность пользователя совершить действие, повышающее виральность поста: поставить лайк, сделать репост или прокомментировать. Именно эта поведенческая интенция напрямую связана с конечной целью предупреждений — сдерживанием распространения дезинформации через снижение вовлеченности. Анализ этих двух переменных позволяет нам не только оценивать поверхностное восприятие предупреждений, но и измерять их реальный потенциал в сдерживании распространения антивакцинного контента.

Механизм и эффективность предупреждающих сообщений

Предупреждающие сообщения представляют собой интерфейсные элементы, которые располагаются между пользователем и потенциально опасным контентом [Kaiser et al., 2021]. Основная цель таких сообщений заключается в информировании индивида, а также в создании ситуации, которая бы мотивировала его применять критическое мышление. Другими словами, использование предупреждающих сообщений можно сравнить с концепцией наджинга (англ. nudging) — техникой, направленной на подталкивание человека к определенному поведению или мыслительному процессу [Konstantinou, Caraban, Karapanos, 2019]. Эту же идею можно рассмотреть через призму эвристико-систематической модели, которая предполагает, что предупреждающее сообщение будет побуждать индивида использовать систематический путь обработки информации и, следовательно, помогать ему принимать более осознанные решения насчет потребления недостоверного контента [Koch, Frischlich, Lerner, 2023].

Академические работы подтверждают данное предположение и показывают, что предупреждающие сообщения эффективно снижают уровень доверия пользователей к сомнительной информации [Clayton et al., 2020; Porter, Wood, 2022]. Например, Кэмерон Мартел и Дэвид Дж. Рэнд в своем систематическом обзоре выявили, что использование фактологического тэга «disputed» (рус. спорный / оспоренный) в постах с фейковыми новостями снижало доверие пользователей к контенту примерно на 35 % в сравнении с контрольной группой [Martel, Rand, 2023]. Кроме того, результаты смежных исследований показывают, что добавление предупреждающих сообщений может уменьшить распространение недостоверной информации путем воздействия на желание пользователей взаимодействовать с постом. Например, исследование Пола Мена показало негативную связь между наличием предупреждающего сообщения и намерением пользователей делиться недостоверным контентом [Mena, 2020]. Более того, было определено, что данная связь опосредуется воспринимаемой достоверностью, что подчеркивает комплексное воздействие предупреждений на восприятие пользователей [ibid.].

Хотя эффективность предупреждающих сообщений не вызывает сомнений, успешность их применения зависит от множества факторов. Например, важным аспектом является видимость сообщения, которая определяется его разме-

ром [Gantiva et al., 2019], цветом [Silic, 2016] и местоположением на странице [Nassetta, Gross, 2020]. Исследования показывают, что незаметные предупреждения могут быть менее эффективными в снижении доверия к потенциально недостоверной информации. Этот тезис подтверждается статьей Гордона Пенникука и его коллег, которые обнаружили, что интерфейсный элемент с текстом «Disputed By 3rd Party Fact-Checker» (рус. информация оспорена в результате независимой проверки фактов), введенный Facebook* для борьбы с мифами о президентских выборах в США 2016 г., оказался малоэффективным из-за низкой заметности среди пользователей [Pennycook et al., 2020]. С помощью опроса было выявлено, что большая часть пользователей даже не заметила предупреждающее сообщение рядом с опровергаемым постом [ibid.].

Помимо видимости, эффективность предупреждающих сообщений может зависеть и от специфики их содержания. Например, ряд исследований показывает, что сообщения, четко указывающие на проблему, более эффективны, чем общие и недетализированные надписи [Clayton et al., 2020; Epstein et al., 2022]. В частности, метка «false» (рус. ложный) может быть менее эффективной, чем пояснение, разъясняющее конкретное заблуждение [Clayton et al., 2020]. Здесь важно отметить, что иногда предупреждения, делающие категоричные выводы о содержании потенциально опасного поста, могут быть неуместны, так как даже нежелательная информация может оказаться правдивой [Allen, Watts, Rand, 2024]. Например, посты противников вакцинации часто упоминают возможные побочные эффекты иммунизации. Поскольку эта информация технически не является ложной, отмечать такие посты меткой «false» (рус. ложный) будет неправильным [ibid.]. Эффективнее будет подчеркнуть, что преимущества вакцинации значительно перевешивают риск развития осложнений.

Несмотря на многообразие способов представления предупреждающих сообщений, современный ландшафт социальных медиа характеризуется доминированием интерстициальных и контекстуальных сообщений [Kaiser et al., 2021]. Интерстициальные сообщения представляют собой баннеры или всплывающие окна, которые блокируют часть информации от просмотра и требуют от пользователя выполнить определенное действие [Sharevski et al., 2022]. Например, подтвердить свое ознакомление с тем, что контент может содержать недостоверную информацию [ibid.]. Контекстуальные сообщения, в свою очередь, встраиваются в контент и напоминают пользователю о правилах или ограничениях в определенной публикации [Guo et al., 2024]. Это могут быть предупреждения о содержании отталкивающих сцен или о необходимости проверить достоверность информации перед ее распространением [ibid.]. Исследования показывают, что все названные способы предупреждения воспринимаются пользователями позитивно [Akhawe, Felt, 2013; Xie et al., 2022]. Например, Цзиньи Се и ее коллеги изучили три формата предупреждающих сообщений (интерстициальные, контекстуальные и подсвечивающие⁴) и пришли к выводу, что интерстициальные предупреждающие сообщения воспринимаются пользователями как наиболее уместные с точки зрения баланса между эффективным

⁴ В рамках изучаемой статьи подсвечивающее предупреждение понимается как выделение в интерфейсе определенного фрагмента текста с недостоверной информацией и размещение рядом с ним пояснения о возможной ошибочности данных.

предупреждением и относительной ненавязчивостью по сравнению с подсвечивающим форматом, который часто считался слишком агрессивным [Xie et al., 2022].

В российском медиапространстве предупреждающие сообщения не получили такого же широкого распространения, как на западных платформах. Исключение составляет социальная сеть «ВКонтакте», которая в 2019 г. начала сопровождать антивакцинные сообщества предупреждением о возможной недостоверности информации [Petrov, 2022]. Однако данное вмешательство не нашло своего распространения и к 2025 г. всплывающее окно с предупреждением перестало появляться даже в крупных антивакцинных сообществах, аудитория которых превышает 50 тыс. участников⁵. При этом официальных заявлений от администрации «ВКонтакте» с объяснением причин прекращения этой практики не публиковалось. В связи с этим можно сделать вывод, что в локальном информационном пространстве по-прежнему существует значительный пробел в реализации мер по предупреждению пользователей о потенциально опасной информации.

Принципы опровержения

В процессе опровержения не всегда достаточно предоставить правдивую информацию, также важно убедиться, что она сохранится в сознании индивида [Johnson, Seifert, 1994]. Способ представления опровергающего нарратива играет особенно важную роль, так как от него зависит, какую информацию человек запомнит и примет. Например, излишнее внимание к заблуждению может привести к тому, что в памяти отложится именно ложная информация [Lewandowsky et al., 2012]. В литературе это явление называется обратным эффектом (англ. backfire effect) и объясняется тем, что каждый раз, когда люди слышат или читают опровергаемое утверждение, они становятся с ним более знакомыми [Swire-Thompson, DeGutis, Lazer, 2020]. Это уменьшает когнитивные усилия, необходимые для обработки ложного утверждения, а следовательно, повышает вероятность того, что люди поверят в его правдивость (эффект иллюзии правды) [Hassan, Barber, 2021]. Данную ситуацию можно проиллюстрировать исследованием Сары Плувиано и ее коллег, которое показало, что повторение мифов о вакцинах и их последующее опровержение научными фактами вызывало парадоксальный эффект: ложные убеждения усиливались по сравнению с контрольной группой [Pluviano, Watt, Della Sala, 2017]. Данные результаты не говорят о том, что опровержение неминуемо приводит к закреплению недостоверной информации, а скорее дают понять, что оспаривание — это сложный процесс, к которому стоит подходить с умом.

Одним из наиболее известных способов борьбы с обратным эффектом является обрамление недостоверной информации фактами. Другими словами, для увеличения вероятности принятия правдивой информации необходимо вставлять ложную информацию между несколькими истинными высказываниями. Джордж Лаккофф называет такую технику «сэндвич правды» (англ. truth sandwich) и предлагает использовать ее для более эффективного написания новостных статей, которые рассказывают о тех или иных логических заблуждениях⁶. Ряд эксперименталь-

⁵ Примеры сообществ автор готов предоставить по запросу.

⁶ The Truth Sandwich: A Better Way to Mythbust // Communicate Health. 2020. URL: <https://communicatehealth.com/wehearthealthliteracy/the-truth-sandwich-a-better-way-to-mythbust> (дата обращения: 19.12.2024).

ных исследований указывает на то, что данный подход действительно эффективен и может применяться не только в журналистике [Kotz, Giese, König, 2023; Tulin et al., 2024]. Например, в исследовании Лауры Кёниг было показано, что представление мифа о питании в названном формате приводило к тому, что миф воспринимался участниками как менее достоверный [König, 2023].

Расширенная версия «сэндвича правды» — структура «Fact — Myth — Fallacy — Fact», предложенная Джоном Куком, Стефаном Левандовски и их коллегами⁷. В частности, в своей книге «The Debunking Handbook» авторы утверждают, что эффективное опровержение мифов должно состоять из четырех шагов: (1) четкое указание факта, (2) идентификация мифа, (3) указание ошибки и (4) повторное утверждение факта. Стоит отметить, что данный способ опровержения основан на принципе научного консенсуса, что делает его особенно весомым в практических задачах по борьбе с дезинформацией.

В целом можно констатировать, что предупреждающие сообщения являются перспективным инструментом противодействия недостоверной информации в социальных сетях. Для достижения максимального эффекта предупреждения должны быть хорошо заметны, специфичны (т. е. четко указывать на недостоверный элемент и содержать факты) и доступны для понимания. На основании этой информации мы выдвигаем следующие гипотезы:

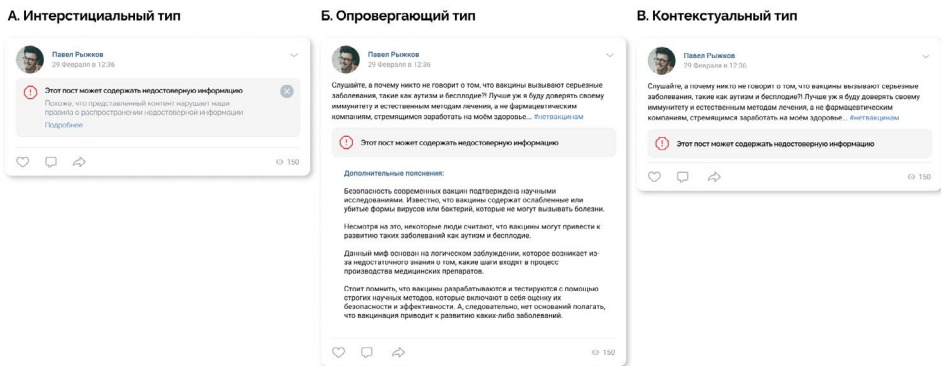
Гипотеза 1: включение предупреждающего сообщения к посту с недостоверной информацией уменьшит вероятность взаимодействия с ним.

Гипотеза 2: предупреждающие сообщения с аргументативными пояснениями будут более эффективны в уменьшении вероятности взаимодействия с постом, чем другие форматы предупреждающих сообщений.

Первичный прототип предупреждающего сообщения

На основании выводов, полученных из литературного обзора, были сформированы три формата предупреждающих сообщений (см. рис. 1).

Рис. 1. Первичные типы предупреждающих сообщений

⁷ Lewandowsky S., Cook J., Ecker U. K. H., Albarracín D., Amazeen M. A., Kendeou P., Lombardi D., Newman E. J., Pennycook G., Porter E. Rand D. G., Rapp D. N., Reifer J., Roozenbeek J., Schmid P., Seifert C. M., Sinatra G. M., Swire-Thompson B., van der Linden S., Vraga E. K., Wood T. J., Zaragoza M. S. The Debunking Handbook // Bigital Commons. 2020. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/scholcom/245> (дата обращения: 12.01.2025).

Два из трех форматов предупреждающих сообщений (интерстициальный и контекстуальный) представляют собой широко известные способы предупреждения, которые интегрированы в такие социальные сети, как X, Facebook*, Instagram* и YouTube [Guo et al., 2024]. Опроверяющий формат базируется на ранее упомянутых принципах опровержения и предлагается в качестве тематической (англ. topic-aware) альтернативы, которая адресует конкретные заблуждения противников вакцинации. Все из названных предупреждений для дизайна/эксперимента исследования были спроектированы в соответствии с дизайн-решениями, которые применяются разработчиками социальной сети «ВКонтакте». В частности, во время формирования прототипов мы опирались на открытую библиотеку компонентов VK UI, что помогло не только создать предупреждающие сообщения, но и включить их в реплицированную (воссозданную) версию новостной ленты «ВКонтакте».

Интерстициальный формат. Данное предупреждение блокирует потенциально опасную информацию от просмотра, однако оставляет пользователям возможность ознакомиться с постом путем нажатия на соответствующую кнопку. Как видно из рисунка 1(А), помимо уведомления, закрывающего контент, в данном предупреждающем сообщении также присутствует кнопка «Подробнее», которая позволяет пользователю получить подробное описание причин появления данного уведомления.

Опроверяющий формат. Данное предупреждение представляет собой модифицированную версию контекстуального формата, включающую постоянное (неизменное) окно с тематическим пояснением, направленным на опровержение распространенных заблуждений о вакцинации. Опроверяющее сообщение, как показано на рисунке 1(Б), основано на четырехступенчатом принципе контраргументации, разработанном Джоном Куком, Стефаном Левандовски и их коллегами. Применение этого принципа может быть проиллюстрировано следующим образом.

1. Факт (Fact). Безопасность современных вакцин подтверждена научными исследованиями. Известно, что вакцины содержат ослабленные или убитые формы вирусов или бактерий, которые не могут вызывать болезни.

2. Миф (Myth). Несмотря на это, некоторые люди считают, что вакцины могут привести к развитию таких заболеваний, как аутизм и бесплодие.

3. Заблуждение (Fallacy). Данный миф основан на логическом заблуждении, которое возникает из-за недостаточного знания о том, какие шаги входят в процесс производства медицинских препаратов.

4. Факт (Fact). Стоит помнить, что вакцины разрабатываются и тестируются с помощью строгих научных методов, которые включают в себя оценку их безопасности и эффективности. Следовательно, нет оснований полагать, что вакцинация приводит к развитию каких-либо заболеваний.

Контекстуальный формат. С точки зрения функциональности это минимально интерактивный элемент интерфейса, он не блокирует контент и не предоставляет пользователю дополнительной информации. Он отличается от других форматов предупреждений тем, что не имеет опции закрытия и остается постоянным элементом на экране. Такой подход обеспечивает постоянное напоминание пользователю о том, что пост может содержать потенциально опасную информацию. Контекстуальное предупреждение представлено на рисунке 1(В).

Методология

Работа выполнена в рамках парадигмы проектно-ориентированных исследований (англ. Design Science Research, DSR), которая ориентирована на создание и эмпирическую оценку артефактов, направленных на решение конкретных практических задач. В нашем случае таким артефактом стал дизайн предупреждающих сообщений о недостоверной информации. Для достижения поставленных целей был применен смешанный методологический подход с последовательной объяснительной стратегией (англ. exploratory sequential design). Этот подход предусматривает первичный сбор и анализ качественных данных для выработки обоснованных требований к проектированию артефакта, за которым следует количественная проверка на расширенной выборке.

Дизайн исследования

Исследование состояло из трех последовательных фаз, каждая из которых решала конкретные задачи в рамках DSR-парадигмы.

Качественная фаза: проведение полуструктурированных интервью с целью выявления паттернов восприятия, языковых конструкций и потенциальных барьеров, связанных с различными форматами предупреждений. Результаты этой фазы послужили основой для проектирования нового артефакта — «универсального» формата предупреждающего сообщения, интегрирующего выявленные пользовательские предпочтения.

Количественная фаза 1: количественный тест предпочтений для статистической оценки того, какой из четырех форматов сообщений (три исходных + один спроектированный) пользователи считают предпочтительным. Эта фаза позволила верифицировать инсайты, полученные на качественном этапе, на более широкой выборке.

Количественная фаза 2: межгрупповой онлайн-эксперимент для тестирования гипотез о влиянии предупреждающих сообщений на ключевую поведенческую интенцию пользователя — желание взаимодействовать с помеченным контентом (лайк, репост, комментарий).

Участники и процедура сбора данных

Этап 1: полуструктурированные интервью. На разведывательном этапе нашего исследования были проведены четыре полуструктурированных интервью. Их общая продолжительность составила 2 часа и 20 минут (в среднем 35 минут на каждое интервью). Все опрашиваемые были найдены с использованием невероятностной выборочной стратегии, а именно методом «снежного кома» с одной точкой входа. Данный подход распространен в области исследований пользовательского опыта (UX) и считается уместным на первичных этапах работы, проводимой в рамках парадигмы DSR. Выборка включала одного мужчину и трех женщин в возрасте от 19 до 40 лет с различным образовательным и профессиональным бэкграундом.

Основная же часть интервью проводилась в соответствии с интервью-гайдом, состоящим из 45 вопросов⁸ и разделенным на три блока: (1) социально-демогра-

⁸ В данном исследовании интервью носят не этнографический, а целенаправленный (англ. focused) характер, что типично для этапа проектирования в UX-исследованиях. Их цель — получить обратную связь по конкретным интерфейсным решениям, а не всесторонние биографические нарративы.

фический блок, (2) вопросы о предыдущем опыте взаимодействия с антивакцинной информацией, а также об отношении пользователей к контролю за распространением потенциально недостоверного контента; (3) вопросы о предупреждающих сообщениях. В третьем блоке информантам были показаны три интерактивных прототипа с предупреждающими сообщениями, изображенными на рисунке 1. В данной части интервью также применялась техника «думай вслух» (англ. think aloud protocol), в которой информантов просили описывать свои действия, мысли и эмоции, возникающие во время взаимодействия с новостной лентой, в частности с предупреждающим сообщением. Использование данной техники обусловлено ее признанием в кругах специалистов по UX, а также возможностью получить ценные инсайты о том, как улучшить эффективность элементов интерфейса и сделать их более понятными для пользователей.

Этап 2: тест предпочтений. В исследовании приняли участие 259 человек (средний возраст 35 лет, $SD = 7,90$), отобранных через краудсорсинговую платформу Pathway. Среди них мужчины составили 52 %, женщины — 47 %, предпочли не указывать пол — 1 %. На этапе анализа 90 участников были отфильтрованы за неправильные ответы на контрольный вопрос⁹. В результате анализировалась информация по 169 респондентам (средний возраст 36 лет, $SD = 7,57$): 52 % мужчины, 47 % женщины, 1 % предпочли не указывать пол.

В рамках тестирования участникам было предложено выбрать из четырех форматов предупреждающих сообщений тот, который им нравится больше всего. Предупреждающие сообщения были представлены в виде статичных картинок, демонстрирующих все функциональные раскрытия сообщения (предупреждение после нажатия на кнопку «подробнее», предупреждение после нажатия на кнопку закрытия) — чтобы убедиться в том, что респонденты имеют целостное представление о содержании плашек. После выбора сообщения участников просили заполнить анкету, состоящую из семи вопросов (три открытых и четыре закрытых). Ознакомиться с собранными данными можно в публичном репозитории GitHub¹⁰.

Этап 3: онлайн-эксперимент. В эксперименте приняли участие 350 человек (средний возраст 37 лет, $SD = 7,76$), отобранных через краудсорсинговую платформу Pathway. Среди них: мужчины — 50 %, женщины — 49 %, предпочли не указывать пол — 1 %. На этапе анализа 41 участник был отфильтрован за неправильные ответы на контрольный вопрос. В результате анализировалась информация по 309 респондентам (средний возраст 37 лет, $SD = 7,85$): 50 % — мужчины, 49 % — женщины, 1 % не указали пол.

Перед началом тестирования все участники были случайным образом разделены на пять экспериментальных групп. Четырем группам был показан интерактивный прототип новостной ленты «ВКонтакте» с одним из вышеописанных предупреждающих сообщений, в то время как пятой (контрольной) группе был продемонстрирован прототип без предупреждающего сообщения. До фильтрации по ответу на контрольный вопрос¹¹ в каждой группе было по 70 участников, после фильтрации это значение изменилось следующим образом: интерстициаль-

⁹ Контрольный вопрос № 1: «Сколько предупреждающих сообщений Вам было представлено?»

¹⁰ Ссылка на репозиторий. URL: <https://github.com/nirs-paper/warnings-nirs-paper>.

¹¹ Контрольный вопрос № 2: «Сколько постов в новостной ленте вам было показано?»

ная группа ($n=62$), контекстуальная группа ($n=62$), опровергающая группа ($n=64$), универсальная группа ($n=63$), контрольная группа ($n=58$). В рамках эксперимента участников просили внимательно изучить представленный прототип, после чего задавали ряд закрытых вопросов об антивакцинном посте. В частности, основные вопросы касались желания участников поставить лайк, оставить комментарий и сделать репост. Каждая из этих переменных была представлена в виде шкалы Ликерта, где 1 означало «совершенно не согласен», а 7 — «полностью согласен».

Анализ данных

Этап 1. Аудиозаписи полуструктурированных интервью были расшифрованы с помощью Teamlogs, проверены и проанализированы методом индуктивного тематического кодирования для выявления повторяющихся тем.

Этап 2. Для проверки гипотезы о том, что наблюдаемая вероятность выбора того или иного формата предупреждающих сообщений отличается от 0,25, был проведен двухсторонний биномиальный тест. В данном случае 0,25 используется из предположения, что при отсутствии предпочтения выбор любого из четырех форматов предупреждающих сообщений будет равновероятен. Помимо вышеупомянутого анализа, также были проведены три теста на независимость (Критерий χ^2 Пирсона), проверяющие наличие статистически значимых ассоциаций между предпочитаемым форматом предупреждающего сообщения и следующими переменными: (1) пол участника, (2) наличие предыдущего опыта взаимодействия с предупреждающими сообщениями и (3) согласие с утверждением о том, что посты с потенциально недостоверной информацией должны помечаться предупреждениями. Для упрощения задачи все вычисления были проведены с помощью пакета stats в RStudio.

Для анализа причин, по которым пользователи предпочитали тот или иной вариант, использовалась встроенная в платформу Pathway функциональность для проведения тематического анализа качественных данных. Полученные выводы были проверены, а затем подкреплены открытыми ответами участников.

Этап 3. Учитывая, что шкала Ликерта может быть рассмотрена как ординальная аппроксимация непрерывной переменной, статистический анализ, использующий эту шкалу, может быть выполнен различными способами [Sullivan, Artino, 2013]. В данном случае проверка наличия статистически значимых различий в желании пользователей взаимодействовать с антивакцинной публикацией между группами, получавшими разные типы предупреждающих сообщений, была проведена двумя способами: через дисперсионный анализ и тест χ^2 Пирсона. В первом случае были использованы параметрическая и непараметрическая версии ANOVA, а также проверена выполнимость статистических предположений о нормальности распределения (тест Шапиро — Уилка) и гомогенности дисперсии (тест Левена). Во втором случае использовалась классическая версия теста, однако целевые переменные были соединены в укрупненные категории.

Результаты исследования

Анализ интервью показывает, что предупреждающие сообщения действительно повышают визуальную заметность потенциально недостоверного контента, особенно в случае опровергающего типа:

Ну, я сначала подумала о том, что из поста в четыре строчки сделали огромный пост, и, естественно, он привлечет больше внимания, чем изначально. (Инф. 3, Женщина, 27 лет, высшее образование)

Однако исследование выявило, что повышенная заметность не всегда приводит к взаимодействию с контентом. Большинство пользователей заявили, что склонны игнорировать подобные публикации из-за заранее сформированной позиции, которая не зависит от содержания или наличия предупреждения:

Потому что, если я считаю, что вакцинация для меня — это польза, то я не открываю эти посты и не читаю их даже. Я, конечно, могу что-то про них слышать, но так, чтобы читать и интересоваться, — нет. (Инф. 2, Женщина, 40 лет, среднее профессиональное образование)

Желание ознакомиться с помеченным постом также может зависеть от его тематики, на что обратили внимание два информанта:

Если бы я увидела, что там что-то про вакцинацию, я бы, наверное, просто пролистнула, потому что мне это не особо интересно. Если бы там было написано, что контент просто содержит недостоверную информацию, я чисто из любопытства открыла бы и посмотрела, что же там такое интересное. (Инф. 3, Женщина, 27 лет, высшее образование)

Другим интересным наблюдением является то, что ни один из информантов не выбрал контекстуальный формат предупреждения в качестве предпочтительного. Трое из четырех отдали предпочтение интерстициальному формату, в то время как четвертый предпочел опровергающий тип, отметив, что дополнительные пояснения должны быть скрыты в раскрывающемся поле.

Мне кажется, первый [интерстициальный тип], потому что, как я понял, что если нажать на крестик, то там окажется сам пост. Плюс там есть кнопка «Подробнее», которую можно нажать и ознакомиться с пояснением к самому сообщению. (Инф. 1, Мужчина, 19 лет, среднее профессиональное образование)

Участники также выразили обеспокоенность этическими последствиями чрезмерного сокрытия контента, указав на риски ограничения свободы выражения и формирования одностороннего информационного поля:

Ну, я считаю, что в принципе какое-то ограничение на распространение информации — это не очень хорошо. В любом случае это [предупреждающее сообщение] регулируется только какой-то определенной стороной, которая имеет свое субъективное мнение. Получается, что тогда пользователи социальных сетей будут иметь только возможность ознакомиться с одной точкой зрения, а это неправильно. (Инф. 4, Женщина, 24 года, высшее образование)

Кроме того, информанты последовательно отмечали недостаточную прозрачность критериев, по которым социальные сети маркируют сообщения как недостоверные. Пользователи хотят видеть ссылки на исследования, регламенты или другие верифицируемые основания, что могло бы повысить доверие к механизмам модерации:

В идеальном мире здесь, конечно, бы какую-нибудь дать ссылочку, не знаю, на регламент о том по каким критериям они помечают недостоверный контент. <...> Ну, короче, суть в том, что я бы, наверное, дополнительное объяснение свернула бы в «подробнее» и дала бы пояснения о том, почему такие выводы, и так далее. (Инф. 3, Женщина, 27 лет, высшее образование)¹²

Наконец, информанты указали на вероятность ошибок алгоритмов, способных помечать корректные публикации как сомнительные, и подчеркнули необходимость внедрения инструмента для обжалования таких решений, чтобы повысить справедливость и точность системы:

Я бы здесь еще добавила: «Если вы не согласны с тем, что сообщение содержит недостоверную информацию, то пожалуйте на него». Не знаю, ну что-то такое. Потому что сталкивалась с тем, что какой-то пост, не знаю, про банановые панкейки маркировали предупреждением. То есть ничего такого там не было, и мне от этого даже как-то обидно было — человек постарался, написал [пост], а его текст по ошибке прикрыли. (Инф. 4, Женщина, 24 года, высшее образование)

Формирование универсального типа предупреждающих сообщений

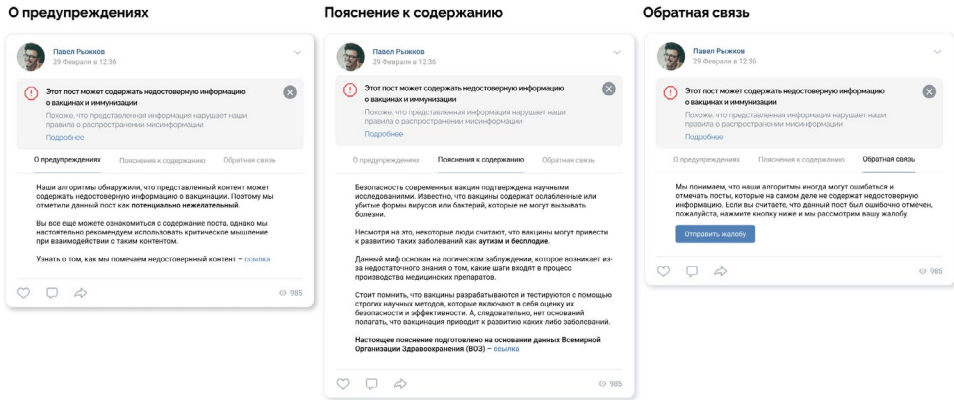
На основании выводов, полученных из интервью, были сформулированы следующие требования к четвертому (универсальному) типу предупреждающих сообщений, который непосредственно учитывает основные замечания и пожелания пользователей:

- Оставить интерстициальную блокировку контента.
- Добавить в предупреждающее сообщение ссылку на регламент, согласно которому социальная сеть отмечает посты плашками.
- Добавить в заголовок предупреждающего сообщения тематику поста.
- Добавить возможность скрытия дополнительных пояснения в отдельное окошко. В нем также стоит сделать отсылку на научный источник информации.
- Добавить возможность отправки жалобы на предупреждающее сообщение на случай, если оно ошибочно.

Предупреждение, разработанное на основе этих принципов, показано на рисунке 2. Оно представляет собой комбинацию интерстициального и опровергающего типа, дополненную рядом улучшений. Например, к кнопке «Подробнее» была добавлена композитная структура, что позволило включить дополнительную информацию, сохраняя при этом относительную компактность сообщения.

¹² Здесь и далее в цитатах знак <...> обозначает фрагмент, намеренно опущенный автором исследования. Он используется для сокращения цитаты с сохранением её основного смысла, удаления повторов или нерелевантных для конкретного контекста деталей.

Рис. 2. Универсальный тип предупреждающего сообщения

Тест предпочтений

Результаты точного биномиального теста показывают, что наблюдаемая вероятность выбора пользователями опровергающего типа в качестве предпочтительного статистически значимо отличается от 0,25 (при доверительном уровне в 0,05), то есть именно этот способ представления предупреждающего сообщения наиболее привлекателен в глазах пользователей. Общее описание результатов теста для каждого типа предупреждающих сообщений представлено в таблице 1.

Таблица 1. Результаты биномиального теста предпочтений

Формат сообщения	Количество респондентов, выбравших данный тип	p-value	Наблюдаемая вероятность выбора	95% CI
Интерстициальный	37 (22%)	0,3755	0,21	[0,160, 0,289]
Контекстуальный	37 (22%)	0,3755	0,21	[0,160, 0,289]
Опровергающий	55 (33%)	0,0263	0,33	[0,255, 0,401]
Универсальный	40 (23%)	0,7233	0,24	[0,175, 0,308]

Учитывая то, что статистическая значимость не дает информации о силе взаимосвязи, в эмпирических исследованиях также рекомендуется рассчитывать размер эффекта [Fritz, Morris, Richler, 2012]. В данном случае была вычислена метрика Cohen's h , которая позволяет оценить величину различия между двумя вероятностями [ibid.]. Она рассчитывается по следующей формуле, где p и p_0 — это наблюдаемая и ожидаемая вероятность, соответственно:

$$h = 2(\arcsin(\sqrt{p}) - \arcsin(\sqrt{p_0})).$$

После подстановки значений, полученных из биномиального теста (опровергающий тип), можно сказать, что размер эффекта составляет $\sim 0,18$. Это говорит о том, что, хотя статистический анализ показывает значимые результаты, предпочтение к опровергающему типу незначительно.

Результаты проведенных тестов на независимость показывают, что предпочтения к тому или иному типу предупреждающих сообщений не связаны с полом (p -value = 0,430), предыдущим опытом взаимодействия с предупреждениями (p -value = 0,135) и согласием с тем, что пометка потенциально недостоверных постов необходима (p -value = 0,107). Другими словами, выявить статистически значимых различий в предпочтениях между разными группами пользователей не удалось.

О причинах выбора

Качественный анализ открытых ответов из теста предпочтений выявил четкую систему аргументации, которой респонденты руководствовались при выборе предпочитаемого типа предупреждающих сообщений. Аргументы были тесно связаны с воспринимаемой эффективностью, лаконичностью и уважением к агентности пользователя.

Интерстициальный тип был выбран респондентами преимущественно благодаря наличию краткого предупреждения, предваряющего основной контент и разъясняющего причины его маркировки. Ключевыми факторами эффективности признаны краткость и ясность сообщения, в противовес большим текстам, которые, по мнению пользователей, чаще игнорируются. Как отметил один из респондентов, *«Краткое и понятное предупреждение лучше подходит! Длинное никто не будет читать до конца, слишком долго, нудно, подумают — ерунда какая-то. К тому же, если предупреждение длиннее самого поста, то это как-то вообще не очень смотрится»* (респ. 127, Мужчина, 40 лет).

Контекстуальный тип привлек пользователей своей лаконичностью, понятностью и минималистичным дизайном, который не перегружал визуальное пространство. Респонденты подчеркивали, что данная интервенция, будучи лаконичной и визуально ненавязчивой, эффективно выполняла функцию предупреждения, не затрудняя доступ к первоисточнику и не навязывая конкретную оценку. Этот подход рассматривался как компромиссный, обеспечивающий информирование пользователя без избыточного контроля над контентом: *«Полностью блокировать информацию нельзя, так как каждый сам в праве решать, какую информацию потреблять и чему верить, поэтому один из вариантов отмечаем сразу. В остальных вариантах слишком много пояснительной информации, поэтому выбираем самый простой, без лишней воды»* (респ. 87, Мужчина, 33 года).

Опровергающий тип был выбран теми респондентами, которые видели ценность в предоставлении развернутой аргументации и дополнительного контекста. Данный подход воспринимался как наиболее уважающий право пользователя на самостоятельный анализ и формирование выводов на основе конкурирующих точек зрения. Эта позиция иллюстрируется следующим высказыванием: *«Подобный пост не следует скрывать. Он не несет в себе экстремизма. Это точка зрения. Должна быть возможность ознакомиться с ней. Иначе это еще больше разожжет у читателя интерес к этому посту. А уже под постом должна быть альтернативная точка зрения. А читатель уже сам решает, чему верить»* (респ. 187, Мужчина, 37 лет).

Универсальный тип был охарактеризован респондентами как наиболее комплексный и информативный. Назывались такие его преимущества, как детальное объяснение причин блокировки контента и наличие механизма обратной связи.

В целом респонденты оценили этот вариант как способствующий более глубокому осмыслению информации: «Идеальный вариант, так как поясняется почему выскочило предупреждение, есть краткий экскурс о том, о чем говорится в посте и обратная связь. Заставит читателя помозговать, осмыслить, и возможно, остудит троллей интернетных» (респ. 143, Женщина, 35 лет).

Результаты онлайн-эксперимента

Результаты однофакторного дисперсионного анализа (см. табл. 2) указывают на отсутствие статистически значимых различий в среднем желании взаимодействовать с постом через лайк, комментарий или репост между экспериментальными группами.

Таблица 2. Результаты дисперсионного анализа

Переменная	F-статистика	p-value	Значение χ^2	95 % CI
Желание поставить лайк	0,57	0,687	7,40e-03	[0,00, 1,00]
Желание сделать репост	0,23	0,921	7,40e-03	[0,00, 1,00]
Желание оставить комментарий	0,26	0,906	3,35e-03	[0,00, 1,00]

Результаты непараметрической версии ANOVA (критерий Краскела — Уоллиса) подтверждают данные выводы, указывая на отсутствие статистически значимых различий между группами ($p\text{-value} > 0,05$). Как и в случае с ANOVA, тест хи-квадрат не позволил выявить статистически значимой связи между желанием взаимодействовать с постом и экспериментальными группами (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты теста χ^2

Переменная	χ^2	p-value
Желание поставить лайк	4,2574	0,8332
Желание сделать репост	9,4266	0,3076
Желание оставить комментарий	2,7284	0,9502

Заключение

В работе проведен анализ пользовательского восприятия предупреждающих сообщений. Это позволило выявить как слабые, так и сильные стороны каждого из четырех способов визуального представления предупреждающих уведомлений (интерстициальные, контекстуальные, опровергающие и универсальные), а также подтвердить наличие статистически значимого предпочтения в отношении опровергающего формата сообщений ($p\text{-value} = 0,02631$, Cohen's $h = 0,1767$). Это дает основания полагать, что русскоязычные пользователи позитивно воспринимают дополнительные пояснения, представленные в форме так называемого «сэндвича правды», где недостоверная информация обрамляется истинными высказываниями. Более того, исследование показало, что включение предупреждающего

сообщения не снижает вероятность взаимодействия с постом через лайк, репост или комментарий, и это противоречит выводам, сделанным в предыдущих исследованиях (например, [Clayton et al., 2020]). Несмотря на это, мы не считаем, что данный результат свидетельствует о неэффективности предупреждающих сообщений. Отсутствие статистически значимой ассоциации, вероятно, объясняется двумя ключевыми факторами. Во-первых, высокий уровень образования респондентов в выборке: 65 % участников обладают степенью бакалавра или выше, что предполагает развитые навыки критического мышления и, возможно, изначально более скептическое отношение к антивакцинному контенту. Для такой аудитории базовый уровень доверия к ненадежным источникам мог быть изначально низким, что ограничило пространство для наблюдаемого эффекта от предупреждения. Во-вторых, специфика методологии: в ходе эксперимента мы напрямую спрашивали респондентов об их желании взаимодействовать с постом. Эта прямая постановка вопроса могла спровоцировать социально одобряемые ответы, сместив результаты в сторону большей осторожности, независимо от реальных намерений участников. Вероятно, лучшей стратегией было бы отследить взаимодействие с антивакцинным постом через целевые действия пользователей.

Также для более комплексной оценки эффективности предупреждений в будущих исследованиях необходимо целенаправленно изучить их влияние на два ключевых поведенческих аспекта: на желание пользователей ознакомиться с содержимым антивакцинного поста и на воспринимаемую достоверность самого контента. Измерение первого показателя, например через отслеживание кликов или времени, проведенного на странице поста, позволит оценить сдерживающий эффект предупреждений. Оценка второго аспекта покажет, способствуют ли предупреждения критическому восприятию информации и снижению субъективной веры в ее правдивость, что является конечной целью подобных интервенций.

Обобщая результаты анализа, также можно сформулировать ключевые рекомендации по дизайну предупреждающих сообщений.

Необходимость пояснений. Результаты показывают, что пользователи положительно реагируют на дополнительные пояснения. Это относится не только к тексту, который опровергает конкретное заблуждение, но и к техническим пометкам, объясняющим причину появления предупреждающих сообщений. Например, пояснение, построенное по структуре «Fact — Myth — Fallacy — Fact» было охарактеризовано как «грамотно структурированное», «доступное» и «подробное». Несмотря на это, некоторые признались, что в реальности они, скорее всего, не стали бы читать объяснение, так как у них уже есть четкая позиция в отношении вакцинации. Учитывая в целом положительную реакцию и ценность пояснений для других пользователей, данные наблюдения позволяют сделать вывод, что дополнительные текстовые разъяснения являются уместным элементом, который рекомендуется включать в дизайн предупреждающих сообщений. Мы также предлагаем представлять их в виде раскрывающегося поля, чтобы не раздражать тех пользователей, которые не желают знакомиться с дополнительной информацией.

Отказ от скрытия контента. Хотя в интервью было выявлено предпочтение интерстициального типа, последующий анализ показал, что пользователям не нравится, когда социальная сеть скрывает контент от просмотра. Многие участники

отметили, что интерстициальная блокировка контента может быть воспринята как цензура, нарушающая право на свободу слова. Кроме того, замечено, что закрытие текста поста предупреждающим сообщением только усиливает любопытство пользователя, а это, в представлении участников, может повышать вероятность прочтения недостоверной информации. Данные наблюдения позволяют сделать вывод, что дизайн предупреждения должен ясно показывать, что это всего лишь дополнение к основному контенту.

Указание ссылок. Для улучшения эффективности предупреждающих сообщений также рекомендуется включать ссылки на дополнительные источники. Участники отмечали, что ссылка на авторитетное мнение или научное исследование могла бы помочь им удостовериться в правильности представленных фактов. Другими словами, пользователям важно сохранять автономию в процессе взаимодействия с предупреждающим сообщением, то есть самостоятельно решать, чему доверять, а чему нет. В дизайне предупреждения также важно убедиться в том, что ссылки вызывают доверие. Некоторые пользователи сообщали, что они часто игнорируют призывы перейти на внешние источники из-за опасений стать жертвой вредоносного программного обеспечения. Вероятно, эту проблему можно решить через пометку ссылок галочкой, при наведении на которую будет отображаться информация о том, что ссылка была проверена администрацией социальной сети.

Возможность обратной связи. Наконец, результаты анализа показывают, что пользователи воспринимают возможность опротестовать предупреждение о потенциально недостоверной информации в качестве полезной функции, способной восстановить справедливость в случае ошибочного появления предупреждающего сообщения. Исходя из этого, финальной рекомендацией является внедрение механизма обратной связи в дизайн предостерегающего сообщения.

Список литературы (References)

1. Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. No. 1. С. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>.
Dudina V. I., Saifulina V. O. (2023) «I Read It, I Wanted to Get Vaccinated Even Less»: An Online Discourse of Vaccine Hesitancy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>. (In Russ.)
2. Akhawe D., Felt A. P. (2013) Alice in Warningland: A Large-Scale Field Study of Browser Security Warning Effectiveness. In: *Proceedings of the 22nd USENIX Conference on Security*. P. 257—272. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.5555/2534766.2534789> (accessed: 17.02.2025).
3. Allen J., Watts D. J., Rand D. G. (2024) Quantifying the Impact of Misinformation and Vaccine-Skeptical Content on Facebook*. *Science*. Vol. 384. No. 6699. <https://doi.org/10.1126/science.adk3451>.

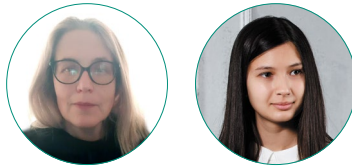

4. Benoit S. L., Mauldin R. F. (2021) The “Anti-Vax” Movement: A Quantitative Report on Vaccine Beliefs and Knowledge Across Social Media. *BMC Public Health*. Vol. 21. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s12889-021-12114-8>.
5. Clayton K., Blair S., Busam J. A., Forstner S., Glance J., Green G., Kawata A., Kovvuri A., Martin J., Morgan E., Sandhu M., Sang R., Scholz-Bright R., Welch A. T., Wolff A. G., Zhou A., & Nyhan B. (2020) Real Solutions for Fake News? Measuring the Effectiveness of General Warnings and Fact-Check Tags in Reducing Belief in False Stories on Social Media. *Political Behavior*. Vol. 42. No. 4. P. 1073—1095. <https://doi.org/10.1007/s11109-019-09533-0>.
6. Epstein Z., Foppiani N., Hilgard S., Sharma S., Glassman E., Rand D. (2022) Do Explanations Increase the Effectiveness of AI—Crowd Generated Fake News Warnings? In: Budak C., Cha M., Quercia D. (eds.) *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. Vol. 16. P. 183—193. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v16i1.19283>.
7. Fritz C. O., Morris P. E., Richler J. J. (2012) Effect Size Estimates: Current Use, Calculations, and Interpretation. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 141. No. 1. P. 2—18. <https://doi.org/10.1037/a0024338>.
8. Gantiva C., Sotaquirá M., Marroquín M., Carné C., Parada L., & Muñoz M. A. (2019) Size Matters in the Case of Graphic Health Warnings: Evidence from Physiological Measures. *Addictive Behaviors*. Vol. 92. P. 64—68. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.12.003>.
9. Guo C., Guo Z., Zheng N., Guo C. (2024) All Warnings Are Not Equal: A User-Centered Approach to Comparing General and Specific Contextual Warnings Against Misinformation. In: Bui T. (ed.) *Proceedings of the 57th Hawaii International Conference on System Sciences*. P. 2330—2339. URL: https://aisel.aisnet.org/hicss-57/dsm/critical_and_ethical_studies/3 (accessed: 12.01.2025).
10. Hassan A., Barber S. J. (2021) The Effects of Repetition Frequency on the Illusory Truth Effect. *Cognitive Research: Principles and Implications*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s41235-021-00301-5>.
11. Johnson H. M., Seifert C. M. (1994) Sources of the Continued Influence Effect: When Misinformation in Memory Affects Later Inferences. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 20. No. 6. P. 1420—1436. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.20.6.1420>.
12. Kaiser B., Wei J., Lucherini E., Lee K., Matias J. N., Mayer J. (2021) Adapting Security Warnings to Counter Online Disinformation. In: *30th USENIX Security Symposium (USENIX Security 21)*. P. 1163—1180. URL: <https://www.usenix.org/conference/usenixsecurity21/presentation/kaiser> (accessed: 29.12.2024).
13. Koch T. K., Frischlich L., Lerner E. (2023) Effects of Fact-Checking Warning Labels and Social Endorsement Cues on Climate Change Fake News Credibility and Engagement on Social Media. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 53. No. 6. P. 495—507. <https://doi.org/10.1111/jasp.12959>.

14. König L. M. (2023) Debunking Nutrition Myths: An Experimental Test of the “Truth Sandwich” Text Format. *British Journal of Health Psychology*. Vol. 28. No. 4. P. 1000—1010. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12665>.
15. Konstantinou L., Caraban A., Karapanos E. (2019) Combating Misinformation Through Nudging. In: Lamas D., Loizides F., Nacke L., Petrie H., Winckler M., Zaphiris P. (eds.) *Human-Computer Interaction — INTERACT 2019*. Cham: Springer. Vol. 11749. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29390-1_51.
16. Kotz J., Giese H., König L. M. (2023) How to Debunk Misinformation? An Experimental Online Study Investigating Text Structures and Headline Formats. *British Journal of Health Psychology*. Vol. 28. No. 4. P. 1097—1112. <https://doi.org/10.1111/bjhp.12670>.
17. Lewandowsky S., Ecker U. K., Seifert C. M., Schwarz N., Cook J. (2012) Misinformation and Its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing. *Psychological Science in the Public Interest*. Vol. 13. No. 3. P. 106—131. <https://doi.org/10.1177/1529100612451018>.
18. Martel C., Rand D. G. (2023) Misinformation Warning Labels Are Widely Effective: A Review of Warning Effects and Their Moderating Features. *Current Opinion in Psychology*. Vol. 54. Art. 101710. <https://doi.org/10.1016/j.copsy.2023.101710>.
19. Mena P. (2020) Cleaning Up Social Media: The Effect of Warning Labels on Likelihood of Sharing False News on Facebook*. *Policy & Internet*. Vol. 12. No. 2. P. 165—183. <https://doi.org/10.1002/poi3.214>.
20. Nassetta J., Gross K. (2020) State Media Warning Labels Can Counteract the Effects of Foreign Misinformation. *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. Vol. 1. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-45>.
21. Pennycook G., Bear A., Collins E. T., Rand D. G. (2020) The Implied Truth Effect: Attaching Warnings to a Subset of Fake News Headlines Increases Perceived Accuracy of Headlines Without Warnings. *Management Science*. Vol. 66. No. 11. P. 4944—4957. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2019.3478>.
22. Petrov I. (2022) Anti-vaccination Movement on VK: Information Exchange and Public Concern. In: Alexandrov D. A., Boukhanovsky A. V., Chugunov A. V., Kabanov Y., Koltsova O., Musabirov I. (eds.) *Digital Transformation and Global Society*. Cham: Springer. P. 108—121. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93715-7_8.
23. Pluviano S., Watt C., Della Sala S. (2017) Misinformation Lingers in Memory: Failure of Three Pro-vaccination Strategies. *PLoS ONE*. Vol. 12. No. 7. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0181640>.
24. Porter E., Wood T. J. (2022) Political Misinformation and Factual Corrections on the Facebook* News Feed: Experimental Evidence. *The Journal of Politics*. Vol. 84. No. 3. P. 1812—1817. <https://doi.org/10.1086/719271>.

25. Sharevski F., Alsaadi R., Jachim P., Pieroni E. (2022) Misinformation Warnings: Twitter's Soft Moderation Effects on COVID-19 Vaccine Belief Echoes. *Computers & Security*. Vol. 114. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2021.102577>.
26. Silic M. (2016) Understanding Colour Impact on Warning Messages: Evidence from Us and India. In: Kaye J., & Druin A. (eds.) *Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems*. P. 2954—2960. <https://doi.org/10.1145/2851581.2892276>.
27. Sullivan G. M., Artino A. R. (2013) Analyzing and Interpreting Data from Likert-Type Scales. *Journal of Graduate Medical Education*. Vol. 5. No. 4. P. 541—542. <https://doi.org/10.4300/JGME-5-4-18>.
28. Swire-Thompson B., DeGutis J., Lazer D. (2020) Searching for the Backfire Effect: Measurement and Design Considerations. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. Vol. 9. No. 3. P. 286—299. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2020.06.006>.
29. Tulin M., Hameleers M., de Vreese C., Opgenhaffen M., Wouters F. (2024) Beyond Belief Correction: Effects of the Truth Sandwich on Perceptions of Fact-checkers and Verification Intentions. *Journalism Practice*. P. 1—20. <https://doi.org/10.1080/17512786.2024.2311311>.
30. Xie J., Yamashita M., Cai Z., Xiong A. (2022) A User Study on the Feasibility of Topic-aware Misinformation Warning on Social Media. In: *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. Vol. 66. No. 1. P. 621—625. <https://doi.org/10.1177/1071181322661252>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3000](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3000)**В. И. Дудина, С. А. Бердыева****ОТ БЛОГЕРА К АКТИВИСТУ: ПАЦИЕНТСКИЙ АКТИВИЗМ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНКОБЛОГИНГА****Правильная ссылка на статью:**

Дудина В. И., Бердыева С. А. От блогера к активисту: пациентский активизм сквозь призму онкоблогинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 132—151. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3000>.

For citation:

Dudina V. I., Berdiyeva S. A. (2025) From Blogger to Activist: Patient Activism Through the Lens of Cancer Blogging. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 132–151. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3000>. (In Russ.)

Получено: 14.04.2025. Принято к публикации: 29.08.2025.

ОТ БЛОГЕРА К АКТИВИСТУ: ПАЦИЕНТСКИЙ АКТИВИЗМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНКОБЛОГИНГА

ДУДИНА Виктория Ивановна — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной и отраслевой социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: viktorija_dudina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2099-2345>

БЕРДЫЕВА София Арслановна — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: sophiyaberdiyeva1@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-5525-6352>

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования динамики индивидуального пациентского активизма блогеров из числа людей с онкологическими заболеваниями. Исследование фокусируется на описании перехода от личного опыта жизни с заболеванием к активному участию в решении проблем онкологических больных. Цель исследования — идентификация и описание траекторий развития индивидуального пациентского активизма онкоблогеров и факторов, способствующих ему. Сбор данных осуществлялся в сегменте блогосферы, располагающейся на ресурсе Дзен, с помощью парсера, написанного на языке Python. Качественный анализ текстов с использованием метода обоснованной теории проводился с помощью программного обеспечения ATLAS.ti 9. По результатам исследования разработаны четыре модели: модель перехода блогера-пациента к активизму; модель пациентского активизма онкоблогеров; модель связи потенциальных предикторов с пациентским

FROM BLOGGER TO ACTIVIST: PATIENT ACTIVISM THROUGH THE LENS OF CANCER BLOGGING

Victoria I. DUDINA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology

E-MAIL: viktorija_dudina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2099-2345>

Sofiya A. BERDIYEVA² — Independent Researcher

E-MAIL: sophiyaberdiyeva1@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-5525-6352>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents the results of a sociological study examining the dynamics of individual patient activism among bloggers with cancer. The study focuses on describing the transition from personal experience of living with the disease to active participation in solving the problems of cancer patients. The aim of the study is to identify and describe the developmental trajectories of individual patient activism among cancer bloggers and the factors that contribute to it. Data was collected from the blogosphere segment located on the Yandex Zen resource using a parser written in Python. Qualitative text analysis within the grounded theory method was conducted using ATLAS.ti 9 software. Based on the study results, the authors developed four models of blogger's behavior, namely: a model of the transition of a patient blogger to activism; a model of patient activism among cancer bloggers; a model of the relationship between potential predictors and patient activism; and a model of the integration of a cancer blogger into the patient community. The authors conclude that

активизмом; модель интеграции онкоблогера в сообщество пациентов. Делается вывод, что три ключевых направления пациентского активизма (участие в сообществе, защита интересов и вовлеченность) имеют свою уникальную динамику и зависят от степени выраженности проблем, с которыми столкнулся пациент, уровня осведомленности блогера в области онкологии, установок по отношению к медицине и медицинским работникам, а также личностных особенностей пациента.

Ключевые слова: пациентский активизм, блогинг, онкологические заболевания, качественный анализ, исследования медиа, обоснованная теория

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-18-00261-П.

Введение

Пациентский активизм играет важную роль в организации общественного здравоохранения, хотя его вклад часто недооценивают. Если ранее активизм пациентов рассматривали преимущественно как деятельность организованных групп людей с определенными заболеваниями, то в последнее десятилетие характер пациентского активизма существенно изменился. Одним из факторов, обусловивших его изменение, стала пандемия коронавируса. Эпидемиологические риски, затронувшие все население, стимулировали интерес к проблемам медицины в самых широких слоях общества. Еще одним значимым фактором стала цифровизация. Многие пациентские группы перенесли свою деятельность в онлайн-пространство, появились цифровые сообщества, объединяющие людей, интересующихся различными аспектами здоровья, медицины и лечения. В результате активность пациентов стала более разнообразной, в нее начали вовлекаться люди, которые раньше не участвовали в таких инициативах. Теперь можно говорить не только о коллективном действии, но и о так называемом индивидуальном, или «диффузном», активизме, когда персональные нарративы, представленные, например, в форме личных историй заболевания, распространяются по сетям первоначально не связанных друг с другом людей, влияют на их мнение и мировоззрение, привлекают внимание к определенным проблемам и провоцируют изменения в их повседневной жизни и в связанном со здоровьем поведении [Дудина, 2023а; Юдина, Дудина, 2023].

Значительная часть названных процессов происходит в социальных медиа: в открытых и закрытых группах и сообществах, в пациентских чатах, блогах на специа-

the three key areas of patient activism (community participation, advocacy, and engagement) have their own unique dynamics and depend on the severity of the problems faced by the patient, the blogger's level of awareness in the field of oncology, attitudes toward medicine and medical professionals, and the patient's personal characteristics.

Keywords: patient activism, blogging, cancer, qualitative analysis, media studies, grounded theory

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Scientific Foundation RSF (project No 22-18-00261-P).

лизованных платформах. Многие из таких ресурсов относятся к открытым для наблюдения каналам коммуникации и обладают существенным потенциалом для изучения пациентского дискурса и его воздействия на поведенческие практики. В частности, сетевые эксперименты, проводившиеся в рамках теории социального заражения, продемонстрировали, что нормы поведения в сфере здоровья, транслируемые онлайн, оказывают влияние на реальное поведение пользователей [Centola, 2018; 2021].

Предмет нашего исследовательского интереса — генезис индивидуального цифрового активизма пациентов, который проявляется в том случае, когда от описания своего повседневного опыта жизни с болезнью блогеры постепенно переходят к активному участию в решении сходных проблем других пациентов или ориентируют свою блогерскую активность на проблемы, выходящие за рамки собственной ситуации и затрагивающие более широкие интересы людей с соответствующим заболеванием, вопросы организации медицинской помощи, защиты прав пациентов, особенностей лечения и диагностики. Цель исследования, результаты которого представлены в статье, состоит в идентификации и описании траекторий развития индивидуального пациентского активизма онкоблогеров и факторов, способствующих ему. Нас интересовали кейсы перехода от личной ситуации жизни с заболеванием к деятельности, которую можно охарактеризовать как пациентский активизм. Мы сконцентрировались на блогах онкологических пациентов, поскольку онкологические заболевания широко распространены, относятся к социально значимым заболеваниям, характеризуются продолжительным лечением, вероятностью рецидива и значительным числом сложностей, с которыми сталкиваются пациенты, начиная от постановки диагноза и заканчивая доступностью лекарств и организацией повседневной жизни с заболеванием. Кроме того, онкологические заболевания имеют ряд характеристик, которые провоцируют людей на пересмотр своей жизни, поиск смысла болезни, борьбу со страхом смерти, канцерофобией и стигматизацией, которая, хоть и не в явном виде, но присутствует в отношении к онкологическим больным в современном обществе [Wang, Feng, 2022; Stahly, 1989]. Поскольку, как и в случаях с другими социально стигматизируемыми заболеваниями, пациенты могут скрывать онкологический диагноз даже от ближайшего окружения, сам факт ведения блога, особенно с раскрытием своей личности, может рассматриваться как первый шаг к активизму. Кроме того, такие проблемы отечественной онкологии, как недостаток кадровых и материальных ресурсов, проблемы с оказанием паллиативной помощи, необходимость развития системы реабилитации, неравенство финансирования и качества предоставления медицинских услуг между регионами¹, обуславливают повышенное внимание к этой сфере и необходимость поиска дополнительных ресурсов для изменения ситуации [Тюляндин, Жуков, 2018]. К таким ресурсам можно отнести и пациентский активизм.

Пациентский активизм и блогинг

Пациентский активизм подразумевает широкий спектр видов деятельности, который включает защиту прав и интересов пациентов [Petersen, Schermuly, Anderson,

¹ Манукиян Е. Чего не хватает для качественного лечения онкологии в России // Российская газета. 2022. 22 июня. URL: <https://rg.ru/2022/06/22/chego-ne-hvataet-dlia-kachestvennogo-lecheniia-onkologii-v-rossii.html> (дата обращения: 13.04.2025).

2019); участие в деятельности пациентских сообществ посредством поддержания диалога как в онлайн-, так и в офлайн-формате, которое обеспечивает социальную и психологическую поддержку членам сообщества, коммуникацию с профильными специалистами-медиками, обмен информацией, опытом и ресурсами [van der Eijk et al., 2013; Setoyama, Yamazaki, Namayama, 2011]; различные проявления пациентской вовлеченности — когнитивного, эмоционального и поведенческого участия пациента в оказании медицинской помощи.

Индивидуальный пациентский цифровой активизм связан с активностью отдельных пользователей и реализуется в онлайн-формате на основе сетевых взаимодействий. Как правило, данный тип активизма направлен на распространение информации об особенностях жизни с конкретным заболеванием, описание индивидуальных практик преодоления проблем, связанных с тем или иным заболеванием, а также на привлечение внимания к недоступности определенных медицинских услуг или к их низкому качеству [Schermuly, Petersen, Anderson, 2021]. Этот тип активизма обычно ориентирован на людей, столкнувшихся со сходной проблемой, хотя может привлечь внимание и других людей, по тем или иным причинам заинтересовавшихся этим контентом. Данный тип активизма наиболее распространен в отношении заболеваний, по которым люди не могут получить адекватную помощь или не удовлетворены оказываемой помощью, а потому мотивированы на самостоятельный поиск решений. Особенно яркими примерами здесь выступают онкологические заболевания, стигматизируемые состояния и заболевания, редкие заболевания, оспариваемые диагнозы [Дудина, 2023b].

Пациентский блогинг может рассматриваться как одна из форм активизма в сфере здоровья, если он характеризуется такими проявлениями, как активное взаимодействие с пациентским сообществом, адаптация контента под его нужды и запросы; наличие рефлексии или изначальной интенции создавать контент для пациентской аудитории (в противоположность использованию блога исключительно в качестве личного дневника); наличие у блога потенциала стать информационным ресурсом (изложение инструкций по отстаиванию прав, суждения о наличии и распространенности проблем, которые могут способствовать реализации так называемого доказательного активизма) [Petersen, Schermuly, Anderson, 2019; Rabeharisoa, Moreira, Akrich, 2014].

Блогинг в сфере здоровья изучается отечественными авторами [Богомягкова, 2024; Кульпин, Савчук, Якимова, 2020], однако блоги онкологических больных в русскоязычном сегменте интернета пока не стали предметом отдельного анализа. В международных исследованиях блоги пациентов с онкологическими заболеваниями рассматриваются с нескольких точек зрения: изучаются социально-демографические характеристики блогеров [Kim, Chung, 2007], мотивации ведения блогов [Ressler et al., 2012], их контент с точки зрения тем, интересующих клинических исследователей [Nishioka et al., 2022] и специалистов общественного здравоохранения [Hintermayer et al., 2020], а также особенности конструирования нарративов о теле, болезни и смерти [Andersson, 2019; de Boer, Slatman, 2014]. Однако проявления индивидуального пациентского активизма в этой группе почти не изучены, несмотря на то что их потенциал отмечался некоторыми исследователями. В частности, стоит упомянуть раздел книги Карстена Стейджа «Рак

в сети: влияние, нарратив и измерение» [Stage, 2017], посвященный связи пациентского блогинга онкобольных с «коннективными действиями». Под ними в данном случае понимаются действия по мобилизации групп, между участниками которых существуют слабые связи, поддерживаемые посредством цифровых медиа. Участники могут обладать самыми разными социальными характеристиками и при этом объединять усилия для решения общих волнующих их вопросов без каких-либо идеологических барьеров для кооперации [Bennett, Segerberg, 2013]. Коннективные действия противопоставляются коллективным, создающим однородные и сплоченные сообщества, объединенные общей идеологией. Стейдж анализирует ряд блогов и приходит к выводу, что активистский и мобилизующий потенциал их авторов ассоциируется с «предприимчивостью» — способностью прагматично использовать имеющиеся средства для реализации проектов.

В рамках данной статьи на основе анализа эмпирических материалов мы расширяем перечень факторов, гипотетически связанных с активистским потенциалом пациентов в целом и блогеров в частности, а также предлагаем типологию выявленных феноменов (проявлений активизма и факторов, потенциально ведущих к ним). Мы рассматриваем пациентский активизм в динамике на уровне отдельных блогов, предлагая таким образом новый взгляд на феномен пациентского онкоблогинга. Основная исследовательская задача этой работы состоит в том, чтобы проследить переход от персонального блогинга к активизму, обозначить, через какие этапы и под влиянием каких факторов блогер-пациент постепенно переходит в статус активиста, перенаправляя свои усилия от описания жизненной ситуации и личных проблем, поиска ответов на собственные вопросы к помощи другим людям и решению более широких проблем здравоохранения, связанных с онкологией.

Сбор данных и выборка

Для сбора данных был выбран сегмент блогосферы, располагающийся на ресурсе «Дзен» (dzen.ru) — платформе, принадлежащей компании VK, которая на данный момент является одной из ведущих социальных платформ для блогинга в российской интернет-среде. В 2024 г. ежедневная аудитория платформы составляла около 30 млн человек². Важными для выбора этой платформы стали ее следующие особенности:

- наличие усовершенствованных рекомендательных алгоритмов, которые упрощают выход владельцев пациентских блогов к целевой аудитории — людям, интересующимся схожими темами и читающим похожих авторов;
- открытость для создания контента — отсутствие ограничений на авторство и платы за создание блога;
- правила платформы, касающиеся публикаций о здоровье и медицине, разрешающие публиковать материалы на медицинскую тематику, если они опираются на «принципы доказательной медицины и несут информационную ценность для пользователей»³;

² Итоги года Дзен 2024: аналитика, обновления, тренды и самые популярные темы года Дзен. URL: <https://dzen.ru/itogi-2024> (дата обращения: 12.04.2025).

³ Требования к контенту // Дзен. URL: <https://dzen.ru/help/ru/requirements/rules.html> (дата обращения: 12.04.2025).

— сохранение формата длинных текстов, в то время как некоторые из популярных в настоящее время социальных медиа имеют ограничения на количество символов в публикации.

Для формирования выборочной совокупности производился поиск релевантных блогов по наличию ключевых слов в названии, описании или содержании блога. Использовались следующие ключевые слова и словосочетания: онкология, рак, онко, борьба с раком, саркома, лимфома, карцинома, лейкоз, cancer, опсо, опко, у меня рак, рак крови, рак легких, рак желудка, РШМ, РМЖ и другие. Поиск по ключевым словам позволил выявить 116 блогов, принадлежащих онкопациентам или их близким.

Другим критерием была текущая публикационная активность: отобранные блоги должны были содержать хотя бы одну публикацию в течение месяца до даты поиска. Выбор порога в один месяц позволил, с одной стороны, не исключать блоги, в которых по каким-то причинам активность приостановилась на небольшой срок, а с другой стороны, не включать в выборку блоги, активность в которых уже прекратилась. Критерию публикационной активности соответствовали 27 блогов. Также мы обращали внимание на общее количество записей в блоге. Минимальное количество постов в блогах, включенных в выборку, составило 67, что важно для отслеживания динамики контента. Оценивалось авторство блога — принадлежность блога онкологическому пациенту, его родственнику или близкому человеку, но не СМИ, организации или медицинскому работнику из области онкологии. Сведения об авторстве блога содержатся в названиях или описаниях («шапках») блога. Если название или «шапка» однозначно не указывали на автора, то авторство устанавливалось по содержанию постов.

Далее были отобраны блоги, наиболее соответствующие цели исследования. Нас интересовали блоги, у авторов которых произошел «выход» за пределы описания личного пациентского опыта в более широкий контекст. Такой «выход» оценивался качественным образом на основе предварительного анализа тематики публикаций: мы отбирали те из них, в которых тема заболевания формировала основную часть контента, и он не ограничивался фиксацией хода лечения, но содержал описание проблемных ситуаций, обсуждение причин проблем в сфере онкологии, ситуаций других пациентов, предложения помощи или советы, адресованные читателям. В окончательную выборку было включено десять блогов, соответствующих всем названным критериям отбора. Общая характеристика выборки приведена в таблице 1.

Относительно социально-демографических характеристик выборки необходимо отметить, что все авторы отобранных блогов — женщины. Среди найденных на первом этапе отбора блогов 29 принадлежали мужчинам, однако все они были исключены, поскольку содержали малое количество постов (от 1 до 11) и были неактивны больше месяца. Можно предположить, что публичное описание собственного опыта заболевания в социальных медиа на систематической основе в большей мере свойственно именно женщинам-блогерам, однако данное предположение требует верификации в дальнейших исследованиях. Возраст блогеров в выборке варьировался от 27 до 50 лет.

Таблица 1. Итоговая выборка блогов для анализа

Код блога	Число подписчиков (июль 2023)	Диагноз	Публикуемый контент	Дата первой публикации, включенной в анализ
Blog_01	>46600	Рак легких 4 стадии	Видео и статьи о болезни, лечении и личной жизни.	4 августа 2021
Blog_02	>9500	Рак молочной железы (РМЖ) 3 стадии	Видео, статьи и ролики. Контент о раке описывает лечение, внутреннее состояние автора, а также включает в себя статьи образовательного характера (исторические факты, инструкции и советы пациентам и их близким).	21 октября 2020
Blog_03	>9300	Рак яичников 4 стадии	Значительную часть занимают видео и ролики о прохождении лечения. Включает в себя и историю лечения, и полезные советы, касающиеся онкологии и ее связи с другими сферами жизни (красота и уход за собой, поддержка иммунитета и др.). Отдельный раздел посвящен реализации прав людей с инвалидностью.	17 января 2022
Blog_04	>3000	Рак желудка 3 стадии	Видео, ролики, статьи. Контент выкладывается регулярно и включает в себя описание быта и лечения.	30 октября 2022
Blog_05	>2900	РМЖ 4 стадии	Видео, статьи преимущественно на тему рака, его диагностики и терапии, а также коммуникации на данную тему с близкими.	17 января 2023
Blog_06	>2000	РМЖ 2 стадии	Статьи и короткие посты про эмоциональное состояние из-за болезни, ход лечения, взаимодействие с медицинским персоналом, влияние событий в стране на положение онкобольных (включая медицинские реформы).	12 мая 2020
Blog_07	>1800	Рак шейки матки 3 стадии	Статьи и короткие посты. Статьи носят гибридный характер: первая часть — про лечение, вторая — про события из личной жизни или размышления по поводу болезни. Публикации о «борьбе» с инстанциями.	29 июня 2022
Blog_08	>1500	РМЖ 2 стадии	Видео и ролики, в которых рассказывается о ходе лечения в режиме «реального времени» — съемки до и сразу после посещения врача.	28 июля 2022
Blog_09	865	РМЖ 2 стадии	Видео, ролики, статьи. Автор блога позиционирует себя как «онкопросветитель»: статьи с полезными для пациентов материалами, видеопросветительские интервью со специалистами, фильм про пациентов и их жизнь.	16 августа 2022

Код блога	Число подписчиков (июль 2023)	Диагноз	Публикуемый контент	Дата первой публикации, включенной в анализ
Blog_10	339	РМЖ 2 стадии	Статьи о лечении и личной жизни автора. Попутно описываются проблемы, с которыми сталкивается пациент, и размышления по поводу принятия болезни.	21 июня 2023

Данные для анализа собирались с помощью парсера, написанного на языке Python. Видеоматериалы преобразовывались в текстовый формат посредством модели Whisper⁴. Качественный анализ отобранных текстов был реализован в среде программного обеспечения ATLAS.ti⁹.

Методология анализа

Материалы блогов являются важным источником данных для социологических исследований, поскольку блоги не предъявляют высоких требований к памяти информантов, как при проведении интервью; помещены в пространственно-временной контекст и отражают восприятие мира, актуальное для автора в момент написания, что важно для построения хронологии и фиксации изменений в динамике; нереактивны по отношению к исследователю. Эти характеристики ставят их в один ряд с письмами, личными дневниками и автобиографиями и позволяют применять к ним инструментарий, типичный для исследования нарративов. Исследования нарративов о болезни, как правило, задействуют конструктивистскую эпистемологию, исходящую из допущения, что социальная реальность постоянно видоизменяется и производится социальными акторами на основе их интерпретаций [Burchardt, 2019]. В таком случае создание автором нарратива является одновременно способом описать социальную реальность с позиции его жизненного опыта, конструируя смысл определенных феноменов, и повлиять на нее, используя символические ресурсы для привлечения внимания к проблемам, легитимации требований или объединения с единомышленниками. Для описания этих процессов в контексте онкоблогинга мы использовали метод обоснованной теории, поскольку он обладает потенциалом для формирования эмпирически «укорененных» теоретических моделей. А в данном исследовании мы предполагали не только описать траектории развития индивидуально-пациентского активизма онкоблогеров, но и представить полученное знание в форме моделей перехода к активизму в рамках индивидуального блогинга, которые обладали бы определенным объяснительным потенциалом и могли бы использоваться в исследованиях сходной тематики.

В ходе детального индуктивного кодирования с использованием методологии обоснованной теории был сформирован ряд начальных кодов. Далее в процессе осевого кодирования выделенные коды объединялись в категории более высокого уровня абстракции, а также уточнялся фокус анализа данных последовательно

⁴ Introducing Whisper // OpenAI. URL: <https://openai.com/index/whisper/> (дата обращения: 12.04.2025).

по каждой категории (например, фиксировался не просто факт взаимодействия с врачом, а обращалось внимание на описание характера этого взаимодействия с точки зрения активности или пассивности пациента). Активность оценивалась качественно по выражениям, которые интерпретировались как несогласие с мнением врача, сомнения в назначениях, обсуждение причин проблемных ситуаций в сфере лечения и пр. Пассивность в оценке проблемы фиксировалась в том случае, если фрагмент кодируемого текста в блоге в явном или неявном виде подразумевал неготовность самого автора к действию, транслировал установку «проблема есть, но ничего изменить нельзя».

Затем были сформулированы основные гипотетические утверждения о предмете исследования — траекториях индивидуального пациентского активизма — и составлен первый вариант модели перехода от индивидуального блогинга к пациентскому активизму, который последовательно развивался в ходе качественного анализа отобранных текстов. На этапе избирательного кодирования фокус внимания был направлен на то, как блогеры-пациенты интерпретируют различные феномены в социальных ситуациях, возникающих в первую очередь при взаимодействиях с представителями системы здравоохранения. Процесс анализа был направлен на видение мира глазами блогеров и выявление динамики и трансформаций восприятия статусно-ролевых позиций в синхронизации с выделенными этапами перехода к пациентскому активизму.

Результаты

По результатам проведенного анализа была разработана теоретическая модель, которая отражает общую траекторию перехода блогеров от персонального опыта активистскому. Путь, ведущий к проявлениям пациентского активизма, можно условно разделить на четыре этапа, где каждый последующий включает некоторые характеристики предыдущего (см. рис. 1). Подробнее эти этапы описаны ниже.

Рис. 1. Модель перехода блогера-пациента к активизму

1. *Ранний этап.* На этом этапе блогер имеет низкий уровень экспертизы, лишь начинает знакомство с проблемами, с которыми сталкиваются другие пациенты, использует публичность для получения ресурсов и поддержки от своей аудитории. Он находится в позиции реципиента, принимая советы, информацию и иногда предложения о материальной помощи от читателей блога. Данный этап характеризуется ощущением дезориентации относительно того, как пересматривать смысл своей жизни и трансформировать собственную повседневность в контексте заболевания. Также проявляется пассивность в защите интересов при столкновении с проблемами: такие ситуации просто фиксируются, часто безоценочно.

2. *Подготовительный этап* характеризуется тем, что блогер начинает активную рефлексию над своим пациентским опытом, осознает последствия публичности своей истории и формирует специфическую самоидентификацию не только как пациента, но и как публичной фигуры. Он постепенно интегрируется в сообщество пациентов-блогеров, активно осваивает их опыт. В ходе борьбы с болезнью пациент может приобрести новые черты личности, которые формируют более осознанное и критичное отношение к тем вопросам, которые раньше не становились предметом размышлений и оценки, что может вести к изменению комплаентности (приверженности лечению), снижению безусловного авторитета врача, повышению ассертивности в плане способности к отстаиванию своих прав и принципов без нарушения чужих границ. Он продолжает получать ресурсы и поддержку от своей аудитории, при этом проявляется более выраженная пациентская вовлеченность — участие в обсуждениях с другим пациентами и медицинскими работниками вопросов лечения, диагностики, получения помощи.

3. *Начало активизма:* онкоблогер начинает активно помогать другим блогерам-пациентам, предоставляя адресную помощь в форме информации, советов, нетворкинга. Начинает участвовать в популяризации сообщества, например путем продвижения блогов других пациентов или определенных инициатив. Он становится активным и полноправным участником диалога внутри сообщества, приобретая и передавая опыт взаимодействия с различными инстанциями (в том числе отправки обращений и жалоб), проявляя активность в защите интересов сообщества.

4. *Этап развитого активизма* характеризуется тем, что блогер начинает принимать активное участие в деятельности, направленной на улучшение условий и доступности медицинской помощи для людей, столкнувшихся со сходными проблемами. Эта деятельность может включать участие в инициативах по созданию коллективных обращений; размещение полезных материалов и ссылок, адресованных аудитории блога; агитацию среди пациентов-новичков к вступлению в онлайн-сообщества, а также оказание материальной, эмоциональной и информационной поддержки другим пациентам. На этом этапе становятся заметными усилия по борьбе со стигматизацией онкологических заболеваний и канцерофобией в обществе, расширение целевой аудитории своей деятельности за пределы сообщества пациентов. В некоторых случаях может начаться сотрудничество с некоммерческими организациями и другими акторами, направленное не на получение помощи, а на развитие совместной деятельности по оказанию помощи.

Необходимо отметить, что данная теоретическая модель представляет собой идеальный тип: не все рассмотренные блоги последовательно проходили все выделенные этапы. Переход к этапу «полноценного активизма» был идентифицирован в половине отобранных блогов, в четырех блогах авторы показали переход к этапу «начало активизма», автор одного блога остановился на подготовительном этапе. В одном случае (Blog_6) динамика блогерства развивалась от осознания проблем и вхождения в пациентское сообщество в сторону профессиональной переподготовки для адресной психологической помощи. Статус подобной деятельности и ее принадлежность к категории «активизм» остается под вопросом, потому что отсутствие таких классических проявлений активизма, как отстаивание прав, у данного блогера обосновывалось негативным отношением к активистам как «борцам с системой», сформированным личным опытом взаимодействия с ними.

Каждое из трех ключевых направлений пациентского активизма (участие в пациентском сообществе, защита интересов пациентов и пациентская вовлеченность) также имеет свою динамику. На рисунке 2 эти направления сгруппированы в соответствии с выявленными в ходе анализа кодами. В каждом конкретном кейсе интенсивность проявления определенных видов деятельности зависит от выраженности недостатков системы здравоохранения в пациентском опыте блогера. В свою очередь столкновение с проблемами в системе здравоохранения зависит от таких характеристик, как (1) место жительства блогера или место прохождения лечения, поскольку доступность и качество медицинских услуг варьируются между регионами и населенными пунктами; (2) материальное положение, так как возможность использования услуг платной медицины в ряде случаев снижает остроту проблем, связанных с лечением онкологии (Blog_2, Blog_6). Необходимо отметить, что хотя активизм и направлен на решение проблем в сфере здравоохранения, он не определяется проблемами в системе здравоохранения напрямую. Активизм развивается, когда сами пациенты воспринимают проблемные ситуации не как неизбежные данности, а как результат решений и действий конкретных людей или групп, на которые можно повлиять. Факторы, влияющие на формирование такого восприятия, суммированы в модели на рисунке 3.

В ходе анализа мы выделили ряд факторов, которые потенциально могут оказывать влияние на интенсификацию проявлений активистской деятельности по каждому из трех направлений пациентского активизма. К этим факторам относятся: осведомленность пациента в сфере онкологии; установки по отношению к медицине и медицинским работникам; личные психологические особенности. Например, осведомленность в области онкологических заболеваний возрастает с длительностью пребывания «в диагнозе», поскольку пациент накапливает опыт как жизни с заболеванием, так и лечения. Также существенную роль играет степень вовлеченности блогера в информационное поле вокруг заболевания: некоторые блогеры декларировали сознательный отказ от ознакомления с информационными материалами по теме, и именно у них наблюдался самый ограниченный набор проявлений активизма. Другими немаловажными характеристиками являются профиль образования и род деятельности пациента, поскольку уровень знаний и образования также связаны с пациентской вовлеченностью, что особенно заметно на примерах активности во взаимодействии с медицинскими работника-

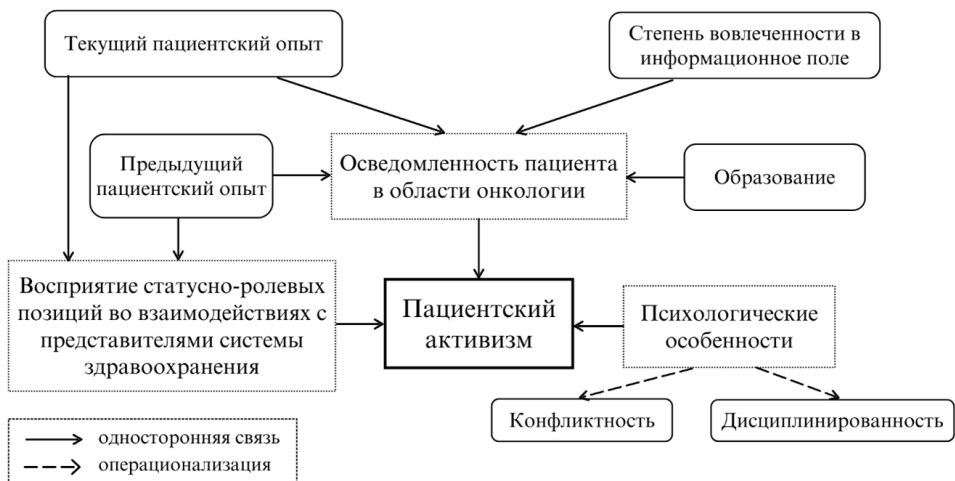

ми. Предшествующий заболеванию пациентский опыт совместно с текущим опытом формируют представления пациентов о медицинских работниках, их условиях труда, о бюрократической стороне системы здравоохранения.

Рис. 2. Модель пациентского активизма онкоблогеров

Рис. 3. Модель связи потенциальных предикторов с пациентским активизмом

Важен и такой фактор пациентского активизма, как изменение представлений пациента о статусно-ролевых позициях при взаимодействиях с представите-

лями системы здравоохранения. Эти изменения происходят за счет накопления пациентского опыта и в определенных условиях могут способствовать проявлениям активизма. Доминирующее восприятие представителей системы здравоохранения на раннем этапе — это абстрактный образ обезличенной инстанции, которая регулирует все процессы, связанные с пребыванием пациентов в медицинских учреждениях, посредством приказов и распоряжений, обладающих принудительной силой для всех участников оказания медицинских услуг: *«У платного врача на каждую мою перевязку уходило примерно полчаса, а в больнице за час перевязывали толпу людей! Как??? Кто придумал для врача такие адские условия?»* (Blog_10). Этот образ вполне согласуется с отсутствием специальных знаний о регламентации внутри системы здравоохранения и с восприятием последней как данности, которая не может быть изменена и не зависит от усилий тех, на кого направлено регулирование, то есть пациентов.

На подготовительном этапе, когда пациент непосредственно и неоднократно сталкивается с особенностями маршрутизации при лечении онкологических заболеваний, а также постепенно начинает идентифицировать себя с пациентским сообществом, проявляется диспозиция, которая самими блогерами обозначается как участие в «квестах» (Blog_4, Blog_6) и «хождение по мукам» (Blog_2). Важно подчеркнуть, что данные эпитеты отражают персональный опыт нахождения пациента внутри регламентируемой извне системы, который теперь включает и момент критики.

Встречая на своем пути различные препятствия, на этапе начала активизма пациенты напрямую начинают обращаться к тем представителям медицинского сообщества, которые задают его маршрут и устанавливают правила и условия его прохождения. При этом иногда блогеры приобретают ярлык «скандалистов»: *«Сегодня меня полечили, наконец-то, спустя месяц и два дня, и более двух недель сражений и жалоб по всем инстанциям. Лекарства нет, но если жалуешься, достают из запаса, причем врач из поликлиники пожаловалась, что даже самым тяжелым тоже нет лечения, видимо, оно есть только для „скандалистов“»* (Blog_7). Приобретение данного «статуса» дает дополнительные преимущества с точки зрения доступа к ресурсам, однако иногда может вызывать проявления деструктивного и незмпатичного отношения со стороны медицинских работников (Blog_4), которые расценивают такое поведение пациентов как угрозу авторитету врача.

Этап активизма характеризуется представлением о том, что пациенты должны занимать активную позицию в отношениях с медицинскими специалистами, врачи же должны воспринимать их не просто как пассивных участников, а как партнеров, с которыми можно вести диалог. На этом этапе блогерами осознается необходимость совместных усилий для инициации подобного диалога: *«Поэтому я сейчас вот объявляю, что если кто-то хочет присоединиться и написать это письмо, но уже в индивидуальном порядке, нет, не просто люди, кто хочет поддержать нас, а именно те люди, которые нуждаются в этом препарате <... > Чтобы было понятно нашему правительству, сколько нас вообще человек нуждается и стоит ли это форсировать»* (Blog_1).

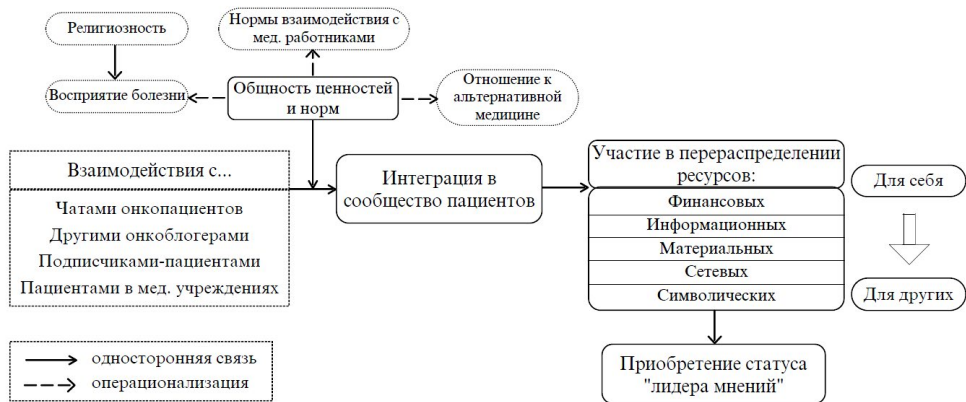
Таким образом, индивидуальные действия блогеров-пациентов начинают рассматриваться ими как часть коллективного действия: *«Значит, жалобы были от-*

правлены в Минздрав областной, Минздрав российский, прокуратура, страховая. <...> мне сейчас не столь важно, мне вообще не было столь важно, чтобы кто-то был там наказан, но <...> если все будут жаловаться, что-то все равно надо менять» (Blog_8).

Еще одна группа факторов — психологические особенности. В материалах чаще всего проявлялись две из них — конфликтность, или склонность/готовность человека к открытой конфронтации, и дисциплинированность. Однако мы допускаем возможность наличия и других значимых характеристик (например, конформности), которые не получили отражения в рассмотренных данных.

Отдельно стоит обратить внимание на процессы взаимодействия онкоблогеров с пациентским сообществом. На основе выявленных при анализе кодов была составлена теоретическая модель (см. рис. 4), раскрывающая ключевые драйверы пребывания блогера в пациентском сообществе. Степень интеграции блогера в сообщество определяется частотой и характером взаимодействий с другими пациентами в офлайн- или онлайн-формате, в приватном диалоге или в общих чатах. Однако эти взаимодействия не всегда плодотворны для интеграции: в случае несовпадения ценностей, норм и установок блогера с установками представителей сообщества этот процесс замедляется. Чаще всего эти установки касаются отношения к диагнозу, норм поведения при контакте с медицинскими работниками и альтернативной медицины.

Рис. 4. Модель интеграции онкоблогера в сообщество пациентов

По мере увеличения степени интеграции в сообщество у блогеров повышалась активность участия в перераспределении ресурсов. Сначала это распределение было преимущественно эгоцентричным: возможно, сами о том не рефлексируя, блогеры производили «обмен» своих информационных ресурсов на чужие, дополнительно привлекая сетевые и символические ресурсы. Часть этих процессов протекала по их запросу, часть — естественным образом. В дальнейшем по мере увеличения активности в сообществе подобная деятельность начинала направляться и в адрес других его членов и проявляться в стремлении оказать помощь

или организовать ее (например, через сетевое перераспределение лекарственных препаратов, которые по тем или иным причинам оказались неиспользованными одними пациентами, в пользу других, в них нуждающихся).

Рассмотренные модели состоят из факторов, которые можно трактовать как элементы социальной системы, представленной пациентским сообществом. Это сообщество поддерживается наличием латентных образцов (ценностями и нормами), состоит из рядовых участников — пациентов, способствующих интеграции новичков, адаптирует своих членов к существующей системе здравоохранения с ее особенностями и недостатками за счет перераспределения различного рода ресурсов и включает ограниченный круг лиц, модерлирующих и фасилитирующих происходящее в сообществе (лидеры мнений и администраторы чатов/групп поддержки) и задающих круг вопросов, на которых акцентируется внимание.

Заключение

По результатам проведенного исследования были сформированы несколько моделей: модель перехода блогера-пациента к активизму; структура пациентского активизма онкоблогеров; модель связи потенциальных предикторов с пациентским активизмом; модель интеграции онкоблогера в сообщество пациентов.

Модель перехода блогера-пациента к активизму имеет определенное сходство с исторической моделью развития политической активности среднего медицинского персонала [Cohen et al., 1996]. На основе обзора литературы авторы этой модели также выделили четыре этапа, в которых наблюдались постепенный переход от реактивных действий к проактивным, увеличение степени организованности политически активных групп и их влияния на политику. Необходимо отметить, что сходство результатов проявляется, несмотря на организационные различия активизма: средний медицинский персонал, работая в единой системе, развивает более тесные взаимоотношения и предположительно более склонен к формированию общей идеологии, а блогеры-онкопациенты, изначально действуя индивидуально, находят поддержку сторонников в онлайн-пространстве и в медицинских учреждениях и более гетерогенны по социально-демографическим характеристикам. К тому же исследование среднего медицинского персонала рассматривало феномен политической активности на макроуровне института здравоохранения, а не в виде кейсов отдельных активистов. Тем не менее результаты данной работы подтверждают, что процессы развития политической активности медицинских работников и пациентского активизма могут иметь сходные этапы и характеристики, несмотря на различия контекстов и участников. Поскольку онкопациентская блогосфера гораздо шире, чем включенная в исследование выборка, его результаты могут быть дополнены или скорректированы дальнейшими исследованиями с аналогичным дизайном, но проведенными на пациентах с иными заболеваниями.

Модель структуры пациентского активизма онкоблогеров может быть полезна специалистам общественного здравоохранения для изучения перечня наиболее актуальных проблем пациентов и способов их решения. Модели связи потенциальных предикторов с пациентским активизмом и интеграции онкоблогеров в сообщество пациентов могут послужить основой для статистической проверки гипотез о связях между этими феноменами и могут быть верифицированы с ис-

пользованием дополнительных количественных методов (например, опросов пациентов или участников пациентских сообществ).

Наряду с этим перспективным направлением представляется изучение динамики формирования пациентских сообществ и ее соотношения с индивидуальным уровнем активизма. Теоретической основой здесь может выступить теория социального заражения [Centola, 2021; Дудина, 2024], позволяющая определить, какие участки сети онкоблогеров имеют наибольшее значение для распространения различных проявлений пациентского активизма.

Проведенное исследование не лишено ограничений, обусловленных как особенностями объекта исследования, так и спецификой используемых данных и методов. При сборе данных из социальных медиа необходимо учитывать, что особенности платформы, на которой размещается контент, накладывают отпечаток на характер данных. Форма представления нарративов, рассмотренных в исследовании, задается требованиями платформы «Дзен» к размещаемому контенту, а сам контент также в определенной мере детерминируется ориентацией блогеров на свою аудиторию, что нельзя не учитывать. В исследовании собирались данные только от русскоязычных блогеров, что могло наложить на полученные обобщения отпечаток, связанный со специфическим культурным контекстом, обуславливающим особенности восприятия и описания сложных жизненных ситуаций. Кроме того, сама тематика онкологического заболевания является сенситивной, соответственно, какие-то аспекты блогеры не выносят в публичное пространство, и они остаются вне рамок анализа. Поскольку анализ был построен на использовании только нереактивных текстовых данных, то аспекты активности изучаемых пользователей, не отраженные в текстах, остались вне сферы нашего внимания. Ограниченная обобщаемость является отличительной чертой методологии обоснованной теории, которая контекстуально обусловлена и не претендует на универсальность. Статус обобщений в рамках метода обоснованной теории заключается в том, что они представляют собой выводы или теоретические концепции, которые возникают в процессе анализа данных и помогают объяснить наблюдаемые явления. Для преодоления указанных ограничений в рамках дальнейшего развития более универсальной теоретической модели необходимо расширять контекст, обращаясь к разным типам платформ и учитывая различный культурный контекст. В данном тексте отражены результаты этапа формулировки теоретических моделей, которые, хотя и имеют определенные ограничения, позволяют описать динамику онкоблогинга в заданном контексте.

Список литературы (References)

1. Богомягова Е. С. Блогеры в сфере здоровья в оценках горожан: практики, коммуникация, доверие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 178—202. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2446>.
Bogomiagkova E. S. (2024) Health Bloggers in the Assessments of City Residents: Practices, Communication, Trust. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 178—202. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2446>. (In Russ.)

2. Дудина В. И. Как активизм здоровья меняет общество // Социологические исследования. 2023а. № 12. С. 153—156.
Dudina V. I. (2023a) How Health Activism Is Changing Society. *Sociological Studies*. No. 12. P. 153—156. (In Russ.)
3. Дудина В. И. Формы и стратегии активизма пациентов в цифровом пространстве // Материалы XIII международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования (в) новой реальности», 25—27 мая 2023. М.: ВЦИОМ, 2023б. С. 209—213.
Dudina V. I. (2023b) Forms and Strategies of Patient Activism in the Digital Space. In: *Materials of the XIII International Sociological Grushin Conference, May 25—27, 2023*. Moscow: VCIOM. P. 209—213. (In Russ.)
4. Дудина В. И. Социология встречается с эпидемиологией: исследования «социального заражения» в поисках теоретической основы // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100019>.
Dudina V. I. (2024) Sociology Meets Epidemiology: Social Contagion Research in Search of Theoretical Basis. *Sociological Studies*. No. 10. P. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100019>. (In Russ.)
5. Кульпин С. В., Савчук Г. А., Якимова О. А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168—190. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.656>.
Kulpin S. V., Savchuk G. A., Yakimova O. A. (2020) Why Young People Create Content about Healthy Lifestyles: Factor Analysis of Thematic Blogs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 168—190. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.656>. (In Russ.)
6. Тюляндин С. А., Жуков Н. В. Правда о российской онкологии: проблемы и возможные решения / под ред. С. А. Тюляндина, Н. В. Жукова. М.: Общероссийская общественная организация «Российское общество клинической онкологии», 2018.
Tyulyandin S. A., Zhukov N. V. (2018) The Truth about Russian Oncology: Problems and Possible Solutions. Moscow: All-Russian Public Organization «Russian Society of Clinical Oncology». (In Russ.)
7. Юдина Д., Дудина В. Цифровой ВИЧ-активизм в России: агенты и повестка // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 3. С. 467—484. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-467-484>.
Judina D., Dudina V. (2023) Digital HIV Activism in Russia: Agents and Agenda. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 21. No. 3. P. 467—484. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-467-484>. (In Russ.)
8. Andersson Y. (2019) Blogs and the Art of Dying: Blogging With, and About, Severe Cancer in Late Modern Swedish Society. *OMEGA — Journal of Death and Dying*. Vol. 79. No. 4. P. 394—413. <https://doi.org/10.1177/0030222817719806>.

9. Bennett W. L., Segerberg A. (2013) *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. de Boer M., Slatman J. (2014) Blogging and Breast Cancer: Narrating One's Life, Body and Self on the Internet. *Women's Studies International Forum*. Vol. 44. P. 17—25. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2014.02.014>.
11. Burchardt M. (2019) *Illness Narratives as Theory and Method*. London: SAGE Publications Ltd.
12. Centola D. (2021) *Change: How to Make Big Things Happen*. New York: Little, Brown Spark.
13. Centola D. (2018) *How Behavior Spreads: The Science of Complex Contagions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
14. Cohen S. S., Mason D. J., Kovner Ch., Leavitt J. K., Pulcini J., Sochalski J. (1996) Stages of Nursing's Political Development: Where We've Been and Where We Ought to Go. *Nursing Outlook*. Vol. 44. No. 6. P. 259—266. [https://doi.org/10.1016/S0029-6554\(96\)80081-9](https://doi.org/10.1016/S0029-6554(96)80081-9).
15. Hintermayer M., Sorin M., Romero J. M., Maritan S. M., Chen O. J., Rawal S. (2020) Cancer Patient Perspectives During the COVID-19 Pandemic: A Thematic Analysis of Cancer Blog Posts. *Patient Experience Journal*. Vol. 7. No. 3. P. 31—43. <https://doi.org/10.35680/2372-0247.1514>.
16. Kim S., Chung D. S. (2007) Characteristics of Cancer Blog Users. *Journal of the Medical Library Association: JMLA*. Vol. 95. No. 4. P. 445—450. <https://doi.org/10.3163/1536-5050.95.4.445>.
17. Nishioka S., Watanabe T., Asano M., Yamamoto T., Kawakami K., Yada S., Aramaki E., Yajima H., Kizaki H., Hori S. (2022) Identification of Hand-Foot Syndrome from Cancer Patients' Blog Posts: BERT-Based Deep-Learning Approach to Detect Potential Adverse Drug Reaction Symptoms. *PLOS ONE*. Vol. 17. No. 5. Art. e0267901. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267901>.
18. Petersen A., Schermuly A. C., Anderson A. (2019) The Shifting Politics of Patient Activism: From Bio-Sociality to Bio-Digital Citizenship. *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. Vol. 23. No. 4. P. 478—494. <https://doi.org/10.1177/1363459318815944>.
19. Rabeharisoa V., Moreira T., Akrich M. (2014) Evidence-Based Activism: Patients', Users' and Activists' Groups in Knowledge Society. *BioSocieties*. Vol. 9. No. 2. P. 111—128. <https://doi.org/10.1057/biosoc.2014.2>.
20. Ressler P. K., Bradshaw Y. S., Gualtieri L., Chui K. K. H. (2012) Communicating the Experience of Chronic Pain and Illness Through Blogging. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 14. No. 5. Art. e143. <https://doi.org/10.2196/jmir.2002>.

21. Setoyama Y., Yamazaki Y., Namayama K. (2011) Benefits of Peer Support in Online Japanese Breast Cancer Communities: Differences Between Lurkers and Posters. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 13. No. 4. Art. e1696. <https://doi.org/10.2196/jmir.1696>.
22. Schermuly A. C., Petersen A., Anderson A. (2021) 'I'm Not an Activist!': Digital Self-Advocacy in Online Patient Communities. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 204—213. <https://doi.org/10.1080/09581596.2020.1841116>.
23. Stage C. (2017) Cancer Blogging and Connective Action. In: Stage C. (ed.) *Networked Cancer: Affect, Narrative and Measurement*. Cham: Springer International Publishing. P. 45—75.
24. Stahly G. B. (1989) Psychosocial Aspects of the Stigma of Cancer: An Overview. *Journal of Psychosocial Oncology*. No. 6. P. 3—27.
25. van der Eijk M., Faber M. J., Aarts J. W. M., Kremer J. A. M., Munneke M., Bloem B. R. (2013) Using Online Health Communities to Deliver Patient-Centered Care to People With Chronic Conditions. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 15. No. 6. Art. e2476. <https://doi.org/10.2196/jmir.2476>.
26. Wang Y., Feng W. (2022) Cancer-Related Psychosocial Challenges. *General Psychiatry*. No. 35. Art. e100871. <https://doi:10.1136/gpsych-2022-100871>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2743](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2743)**С. И. Чудинов, Д. А. Казначеев****РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ИСЛАМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»****Правильная ссылка на статью:**

Чудинов С. И., Казначеев Д. А. Развитие идеологического дискурса исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 152—177. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2743>.

For citation:

Chudinov S. I., Kaznacheev D. A. (2025) The Development of Ideological Discourse Among Islamist Communities on the Social Network VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 152–177. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2743>. (In Russ.)

Получено: 26.09.2024. Принято к публикации: 26.09.2025.

РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ИСЛАМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬ-
НОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

ЧУДИНОВ Сергей Иванович — кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и истории, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия
E-MAIL: personallymail@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>

КАЗНАЧЕЕВ Дмитрий Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия
E-MAIL: dmitriynsk@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7191-4585>

Аннотация. Статья нацелена на исследование изменений дискурса исламистских (преимущественно радикально-салафитских) сообществ в социальной сети «ВКонтакте» за последние годы. Авторы анализируют, каким образом идеологические установки модифицируются и обретают новые формы репрезентации в условиях значительных ограничений в распространении радикального и экстремистского контента. Исследование основывается на данных мониторинга 19 виртуальных исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» (проводился с ноября 2023 г. по март 2024 г.) и методологических положениях критического дискурса-анализа. Исследуемые сообщества в соответствии с классификацией Д. Холбрука разделены на три типа по степени радикальности контента («умеренный», «пограничный» и «радикальный»). По итогам анализа транслируемого онлайн-сообществами идеологического дискурса определены наиболее характерные и популярные темы, дискурсивные стратегии репрезентации радикальных идей, соотношение тематик с различной

THE DEVELOPMENT OF IDEOLOGICAL DIS-
COURSE AMONG ISLAMIST COMMUNITIES
ON THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

Sergey I. CHUDINOV¹ — *Cand. Sci. (Philos.), Head of the Department of Philosophy and History*
E-MAIL: personallymail@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>

Dmitry A. KAZNACHEEV¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor*
E-MAIL: dmitriynsk@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7191-4585>

¹ Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article aims to identify changes in the discourse of Islamist communities (mainly radical Salafi) on the VKontakte social network in recent years. The authors analyze how ideological attitudes are modified and acquire new forms of representation in conditions of significant restrictions in the dissemination of radical and extremist content. The study is based on monitoring data from 19 virtual Islamist communities on the VKontakte social network (collected from November 2023 to March 2024) and methodological principles of critical discourse analysis. According to Donald Holbrook's classification, the studied communities are divided into three types based on the radicality of their content (moderate, fringe, and radical). Results of the ideological discourse analysis represents characteristic and popular topics, discursive strategies for broadcasting radical ideas, and the ratio of topics with different emotional and semantic tonalities. The study shows that the moderate and part of the fringe communities are characterized by a discursive strategy of deliberately 'blurred' semantics of those categories and

эмоционально-смысловой тональностью. Результаты исследования демонстрируют, что для «умеренных» и части «пограничных» сообществ характерна дискурсивная стратегия сознательно «размытой» семантики тех категорий и понятий, которые могут быть оценены как выражающие радикальные идеологические установки. В случае «радикальных» сообществ дискурс приобретает большую конкретизацию и интенсифицируется вплоть до завуалированной легитимизации насилия. При этом обнаруживаются общие тематические линии и нарративы, относящиеся к компонентам радикального дискурса. Отмечается тенденция снижения градуса радикальности транслируемого салафитскими сообществами дискурса, приобретения дискурсом более завуалированных форм при сохранении значительной онлайн-аудитории.

Ключевые слова: онлайн-радикализация, виртуальные радикальные сообщества, салафизм, салафитские онлайн-сообщества, экстремизм, дискурс-анализ, ВКонтакте, ислаимизм

concepts that can be assessed as expressing radical ideological attitudes. In the case of radical communities, the discourse becomes more specific and intensifies, even to the point of veiled legitimization of violence. The study reveals common thematic lines and narratives related to the components of radical discourse. There is a tendency for the degree of radicalism of the discourse broadcast by Salafite communities to decrease, and for the discourse to acquire more veiled forms while maintaining a significant online audience.

Keywords: online radicalization, virtual radical communities, Salafism, Salafite online communities, extremism, discourse analysis, VKontakte, Islamism

Введение

Проблеме онлайн-радикализации (процессу принятия индивидами радикальных и экстремистских убеждений и взглядов под влиянием пропаганды, осуществляемой в интернете) и роли социальных сетей в индоктринации экстремистскими и террористическими идеями посвящено уже немало научных публикаций [Newmann, 2021; Post, McGinnis, Moody, 2014; Rudner, 2016; Odağ, Leiser, Boehnke, 2019 и др.]. Онлайн-радикализация давно рассматривается как самостоятельный путь привлечения новых последователей со стороны экстремистских и террористических организаций и подготовки потенциальных террористов [Sageman, 2009; Ducol, 2012]. Несмотря на значительные усилия в области ограничительных мер в отношении циркулируемого в российских социальных сетях контента, связанного с радикальными религиозно-политическими и политическими идеологиями, пропагандой экстремизма и терроризма, ситуация остается неоднозначной. С одной стороны, ресурсы наиболее радикальных и запрещенных организаций эффективно блокируются и степень радикальности транслируемого радикально-салафитскими сообществами за последние годы существенно снизилась [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022]. С другой стороны, большинство подобных сообществ,

как показывают результаты мониторингов, успешно адаптировались к ужесточившимся ограничениям социальной сети «ВКонтакте» [Myagkov et al., 2020b], а совокупная онлайн-аудитория салафитских ресурсов едва ли значительно уменьшилась. В итоге присутствие радикальных сообществ в российских социальных сетях, в особенности на платформе «ВКонтакте», сохраняется. Это создает риски радикализации сознания пользователей (прежде всего российской молодежи из мусульманской среды с неустойчивой идентичностью, которая испытывает социальную маргинализацию) и рекрутирования новых адептов исламистских течений через цифровую среду, но в более скрытом виде. В данном контексте постоянный мониторинг и анализ контента функционирующих в российских социальных сетях радикальных салафитских групп, отслеживание модификации дискурсивных стратегий представляются крайне важными задачами.

Идеологический дискурс виртуальных салафитских сообществ является предметом мониторинга, контент- и дискурс-анализа в зарубежных исследованиях. Чаще всего изучаются англоязычные группы, функционирующие на таких платформах, как Facebook¹ [Bouko et al., 2020; Saoudi, 2020] и X (бывший Twitter) [Klausen, 2015]. Некоторые научные коллективы пытаются охватить своим исследованием более крупную совокупность исламистских онлайн-ресурсов, выстраивая концепцию «цифровой салафитской экосистемы» [Ayad, 2021; Guhl, 2021]. Радикальные сообщества различных направлений и салафитские группы в социальной сети «ВКонтакте крайне» редко становятся предметом зарубежных исследований [Müller, Harrendorf, Mischler, 2022].

Некоторые работы отличает компаративная направленность: в них сравнивается контент праворадикальных и салафитских онлайн-групп в контексте лексикометрического анализа (в основном сводящегося к поиску ключевых терминов и выражений, свойственных для радикализованного языка) [ibid.] или в контексте задачи по созданию «медиаиндекса» экстремистских материалов [Holbrook, 2015]. Следует также отметить целое направление исследований, нацеленное на выявление актуальных (онлайн) нарративов исламистских движений [Fisher, 2015; Schmid, 2015; Barton, 2019], и группу публикаций, связанную с тематизацией (преимущественно визуального) медийного контента «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ)* и «Аль-Каиды»*² в рамках методологии мультимодального дискурс-анализа [O'Halloran et al., 2017; Wignell et al. 2017].

В сфере отечественных социально-гуманитарных исследований сохраняется высокая популярность тематики радикального ислама (исламизма), идеологии салафизма в целом. При этом радикально-салафитские виртуальные сообщества, особенности репрезентации салафитского дискурса в цифровой среде систематически исследуются довольно ограниченным кругом авторов [Myagkov et al. 2020a; Myagkov et al. 2020b; Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022].

Цель данного исследования — выявить изменения в дискурсе радикально-салафитских сообществ за последние несколько лет: каким образом идеологические установки модифицируются и обретают новые формы репрезентации

¹ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ (20.06.2022).

² Здесь и далее * означает признанные террористическими и запрещенные в России организации.

в условиях значительных ограничений в распространении радикального и деструктивного контента в социальной сети ВКонтакте.

Несмотря на то что в последние годы радикальные онлайн-сообщества активно переходят на другие, менее цензурируемые платформы, анализ их присутствия во «ВКонтакте» сохраняет свою актуальность. Формат платформы YouTube, которая отказывается удалять (значительно разившийся за последние годы) экстремистский контент, не подходит администраторам сообществ на территории России, которые опасаются вести открытую пропаганду и к тому же не обладают ресурсами для производства регулярного видеоконтента. Поскольку другие социальные сети в России (включая Telegram) «просто несопоставимы по масштабам влияния» с платформой «ВКонтакте» [Красиков, Оганесян, 2024: 98], радикальные группы предпочитают адаптироваться к ограничениям этой платформы и сохранять свое устойчивое присутствие на ней.

Методология исследования

В нашем исследовании, продолжающем более ранние мониторинги радикальных и экстремистских онлайн-сообществ, из нескольких десятков групп в качестве объекта дискурс-анализа было отобрано 19 салафитских исламистских (преимущественно салафитских, то есть следующих идеологии Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и его современных последователей) онлайн-сообществ, активно функционирующих (в которых контент обновлялся хотя бы за последние два-три месяца) и наиболее востребованных у онлайн-аудитории, что выражается в количестве подписчиков и их активности. Несколько групп (существующих длительный период, но продолжающих свою активность) были включены из ранее анализировавшихся авторами интернет-ресурсов. Остальные группы были идентифицированы впервые по ссылкам внутри уже обнаруженных групп или в результате поиска в социальной сети по ключевым лингвистическим маркерам, позволяющим идентифицировать салафитский дискурс. К примеру, использование понятия «манхадж саляфов» для самоидентификации течения или обильное использование терминов «нововведенцы» (в религии), «мушрики», «кяфиры» в отношении идейных противников. Несколько сообществ оказались принадлежащими не к салафитской идеологии, но другому течению политизированного и радикализованного ислама (оказывают поддержку палестинскому движению ХАМАС), поэтому в исследовании мы применяем термин «исланизм» для характеристики совокупной выборки.

Группы с количеством подписчиков менее 500 оценивались нами как малозначительные (востребованные группы обычно довольно быстро приобретают сотни подписчиков и вырастают как минимум до нескольких тысяч). В нижнюю строку перечня онлайн-сообществ попала группа, состоящая из 512 подписчиков, довольно примечательная повышенным градусом радикальности транслируемого дискурса. Остальные виртуальные сообщества превышают показатель в 6 тыс. подписчиков, а отдельные из них доходят до сотни и более двух сотен тысяч подписчиков.

Исследование охватывает период мониторинга активности онлайн-сообществ с 1 ноября 2023 по 31 марта 2024 г. Данными сообществ, которые составили эмпирическую базу исследования, стали выкачанные за указанный период публикации, статистические данные по их просмотрам, количеству лайков, репостов

и комментариев к ним. Для получения данных использовался сервис API в социальной сети «ВКонтакте».

При интерпретации дискурса и методов его анализа мы придерживались методологических ориентиров критического дискурс-анализа. Данный подход выходит за границы лингвистического анализа и рассматривает дискурс как «использование языка, рассматриваемое как форма социальной практики», а дискурсивный анализ — как «анализ того, как тексты работают в рамках социокультурной практики» [Fairclough, 2010: 7]. Таким образом, дискурс понимается не только как речевая практика, но и инструмент социальных изменений и формирования социальных институтов. Т. Ван Дейк подчеркивает, что дискурсивные структуры так или иначе участвуют в репродуцировании «социального доминирования, или замешаны во властных отношениях [Van Dijk, 2001: 354]. Следовательно, дискурс радикальных и оппозиционных (по отношению к существующему социальному и государственному порядку) сообществ может быть оценен как социокультурная практика, нацеленная на делигитимацию власти идеологическими и медийными средствами и формирование альтернативной социально-сетевой среды. Что касается уровней анализа дискурса, которые выделяются в критическом дискурс-анализе и родственных ему подходах, то нас прежде всего будут интересовать два уровня — определение ведущей тематики и дискурсивных стратегий репрезентации радикального контента [Abdulmajid, 2023: 57].

Идентифицированные в качестве исламистских онлайн-сообщества были подразделены по степени радикальности на несколько категорий. При этом мы опирались на критерии идентификации и классификации радикальности медийного контента, разработанные Д. Холбруком [Holbrook, 2015]. Данная методология уже была успешно апробирована в более ранних исследованиях при мониторинге праворадикальных и радикально-салафитских групп [Myagkov et al., 2020b].

Согласно Д. Холбруку, для умеренного контента свойственно отсутствие «одобрения насилия и ненависти по отношению к определенным сообществам» и в целом умеренное содержание пропагандируемых взглядов в информационных материалах [Holbrook, 2015: 67]. «Пограничный» (fringe) контент уже ориентирован на формирование изоляционистских установок у своей группы, он «политически радикальный и конфронтационный», в нем «имеются проявления ненависти и вражды к конкретным группам без открытого призыва к насилию» [ibid.]. «Гнев и враждебность могут проявляться по отношению к определенной группе людей, такой как “куффары” (неверующие) или иммигранты, без дополнительного предположения о том, что эти люди каким-то образом являются “недочеловеками” и законными объектами насилия» [ibid.]. Третий уровень радикальности контента Д. Холбрук называет «экстремальным» (extreme), он ассоциируется с легитимизацией или восхвалением насилия, дегуманизацией конкретных социальных групп (выделяемых по признаку расы, пола, происхождения и др.) с целью лишения их права на существование [ibid.].

Степень радикальности транслируемого салафитскими сообществами дискурса в социальной сети «ВКонтакте» за несколько предыдущих лет имеет тенденцию к снижению. Формы выражения своей враждебной позиции по отношению к идеологическим оппонентам или тем, кто воспринимается как «враги» (несалафитские

исламские и неисламские социальные группы), а также индоктринации онлайн-аудитории радикальными идеями приобрели более закамуфлированный вид. Поэтому критерии определения степени радикализма идеологических позиций виртуальных сообществ требуют корректировки. Открытые призывы к насилию — это уже большая редкость для российских социальных сетей, в особенности для платформы «ВКонтакте» (где запрещенный, экстремистский и террористический контент отслеживается и регулярно блокируется). По этим причинам анализируемые онлайн-сообщества с салафитской идеологией мы подразделили на «умеренные», «пограничные» и «радикальные».

«Умеренные» сообщества максимально маскируют свои салафитские убеждения, в основном сосредотачиваясь на общих вопросах религиозного культа и этики поведения мусульманина. К категории «пограничных» сообществ мы отнесли те, которые проповедуют откровенный изоляционизм и вражду к несалафитским (неисламистским) группам. Это проявляется в форме пропаганды доктрины «дружбы и непричастности», которая предписывает «проявлять ненависть» к «неверным». К врагам причисляются также «нововведенцы» (в религии) — адепты традиционных богословских школ суннитского ислама, суфии, шииты и др. При этом практические предписания по отношению к врагам не прояснены.

«Радикальные» сообщества предположительно занимают наиболее крайнюю позицию, но максимально ее маскируют, поэтому по формальным признакам мы не можем их отнести к категории «экстремальных» по Д. Холбруку (отсутствуют прямые призывы к насилию и пр.) [Holbrook, 2015: 67]. При этом имеются косвенные признаки влияния идеологии джихадизма и террористических движений (в некоторых случаях заметно влияние идеологии ИГ*; помимо этого, пара сообществ поддерживает джихадистское палестинское движение ХАМАС, во многих странах признанное террористическим). Критика современного общества более тотальна: активно продвигается тема отказа от подчинения «тагуту» (любой объект поклонения, кроме Бога), что ведет к открытому отвержению легитимности светских, демократических государственных институтов. Образ врага более конкретизируется, иногда сочетаясь с косвенным оправданием насилия (к примеру, в одном из постов говорится, что «нововведенцев» следует «устрашать» и «наказывать»).

После классификации по уровню радикализма был сформирован окончательный перечень сообществ (см. табл. 1).

Таблица 1. Список исламистских сообществ, 26 июня 2024 г.

Наименование сообщества	Уровень радикализма	Количество участников (тыс. человек)
© assalamu ale'kum	Умеренный	242
Сады Мудрости	Умеренный	110
К Единобожию.	Умеренный	45
Ханифия	Умеренный	38
Этика требования знаний	Умеренный	36
Блокнот Единобожника	Пограничный	111
3:19 إن الدين عند الله الإسلام	Пограничный	65
Конспекты для ищущих знания	Пограничный	43

Наименование сообщества	Уровень радикализма	Количество участников (тыс. человек)
Ahlu Sunnah Wal' Jama'a Fatwa Online	Пограничный	29
TAUHID_التوحيد	Пограничный	26
زهد	Пограничный	18
Исцеления сердец	Пограничный	15
FAWA'ID	Пограничный	8
Vabil	Пограничный	6
Al Qamar	Радикальный	12
ASH-SHAMS	Радикальный	11
Guraba	Радикальный	10
هائم	Радикальный	6
INTISOAR	Радикальный	0,512

Полученные данные (посты, статистические данные по количеству лайков, просмотров, репостов, комментариев) были подвергнуты последующей обработке. В первую очередь внимание было направлено на выявление наиболее популярных тем и коммуникативных посланий в транслируемом дискурсе. При этом учитывались три метрики: лайки, репосты и комментарии. Как показал предварительный анализ, показатель количества просмотров отражает интерес к опубликованному сообщению, но не обязательно одобрение его содержания. Лайки и репосты точнее указывают на степень востребованности конкретного поста. Комментарии же — лишь частично на популярность поста. Они также связаны с дискуссионностью коммуникативного послания аудитории. Их повышенное количество, выходящее за средний показатель, говорит о различиях в реакциях и мнениях (а иногда и о целенаправленном провоцировании дискуссии со стороны идейных противников салафитов). Поэтому тональность комментариев учитывалась в том случае, когда обсуждение не было связано непосредственно с темой поста (посты с подобными комментариями не учитывались как востребованные).

Материалом для последующего дискурс-анализа в каждом сообществе становились первые десять самых популярных постов по количеству реакций (лайков), десять репостов и десять комментариев. Именно данный срез контента был отнесен к уровню «наиболее востребованного» у онлайн-аудитории. В данном сегменте контента посты анализировались на выявление ключевых тем и нарративов с распределением на три модуса эмоционально-смысловой тональности — нейтральный, позитивный и негативный. Нейтральная тональность означает, что содержание постов идеологически нейтрально. Как правило, это объявления рекламного характера, например о сборе средств для помощи единоверцам. Позитивная тональность связана с формированием нормативного образа последователя «истинного ислама», характеристикой положительных нравственных качеств верующего, укреплением духовных и моральных ориентиров собственного сообщества (без противопоставления своего сообщества светскому обществу или оппонентам и «врагам»). Негативная тональность означает концентрацию на темах, нацеленных на конфронтацию и борьбу с внутренними и внешними врагами (несалафитскими течениями ислама, «отступниками» от веры, «неверными» и пр.).

Для более полного обзора дискурса сообществ на втором этапе исследования было выделено несколько условных уровней (сегментов дискурса) по критерию востребованности. В качестве основного был взят показатель количества лайков (предварительный статический анализ показал, что в большинстве случаев посты с наибольшим количеством лайков также набирают и наибольшее количество репостов; в данном случае показатель комментариев не учитывался). Для определения границ уровней востребованности контента у цифровой аудитории были взяты усредненные показатели. Контент сообществ условно подразделен на «слабо востребованный» (до 49 лайков), «низкого» (от 50 до 99 лайков), «среднего» (от 100 до 399), «высокого» (от 400 лайков и выше) уровня востребованности. Задача состояла в выявлении радикальных компонентов дискурса (ключевых нарративов) в сегментах различного уровня востребованности.

Поскольку в исследовании внимание было сконцентрировано именно на транслируемом радикальном дискурсе и его изменении, демографические данные участников групп не собирались и не анализировались. К ограничениям исследования следует отнести наличие закрытых групп и невозможность анализа удаленных постов (в некоторых случаях с течением времени контент редактируется администраторами).

Результаты дискурс-анализа исламистских онлайн-сообществ

«Умеренные» сообщества

В сегменте сообществ, которые были идентифицированы как «умеренные», основное содержание составляют нравственные и религиозные наставления общего характера. Вопросы вероучения (акиды) и религиозного права отражены крайне слабо. При этом образ врага (как внешнего для мусульманского сообщества, так и внутреннего) представлен в абстрактных чертах. Радикальные компоненты дискурса могут присутствовать, но не в систематизированном виде, а скорее в виде общих и завуалированных предписаний.

В «умеренных» салафитских онлайн-сообществах религиозные и политические установки зачастую представлены в имплицитном виде. В одном из сообществ, репрезентирующем дискурс в наиболее осторожной манере («Сады Мудрости»), даже сложно определить идеологов, на которых это сообщество ориентируется в качестве авторитетных «ученых» (цитируются в основном хадисы и труды средневековых, преимущественно салафитских, богословов).

В данных сообществах величина постов с негативной тональностью в сегменте популярных постов не превышает 31%. При этом группу «Этика требования знаний» отличает положительная тональность всех самых популярных постов (посвящены тематике морального идеала мусульманина, нравственных наставлений общего характера и этике семейной жизни). Отдельные элементы радикализма встречаются в постах низкого уровня востребованности (пост о «видах неверия» и с изречением шейха Аль-Албани о «второй джахилие», по сути обвиняющий современное общество во впадении в идолопоклонство, что соответствует идеологической установке радикального исламизма).

Отличительная особенность «умеренных» сообществ — прямая критика и отвержение «крайних» течений, выступающих под знаменем ислама (запрещенных

в Российской Федерации террористических организаций «Исламское государство», «Аль-Каида» и др.), которые по традиции именуются «хариджитами». Этот термин в общем значении ассоциируется с обозначением «экстремистов» и крайних «заблудших групп», оправдывающих нелегитимное насилие.

«Пограничные» сообщества

Совершенно иная ситуация обнаруживается при дискурс-анализе содержания «пограничных» сообществ. Пропорция негативного контента в наиболее резонансном сегменте постов составляет от 15 до 60%, но иногда бывает и выше. К примеру, в крупном сообществе «assalamu ale'kum» с большим перевесом превалирует контент с негативной эмоционально-смысловой окраской (две трети наиболее популярных постов). Контент с негативной тональностью затрагивает максимально широкий спектр тематик, но основную часть составляет тематика опровержения идеологических противников и проявления к ним вражды. Даже в самых популярных постах прослеживается отчетливая линия дискурса с налетом радикализма, направленного против последователей суфийского ислама (которых напрямую относят к «кяфирам», или «неверным»); шиитов и йеменских хуситов (которые именуются «ослами иудеев»); светских мусульман на примере турков-«кемалистов» (освещен скандальный случай отмены футбольного матча Суперкубка Турции в Саудовской Аравии и акцентируется внимание на неэтичном поведении турецких болельщиков в соцсетях). В менее популярных слоях контента обнаруживается установка на изоляционизм последователей салафизма от остальных мусульман (которые отнесены к «нововведенцам»), а также завуалированная критика светского государства и законодательства (пост, который призывает не подчиняться «не одному человеку на земле в том, что приводит к послушанию Аллаха»).

В «пограничных» сообществах образы врагов остаются несколько расплывчатыми, хотя степень враждебности к ним повышается. В качестве ведущей категории используется понятие «нововведенцы», удобное тем, что под него можно подвести любые группы и представителей течений и школ ислама, которые не входят в круг салафитских, или даже конкурирующие группы «салафитского манхаджа»³. К примеру, в сообществе «زهد» (араб. «аскетизм») можно встретить целый свод правил в отношении «нововведенцев» (на основе цитат средневекового богослова Фудейля ибн Ияда) с мотивом жесткой сегрегации «истинно верующих». Главными внутренними «врагами ислама» изображаются последователи суфизма и ашаризма (одна из традиционных богословских школ суннизма), а также шииты. К примеру, в группе «أهواء» даже в некоторых «топовых» постах ашариты и суфии открыто объявляются «кяфирами», то есть «неверными», при этом суфии без всяких сомнений отнесены к «подкатегории» шиитов. С опорой на целый список коранических изречений проводится попытка показать, что «большинство» людей в обществе относится к неверующим, нечестивцам, «не обладающим знаниями» и пр., то есть фактически обвиняется в жизни в условиях неверия. К этому добав-

³ Манхадж — популярный термин в салафизме, означающий «методологию», или путь практического воплощения вероучения.

ляется нарратив о «нововведенцах», в котором они именуются «самыми худшими из грешников» и «хуже для Ислама и мусульман, чем враги из числа неверных».

Среди внешних «врагов ислама» в период мониторинга на первое место вышла этноконфессиональная категория «иудеи», которая ассоциируется с милитаристской политикой Израиля в Палестине и угнетением мусульман (что связано с длительной военной операцией Израиля в Газе, спровоцированной террористическим нападением ХАМАС в октябре 2023 г.).

«Радикальные» сообщества

Радикальный дискурс также включает более жесткую и откровенную критику нравов светского общества (в виде пропаганды запрета участия мусульман в светских праздниках «неверных», таких как Новый год и 8 Марта), иногда — в эксплицитном или завуалированном виде — доктрину «дружбы и непричастности», формирующей ксенофобские и изоляционистские установки по отношению к представителям «чужих» социальных групп.

Для «радикальных» сообществ характерна более высокая доля контента с негативной эмоционально-смысловой тональностью — не менее 40 % в сегменте самого востребованного контента. Только одно сообщество выпадает из данной закономерности — «ТАУНИД_التوحيد», имеющее длительную и непростую историю. Ранее оно уже попадало в фокус внимания исследователей и по некоторым косвенным признакам было идентифицировано как предположительно симпатизирующее идеологии запрещенного ИГ [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022: 198]. В данном сообществе среди контента высокого уровня востребованности посты с негативной тональностью занимают гораздо меньший объем — 18 %. Более углубленный анализ публикуемых материалов показывает, что соотношение негативного, положительного и нейтрального контента остается примерно на том же уровне во всех сегментах контента. Но данный факт свидетельствует о более осторожной тактике репрезентации и трансляции своего идеологического дискурса: сообщество стремится к более завуалированной форме передачи смыслов и коммуникативных посланий своим единомышленникам и аудитории. Об отсутствии смены идеологических ориентиров и мировоззренческих позиций говорит сохранение визуальных образов, «брендовых» для данного сообщества: прежней аватарки с элементом «печать Пророка»; мемов, визуально оформляющих декларацию поддержки некоторых радикальных салафитских доктрин (доктрина «дружбы и непричастности») с визуально-семиотическим посылом, намекающим на поддержку джихадистских идеологических установок — в альбоме изображений группы сохраняется мем со слоганом-термином «аль-валя валь-баро», размещенным на фоне образа пистолета-пулемета УЗИ. Продолжает применяться прежде освоенная дискурсивная стратегия по выживанию (избегания блокировки) в социальной сети — почти все визуальные образы, сопровождающие текстуально-коммуникативные послания, содержат нейтральные образы природы.

Менее осторожными в своей тактике репрезентации радикального дискурса выглядят молодые и не такие многочисленные сообщества. Может сказываться отсутствие опыта гибкой адаптации к неблагоприятной информационной среде или же сознательная установка на относительно быстрое привлечение компле-

ментарной взглядам администраторов аудитории. Следует отметить, что и в случае повышения градуса радикальности репрезентируемого салафитского дискурса функционирующие во «ВКонтакте» сообщества ощущают грань дозволенности, балансируют на ней и привлекают лингво- и визуально-семиотические средства для обхода возможных ограничений в трансляции радикального дискурса.

Тематика постов с негативной тональностью охватывает максимальный объем наиболее популярного контента в онлайн-сообществах, которые отличаются прохамасовской позицией («Al Qamar» — 80 % и «Guraba» — 86 %). Основная тематическая компонента дискурса данных групп — информационная поддержка палестинского сопротивления в условиях военной операции Израиля в Газе. Репрезентация этой тематической линии дискурса оформляется в виде моральной поддержки палестинцев и сочувствия страданиям гражданскому населению, но эти темы используются для конструирования образа врага и мобилизации возможных сторонников. Поддержка и призыв к мобилизации сторонников палестинского сопротивления осуществляются в форме дуа — молитвы к Всевышнему, которая может содержать довольно жесткие выражения и проклятия в отношении врага. Данный набор тем дополняется рядом нарративов, нацеленных на дискредитацию врага (Израиля), дегуманизацию его образа. К таким нарративам относятся слухи о торговле израильянами человеческими органами в Газе; о бесчеловечности некоторых «израильских рэперов», выпускающих клипы в поддержку военной операции в Газе (с якобы косвенными призывами убивать младенцев) и др.

Дискурсивная линия, связанная с моральной поддержкой палестинцев в условиях военной операции в Газе, свойственна и многим другим салафитским сообществам и в целом с осени 2023 г. может считаться одной из топовых тематик в контенте таких сообществ. Важно отметить, что не только в «радикальных», но и в остальных сообществах встречается данная тематическая линия: в двух из пяти «умеренных» сообществ она представлена в самом «верхнем» сегменте постов в виде антиизраильского дискурса, более эксплицитно и ярко выраженного в «пограничных» и «радикальных» сообществах (где образ врага генерализируется и переносится на евреев в целом, которые в салафитском дискурсе неизменно определяются в рамках конфессиональной терминологии как «иудеи»).

Степень радикальности дискурса «радикальных» сообществ в отдельных постах и комментариях администраторов может доходить до косвенной поддержки насилия в отношении «врагов ислама». К примеру, в виде цитирования салафитского шейха ат-Тарифи о том, что «нельзя призывать к диалогу» с «иудеями», или выражения мнения о том, что конфликт в Палестине может иметь только военное решение (группа, посвященная стиху Корана 3:19). В другом сообществе («Ash-Shams») встречается молитва к Аллаху, в которой звучит просьба «уничтожить всякого упрямого тирана» и «всякого высокомерного, мятежного шайтана», истребить их «одного за другим».

Помимо этого, в более молодых и еще не имеющих значительной аудитории «радикальных» сообществах в более откровенной форме встречается доктрина «дружбы и непричастности», а также коммуникативное послание с призывом в завуалированной форме отвергать светское законодательство. К примеру, в сообществах «هائم» (араб. странник) и «I N T I S O A R» встречаются посты с призывами

общего характера отвергать «тагута», питать к нему вражду и ненависть, а также к тем, кто «следует» (не отвергает, подчиняется ему) за «тагутом». Причем во втором из вышеупомянутых сообществ ключевое понятие конкретизируется: к «тагуту» отнесен не только объект поклонения, но и «кто судит не по тому закону что ниспослал Аллах», что в радикально-салафитской доктрине означает следование любым законам, не имеющим шариатского происхождения.

Ориентация онлайн-сообществ на салафитских идеологов и конкретные течения исламизма

На вопрос о корреляции контента сообществ и транслируемого идеологического дискурса с ориентацией на конкретных салафитских идеологов и течения исламизма (см. табл. 2) не было найдено простого ответа. Сообщества, создатели которых ориентируются на течения и идеологов салафизма, обычно считающиеся более умеренными, транслируют разнообразный по градусу радикальности дискурс. Сообщества, идентифицированные нами как следующие мадхалитскому течению (отвергающему джихадистские установки и проповедующему лояльность власти в мусульманских странах, основатель — Раби ибн Хади аль-Мадхали), оказались в категориях «умеренных» (2 сообщества) и «пограничных» (1 сообщество).

Таблица 2. Идеологические ориентации исламистских онлайн-сообществ, июнь 2024 г.

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
«Умеренные» сообщества				
® assalamu ale'kum	242К	Саудовский салафизм: шейх Мухаммад ибн Салих ибн Усеймин (Ибн Усеймин), шейх Мукъбиль ибн Хади аль-Уади (шейх Мукъбиль), шейх Салих аль-Фаузан (Аль-Фаузан), шейх Мухаммад Насир ад-Дин аль-Альбани (Аль-Альбани), шейх Абдуль Азиз ибн Баз (Ибн Баз) и др.	«Братья-мусульмане»*; ХАМАС; Абдуль Азиз ат-Тарифи Северокавказские салафитские идеологи: Абдуллах Костекский**	Отвергаются ИГ*, «Аль-Каида»*, джихадистские группировки (с опорой на фетву саудовского салафитского ученого шейха Салиха Али аш-Шейха)
Сады Мудрости	110	Цитируются только классические источники, салафитские средневековые ученые (Ибн Таймия, Ибн аль-Кайим и др.).	Нет данных	Нет данных

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
К Единому Богу	45	Саудовский салафизм: шейх Аль-Альбани, шейх Ибн Усеймин, шейх Усман Аль-Хамис и др. Идеологи салафизма постсоветского пространства: Абу Яхья Крымский (мадхализм)	ХАМАС, йеменские хуситы (отнесены к хариджитам)	ИГ*, «Аль-Каида»*, Талибан (отнесены к хариджитам)
Ханифия	38	Саудовский салафизм: шейх Усман аль-Хамис, шейх аль-Альбани, шейх Ибн Баз, шейх Ибн Усеймин, шейх Салих аль-Фаузан и др. В прошлом мониторинге (2021—2022 г.): мадхализм.	Президент Турции Р. Эрдоган объявлен «кяфиром» В прошлом мониторинге (2021 г.): Абдуль Азиз ат-Тарифи, Сулейман аль-Ульван; Мухаммад Мурси — лидер «Братьев-мусульман»* (в сентябре 2021); Абдуллах Костекский**	В прошлом мониторинге (2021 г.): несколько постов против ИГ* и Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ)* Сохранился пост (от июля 2021 г.) против ХТШ* (и предположительно против ИГ*)
Этика требования знаний	36	Идеологи салафизма постсоветского пространства: Салим Абу Умар аль-Газзи Саудовский салафизм: шейх Ибн Усеймин, шейх Аль-Альбани, шейх Абдур-Раззак аль-Бадр, шейх Мукъбиль, шейх Абдул-Рахман бин Насир аль-Баррак и др.	Нет данных	Нет данных
«Пограничные» сообщества				
Блокнот Единобожника	111	Саудовский салафизм: шейх Салих аль-Фаузан, шейх Ибн Усеймин, шейх Абдур-Раззак аль-Бадр и др.	Нет данных	Нет данных

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
إن الدين عند الله الإسلام 3:19	65	Саудовский салафизм: шейх Халид аль-Фулейдж, шейх Абдуль Азиз ат-Тарифи, шейх Халид ар-Рашид и др. Северокавказские салафитские идеологи: Надыр Абу Халид**	Нет данных	Нет данных
Конспекты для ищущих знания	43	Саудовский салафизм: шейх Аль-Фаузан, шейх Ибн Усеймин, шейх Салих аль-Лухайдан, шейх Мукъбиль и др. Северокавказские салафитские идеологи: Абу Джабир Муцалаулский	«Братья-мусульмане»*, ХАМАС, Таблиги джамаат* Северокавказские салафитские идеологи: Абдуллах Костекский**, Абу Умар Саситлинский** ⁴ (критика деятельности его «благотворительного фонда»)	Нет данных
Ahlu Sunnah Wal' Jama'a Fatwa Online	29	Саудовский салафизм: шейх Аль-Фаузан, шейх Ибн Усеймин, шейх Ибн Баз, шейх Зайд аль-Мадхали и др. Северокавказские салафитские идеологи: Абу Джабир Муцалаулский	«Братья-мусульмане»* Идеологи салафизма постсоветского пространства: Ринат Абу Мухаммад (Ринат Зайнуллин) — идеолог мадхализма	Нет данных
زهد	18	Мадхализм (шейх Раби ибн Хади аль-Мадхали) Саудовский салафизм: шейх Ибн Усеймин, шейх Аль-Фаузан, доктор Абд аль-Латиф Али-Шейх и др.	«Братья-мусульмане»*, ХАМАС (упоминается движение в целом и Исмаил Ханья), «Джамаат Ат-Таблиг»*, Хизбут-Тахрир*; шейх Абдуль Азиз ат-Тарифи, «суруриты» (последователи Мухаммада ас-Сурури) Северокавказские салафитские идеологи: Абу Умар Саситлинский**, Абдуллах Костекский**	Нет данных

⁴ Здесь и далее ** означает физическое лицо, включенное в Перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
Исцеления сердец	15	Саудовский салафизм: шейх Аль-Фаузан, шейх Ибн Баз, шейх Ахмад ан-Наджми и др.	Нет данных	Нет данных
FAWA'ID	8	Саудовский салафизм: шейх Ибн Усеймин, шейх аль-Фаузан, шейх Бадр аль-Утейби и др.	Предположительно ХАМАС	Нет данных
Vabil	6	Саудовский салафизм: шейх аль-Фаузан, шейх аль-Альбани, шейх Ибн Баз, шейх Салих аль-Усайми и др.	Нет данных	Нет данных
«Радикальные» сообщества				
TAUHID_التوحيد	26	Цитируются только средневековые ученые, включая салафитских (Ибн Таймия, Ибн аль-Кайим и др.)	Нет данных	Предположительно влияние ИГ*
Al Qamar	12	ХАМАС, шейх Джамиль Халим	«Таймиты-ваххабиты» (в том числе Райф ибн Саяф, Закир Найк, Халид аль-Фулейдж, Усман аль-Хамис), отвержение саудовского салафизма (ваххабизма) в целом	Нет данных
«ASH-SHAMS»	11	В основном цитируются Коран, хадисы. Саудовский салафизм: шейх аль-Альбани.	Нет данных	Нет данных
Guraba	10	ХАМАС. Цитируются Коран, хадисы, средневековые исламские ученые	Нет данных	Нет данных

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
هائم	6	Саудовский салафизм: шейх Сулейман Ибн Сахман ан-Наджи, Абдул Латыф Аль аш-шейх ('Абдуль-Лятыф Аали аш-Шейх), Абдуль Азиз ар-Раджихи	Нет данных	Нет данных
«INTISOAR»	0,512	Саудовский салафизм: шейх Хамад ибн Атик Северокавказские идеологи: Надыр Абу Халид	Нет данных	Влияние ИГ* (цитируется «шейх Турки бин 'Али» — идеолог ИГ)

С уверенностью можно констатировать только то, что общей идеологической базой сообществ выступает саудовский салафизм, представленный широким кругом официально признанных ученых (богословов) и правоведов (только одна группа — «Al Qatar», осуществляющая информационную поддержку ХАМАС, — открыто отвергает «таймитов-ваххабитов» и даже содержит ссылку на антиваххабитский видеоролик, где данное течение объявляется вне ислама). При этом следует отметить, что значительная часть переведенных на русский язык трудов наиболее популярных из данных авторов (таких как Салих аль-Фаузан, Аль-Усеймин, Ибн Баз и др.) внесена в российский перечень запрещенных экстремистских материалов. Помимо этого, среди саудовских салафитских идеологов встречаются такие, которые отличаются излишне радикальной (даже по меркам официального саудовского салафизма) позицией по отдельным вопросам, таким как отношение к Израилю, обвинение в неверии и отлучение (такфира) и пр. К примеру, Абдуль-Азиз ат-Тарифи (на своей родине в Саудовской Аравии был арестован и помещен в тюремное заключение в 2016 г. и предположительно освобожден только в 2025 г.). Отношение к таким лидерам неоднозначное. Два из «умеренных» сообществ открыто отвергают авторитет Ат-Тарифи, тогда как в лагере «пограничных» сообществ мнения разделились: в двух из сообществ, где мнение в адрес его личности явно выражено, одно поддерживает его взгляды, тогда как другое открыто отвергает их как ложные.

Большую часть онлайн-сообществ составляют последователи саудовского салафизма (ваххабизма), в понимании ислама ориентирующиеся в первую очередь на ваххабитский «канон» — ключевые сочинения Ибн Абд аль-Ваххаба, а также на труды и выступления современных саудовских богословов и средневековых богословов, причисляемых к салафитам (Ибн Теймия, Ибн Аль-Кайим аль-Джаузи и др.). Меньшая часть сообществ примыкает к другим течениям исламизма —

идеологии Ассоциации «Братья-мусульмане»⁵, а также вышедшей из лона этого движения радикальной исламистской партии ХАМАС. Идеологическую близость к «Братьям-мусульманам» можно идентифицировать только по косвенным признакам. Ориентация на ХАМАС выявляется проще, поскольку поддержка выражается в более открытой форме (в виде публикации мемов с фотографиями лидеров или боевиков ХАМАС и др.). Оба сообщества с прохамасовской позицией попадают в категорию «радикальных». При этом отвергают идеологию и критикуют деятельность ХАМАС не только некоторые «умеренные» сообщества, но также и три «пограничные» сообщества.

Действующие или ранее действовавшие северокавказские идеологи, или эмиссары, салафизма на постсоветском пространстве также выступают идеологическими ориентирами некоторых сообществ: Надыра Абу Халида упоминают одно «пограничное» и одно «радикальное» сообщество; Саида Абу Джабира Муцалаулского — два «пограничных» и одно «радикальное» сообщество; Абу Яхья Крымского и Салима Абу Умар аль-Газзи — по одному «умеренному» сообществу. В целом их популярность значительно уступает саудовским салафитским идеологам. Что касается северокавказских проповедников откровенно экстремистского толка, то в распространении их взглядов не замечено ни одно из рассматриваемых сообществ. Более того, в двух «умеренных» и двух «пограничных» сообществах Абу Умар Саситлинский** и Абдуллах Костекский** отвергаются как ложные идеологи. Те сообщества, которые подозреваются во влиянии на них идеологии ИГИЛ*, демонстрируют только косвенные признаки данного влияния (к примеру, в одном из них опубликован пост с цитатой идеолога ИГ* по религиозно-правовому вопросу о том, какие условия делают пост в священный месяц недействительным).

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов показывает, что за последние годы уровень радикализма транслируемого исламистскими онлайн-сообществами контента в социальной сети «ВКонтакте» в целом снизился.

Результаты мониторинга 2021 г. (с 1 января по 31 сентября), где количество анализируемых сообществ в два раза уступало настоящей выборке (что было обусловлено целями исследования — анализом медиаобразов и визуальных форм дискурса) [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022], из десяти сообществ 40 % можно было отнести к «радикальным» (по прямым и косвенным признакам были ориентированы на идеологию Абу Умара Саситлинского**, Абдуллаха Костекского** или являлись предположительными симпатизантами ИГ*), 30 % — к «умеренным» и другие 30 % — к «пограничным» сообществам.

В настоящем мониторинге 26 % сообществ относятся к «радикальным», 47 % — к «пограничным» и 27 % — к «умеренным». Несмотря на то что доля «пограничных» сообществ в данной выборке увеличилась, анализ дискурса показывает наличие более завуалированных форм репрезентации идеологических позиций со стороны «пограничных» и «радикальных» сообществ.

⁵ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

В некоторых сообществах регистрируется явное понижение градуса радикализма в распространяемом идеологическом контенте в первую очередь по причине ужесточения цензуры в социальных сетях. Приведем некоторые примеры. Сообщество «Ханифия» (помимо переименования и «обмена» титульными именами с другим, аффилированным с ним, сообществом) значительно изменило транслируемый дискурс. Если ранее, в предшествующем исследовании [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022], оно попадало в категорию «радикальных» и содержало отчетливую дискурсивную линию «религиозно-политической» тематики (критика лидеров дагестанского суфизма, враждебность в первую очередь в отношении личности Саида Афанди Чиркейского), теперь эта линия пресеклась. Более жесткий и представленный в символически-агрессивной форме дискурс против ашаризма и матуридизма (рационалистических богословских школ традиционного суннитского ислама) также модифицировался в более умеренные лингво-семиотические формы. Ушел с повестки также транслировавшийся ранее нарратив о нелегитимности светских законов и обвинении в «неверии» (куфр) того, кто подчиняется и «подтверждает» эти законы.

Сообщество «TAUHID_التوحيد», ранее отличавшееся более высокой степенью радикальности транслируемой идеологии и косвенной символической идентификацией себя с джихадистскими установками, приняло более осторожную тактику продвижения радикально-салафитского дискурса. Уровень транслируемого дискурса снизился фактически до внешне почти неразличимого с дискурсом «умеренных» групп.

По результатам мониторинга 2021 г. исследования контента салафитских онлайн-сообществ во «ВКонтакте» [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022] выявлялись как минимум два сообщества, открыто распространявших медиаматериалы Абу Умара Саситлинского** и Абдуллаха Костекского** (с совокупной аудиторией 35,8 тыс. подписчиков). «Радикальные» по транслируемому дискурсу сообщества покрывали своим влиянием около 50% совокупной онлайн-аудитории салафитских сообществ. Сейчас данная ситуация значительно изменилась в сторону снижения градуса радикальности транслируемого салафитского дискурса. Также важно отметить, что радикальный дискурс частично переместился в виртуальное пространство слабо контролируемой платформы Telegram. Однако масштаб деятельности там значительно уступает возможностям развития в социальной сети «ВКонтакте». К примеру, у трети анализируемых сообществ во «ВКонтакте» имеются «зеркальные» ресурсы в Telegram, но лишь в некоторых случаях дискурс меняет свой характер на более радикальный. При этом очевидно, что Telegram не может полноценно заменить «ВКонтакте», поскольку аудитория «зеркальных» групп значительно уступает оригинальным — у сообществ с десятками тысяч участников аудитория в Telegram варьируется в среднем от 200 до 500 подписчиков.

Онлайн-сообщества, напрямую аффилированные с официально запрещенными и признанными в России террористическими организациями и отдельными физическими лицами, включенными в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, за последние годы перенесли свою информационную активность на другие платформы, слабо или почти не контролируемые

государственными органами власти. К примеру, информационные ресурсы, связанные с «благотворительными фондами» уроженца Дагестана, живущего в эмиграции Абу Умара Саситлинского**, сохраняют свое присутствие на платформе «ВКонтакте» лишь в виде «архивных» (поддерживались администраторами до осени 2019 г.). Основная активность была перенесена на YouTube, который стал главной платформой распространения экстремистского дискурса Саситлинского** для русскоязычной аудитории (его канал на видеохостинге имеет 285 тыс. подписчиков и содержит 1 тыс. видеороликов).

Радикально изменилась ситуация с влиянием исламистских террористических движений, таких как ИГ*, на дискурс салафитских онлайн-сообществ. В 2017 г. (период мониторинга: май–июнь) все четыре сообщества, идентифицированные в качестве «экстремистских», были связаны с открытой или завуалированной пропагандой ИГ* (уже тогда группы с медиаматериалами ИГ* довольно быстро блокировались) [Myagkov et al., 2020b]. В 2021 г. только два стабильно функционирующие сообщества подозревались в симпатиях к ИГ* (хотя радикальный дискурс транслировался крайне осторожно) [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022]. В текущем мониторинге никаких компонентов экстремистского дискурса ИГ* не обнаруживается, лишь два сообщества по слабым косвенным признакам определены как испытывавшие влияние ИГ* (одно из них из предыдущего списка, второе — молодое и крайне малочисленное).

Вышеобозначенная тенденция позволяет провести некоторые параллели с исследованиями зарубежных социальных сетей. Исследование С. Дукича [Dukić, 2021] показывает, что некоторые салафитские имамы в Северной Македонии в крупных западных социальных сетях активно камуфлируют радикальную пропаганду под умеренный контент, тогда как локальные онлайн-сообщества исламистов формируют группы в Telegram и Facebook⁶ на албанском языке. А. Зелин указывает на факт частичного перехода глобальных террористических сетей из западных социальных сетей на сайты с мигрирующим доменным именем и в Даркнет [Zelin, 2025].

В сегменте сообществ, идентифицированных как «умеренные», основное содержание составляют нравственные и религиозные наставления общего характера. Образ врага (как внешнего для мусульманского сообщества, так и внутренне-го) представлен в абстрактных чертах. Радикальные компоненты дискурса могут присутствовать, но в виде спорадических, общих и завуалированных коммуникативных посланий.

У аудитории исламистских сообществ на первое по популярности место вышли следующие тематические блоки: с положительной эмоционально-смысловой тональностью — «идеал мусульманина» и «этика семейной жизни», с негативной тональностью — «внешний враг». Первые две тематики посвящены общим нравственным наставлениям (о личных качествах, отношениях между полами и между членами семьи), формированию нормативного образа «истинно верующего». Тема «внешний враг» в силу исторических обстоятельств почти полностью сводится к общей моральной поддержке Палестины и критике военных действий Израиля

⁶ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ (20.06.2022).

в Газе (соответственно, главный внешний «враг мусульман» определяется в этноконфессиональном контексте как «иудеи»). Палестино-израильский конфликт всегда привлекал внимание исламистских сообществ, но не был магистральной линией дискурса. Длительная интенсивная военная операция и массовый ущерб гражданскому населению привели к резкому всплеску именно палестинской тематики, который, вероятно, завершится до относительной нормализации ситуации в Палестине.

В последние годы внимание отечественных исследователей активно привлекает мигрантская онлайн-аудитория, которой свойственны свои бытовые, социально-политические и религиозные дискурсы. Социальные сети и другие интернет-ресурсы создают транснациональные пространства для мигрантской аудитории [Лисицын, Трегубова, Орлова, 2021], или пространство «кибермиграции» [Лисицын, Гибазов, 2025], в котором участники «перемещаются» независимо от физического пространства. Последнее включает в себя не только особое коммуникационное поле, но и факторы радикализации, поскольку позволяет получить более свободный доступ к пропаганде радикальных религиозно-политических течений (в большинстве стран Средней Азии религиозная сфера жестко контролируется государством).

К примеру, в исследовании онлайн-ресурсов неформальных сообществ мигрантов Азербайджана и четырех среднеазиатских государств авторы обнаружили тесное переплетение радикальной религиозной тематики с националистической, а также доминирование национализма и регионального сепаратизма [Трегубова, Иванова, 2020]. Данные выводы непосредственно вытекают из более широкого предмета исследования (сообщества с мигрантской тематикой), тогда как наша работа сконцентрирована на сугубо исламистских (прежде всего — радикально-салафитских) сообществах. Во втором случае религиозный дискурс, безусловно, доминирует, а националистические мотивы максимально приглушены (салафизм враждебно относится к национализму как светской идеологии). Помимо этого, сепаратистские лозунги несут значительные риски судебного преследования.

Качественные изменения контента (снижение степени радикальности дискурса) за последние годы связаны преимущественно с ужесточением контроля над информационными материалами в российских социальных сетях. При этом следует отметить сохранение почти прежнего уровня онлайн-аудитории, интересующейся исламистской идеологией, а также длительное функционирование некоторых крупных салафитских групп во «ВКонтакте». Сохранение подобных групп в киберпространстве, немалая часть которых связана с Северным Кавказом и тематизацией региональных проблем в контексте глобальной салафитской повестки, может быть отражением длящегося межпоколенческого конфликта и последствий аномического состояния институциональной и ценностной основы северокавказского общества (имеющего свои истоки в конце 1980-х — 1990-х годах). Исследования И. В. Стародубровской и ее коллег показывают, что именно исламизм (религиозный фундаментализм) более других идеологий (национализма) удовлетворяет потребности разочаровавшихся в социальном порядке представителей молодежи в обретении новой нормативности и определенности в ценностной сфере [Стародубровская, 2015]. Эта идеология позволяет выйти из-под

«опеки» традиционных неформальных институтов и обычаев, противопоставить молодежь «отцам», сложившейся социальной иерархии и официальной власти (как светской, так и духовной) в контексте декларируемого несоответствия строгой исламской «нормативности».

Заключение

Несмотря на явную тенденцию к снижению градуса радикальности дискурса, транслируемого салафитскими онлайн-сообществами во «ВКонтакте», следует отметить и ряд других примечательных фактов.

Как показывают результаты исследования, доминирующий регистр эмоционально-смысловой тональности в контенте сообществ отражает степень радикальности или умеренности репрезентируемого сообществами дискурса. Среди сообществ, отнесенных нами к «умеренным», наиболее востребованный сегмент контента (и в значительной степени контент в целом) содержит коммуникационные послания преимущественно с нейтральной и положительной заряженностью, тогда как сообщества «пограничного» и «радикального» характера транслируют дискурс со значительно повышенной долей постов с негативной эмоционально-смысловой тональностью (выражающих крайне критические, враждебные настроения по отношению к идеологическим оппонентам и внешнему по отношению к ним социуму в целом). Наряду с этим заметна неоднородность контента даже «умеренных» сообществ. Часть из довольно популярных «умеренных» салафитских онлайн-сообществ при более детальном дискурс-анализе обнаруживают признаки сообществ «пограничного» характера. В целом более умеренный по содержанию, характеру прямых и скрытых мобилизирующих призывов к аудитории, идеологический дискурс таких сообществ все же включает в себя отдельные, тщательно камуфлируемые компоненты радикализма (хотя и выраженные фрагментарно и несистематически, что свойственно прежде всего «пограничным» и «радикальным» группам), такие как доктрина «дружбы и непричастности». Это означает, что «умеренные» сообщества могут представлять собой более гибко адаптирующиеся под цензурные ограничения салафитские онлайн-группы, которые скрывают подлинный уровень радикализма своих установок.

Для «умеренных» и части «пограничных» сообществ характерна дискурсивная стратегия слабой конкретизации и сознательно «размытой» семантики тех категорий и понятий, которые могут быть оценены как выражающие радикальные идеологические установки. В случае «радикальных» сообществ дискурс приобретает большую конкретизацию и радикализируется интенсифицируется вплоть до завуалированной легитимизации насилия. В данном случае отчетливо проявляется одна из особенностей радикального салафитского дискурса — бескомпромиссная критика своих идеологических оппонентов (в первую очередь это последователи и лидеры традиционного ислама, полемизирующие с салафитами), иногда перерастающая в проявление к ним вражды и ненависти.

Общей и магистральной тематической линией в дискурсе онлайн-сообществ в период мониторинга стала поддержка Палестины в условиях обострившегося палестинно-израильского конфликта и затянувшейся военной операции в Газе. Также сквозной вне зависимости от степени радикальности сообществ выступает тема

экзистенциального одиночества и «чуждости» ислама в «последние времена» и чуждости «истинно верующего», что провоцирует формирование изоляционистской установки у последователей салафитской идеологии. К компонентам радикального дискурса также относятся следующие нарративы и тематические линии: враждебные нарративы в отношении внутренних (лидеры и последователи суфизма, шиизма, традиционных богословских школ) и внешних врагов (к ним причисляются в первую очередь «иудеи», реже — «христиане»), отвержение светских праздников как обычаев «неверных» (или явного нарушения чистоты единобожия в случае участия в них мусульман), пропаганда доктрины «дружбы и непричастности», обвинение современного мусульманского общества в духовно-нравственном падении, порочности, а иногда — в возвращении к джахилии (доисламскому идолопоклонству).

Что касается идеологической ориентации исламистских онлайн-сообществ во «ВКонтакте», то почти для всех из них общей идеологической базой выступает саудовский салафизм (ваххабизм), а разница заключается лишь в предпочтении конкретных ученых и идеологических направлений. Только сообщества, которые ориентируются на ХАМАС и оказывают этому движению информационную поддержку, не опираются на данные источники или даже отвергают их.

Список литературы (References)

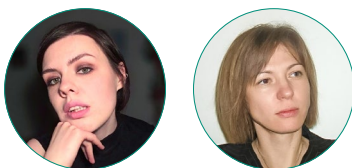
1. Барышев А. А., Кашпур В. В., Чудинов С. И. Российские салафитские онлайн-сообщества: текстуальные и визуальные аспекты дискурса и транслируемые медиаобразы // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 192—212.
Baryshev A. A., Kashpur V. V., Chudinov S. I. (2022) Russian Salafi Online Communities: Textual and Visual Aspects of Discourse and Broadcast Media Images. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 65. P. 192—212. (In Russ.)
2. Красиков В. И., Оганесян Р. Г. Онлайн-группы с радикальной политической риторикой в социальной сети «ВКонтакте»: региональный аспект // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 95—109. URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2024/4/VestnRPA_2024_4-s10.pdf (дата обращения: 16.12.2025).
Krasikov V. I., Oganesyanyan R. G. Online Groups with Radical Political Rhetoric in the Social Network “VKontakte”: Regional Aspect. *Herald of the Russian Law Academy*. 2024. No. 4. P. 95—109. URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2024/4/VestnRPA_2024_4-s10.pdf (date of access: 16.12.2025). (In Russ.)
3. Лисицын П. П., Гибазов Р. Р. Кибермиграция в объективе миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 284—301. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581>.
Lisitsyn P. P., Gibazov R. R. (2025) Cyber Migration in the Lens of Migration Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 284—301. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581>. (In Russ.)

4. Лисицын П. П., Трегубова Н. Д., Орлова Н. А. В поисках транснационализма онлайн: обзор сайтов по миграционной тематике на шести языках // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 126—133. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_126.
Lisitsyn P., Tregubova N., Orlova N. (2021) Searching for Transnationalism Online: Review of Web Sites on Migration Issues in Six Languages. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 1. P. 126—133. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_126. (In Russ.)
5. Стародубровская И. В. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 3. С. 68—88.
Starodubrovskaya I. (2015) Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation. *Economicheskaya politika*. Vol. 3. No. 10. P. 68—88. (In Russ.)
6. Трегубова Н. Д., Иванова А. А. Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 3. С. 145—167. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11541> (дата обращения: 16.12.2025).
Tregubova N. D., Ivanova A. A. (2020) Extremism Online: Comparative Analysis of the NIS Migrants' Social Networks. *Communications. Media. Design*. Vol. 5. No. 3. P. 145—167. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11541> (date of access: 16.12.2025). (In Russ.)
7. Abdulmajid A. (2023) Salafi-Influencers: Analytical Study of the Discourse of Neo-Salafi Preachers on Social Media. *Living Islam: Journal of Islamic Discourses*. Vol. 2. No. 6. P. 51—69. <https://doi.org/10.14421/ljijd.v6i2.4489>.
8. Ayad M. (2021) Islamogram: Salafism and Alt-Right Online Subcultures. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD). URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Islamogram.pdf> (date of access: 16.12.2025).
9. Barton G. (2019) Understanding Key Themes in the ISIS Narrative: An Examination of Dabiq Magazine. In: Mansouri F., Keskin Z. (eds.) *Contesting the Theological Foundations of Islamism and Violent Extremism*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. P. 139—162.
10. Bouko C., Rieger D., Van Ostaeyen P., Naderer B. Discourse Patterns Used by Extremist Salafists on Facebook: Identifying Potential Triggers to Cognitive Biases in Radicalized Content. *Critical Discourse Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1879185>.
11. Ducol B. (2012) Uncovering the French-speaking Jihadisphere: An Exploratory Analysis. *Media, War & Conflict*. Vol. 5. No. 1. P. 51—70. <https://doi.org/10.1177/1750635211434366>.
12. Dukic S. (2021) Online Extremism in North Macedonia. Politics, Ethnicities and Religion. Institute for Strategic Dialogue. URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/>

- [uploads/2022/01/Online-Extremism-Mapping-North-Macedonia.pdf](#) (date of access: 16.12.2025).
13. Fairclough N. (2010) *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. New York: Routledge.
  14. Fisher A. (2015) Swarmcast: How Jihadist Networks Maintain a Persistent Online Presence. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 9. No. 3. P. 3—20. URL: <http://www.jstor.org/stable/26297378>.
  15. Guhl J., Comerford M. (2021) Understanding the Salafi Online Ecosystem: A Digital Snapshot. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD). URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Snapshot-study.pdf> (date of access: 16.12.2025).
  16. Holbrook D. (2015) Designing and Applying an 'Extremist Media Index'. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 9. No. 5. P. 57—68. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297434> (date of access: 16.12.2025).
  17. Klausen J. (2015) Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 38. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.974948>.
  18. Myagkov M., Chudinov S. I., Kashpur V. V., Goiko V. L., Shchekotin E. V. (2020a) Islamist Communities on VKontakte: Identification Mechanisms and Network Structure. *Europe-Asia Studies*. Vol. 72. No. 5. P. 863—893. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1694645>.
  19. Myagkov M., Shchekotin E. V., Chudinov S. I., Goiko V. L. (2020b) A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte). *Media, War & Conflict*. Vol. 72. No. 4. P. 425—447. <https://doi.org/10.1177/1750635219846028>.
  20. Müller P., Harrendorf S., Mischler A. (2022) Linguistic Radicalisation of Right-Wing and Salaf Jihadist Groups in Social Media: A Corpus-Driven Lexicometric Analysis. *European Journal on Criminal Policy and Research*. No. 28. P. 203—224. <https://doi.org/10.1007/s10610-022-09509-7>.
  21. Newmann P. (2021) *Countering Online Radicalization in America*. Washington, DC: Bipartisan Policy Center.
  22. Odağ Ö., Leiser A., Boehnke K. (2019) Reviewing the Role of the Internet in Radicalization Processes. *Journal for Deradicalization*. No. 21. P. 261—300. URL: <https://journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/view/289>.
  23. O'Halloran K. L., Tan S., Wignell P., Lange R. (2017) Multimodal Recontextualisations of Images in Violent Extremist Discourse. In: Zhao S., Djonov E., Björkqvall A., Boeriis M. (eds.) *Advancing Multimodal and Critical Discourse Studies: Interdisciplinary Research Inspired by Theo Van Leeuwen's Social Semiotics*. London, New York: Routledge. P. 181—202.

24. Post J. M., McGinnis C., Moody K. (2014) The Changing Face of Terrorism in the 21st Century: The Communications Revolution and the Virtual Community of Hated. *Behavioral Sciences and the Law*. Vol. 32. No. 5. P. 306—334. <https://doi.org/10.1002/bsl.2123>.
25. Rudner M. (2016) “Electronic Jihad”: The Internet as Al Qaeda’s Catalyst for Global Terror. *Studies in Conflict and Terrorism*. Vol. 40. No. 1. P. 10—23. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157403>.
26. Sageman M. (2009) The Next Generation of Terror. *Foreign Policy*. October 8. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/08/the-next-generation-of-terror/> (date of access: 16.12.2025).
27. Saoudi F. (2020) A Critical Analysis of the Salafis’ Ideological Discourse on Facebook and its Identity Significance. *Journal of Human Sciences — Oum El Bouaghi University*. Vol. 7. No. 2. URL: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/122908> (date of access: 16.12.2025).
28. Schmid A. P. (2015) Challenging the Narrative of the ‘Islamic State’. ICCT Research Paper, June 2015.
29. Van Dijk T. A. (2001) Critical Discourse Analysis. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. Malden: Blackwell Publishers Ltd. P. 352—371.
30. Wignell P., Tan S., O’Halloran K. L., Lange R. (2017) A Mixed Methods Empirical Examination of Changes in Emphasis and Style in the Extremist Magazines Dabiq and Rumiyah. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 11. No. 2. P. 2—20. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297775>.
31. Zelin A. (2025) The Digital Battlefield: How Terrorists Use the Internet and Online Networks for Recruitment and Radicalization. The Washington Institute for Near East Policy, March 2025. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/sites/default/files/pdf/ZelinTestimony20250304-v2.pdf>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2803](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2803)

А. В. Попова, Ю. А. Тюменева

**ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ:
(НЕ)ГОТОВНОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЕЙ РАССМАТРИВАТЬ
СОИСКАТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ОНЛАЙН-КУРСОВ
В ИТ-СФЕРЕ**

Правильная ссылка на статью:

Попова А. В., Тюменева Ю. А. Осторожно, двери закрываются: (не)готовность работодателей рассматривать соискателей после окончания онлайн-курсов в IT-сфере // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 178—198. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2803>.

For citation:

Popova A. V., Tyumeneva Y. A. (2025) “Mind the Closing Doors”: Employers’ (Un)Willingness to Consider Candidates with IT Online Training. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 178–198. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2803>. (In Russ.)

Получено: 17.11.2024. Принято к публикации: 28.10.2025.

ОСТОРОЖНО, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ: (НЕ) ГОТОВНОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЕЙ РАССМАТРИВАТЬ СОИСКАТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ОНЛАЙН-КУРСОВ В ИТ-СФЕРЕ

*ПОПОВА Анна Валерьевна — стажер-исследователь Центра психометрики и измерений в образовании Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: anyaa-popova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1736-6784>*

*ТЮМЕНЕВА Юлия Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: Jtiumeneva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2381-917X>*

Аннотация. При всей востребованности IT-специалистов и онлайн-курсов по их подготовке почти ничего неизвестно о влиянии, которое оказывают базовое образование и возраст соискателей на их трудоустройство. В данном исследовании мы отвечали на два вопроса: 1) какова готовность работодателей привлекать выпускников онлайн-курсов к работе на младшие позиции, 2) различается ли эта готовность для кандидатов разного возраста. Эти вопросы рассматриваются в теоретической рамке, объединяющей сигнальную теорию и теорию дискриминации на рынке труда. В частности, диплом и онлайн-сертификаты анализируются как сигналы разной силы о компетентности кандидата, а возраст и тип образования — как возможные основания для «вкусовой» или статистической дискриминации в условиях неполной информации. Проведя квази-эксперимент, мы сравнили шансы на трудоустройство в IT-сфере двух потенциальных кандидатов без базового технического образования, завершивших онлайн-курсы

“MIND THE CLOSING DOORS”: EMPLOYERS’ (UN)WILLINGNESS TO CONSIDER CANDIDATES WITH IT ONLINE TRAINING

*Anna V. POPOVA¹ — Research Intern of the Centre for Psychometrics and Measurement in Education, Institute of Education
E-MAIL: anyaa-popova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1736-6784>*

*Yulia A. TYUMENEVA¹ — Cand. Sci. (Psych.), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Education
E-MAIL: Jtiumeneva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2381-917X>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Despite the high demand for IT specialists and online courses for their training, little is known about how a candidate's basic education and age affect their employment. This study addressed two questions: 1) What is the employers' willingness to hire graduates of online courses for junior positions, and 2) Whether this willingness differs for candidates of different ages. These questions are examined within a theoretical framework combining signaling theory and labor market discrimination theory. Specifically, a formal diploma and online certificates are analyzed as signals of different strengths regarding a candidate's competence, while age and type of education are considered potential grounds for "taste-based" or statistical discrimination under incomplete information. Using a quasi-experiment, we compared the employment prospects in the IT sector for two hypothetical candidates without a basic technical education who completed online programming courses but belonged to different age groups. The results revealed low demand for graduates of online courses with-

по программированию и представляющих разные возрастные группы. В результате обнаружили невысокий спрос на выпускников онлайн-курсов, не имеющих технического образования, и сильное его смещение в сторону более молодых кандидатов.

Ключевые слова: IT-специалисты, онлайн-курсы, возраст соискателей, готовность работодателей, трудоустройство, квазиэксперимент, рынок труда

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

out a technical background and a strong bias in favor of younger candidates.

Keywords: IT specialists, online courses, age of applicants, willingness of employers, employment, quasi-experiment, labor market

Acknowledgments. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Введение

В условиях цифровизации многих сфер деятельности работодатели активно ищут специалистов, способных разрабатывать и поддерживать программное обеспечение, обрабатывать большие объемы данных и создавать инновационные решения [Гусева и др., 2021]. Соответственно потребностям работодателей стал расти спрос на обучение программированию, что особенно стало заметно после 2020 г. «ковидного» года¹. В России, помимо этого, растущая потребность в программистах связана с началом специальной военной операции. Спрос на курсы по IT-специальностям с начала спецоперации вырос минимум на 30% — об этом сообщили представители нескольких школ программирования².

Провайдеры обучения программированию стремятся подстроиться под нужды работодателей и, по сути, конвертируют общие представления и ожидания относительно востребованности и зарплат программистов в спрос на само это обучение. Иными словами, курсы по обучению программированию позиционируются как первый шаг к успешной карьере в IT. В некоторых работах по массовым открытым онлайн-курсам (Massive Open Online Course, далее — MOOC) показано, что участники этих курсов в целом положительно оценивают их способность помочь найти новую работу или продвинуться по карьерной лестнице³ [Dillahunt et al., 2016].

Слоганы рекламных кампаний онлайн-курсов звучат обещающе: высокая зарплата, гарантированное трудоустройство и быстрый карьерный рост. Вот примеры таких реклам: «Уже во время учебы вы сможете брать фриланс-заказы, а с сере-

¹ Developer Survey. 2022. URL: <https://survey.stackoverflow.co/2022#learning-to-code-learn-code> (дата обращения: 17.02.2024).

² Шакирова М., Демидкина К. «Такой скачок мы видим впервые»: почему в России вырос спрос на IT-курсы // Forbes. 2022. 16 мая. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/465527-takoj-skacok-my-vidim-vpervye-pocemu-v-rossii-vyros-spros-na-it-kursy> (дата обращения: 13.01.2024).

³ Zhenghao C., Alcorn B., Christensen G., Eriksson N., Koller D., Emanuel E.J. Who's Benefiting from MOOCs, and Why. *Harvard Business Review*. 2015. September 22. URL: <https://hbr.org/2015/09/whos-benefiting-from-moocs-and-why> (дата обращения: 14.05.2023).

дины курса — откликаться на junior-вакансии. За два-три месяца на новом месте вы заработаете больше стоимости обучения»⁴; «Всему научим сами! Войти в IT сейчас проще, чем сварить суп. Даже если не умеешь программировать и по информатике была тройка»⁵; «Здесь начинается IT-карьера, начни сейчас»; «Учим IT-профессиям с нуля и гарантируем новую работу»⁶; «Еще не поздно попасть в IT? Нет, но придется стараться»⁷; «Как освоить новое в IT за три дня?». Однако каковы реальные перспективы для выпускников этих курсов?

Менее очевидно, однако, что спрос на специалистов в сфере IT может быть разнородным, из-за чего не все прошедшие обучение смогут получить доступ к обещанным карьерным перспективам, да и просто к возможностям трудоустройства.

Во-первых, типичный выпускник курсов — junior-разработчик⁸, с ростом количества таких выпускников проблема нехватки IT-специалистов не решается [Томакова, Томаков, 2022]. Компании тратят много сил и средств на поиск и удержание middle- и senior-специалистов⁹. По данным «Хабр», в 2024 г. из всех размещенных вакансий в сфере IT и телекоммуникаций 90 % касались квалификации middle и выше¹⁰. Это создает парадоксальную ситуацию, когда, несмотря на рост числа новичков в профессии, дефицит IT-специалистов остается актуальным¹¹. При этом спрос на junior-специалистов снижается, а требования к кандидатам растут¹². В качестве иллюстрации приведем цитату Алены Владимировой, представителя HR-стартапа «Vacansy»: «Людей продали красивую идею: „Перейди в другую профессию, ты будешь востребован и будешь много зарабатывать“. А в результате он остается с тем же заработком, что и в прежней его профессии, и при этом становится значительно менее востребован на рынке»¹³.

Во-вторых, в таких быстрорастущих и меняющихся областях деятельности, как IT, многие курсы предлагаются в коротких вариантах (от полугода до полутора лет). Однако не вполне ясно, насколько работодатели готовы предлагать сотрудничество выпускникам таких коротких онлайн-курсов, в противоположность, например,

⁴ Факультет Fullstack-разработки на Python // SkillFactory. URL: <https://skillfactory.ru/fullstack-python> (дата обращения: 15.04.2024).

⁵ Видеореклама на странице официального сообщества Skillbox «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/skillbox> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶ Страница профессии «Python-разработчик» // Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/course/profession-python/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷ Страница с промо-материалом «Еще не поздно попасть в IT?» // Нетология. URL: <https://netology.ru/programs> (дата обращения: 15.04.2024).

⁸ Шакирова М. Джуны не нужны: почему выпускникам IT-курсов стало сложнее найти работу // Forbes. 2022. 8 августа. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/473717-dzunya-ne-nuzny-pocemu-vypusknikam-it-kursov-stalo-sloznee-najti-rabotu> (дата обращения: 27.04.2023).

⁹ PROMO_IT. Джунов стало слишком много или парадокс кадрового голода // Хабр. 2023. 3 июля. URL: <https://habr.com/ru/articles/745578/> (дата обращения: 06.03.2024).

¹⁰ Хабр Карьера. Активность найма на IT-рынке в 1 квартале 2024 // Хабр. 2024. 22 апреля. URL: https://habr.com/ru/companies/habr_career/articles/809439/ (дата обращения: 25.04.2024).

¹¹ Обзор IT-отрасли по итогам первого полугодия: какие зарплаты платят и насколько сложно найти работу // HH. 2023. 9 августа. URL: <https://krasnogorsk.hh.ru/article/31783> (дата обращения: 04.02.2024).

¹² Калюков Е. SuperJob зафиксировал кадровый голод в 85% компаний России // РБК. 2023. 4 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2023/6569bebe9a7947509806ffa8> (дата обращения: 23.12.2023).

¹³ Шакирова М. Джуны не нужны: почему выпускникам IT-курсов стало сложнее найти работу // Forbes. 2023. 8 августа. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/473717-dzunya-ne-nuzny-pocemu-vypusknikam-it-kursov-stalo-sloznee-najti-rabotu> (дата обращения: 27.04.2023).

университетскому четырех-шестилетнему образованию. К примеру, с точки зрения сигнальной теории М. Спенса [Spence, 1973], диплом вуза может сигнализировать о компетентности кандидата. Напротив, сертификат краткосрочных курсов может пока восприниматься как неоднозначный сигнал о способностях кандидата, и тогда при наличии выбора работодатель будет отдавать предпочтение первому. Кроме того, в логике статистической дискриминации К. Арроу [Arrow, 1973] работодатель может опираться не столько на индивидуальные данные, сколько на усредненное представление о «типичном выпускнике курсов».

В-третьих, представления работодателей могут формировать возрастные предпочтения при приеме на работу. Уже упомянутая теория К. Арроу предсказывает, что стереотипные представления о старших возрастных группах как о менее обучаемых и гибких могут препятствовать трудоустройству более возрастных обладателей дипломов, тем более без опыта работы в данной сфере.

Таким образом, проблема, заключается в том, что онлайн-программы обучения программированию, подразумевающие быстрый вход в новую профессию, могут не обеспечивать этот быстрый вход, особенно для тех, кто претендует на позицию junior-разработчика, и для более старшего контингента. В просмотренной нами академической литературе, так же как и в аналитических отчетах рекрутинговых компаний и медиаресурсов, связанных с IT, нет информации о том, насколько компании готовы рассматривать резюме выпускников онлайн-курсов. Более того, важно учитывать, что в соответствии с трудовым законодательством работодатели не могут указывать в вакансиях требования по возрасту, так как это будет квалифицироваться как дискриминация по возрасту. Поэтому информация о доступности карьеры в IT в разрезе разных возрастных групп недоступна через прямую оценку вакансий и приглашений.

Прежде чем переходить к эмпирическому исследованию, опишем ее в рамках концепции обучения на протяжении всей жизни (Lifelong Learning) с фокусом на доступность повышения квалификации и переобучения, которые в последнее десятилетие стали важным трендом в образовании. Так, по данным отчета Международного экономического форума, необходимость переобучения нужна для 40 % сотрудников¹⁴. Онлайн-обучение и краткосрочное обучение являются, по сути, главной формой реализации идеи обучения на протяжении всей жизни.

Обучение на протяжении всей жизни

Значение концепции обучения на протяжении всей жизни увеличилось после начала пандемии COVID-19 [Håkansson Lindqvist et al., 2024]. По данным ОЭСР, многие люди в связи с пандемией и связанными с ней противовирусными мерами потеряли работу¹⁵. Однако, чтобы найти новую вне зависимости от возраста, необходимо повышать свою квалификацию или иметь возможность переквалифицироваться — сменить текущую сферу деятельности. Следовательно, обучение на протяжении всей жизни является важным звеном в доступе людей к рынку труда и конкурентоспособности в нем [Harteis, Goller, 2014].

¹⁴ Смирнова М. Как изменилось образование за последние пять лет // РБК ТRENДЫ. 2024. 24 апреля. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6628a7ef9a794779ce5ed5d6> (дата обращения 12.04.2024).

¹⁵ Career Guidance for Adults in a Changing World of Work, Getting Skills Right // OECD. 2021. <https://doi.org/10.1787/9a94bfdad-en>.

Понятие «обучение на протяжении всей жизни» (*lifelong learning*) было определено П. Джарвисом как процесс, в рамках которого люди любого возраста и с различными интересами приобретают новые знания и навыки [Jarvis, 2014]. Как отмечают исследователи, профессиональная деятельность не может обеспечиваться фиксированным уровнем образования [Fischer, 2000]. В контексте концепции обучения на протяжении всей жизни, которая подразумевает постоянное обновление и расширение знаний и навыков, особое место занимает возможность получения знаний и навыков из новой для человека сферы.

Традиционные карьерные парадигмы в XXI веке заметно уступили место более гибким и разнообразным траекториям. По данным на 2023 г., работники теперь меняют работу, фирмы и даже профессию чаще, чем раньше. В странах ОЭСР средний срок пребывания на рабочем месте за последнее десятилетие сократился примерно на 8%¹⁶. По оценкам некоторых опросов работодателей, каждый второй работник полностью меняет профессию в течение своей жизни¹⁷.

Сама карьерная мобильность может быть двух типов — добровольной или вынужденной. Первая — мобильность, в которой работники добровольно меняют работу, чтобы найти лучшую, а вторая — увольнение сотрудника или недобровольное решение оставить текущую работу¹⁸. У обоих типов карьерной мобильности существует множество препятствий, среди которых дискриминация по возрасту, географическая мобильность и стоимость обучения¹⁹.

Несмотря на сохраняющуюся дискриминацию по возрасту, доля пожилых работников на рынке труда растет. Ожидается, что к 2050 г. в среднем по странам ОЭСР каждый шестой работник будет старше 65 лет²⁰. Отметим, что сами работники в возрасте 45 лет и старше хотят продолжать обучение²¹.

В России также наблюдается увеличение активности на рынке труда кандидатов старшей возрастной группы (что, безусловно, связано с повышением пенсионного возраста). По данным HeadHunter, количество новых резюме кандидатов старше 60 лет в 2023 г. выросло на 13 % по сравнению с 2022 г., а в группе от 50 до 60 лет — на 3 %²².

Важность обучения на протяжении всей жизни обсуждается также и в контексте цифровизации²³. Сегодняшние специалисты из разных областей видят востребованность цифровых компетенций и хотят попробовать себя в IT-сфере: среди проанализированных цифровых профессий программисты, разработчики программного обеспечения и инженеры, а также специалисты по обработке данных

¹⁶ Promoting Better Career Choices for Longer Working Lives. (2024) OECD. March 11. URL: <https://doi.org/10.1787/1ef9a0d0-en> (дата обращения: 11.12.2025).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Retaining Talent at All Ages. (2023) OECD. January 18. URL: <https://doi.org/10.1787/00dbdd06-en> (дата обращения: 11.12.2025).

²² Вараксина Д. Петербургские работодатели нацелились на кандидатов старше 50 лет // Ведомости. 2024. 1 марта. URL: <https://spb.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/01/1023154-kandidatov-starshe-50/> (дата обращения: 11.04.2024).

²³ OECD Skills Outlook 2021: Learning for Life // OECD. 2021. <https://doi.org/10.1787/0ae365b4-en>.

и инженеры данных испытали наиболее заметные темпы роста своей востребованности в большинстве стран. В Канаде, например, количество вакансий для дизайнеров пользовательского интерфейса и опыта пользователя (UI/UX) в 2021 г. увеличилось более чем в три раза по сравнению с 2012 г.²⁴ В этом смысле онлайн-курсы по программированию представляют собой не только возможность углубить свои знания в этой области, но и начать карьеру в сфере IT.

В 2023 г. вопрос поиска, привлечения и стимулирования IT-специалистов стал особенно актуальным в условиях нехватки квалифицированных кадров на российском рынке труда [Чернов, 2023]. По данным HeadHunter, на начало 2023 г. в IT-сфере открытых вакансий насчитывалось около 59 тыс., что на 63 % больше, чем годом ранее²⁵. По данным на 2023 г., нехватка разработчиков в IT-сфере составляла приблизительно 500—700 тыс. человек²⁶.

Идея обучения в течение жизни оказывается особенно востребованной в ситуациях, когда резко меняется экономический уклад, и приобретенные профессиональные навыки больше не находят платежеспособного спроса. Тогда приобретение новой специальности становится экономически целесообразно не только на индивидуальном уровне, но и в масштабе национальной экономики. Отсюда становится понятным, почему в современной ситуации в России поддерживаются онлайн-программы, позволяющие быстро овладеть современной востребованной профессией. В рамках Федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» Национальной программы «Цифровая экономика РФ» для граждан, которые хотят освоить цифровые профессии, стартовала программа компенсации половины затрат на обучение в образовательных учреждениях и крупных компаниях. По данным проекта исследования работы по достижению национальной цели «Цифровая трансформация», курсы завершили и получили новую «цифровую» профессию более 70 тыс. россиян²⁷.

При этом в разрезе возрастных характеристик выпускников «Яндекс Практикума» наименьший процент достигших карьерных целей (смена работы, повышение или изменение должности) наблюдается среди выпускников старше 41 года (35 %), наибольший — среди выпускников в возрасте до 25 лет (68 %)²⁸.

Глобальная концепция «обучения на протяжении всей жизни», при всей своей гуманистической направленности и экономической обоснованности, не учитывает важных социальных составляющих рынка труда. Кроме объективной необходимости повышения квалификации и переквалификации, открывающей доступ к новым технологиям и профессиям, рынок связан ожиданиями, установками и сте-

²⁴ Skills for the Digital Transition // OECD. 2022. October 19. URL: <https://doi.org/10.1787/38c36777-en> (дата обращения: 11.12.2025).

²⁵ Ильин А. Краткий обзор ситуации на рынке труда за май 2023 // НН. 2023. URL: <https://hhcdn.ru/icms/10286635.pdf> (дата обращения: 21.02.2024).

²⁶ Чернышова Е. Шадаев оценил дефицит айтишников в 500—700 тыс. человек // РБК. 2023. 16 августа. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2023/64dce9789a7947ec1d11a641> (дата обращения: 13.05.2023).

²⁷ Цифровые профессии // Университет 20.35. URL: <https://www.2035.university/experience#profidigital-22> (дата обращения: 01.02.2024).

²⁸ Отчет по исследованию «Мониторинг достижения целей обучения выпускников Яндекс Практикума». 2022. URL: <https://code.s3.yandex.net/lpc-landings-source/jobreport/hse-job-report-010122-310422.pdf> (дата обращения: 11.03.2024).

реотипами работодателей в отношении работников. Эти социальные составляющие могут меняться медленнее, чем технологические и экономические возможности, и в этом смысле существенно корректировать экономико-политические программы. Возраст и образование — важнейшие социальные характеристики не только для занятости в целом, но и для принятия решения о приеме на работу в каждом конкретном случае. Поэтому нужно понять, с чем могут столкнуться даже самые гуманистически и экономически обоснованные идеи, прежде всего идея «обучения на протяжении всей жизни», при их воплощении в реальном социальном контексте.

Возраст и новая профессия в IT

Препятствует ли возраст получению новой профессии? Обычно дискуссия о препятствиях ограничивается доступом к рынку образовательных услуг и спецификой обучающих программ. Это структурные (такие как отсутствие дистанционных программ), финансовые (дороговизну курсов), социально-психологические (например, негативные установки человека, семьи или общества на получение образования) и индивидуально-когнитивные (проблемы со слухом или зрением у студентов старших возрастов) барьеры [Laal, 2011; Conesa et al., 2023; Lim et al., 2024; Takagi, Marroquin-Serrano, 2023].

Есть также исследования, демонстрирующие возрастную дискриминацию при приеме на работу кандидатов равной квалификации [Kite et al., 2005; Posthuma, Campion, 2009]. В частности, в полевых экспериментах на больших выборках было обнаружено, что частота откликов работодателей на резюме начинает существенно снижаться у работников в возрасте около 40 лет и становится очень низкой у работников, приближающихся к пенсионному возрасту [Carlsson, Eriksson, 2019; Neumark, Burn, Button, 2017]. К похожим результатам приходят и в работах, выполненных на административно собранных данных (см., например, [Ichino, 2017]). В то же время в другом исследовании авторы показали, что возрастная дискриминация фундаментально зависит от карьерного пути кандидатов старшего возраста [Baert et al., 2016]. Так, возраст кандидатов старшего возраста оказывает существенное влияние только в том случае, если кандидат работал вне производственной практики в течение дополнительных лет после окончания обучения. Так что, хотя в целом стереотипы работодателей о способности к обучению новым задачам, гибкости и амбициозности, по-видимому, являются важным объяснением возрастной дискриминации, вмешиваются и другие факторы, например опыт и специфика карьеры.

Мы не нашли исследований вопроса последующего трудоустройства и возможных рисков, которые могут возникнуть для людей из более старших возрастных групп для сферы IT. Тем не менее следует признать, что в рамках концепции обучения в течение жизни и предсказания теорий сигналов и статистической дискриминации существует риск неполучения работы по новой специальности, связанный с возрастом, и мы считаем, что обсуждать эту (во многом политическую) концепцию без учета такого рода рисков неправильно. Такой риск как минимум выступает фактором для принятия решения о получении образования, а как максимум он играет роль в разработке самих обучающих программ и в понимании эффективности всей политики в сфере образования взрослых.

Краткосрочные курсы vs. традиционные университетские программы в сфере IT

Традиционные университетские курсы не смогли удовлетворить высокий спрос на квалифицированных специалистов в области IT, вынуждая отрасль искать работников с применением нетрадиционных подходов, в частности путем переобучения специалистов из других областей [Cunha et al., 2022]. Это привело к созданию множества курсов по программированию, предоставляющих интенсивные программы полного рабочего дня, ориентированные на безработных или недовольных своей работой людей. Краткосрочные курсы эффективнее в формировании навыков разработки программного обеспечения по сравнению с традиционными университетскими курсами [ibid.]. О смене профессии благодаря возможности пройти краткосрочные курсы говорится, например, в интервью о мотивации в исследовании Дж. Филипа [Philip, 2017]. Как показывают исследования, многие студенты MOOC заявляют, что хотят изменить сферу карьеры или переобучиться для своей текущей работы [Dillahunt et al., 2016; Kizilcec, Schneider, 2015].

С появлением массовых открытых онлайн-курсов все заинтересованные получили возможность получить профессиональную и личную выгоду от учебного контента, который соответствует тем же строгим стандартам, что и курсы, проводимые в аудитории²⁹. Д. Уэлш и М. Дрэгушина отмечают такие преимущества MOOC, как гибкость, персонализация, интерактивность, и пр.³⁰ Говоря о гибкости, хочется отметить, что в данном случае она определяется не только выбором времени, в которое студенту удобнее учиться, но и регулированием скорости обучения. Студент может приостановить процесс обучения, ускорить или замедлить прохождение курса, а также возвращаться к материалу в любом месте и в любое время. Обучение в формате онлайн-курсов может снизить тревожность, связанную со страхом ошибиться при ответе на вопросы преподавателя. Совокупность этих преимуществ едва ли возможно представить в рамках традиционного обучения.

MOOC — относительно новый способ предоставления третичного образования и обучения по всему миру [Rivas, Baker, Evans, 2020], количество платных пользователей увеличивается каждый год³¹. К концу 2018 г. более 101 млн студентов посетили более 11 400 тыс. MOOC [ibid.]. По данным исследования российского рынка онлайн-образования, в 2021 г. онлайн-обучение прошли 18 млн человек, траты на это дополнительное образование составили 226 млрд рублей³². Как утверждается в исследовании, проведенном «Нетологией» — российской компанией и образовательной онлайн-платформой, — впервые россияне потратили на онлайн-обучение больше, чем на очное³³.

²⁹ Welsh D.H., Drăgușin M. The New Generation of Massive Open Online Course (MOOCS) and Entrepreneurship Education. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/312769836_The_New_Generation_of_Massive_Open_Online_Course_MOOCS_and_Entrepreneurship_Education (дата обращения: 04.04.2023).

³⁰ Ibid.

³¹ Shah D. By the Numbers: MOOCs in 2018 // Class Central. 2018. December 11. URL: <https://www.classcentral.com/report/mooc-stats-2018/> (дата обращения: 20.01.2024).

³² Исследование российского рынка онлайн-образования // Нетология. 2022. URL: https://netology.ru/edtech_research_2022 (дата обращения: 27.01.2024).

³³ Исследование российского рынка онлайн-образования // Нетология. 2022. URL: https://netology.ru/edtech_research_2022 (дата обращения: 27.01.2024).

Мы рассмотрели несколько популярных российских онлайн-платформ, которые предлагают освоить новую профессию с нуля в области программирования. В среднем длительность таких курсов составляет от шести до 20 месяцев в зависимости от выбранной специализации. При этом получение высшего образования занимает примерно четыре года.

Наряду с вышесказанным короткий путь вхождения в профессию — не единственное преимущество курсов по программированию в сравнении с университетскими программами высшего образования. На сегодняшний день остро стоит проблема рассогласованности между образовательной системой и рынком труда. В частности, проблема несоответствия уровня подготовки IT-кадров требованиям работодателей [Климова, Устинова, 2021; Мальцева, 2019]. Вузы сосредоточены на передаче теоретических знаний, в то время как на рынке труда требуются практические навыки и умения. Это приводит к ситуации, когда выпускники не готовы выполнять реальные задачи на рабочем месте [Мальцева, 2021]. Ограничения формального образования привели к жалобам корпораций на то, что даже выпускникам лучших вузов не хватает практического опыта проектирования, необходимого для выполнения их работы [Fischer, 2000].

Помимо нехватки опыта у выпускников традиционных специальностей, другой проблемой выступает отставание стандартов от технологий. Языки программирования и информационные технологии в целом находятся в стадии постоянного и активного развития [Зуев, Кропачев, Усов, 2018]. Федеральные образовательные стандарты не успевают за технологическими изменениями [Климова, Усков, 2020]. Система образования обладает инертностью, так как не успевает реагировать на быстрые изменения, обусловленные цифровизацией и потребностями рынка³⁴. Это неудивительно, поскольку система построена так, что удовлетворяет потребности государства, а не студентов [Климова, Устинова, 2021]. В этом смысле онлайн-курсы также имеют преимущество, поскольку, как утверждают разработчики этих курсов, например «Яндекс Практикум», наполнение этих курсов постоянно обновляется в связи с технологиями и потребностями рынка. Это приводит нас к еще одному преимуществу онлайн-обучения программированию (по сравнению с традиционными формами образования) — более гибкие учебные планы, динамично реагирующие на инновации в области IT, и их практико-ориентированность.

Однако выпускники онлайн-курсов могут столкнуться со стереотипными ожиданиями со стороны работодателей, аналогичными тем, которые мы обсуждали выше в отношении возрастных предпочтений. С точки зрения сигнальной теории М. Спенса [Spence, 1973] диплом вуза выполняет роль устойчивого и проверенного сигнала о компетентности и обучаемости кандидата. Напротив, сертификат краткосрочных курсов может восприниматься работодателями как сигнал слабый и неоднозначный. Это означает, что даже при наличии реальных навыков у выпускника онлайн-курсов работодатель может интерпретировать такой сертификат как менее убедительное доказательство продуктивности, чем диплом университета. Кроме того, в логике статистической дискриминации К. Арроу [Arrow, 1973]

³⁴ Лушников А. В. Методики и алгоритмы принятия решений при подготовке профессиональных кадров для регионального рынка труда. URL: https://science.pnzgu.ru/files/science.pnzgu.ru/science.pnzgu.ru/dissertaciya_lushnikova_a_v_.pdf (дата обращения: 11.12.2025).

работодатель может опираться не столько на индивидуальные данные, сколько на усредненное представление о специфике краткосрочных курсов и результатах обучения на них. В результате даже сильный кандидат может оказаться в невыгодном положении просто потому, что работодатель предполагает, что «курсы не дают глубоких знаний» или «такие кандидаты быстро уходят из профессии».

Короткий путь вхождения в профессию, предлагаемый онлайн-курсами, может оказаться лишь частично реализуемым: с одной стороны, они дают необходимые базовые навыки, но с другой — не формируют достаточно сильного «сигнала» на рынке труда. Это снижает их ценность как инструмента полноценного входа в профессию по сравнению с университетским образованием.

Текущее исследование

С появлением большого количества онлайн-курсов получение знаний и навыков в области программирования становится более доступным, но делает ли это более доступным вхождение в профессию? Достаточно ли сертификата о переквалификации (переобучении) для рассмотрения кандидата на позицию? Готовы ли работодатели рассматривать кандидатов, окончивших курсы и не имеющих специального технического образования? Имеет ли значение возраст кандидата при принятии решения работодателем о дальнейшем его рассмотрении на вакансию?

В данном исследовании мы симулировали ситуацию поиска работы двумя потенциальными кандидатами, не имеющими базового технического образования и окончившими онлайн-курсы по программированию. Кандидаты принадлежали к разным возрастным группам, что позволило оценить различия в шансах получения работы в IT-сфере.

Методы

Эксперимент состоял из нескольких шагов. На первом шаге были составлены резюме для двух вымышленных кандидатов. Каждое из них содержало, среди прочего, сведения о полученном нетехническом образовании и информацию об окончании обучения на профильном онлайн-курсе по специальности «Разработчик». Специальность «Разработчик» была выбрана как самая массовая и универсальная в предложениях онлайн-школ, именно для нее чаще всего декларируется «низкий порог входа». Таким образом, данная роль, на наш взгляд, является оптимальной для проверки возможности трудоустройства после краткосрочного обучения. В результате мы создали два резюме для соискателей различных возрастов: 25 и 52 лет. Выбор возрастов был обусловлен попыткой охватить две ярко различающиеся возрастные группы. Первая группа (младшие кандидаты), как правило, ассоциируется с гибкостью и высокой обучаемостью, вторая — с представителями, для которых переход в новую профессию может сопровождаться барьерами (например, [Kite et al., 2005; Posthuma, Campion, 2009]). Таким образом, диапазон возрастов отражает категории для проверки гипотезы о связи возраста и возможностей трудоустройства.

После составления резюме мы провели проверку, чтобы убедиться, что резюме одинаково структурированы с учетом сходства непрограммистского опыта работы и образования. При описании умений и навыков в программировании мы

учитывали, с одной стороны, результаты, как они указаны методологами в описании онлайн-курса, с другой — наиболее востребованные компетенции на рынке. Для определения этих компетенций мы проанализировали объявления о вакансиях, используя ключевое слово «программист-разработчик».

На втором этапе мы создали два профиля на онлайн-платформе по поиску работы. При заполнении профилей мы использовали информацию из составленных ранее резюме. Таким образом, мы разместили каждое резюме на онлайн-платформе по поиску работы. Для каждого вымышленного кандидата был создан аккаунт. С их помощью мы откликались на различные вакансии и получали решения (ответы) от работодателей.

Процедура эксперимента

В течение двух месяцев мы откликались на вакансии junior-разработчика (младшего разработчика) и программиста-стажера. Наша стратегия включала выбор вакансий, где не требовался опыт работы или требовался лишь минимальный опыт работы в IT-сфере. Поиск вакансий осуществлялся двумя способами — по ключевым словам в строке поиска и рекомендациям подходящих вакансий от алгоритма платформы. Благодаря встроенным алгоритмам мы также смогли убедиться в том, что составленные нами резюме содержат необходимые навыки для потенциального получения работы. К вакансии, предложенной алгоритмом, добавлялась строка, где указывался высокий процент соответствия между имеющимися и требуемыми навыками. Последние были указаны непосредственно в описании к вакансиям. Процент совпадения между аккаунтами был одинаковым. Это означает, что резюме двух вымышленных кандидатов были схожи не только по нашим представлениям, но и согласно расчетам алгоритма — независимого «эксперта». Важно отметить, что поисковая выдача вакансий зависит от территории — мы откликались на вакансии, офис которых находился в Москве или ближайшем Подмосковье. Таким образом, вакансии отбирались не по жестко заданным критериям, а на основе комбинации поисковых фильтров платформы по поиску работы и рекомендаций алгоритма. Мы использовали ключевые слова «разработчик», «junior-разработчик», «программист-стажер», а также географический фильтр «Москва и Московская область». Данное исследование отражает типичную пользовательскую стратегию поиска работы на открытой платформе, где подбор вакансий осуществляется не вручную, а с учетом встроенных алгоритмов рекомендаций. Такой подход позволяет приблизить эксперимент к реальной практике поиска работы.

Мы отслеживали номера объявлений о вакансиях, на которые откликались, гарантируя таким образом, что с каждого аккаунта были отправлены отклики на одни и те же вакансии.

Нами также были предприняты шаги для предотвращения одновременного появления двух похожих резюме работодателям, поэтому откликались на объявления асинхронно. Однако из-за разницы откликов во времени происходили ситуации невозможности отклика на одну и ту же вакансию двумя кандидатами — часть вакансий могла быть снята к моменту отправки резюме с другого аккаунта.

Чтобы исключить ситуацию, когда, например, дальнейшее обсуждение вакансии с кандидатом может быть связано с возрастом (предпочтение более молодого

го по возрасту потенциального соискателя), мы откликались на вакансии поочередно. Наша стратегия отклика была следующей: отклик на несколько вакансий (в среднем по десять) с одного аккаунта и запись их в таблицу, затем отклик на другие несколько вакансий со второго аккаунта с последующей записью. Таким образом мы старались проконтролировать равномерный отклик на вакансии с каждого аккаунта.

Всего процедура эксперимента включала следующие шаги: 1) составление двух идентичных по структуре резюме, 2) создание профилей на онлайн-платформе по поиску работы, 3) отклики на идентичные вакансии с контролем очередности, 4) фиксация исходов по каждой вакансии. Для минимизации искажений результаты откликов фиксировались по одинаковым вакансиям, а порядок откликов варьировался (асинхронно), чтобы избежать подозрений со стороны работодателей. В качестве дополнительного контроля использовались внутренние метрики («совпадение компетенций»), позволяющие убедиться в эквивалентности профилей, что повышает валидность данных.

Стратегия анализа данных

Для количественной обработки результатов применялись методы описательной и статистической проверки различий между группами. На первом этапе были рассчитаны частоты исходов откликов. Для оценки зависимости между возрастом кандидата и типом отклика применялся критерий χ^2 Пирсона. Этот тест позволяет определить, являются ли различия между распределениями статистически значимыми.

Дополнительно, с целью уточнения различий именно по доле положительных исходов, использовался Z-тест для сравнения независимых пропорций. Он позволил проверить, различаются ли вероятности получения приглашения у кандидатов разных возрастных групп при равных прочих условиях.

Расчеты выполнялись с использованием стандартных статистических процедур. Уровень значимости принят равным 0,05.

Результаты

Описательные статистики

В результате поиска мы отобрали 117 вакансий. В связи с тем, что мы откликались не одновременно, как было указано ранее, с каждого аккаунта нам не удалось откликнуться на каждую из них. С каждого аккаунта мы откликнулись на 110 объявлений о вакансиях. При этом снятые вакансии, естественно, не совпадали (см. табл. 1).

Таблица 1. Количество откликов на вакансии

Вакансий	Количество			
	Откликов от кандидата		Пересечений в вакансиях (отклик на одну и ту же вакансию)	Несовпадение (невозможность откликнуться с двух аккаунтов на одну позицию)
	Старший	Младший		
117	110	110	220	14

На полученных данных мы посчитали частоты по следующим категориям: «отсутствие отклика», «приглашение» и «отказ». Под «отсутствием отклика» мы понимали случай, при котором мы откликнулись на объявление, но не получили никакого результата — ни приглашения на интервью или возможность решить тестовое задание, ни отказ. Под «приглашением» мы фиксировали количество случаев, при котором с вымышленным персонажем хотели продолжить общение и/или предлагали ему решить тестовое задание. И, наконец, под «отказом» понимались случаи, в которых мы получали сообщение о неготовности работодателя продолжить с нами общение.

Таким образом, для анализа использовались три категории ответов работодателей. Доля приглашений рассматривалась как основной показатель привлекательности профиля кандидата.

Как приглашения, так и отказы фиксировались на платформе по поиску работы. Фиксация происходила с помощью уведомления от работодателя с припиской к письму «отказ» или «приглашение». Частотное распределение полученных откликов представлено в таблице 2.

Таблица 2. Частотное распределение откликов на вакансии

Исходы	Кандидат		Всего	%
	Старший	Младший		
Отсутствие отклика	50 (46,73%)	57 (53,27%)	107	50,23
Приглашение	5 (21,74%)	18 (78,26%)	23	49,77
Отказ	52 (62,65%)	31 (37,35%)	83	
Итого:			213	100

Интересно рассмотреть несколько случаев, с которыми мы столкнулись в ходе отклика на вакансии. Некоторые работодатели требовали заполнения формы перед возможностью отклика на вакансию: кандидат, не заполнивший ее, не мог отправить резюме на данную позицию. Форма содержала в себе теоретические и прикладные вопросы с открытым ответом. Это, по-видимому, было в некотором смысле тестовым заданием — предварительным отбором. На такие вакансии мы не откликались, поскольку не могли проконтролировать, чтобы ответы на вопросы были бы разными, но содержательно одинаковыми для обоих кандидатов.

Помимо этого, в некоторые чаты, которые автоматически создаются после отклика на вакансии, внедряется бот (или встроенный алгоритм), где задаются важные для работодателя вопросы. Эти вопросы сопровождаются ответными опциями. Наиболее частые вопросы касались готовности выйти на полный рабочий день, а также наличия опыта и/или реализованных проектов. Однако в одном случае бот прислал вопрос о наличии базового технического образования. В соответствии с нашими резюме мы выбрали опцию об отсутствии последнего, после чего бот покинул чат. Мы решили посмотреть на данную вакансию и не обнаружили в требованиях наличие диплома о высшем техническом образовании.

Также нам показалось интересным, что среди 117 вакансий лишь в 38% случаев в требованиях прописано наличие образования, среди них: 15% указывали на наличие технического образования (высшего, неоконченного высшего) как желательного, а 5% давали понять, что окончание курсов может приравниваться к полученному образованию. Например, в описании вакансии было указано: «Требования: проходил курсы для разработчиков или обучался в профильном IT-вузе». При этом иногда было неясно, что имеется в виду под образованием, поскольку лишь в редких случаях было указано, что требуемое образование должно быть профильным и высшим. Теперь перейдем к полученным результатам в разрезе поставленных вопросов.

Готовность работодателей рассматривать кандидатов, окончивших курсы

Мы получили только 23 приглашения, то есть 11% от общего числа откликов. Это количество представляется довольно малым, учитывая, что еще неизвестен исход дальнейших интервью и решения тестовых заданий.

В целом мы зафиксировали примерно одинаковое соотношение положительной и отрицательной обратной связи от работодателей, с одной стороны, и ее отсутствия — с другой: 49,77% и 50,23% соответственно. Это может быть связано с тем, что многие работодатели оценивают не только наличие формального образования, но и практические навыки, в том числе реализованные проекты (портфолио), опыт работы и способность к обучению. Возможно, прохождение курсов и обучение на онлайн-платформах сможет стать альтернативой наличию специального технического образования при поиске работы.

Возраст кандидата как фактор принятия решения работодателем

Отвечая на второй исследовательский вопрос (насколько возраст кандидата будет определяющим фактором при принятии решения о дальнейшем рассмотрении кандидата на вакансию), нам удалось зафиксировать статистически значимые различия между группами ($\chi^2 = 12,126$, $p < 0,001$). Это означает, что распределение исходов по возрастным группам не является случайным.

Значение размера эффекта (Cramer's V) составляет около 0,338. Это указывает на среднюю силу связи между возрастом кандидата и вероятностью положительного отклика.

Для проверки различий именно по доле положительных исходов («приглашение») дополнительно был проведен Z-тест для сравнения независимых пропорций. Результаты показали статистически значимое преимущество младшего кандидата по количеству приглашений ($Z = -2,89$, $p = 0,0038$), что подтверждает наличие возрастного эффекта в откликах работодателей.

Обсуждение результатов и ограничения исследования

В работе ставилась проблема возможных трудностей с трудоустройством выпускников онлайн-курсов в области IT. Перед полевым экспериментом мы отвечали на вопросы: насколько работодатели готовы рассматривать кандидатов, окончивших курсы и не имеющих специального технического образования, а также насколько возраст кандидата будет определяющим фактором при принятии ре-

шения о дальнейшем рассмотрении кандидата на вакансию. Результаты показали, что предварительно положительные решения (приглашение на интервью) были получены примерно в 11 % случаев. Это согласуется с данными «Хабра», где активность найма на IT-рынке в первом квартале 2024 г. на вакансиях junior- и intern-позициях составила 10 %³⁵.

В целом, говоря о 50-процентной доле ответов, нужно оценивать интерес работодателей к выпускникам онлайн-курсов без технического образования как невысокий.

Полученные данные по востребованности на рынке IT-соискателей старшего возраста указывают на существенную дискриминацию: на каждого приглашенного на собеседование соискателя старшего возраста приходится четверо соискателей младшего возраста. Это позволяет говорить о серьезной недооценке проблемы трудоустройства людей старшего возраста в контексте обучения на протяжении всей жизни. Несмотря на то что онлайн-программы (особенно короткие) создаются для быстрого входа в новую профессию, люди старшего возраста не только не получают «быстрого» входа, но и сталкиваются с невостребованностью на рынке. Как мы уже отмечали, из-за того, что законодательство не позволяет указывать возраст в вакансиях, эта проблема остается скрытой и практически не обсуждается в академической литературе.

При интерпретации результатов мы опираемся на сигнальную теорию [Spence, 1973], в рамках которой работодатель оценивает кандидата не напрямую по его реальным умениям и продуктивности (к информации о которых у него нет доступа), а по совокупности косвенных признаков — сигналов. К числу таких сигналов относятся уровень и форма образования, профессиональный опыт, возраст и другие социально значимые характеристики. Диплом о высшем техническом образовании традиционно выполняет роль «сильного сигнала», свидетельствующего о компетентности и надежности кандидата [Weiss, 1995]. Онлайн-курсы же формируют более «слабый сигнал», поскольку их стандартизация и репутационная ценность остаются неопределенными [Deming, Noray, 2020].

Дополнительно мы учитываем рамку дискриминационных механизмов. В классической трактовке Г. Беккера [Becker, 1957] дискриминация рассматривается как проявление «вкусовых предпочтений» работодателей, которые могут отдавать предпочтение одним группам кандидатов перед другими независимо от их продуктивности. В то же время К. Арроу [Arrow, 1973] предложил концепцию статистической дискриминации, согласно которой различия в найме возникают не столько из-за предвзятости, сколько из-за недостатка информации. Работодатели приписывают кандидатам характеристики, типичные для их социальной группы, и используют возраст или тип образования как прокси для оценки продуктивности. Таким образом, молодой возраст в IT-сфере интерпретируется как сигнал гибкости и перспективности, а отсутствие базового технического образования — как индикатор более низкого качества подготовки, даже если фактические навыки кандидатов идентичны. Объединение этих подходов позволяет интерпретировать полученные данные в двух измерениях: как проявление «сигнальной логики», где диплом и возраст функционируют как индикаторы продуктивности, и как резуль-

³⁵ Активность найма на IT-рынке в 1 квартале 2024 // Хабр. 2024. 22 апреля. URL: https://habr.com/ru/companies/habr_career/articles/809439/ (дата обращения: 25.04.2024).

тат действия дискриминационных практик — и «вкусовых» (по Беккеру), и «статистических» (по Арроу), ограничивающих доступ отдельных групп соискателей к трудоустройству.

Отметим несколько ограничений исследования. Во-первых, небольшой размер числа вакансий. Во-вторых, мы варьировали разницу по возрасту, а не по характеру обучения. Другими словами, можно было бы сделать еще два резюме для потенциальных кандидатов — разных по возрасту, но имеющих высшее образование в сфере программирования. Однако такой ход мог бы привести к тому, что один работодатель получил бы четыре почти одинаковых резюме, что, возможно, выглядело бы подозрительно. В-третьих, нельзя исключать вероятность того, что работодатели могли увидеть оба резюме или что алгоритмы платформы могли ранжировать их по-разному, а также вероятность обмена информацией между HR при рассмотрении резюме. Кроме того, резюме могли быть найдены работодателями через внутренний поиск без прямого отклика. Эти обстоятельства могут влиять на чистоту проведенного квазиэксперимента и рассматриваются нами как ограничение дизайна. Еще одним ограничением исследования является отсутствие сравнения с вакансиями вне IT-сферы. Возможно, зафиксированные различия связаны не столько с особенностями IT-рынка, сколько с общими закономерностями найма. В последующих работах целесообразно включить контрольные профили для других профессий, а также расширить диапазон поиска — включить другие крупные города.

Несмотря на то, что «навыки», указанные в профилях вымышленных кандидатов, соответствовали требованиям, приведенным в вакансиях, с высоким процентом совпадения (по данным платформы), работодателей могло смутить отсутствие портфолио. Для будущих исследований мы рекомендовали бы составить не только резюме, но и портфолио для потенциального кандидата. Также направлением исследования может стать не только количественная оценка, но и качественная, посредством интервью с работодателями о готовности принять на работу сотрудников как без технического образования, так и разного возраста.

Стоит также уточнить статус полученных результатов. Текущее исследование не имело целью репрезентировать глобальную ситуацию на рынке труда в сфере IT. Скорее нам хотелось очертить проблемные зоны, в отношении которых имело бы смысл разворачивать дальнейшие исследования. Поэтому данную работу правильнее рассматривать как этап в изучении потенциальных противоречий в подготовке IT-специалистов и требований к ним со стороны работодателей.

В заключение вернемся к более широкой рамке интерпретации результатов, которая касается реализации глобальной концепции «обучение на протяжении всей жизни». Поскольку такие проекты затрагивают социально чувствительные категории на рынке труда (например, образование и возраст), их реализация делает необходимыми более глубокие социологические и социально-психологические исследования, что, в частности, и показала эта работа.

Список литературы

1. Гусева М. Н., Коготкова И. З., Сороко Г. Я., Никитина Е. С. Анализ тенденций формирования спроса на трудовые ресурсы для IT-проектов // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 1. № 1. С. 12—18.

- Guseva M. N., Kogotkova I. Z., Soroko G. Ya., Nikitina E. S. (2021) Analysis of Trends in the Formation of Demand for Labor Resources for IT Projects. *Journal of Applied Research*. Vol. 1. No. 1. P. 12—18. (In Russ.)
2. Зуев Д. О., Кропачев А. В., Усов А. Е. Особенности профильной подготовки и переподготовки ИТ-экспертов в соответствии с актуальными потребностями на рынке труда // Наука, образование и культура. 2018. Т. 2. № 26. С. 33—40. Zuev D. O., Kropachev A. V., Usov A. E. (2018) Features of Specialized Training and Retraining of IT Experts in Accordance with Current Labor Market Needs. *Science, Education, and Culture*. Vol. 2. No. 26. P. 33—40. (In Russ.)
  3. Климова Ю. О., Усков В. С. К вопросу подготовки кадров для ИТ-отрасли в условиях цифровизации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 2. С. 222—231. Klimova Yu. O., Uskov V. S. (2020) Training for the IT Industry in the Context of Digitalization. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*. Vol. 5. No. 2. P. 222—231. (In Russ.)
  4. Климова Ю. О., Устинова К. А. Несоответствие уровня подготовки ИТ-кадров требованиям работодателей: проблемы и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 202—219. Klimova Yu. O., Ustinova K. A. (2021) Mismatch between the Level of Training of IT Personnel and the Requirements of Employers: Problems and Solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 14. No. 5. P. 202—219. (In Russ.)
  5. Мальцева В. Концепция skill mismatch и проблема оценки несоответствия когнитивных навыков в межстрановых исследованиях // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 43—76. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-43-76>. Maltseva V. (2019) The Concept of Skills Mismatch and the Problem of Measuring Cognitive Skills Mismatch in Cross-National Studies. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 43—76. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-43-76>. (In Russ.)
  6. Мальцева В. А. Что не так с концепцией готовности выпускников вуза к работе? // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 2. С. 109—138. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-2-109-138>. Maltseva V. A. (2021) What is Wrong with the Concept of Job Readiness in Higher Education? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 22. No. 2. P. 109—138. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-2-109-138>. (In Russ.)
  7. Томакова Р. А., Томаков В. И. Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 1. С. 150—166. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166>. Tomakova R. A., Tomakov V. I. (2022) The Russian Labor Market in the Information Technology Industry in 2021. *Proceedings of the Southwest State University*.

- Series: Economics. Sociology. Management.* 2022;12(1):150—166. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166>. (in Russian).
8. Чернов А. И. Актуальные проблемы поиска, привлечения и мотивации ит-специалистов в современных условиях дефицита кадров на российском рынке труда в сегменте информационных технологий // Актуальные вопросы управления персоналом : Сборник научных статей V Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Москва, 05—06 декабря 2023 года / отв. ред. Е. И. Данилина. М. : ООО «Эдельвейс», 2023. С. 247—252.
Chernov A. I. (2023) Actual Problems of Searching, Attracting and Motivating IT Specialists in Modern Conditions of Labor Shortage in the Russian Labor Market in the Information Technology Segment. In: Danilina E. I. (ed.) *Topical Issues of Personnel Management: Proceedings of the 5th National Scientific and Practical Conference, Moscow, December 5—6, 2023*. Moscow: Edelveis. P. 247—252 (In Russ.)
  9. Arrow K. J. (1973) Information and Economic Behavior. Federal Reserve Bank of San Francisco.
  10. Baert S., Norga J., Thuy Y., Van Hecke M. (2016) Getting Grey Hairs in the Labour Market. An Alternative Experiment on Age Discrimination. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 57. P. 86—101. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2016.10.002>.
  11. Becker G. S. (1957). The Economics of Discrimination. Chicago, IL: University of Chicago Press.
  12. Carlsson M., Eriksson S. (2019) Age Discrimination in Hiring Decisions: Evidence from a Field Experiment in the Labor Market. *Labour Economics*. Vol. 59. P. 173—183. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2019.03.002>.
  13. Conesa J., Garcia-Alsina M., Batalla- Busquets J.-M., Gómez-Zúñiga B., Martínez-Argüelles M. J., Monjo T., Mor E., Cruz G. (2023) A Vision about Lifelong Learning and its Barriers. *International Journal of Grid and Utility Computing*. Vol. 14. No. 1. P. 62—71. <https://doi.org/10.1504/IJGUC.2023.129706>.
  14. Cunha J., Durães J., Alves A., Coutinho F., Barreiros J., Amaro J. P., Silva M., Santos F. (2022) Empirical Assessment of the Long-Term Impact of an Embedded Systems Programming Requalification Programme. *Information*. Vol. 13. No. 1. Art. 16. <https://doi.org/10.3390/info13010016>.
  15. Deming D. J., Noray K. (2020) Earnings Dynamics, Changing Job Skills, and STEM Careers. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 135. No. 4. P. 1965—2005. <https://doi.org/10.1093/qje/qjaa021>.
  16. Dillahunt T. R., Ng S., Fiesta M., Wang Z. (2016) Do Massive Open Online Course Platforms Support Employability? In: *Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 233—244. <https://doi.org/10.1145/2818048.2819924>.

17. Ichino A., Schwerdt G., Winter-Ebmer R., Zweimüller J. (2017) Too Old to Work, Too Young to Retire? *The Journal of the Economics of Ageing*. Vol. 9. P. 14—29. <https://doi.org/10.1016/j.jjeoa.2016.07.001>.
18. Fischer G. (2000) Lifelong Learning — More Than Training. *Journal of Interactive Learning Research*. Vol. 11. No. 3/4. P. 265—294.
19. Håkansson Lindqvist M., Mozelius P., Jaldemark J., Cleveland Innes M. (2024) Higher Education Transformation towards Lifelong Learning in a Digital Era — A Scoping Literature Review. *International Journal of Lifelong Education*. Vol. 43. No. 1. P. 24—38. <https://doi.org/10.1080/02601370.2023.2279047>.
20. Harteis C., Goller M. (2014) New Skills for New Jobs: Work Agency as a Necessary Condition for Successful Lifelong Learning. In: Halttunen T., Koivisto M., Billett S. (eds) *Promoting, Assessing, Recognizing and Certifying Lifelong Learning*. LLBS. Vol. 20. Dordrecht: Springer Netherlands. P. 37—56. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8694-2_3.
21. Jarvis P. (2014) From Adult Education to Lifelong Learning and Beyond. *Comparative Education*. Vol. 50. No. 1. P. 45—57. <https://doi.org/10.1080/03050068.2013.871832>.
22. Kite M. E., Stockdale G. D., Whitley B. E., Johnson B. T. (2005) Attitudes toward Younger and Older Adults: An Updated Meta-Analytic Review. *Journal of Social Issues*. Vol. 61. No. 2. P. 241—266. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00404.x>.
23. Kizilcec R. F., Schneider E. (2015) Motivation as a Lens to Understand Online Learners: Toward Data-Driven Design with the OLEI Scale. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction (TOCHI)*. Vol. 22. No. 2. Art. 6. <https://doi.org/10.1145/2699735>.
24. Laal M. (2011) Lifelong Learning: What Does It Mean. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 28. P. 470—474. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.11.090>.
25. Lim Z. Y., Yap J. H., Lai J. W., Mokhtar I. A., Yeo D. J., Cheong K. H. (2024) Advancing Lifelong Learning in the Digital Age: A Narrative Review of Singapore's Skills Future Programme. *Social Sciences*. Vol. 13. No. 2. Art. 73. <https://doi.org/10.3390/socsci13020073>.
26. Neumark D., Burn I., Button P. (2017) Age Discrimination and Hiring of Older Workers. FRBSF Economic Letter. URL: <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/el2017-06.pdf> (date of access: 22.12.2025).
27. Philip J. (2017) Older Adults Learning Computer Programming: Motivations, Frustrations, and Design Opportunities. In: *Proceedings of the 2017 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '17)*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 7070—7083.
28. Posthuma R. A., Champion M. A. (2009) Age Stereotypes in the Workplace: Common Stereotypes, Moderators, and Future Research Directions. *Journal of Management*. Vol. 35. No. 1. P. 158—188. <https://doi.org/10.1177/0149206308318617>.

29. Rivas M. J., Baker R. B., Evans B. J. (2020) Do MOOCs Make You More Marketable? An Experimental Analysis of the Value of MOOCs Relative to Traditional Credentials and Experience. *AERA Open*. Vol. 6. No. 4. <https://doi.org/10.1177/2332858420973577>.
30. Spence M. (1973) Job Market Signaling. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 87. No. 3. P. 355—374.
31. Takagi E., Marroquin-Serrano M. S. (2023) Age-Friendly University Principles: Discussion with Older Learners. *Educational Gerontology*. Vol. 50. No. 1. P. 49—61. <https://doi.org/10.1080/03601277.2023.2217642>.
32. Weiss A. (1995) Human Capital vs. Signaling Explanations of Wages. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 9. No. 4. P. 133—154.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2926](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2926)

К. С. Григорьева

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С. Изменения в процессах секьюритизации миграции в контексте российско-украинского конфликта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 199—220. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2926>.

For citation:

Grigoreva K. S. (2025) Changes in the Securitization of Migration in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 199–220. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2926>. (In Russ.)

Получено: 03.03.2025. Принято к публикации: 10.09.2025.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССАХ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Аннотация. В последние три года процесс секьюритизации миграции, начавшийся в России во второй половине 1990-х годов, существенно ускорился. Позиционирование миграции как проблемы безопасности приобрело новые оттенки и смыслы. Если раньше мигрантов обвиняли в нежелании следовать правилам и нормам принимающего общества, повышенной склонности к совершению преступлений общеуголовной и террористической направленности, то после начала вооруженного конфликта с Украиной к этому прибавились подозрения в политической неблагонадежности. В публичных дискурсах начали звучать тезисы о том, что мигранты составляют «пятую колонну». Вместе с тем иностранных граждан и особенно лиц с миграционным бэкграундом впервые в новейшей истории России стали рассматривать как значимый ресурс пополнения армии. Последнее привело к значительной либерализации миграционного законодательства и десекуритизации в отношении иностранцев, заключивших контракты с Минобороны России, а также членов их семей, особенно заметной на фоне стремительного ужесточения правил игры для мигрантов других категорий и «новых граждан». Данная статья посвящена анализу указанных трансформаций. В работе использован новый методологический подход, разработанный на основании синтеза Копенгагенской и Парижской школ теории секьюритизации с использованием кон-

CHANGES IN THE SECURITIZATION OF MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

Kseniya S. GRIGOREVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher*
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. In the last three years, the process of securitization of migration, which began in Russia in the second half of the 1990s, has significantly accelerated. The positioning of migration as a security problem has acquired new shades and meanings. Whereas previously migrants were suspected of an increased propensity to commit crimes of general criminal and terrorist orientation, after the outbreak of the armed conflict with Ukraine, suspicions of political unreliability were added. The thesis that migrants constitute a “fifth column” began to be heard in public discourse. At the same time, for the first time in Russia’s modern history, foreign citizens and, especially, persons with a migration background began to be seen as a significant resource for replenishing the army. The latter led to a significant liberalization of migration legislation regarding foreigners contracted by the Russian Ministry of Defense, especially noticeable against the background of a rapid tightening of the rules of the game for migrants of other categories and “new citizens”. This article is devoted to analyzing these transformations. The paper uses a new methodological approach developed based on the synthesis of the Copenhagen and Paris schools of securitization theory using P. Bourdieu’s concept of symbolic power, which allows us to study securitizing discourses and practices in their organic relationship. Based on the study of first-order performatives (legal acts), as well as discourses and practices associated with their creation, promotion, and execution, new, previously un-

цепции П. Бурдые о символической власти, который позволяет исследовать секьюритизирующие дискурсы и практики в их органической взаимосвязи. На основании изучения перформативов первого порядка (нормативно-правовых актов), а также дискурсов и практик, связанных с их созданием, продвижением и исполнением, проанализированы новые, ранее не исследованные, направления секьюритизации миграции в России.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, перформативные дискурсы, секьюритизирующие практики, секьюритизация миграции, лица с миграционным фоном

explored directions of migration securitization in Russia are analyzed.

Keywords: armed conflict, performative discourses, securitization practices, securitization of migration, people with a migration background

Восприятие миграции как угрозы не новое явление. На Западе оно распространилось значительно раньше, чем в России¹, и было обусловлено кризисом государства всеобщего благосостояния, ослаблением ощущаемой опасности со стороны СССР, оседанием мигрантов в принимающих странах, повышением их «видимости» для местного населения [Huysmans, 2000; Rudolph, 2003].

После краха биполярного мира концепция безопасности была расширена: в перечень основных угроз вошли экономические, экологические и социальные риски. Миграция довольно быстро была признана ключевой угрозой в социальном секторе. Предполагалось, что миграционные процессы ведут к размыванию коллективных идентичностей принимающих обществ и замещению местного населения пришлым [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 121], а после 11 сентября 2001 г. к этому прибавилось представление о миграции как об источнике террористической угрозы [Rudolph, 2003; Karyotis, 2007].

Перечисленные опасения были восприняты и в России, где за два десятилетия после распада Советского Союза сложился устойчивый комплекс негативных представлений о миграции. Общим местом в публичных дискурсах стали обвинения мигрантов в несоблюдении норм и традиций принимающего общества, недобросовестной конкуренции, некачественном выполнении работ и услуг, повышенной склонности к совершению правонарушений, участию в террористической деятельности. Фенотипически избирательные полицейские облавы и проверки документов превратились в рутинный непроблематизируемый спектакль, который местные жители могли регулярно наблюдать вблизи транспортных узлов, мест проживания и работы представителей «видимых меньшинств», предположительно имевших статус мигрантов.

¹ К. Рудольф датирует начало этого процесса в Великобритании рубежом 1950—1960-х годов, а в Германии и Франции — концом 1960-х годов [Rudolph, 2003]. Согласно более распространенной точке зрения, политизация миграции началась в Европе в 1970-х годах [Huysmans, 2000; Karyotis, 2007].

Начало российско-украинского вооруженного конфликта повлекло за собой значимые изменения в устоявшемся конгломерате дискурсов и практик в отношении иностранцев и лиц с миграционным бэкграундом, которые пока остаются неизученными отечественными специалистами в области миграции. Настоящая статья — первый шаг к заполнению данной лакуны.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретико-методологической основой работы служит теория секьюритизации. В классической трактовке Копенгагенской школы (основоположники — Барри Бьюзен, Оле Вейвер и Яап де Вайльд [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998]) секьюритизация рассматривается как перформативный речевой акт², нацеленный на выведение того или иного вопроса, связанного с безопасностью, за рамки «нормальной политики»³. Неважно при этом, реальна ли декларируемая опасность. Секьюритизация способна превратить любую проблему в экзистенциальную угрозу.

Сама безопасность в рамках теории секьюритизации понимается как рискованная самореферентная практика, «стабилизирующая конфликтные или угрожающие отношения, часто через чрезвычайную мобилизацию государства» [ibid.: 4].

Ключевыми концептами классического варианта теории секьюритизации являются:

- «референтный объект» — то, что необходимо защитить от опасности;
- «секьюритизирующий субъект» — актор, отстаивающий идею об экзистенциальной угрозе референтному объекту;
- «аудитория» — тот или те, кого необходимо убедить в существовании угрозы, чтобы секьюритизация состоялась⁴.

Представители Копенгагенской школы полагают, что изучать секьюритизацию нужно посредством анализа дискурсов и политических констелляций. При этом выявление секьюритизирующих речевых актов производится через анализ риторической структуры высказываний. Для секьюритизирующего дискурса, согласно сторонникам копенгагенского подхода, характерно декларирование высокой срочности, необходимости действовать, а не рассуждать, во избежание непоправимых последствий. Ключевым исследовательским вопросом представители Копенгагенской школы считают вопрос о том, когда дискурс с упомянутой риторической структурой достигнет достаточного эффекта, чтобы заставить аудиторию мириться с нарушением правил, которые прежде соблюдались [Buzan et al., 1998: 25].

Несмотря на то что теория секьюритизации быстро завоевала популярность и стала доминирующим направлением исследований в области безопасности, с момента своего появления она подвергалась активному критическому переосмыслению. Можно выделить по крайней мере два направления, в которых развивались дебаты: 1) споры об основном объекте изучения (секьюритизирующие

² То есть речевой акт, равный действию.

³ Под «нормальной политикой» в теории секьюритизации понимается соблюдение обычных правил политической игры, нарушение которых может быть вызвано только чрезвычайной ситуацией [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 24].

⁴ Wæver O. Securitisation: Taking stock of a research programme in Security Studies. Unpublished manuscript. *DOCPLAYER*. 2003. P. 11—12. URL: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (дата обращения: 08.06.2021).

дискурсы или практики); 2) дискуссии о перформативности и интересубъективности секьюритизирующего речевого акта.

На сегодняшний день основную конкуренцию Копенгагенской школе составляет Парижская школа (основатель Дидье Биго). Хотя ее сторонники разделяют основополагающую идею копенгагенцев о том, что безопасность является негативным ярлыком, использование которого зачастую ведет к избыточному применению силы и нарушению конвенциональных политических правил [Bigo, McCluskey, 2018], они полагают, что изучать следует прежде всего секьюритизирующие практики, а не дискурсы. Представители Парижской школы убеждены: главными секьюритизирующими субъектами выступают не политики (как полагают сторонники копенгагенского подхода), а так называемые профессионалы безопасности (сотрудники полиции, вооруженных сил, таможи, пограничной службы, разведывательных структур, частных компаний, специализирующихся на вопросах безопасности).

Попытки разработать синтетический подход к исследованию секьюритизации, который позволил бы одновременно анализировать и дискурсы, и практики [Bourbeau, 2014; Trombetta, 2014]), пока не дал значимых результатов. Проблема, по-видимому, заключается в устоявшихся подходах к исследованию указанных объектов: если под дискурсами принято понимать публичные заявления политиков, то в качестве практик, как правило, рассматривается рутинная деятельность силовых структур. В итоге дискурсы и практики почти не имеют точек соприкосновения, поскольку осуществляются разными акторами в разных социальных полях и следуют разным логикам (которые Фредерик Бурбо удачно охарактеризовал как «логику исключения» и «логику рутины» [Bourbeau, 2014]).

Другим предметом теоретической дискуссии является тезис Оле Вейвера о перформативности секьюритизирующих дискурсов. Позаимствованный из теории Джона Остина [Austin, 1962], этот тезис предполагает, что секьюритизирующий речевой акт не описывает проблему безопасности, а создает ее⁵. Данное утверждение позволило критикам заявить, что копенгагенский подход придает секьюритизирующим дискурсам «магическую эффективность» [Balzacq, 2005: 177], что вступает в противоречие с указанием на важность реакции аудитории, то есть интересубъективным характером секьюритизации, и приводит к игнорированию социально-политического контекста, в котором она происходит [Balzacq, 2005; Stritzel, 2007; McDonald, 2008; Roe, 2008; Côté, 2016].

На наш взгляд, большую часть перечисленных противоречий можно разрешить, используя концепцию Пьера Бурдьё о символической власти [Bourdieu, 1991]. Созданная в полемике с представителями постмодернистской и постструктуралистской лингвистической парадигмы, она вносит несколько важных корректив в понятие перформатива.

Указывая на чрезмерное внимание к грамматической структуре перформативных высказываний, П. Бурдьё подчеркивает, что успешность попытки преобразовать мир при помощи слов лишь в очень незначительной степени зависит от пра-

⁵ Wæver O. Securitisation: Taking stock of a research programme in Security Studies. Unpublished manuscript. *DOCPLAYER*. 2003. P. 11—12. URL: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (дата обращения: 08.06.2021).

вильности построения предложений. Гораздо большее значение имеет то, какую позицию в социальном поле занимает говорящий. Социальная магия перформатива зиждется не на соблюдении грамматической конструкции или особой риторической структуры, а на обладании символическим капиталом. Последний распределен в обществе неравномерно. Его наивысшая концентрация наблюдается в поле политики, где сравнительно небольшая группа профессионалов имеет доступ к инструментам политического производства, недоступным для всех остальных. Вместе с тем возможности профессионалов политики ограничены текущим состоянием политической игры и являются продуктом истории политического поля. Таким образом, перформатив, с одной стороны, действительно имеет магическую эффективность и способен преобразовывать реальность (в том числе создавать проблемы безопасности при помощи слов), а с другой стороны, не автономен от социальных отношений (то есть интерсубъективен и зависит от текущего социально-политического контекста).

Концепция П. Бурдьё позволяет также преодолеть разрыв между секьюритизирующими дискурсами и практиками. В работе «Язык и символическая власть» отмечается, что предельным случаем перформативного высказывания является правовой акт [ibid.: 75]. Будучи принят уполномоченным лицом, такой акт устанавливает новый принцип законного видения, тем самым преобразуя социальный мир. Переместив фокус внимания с исследования выступлений политиков в СМИ и рутинной деятельности профессионалов безопасности на (де)секьюритизирующие нормативно-правовые акты, а также дискурсы и практики, связанные с их созданием и продвижением, можно устранить искусственно установленную границу между изучением речевых актов и практик, анализируя их в органической взаимосвязи.

Таким образом, не претендуя на радикальное переосмысление теории секьюритизации, в данном исследовании мы изменим традиционную оптику рассмотрения секьюритизирующих процессов, чтобы сосредоточиться на нормативно-правовых актах (будем называть их перформативами первого порядка) и связанных с ними дискурсах и практиках. Мы также откажемся от детального анализа риторической структуры секьюритизирующих высказываний, разделяя тезис П. Бурдьё о том, что ключевое значение имеет не внутренняя лингвистическая логика речевого акта, а стоящая за ним символическая власть.

В качестве основных акторов (де)секьюритизации мы будем рассматривать тех, кто социально уполномочен инициировать, создавать и воплощать секьюритизирующие перформативы первого порядка: президента РФ, депутатов Государственной Думы РФ, профессионалов безопасности и бюрократического поля.

В качестве эмпирической базы исследования выступают:

— Законопроекты, законы и указы в области регулирования миграции, принятые в связи с вооруженным конфликтом с Украиной. Поиск релевантных НПА осуществлялся в БД «Гарант» и на портале «Система обеспечения законодательной деятельности» (<https://sozd.duma.gov.ru>). Всего обнаружено три федеральных закона, шесть президентских указов и два законопроекта.

— (Де)секьюритизирующие дискурсы о мигрантах в телеграм-каналах депутатов Государственной Думы из числа авторов указанных законопроектов и законов.

Произведен анализ телеграм-каналов М. Н. Матвеева (t.me/matveevkomment), А. К. Лугового (t.me/lugoboyandrey), С. М. Миронова (t.me/mironovonline), В. В. Володина (t.me/vv_volodin), А. М. Бабакова (t.me/kursRF), В. А. Даванкова (t.me/davankov), Д. Ф. Вяткина (t.me/VyatkinDF), А. Е. Хинштейна (t.me/Hinshtein), А. В. Картаполова (t.me/pravda_oborona), В. И. Пискарева (t.me/vasilii_piskarev), Г. А. Зюганова (t.me/zyuganov) и Л. Э. Слуцкого (t.me/slutsky_l). Поиск постов осуществлялся по ключевому слову «мигранты», всего проанализировано 73 поста.

— Дискурсы профессионалов безопасности — инициаторов секьюритизирующих практик в отношении мигрантов и «новых граждан»⁶ (проанализированы телеграм-каналы руководителя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина (t.me/bastrykin) и председателя Национального антикоррупционного комитета РФ К. В. Кабанова (t.me/kabanovkv). Отбор постов также производился по ключевому слову «мигранты», исследовано 79 постов. Дополнительно были проанализированы некоторые заявления указанных спикеров в СМИ (всего 11 заявлений).

— Отчеты и методические материалы, размещенные на сайтах органов государственной власти, сообщения официальных лиц в СМИ о проведении разнообразной работы с иностранными гражданами и лицами с миграционным бэкграундом в контексте российско-украинского конфликта: пять памяток / информационных материалов для иностранных граждан о возможности заключения контракта на прохождение военной службы в ВС РФ; семь буклетов на родных языках мигрантов из среднеазиатских государств; три агитационных ролика на таджикском, кыргызском и узбекском языках; девять сообщений в СМИ о работе, проводимой с иностранцами в Волгограде, Сургуте, Киреевском районе Тульской области, Санкт-Петербурге, Москве и Республике Дагестан; два постановления об утверждении плана и графика отбора граждан на военную службу по контракту в Ударненском городском поселении Прикубанского района КЧР и в Чибилинском сельском поселении Улаганского района Республики Алтай;

— Сообщения и отчеты об облавах на «новых граждан» и лишении приобретенного гражданства на основании непостановки на воинский учет. Поиск указанных сообщений и отчетов производился на региональных сайтах МВД РФ по ключевым словам «воинский учет», «военкомат», «военный комиссариат», исследовано 305 сообщений.

Секьюритизация миграции в России

Несмотря на то что теория секьюритизации активно используется в зарубежных исследованиях миграции, российские ученые применяют эту теоретическую рамку в своих работах относительно редко. Поиск в электронной научной библиотеке ELIBRARY.ru по словосочетанию «секьюритизация миграции» в названиях, ключевых словах и аннотациях публикаций дает лишь 56 релевантных работ. При этом 37 из них посвящены вопросам секьюритизации миграции в зарубежных государствах (чаще всего странах ЕС и США), тогда как российский кейс анализируется только в 13 работах⁷, в шести из которых понятие «секьюритизация»

⁶ «Новые граждане» — лица с приобретенным российским гражданством.

⁷ Еще шесть публикаций имеют обзорный или теоретический характер.

тракуется некорректно. Авторы последних публикаций полагают, что секьюритизация подразумевает выявление объективной угрозы, исходящей от миграции и мигрантов, и необходимость выработки срочных мер борьбы с ней (см., к примеру, [Питухина, 2014; Смирнов, 2015; Фролов, 2016; Аршин, 2019]). Для этих же авторов характерна согласованная позиция по вопросу о том, когда в России начался процесс секьюритизации миграции: они связывают его с президентским Указом от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» и посланием Президента РФ Федеральному Собранию 2013 г. [Смирнов, 2015: 146; Фролов, 2016: 29; Аршин, 2019: 41; Питухина, 2014: 278]. На наш взгляд, это положение ошибочно: секьюритизация миграции в России началась десятилетием раньше.

По мнению исследователей российской миграционной политики, миграционный режим России благоприятствовал переселенцам лишь в первые постсоветские годы, когда в миграционных потоках преобладали вынужденные русскоязычные мигранты, отношение к которым было благожелательным [Мукомель, 2005; Light, 2017; Chudinovskikh, Kharaeva, 2020]. Однако уже с середины 1990-х годов, после того как массовая вынужденная миграция сменилась трудовой, среди приезжих выросла доля «видимых меньшинств» и началась русско-чеченская война, ситуация изменилась — игроки политического и бюрократического поля, а также представители силовых структур стали связывать миграцию (как внутреннюю, так и внешнюю) с угрозами безопасности.

Данная тенденция усилилась в связи с терактом 11 сентября 2001 г. Непродолжительное время спустя либеральный проект Концепции государственной миграционной политики РФ, провозглашавший своей целью «реализацию интеллектуального и трудового потенциала мигрантов» [Мукомель, 2005: 33], был отклонен. Его сменила Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, декларировавшая связь миграции с ухудшением криминогенной обстановки и террористической угрозой⁸. Секьюритизирующие дискурсы и практики, производимые политиками, чиновниками и профессионалами безопасности, нацеленные на мигрантов, имели отчетливый этнонациональный оттенок: хотя федеральные нормативно-правовые акты умалчивали о происхождении «опасных» иностранцев, на региональном уровне и на уровне практических мер (полицейских облав, проверок документов, профилактических бесед и др.) была очевидна нацеленность на уроженцев стран Средней Азии и Закавказья [Григорьева, 2019].

В 2002 г. Федеральная миграционная служба (ФМС), первоначально находившаяся в подчинении Министерства труда и занятости РФ, была переведена в ведение Министерства внутренних дел России, что обозначило решительный поворот к позиционированию миграции как угрозы безопасности.

Представления о том, что миграция повышает уровень преступности и несет в себе террористические риски, с начала 2000-х годов дополнились рассмотрением ее в качестве социокультурной угрозы. Так, в 2005 г. среди основных угроз национальной безопасности россияне называли опасность заселения страны

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-п «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-01032003-n-256-r/> (дата обращения: 02.03.2025).

инокультурным населением⁹, причем в 2013 г. эта угроза вышла на первое место в рейтинге главных страхов российских респондентов¹⁰. Широко распространилось мнение, согласно которому мигранты являются источником преступности и коррупции, нежелательной конкуренции на рынке труда¹¹. Несомненно, значимый вклад в формирование данных представлений внесли широко распространенные секьюритизирующие дискурсы и практики в отношении мигрантов, принадлежащих к «видимым меньшинствам» [Милиция и этнические мигранты..., 2011; Григорьева, 2017].

В миграционной политике в это время продолжал преобладать полицейский подход¹², логичным результатом которого стало упразднение ФМС России в 2016 г. с последующей передачей ее функций в МВД РФ.

Стимулом к новому витку секьюритизации миграции послужил теракт в петербургском метро 2017 г. Уже через неделю после него директор ФСБ России заявил, что основной костяк террористических групп в стране составляют мигранты из стран СНГ¹³. В Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 гг., утвержденном в декабре 2018 г., иностранные граждане, прибывшие с целью работы и обучения «из стран с повышенной террористической активностью»¹⁴, были отнесены к лицам, подверженным идеологии терроризма, а также подпавшим под ее влияние¹⁵.

Начавшийся в 2022 г. вооруженный конфликт с Украиной резко интенсифицировал озабоченность вопросами национальной безопасности. Подозрения в отношении иностранцев и «новых граждан» укрепились и приобрели новые коннотации, а процесс секьюритизации миграции, и без того постоянно усиливавшийся, совершил впечатляющий скачок.

Перформативные дискурсы в контексте вооруженного конфликта с Украиной

Уже в сентябре 2022 г., когда вооруженные силы РФ стали испытывать кадровый голод и было принято решение о проведении частичной мобилизации, иностранцы начали рассматриваться в качестве потенциального ресурса пополнения Российской армии. Так, 19 сентября 2022 г. депутаты Государственной Думы¹⁶ предложили неожиданную поправку к законопроекту № 1188754-7, посвященно-

⁹ Чего боятся наши соотечественники // ВЦИОМ. 2005. 16 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chego-boyatsya-nashi-sootchestvenniki> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁰ Рейтинг национальных угроз-2013 // ВЦИОМ. 2013. 22 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rejting-nacziionalnykh-ugroz-2013> (дата обращения: 02.03.2025).

¹¹ Иммиграция в Россию: благо или вред для страны? // ВЦИОМ. 2013. 1 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred-dlya-strany> (дата обращения: 02.03.2025).

¹² Malakhov V., Simon M. The Political Economy of Russian Migration Politics. Preprints. 2016. URL: <https://www.preprints.org/manuscript/201609.0058/v1/download> (дата обращения: 02.03.2025).

¹³ Бортников рассказал о составе террористических групп на территории России // РИА Новости. 2017. 11 апреля. URL: <https://ria.ru/20170411/1491977017.html> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁴ В большинстве документов, где указанные страны перечислялись, речь шла о среднеазиатских государствах.

¹⁵ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 гг. Утвержден Президентом РФ 28 декабря 2018 г. № Пр-2665. 2018. С. 2. URL: <https://docs.cntd.ru/document/727380376> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁶ Д. Ф. Вяткин, В. И. Пискарев, А. В. Картаполов, Л. Э. Слуцкий, Э. А. Валеев, О. А. Нилов, В. А. Даванков и Н. В. Коломейцев.

му пожарной безопасности. Согласно данной поправке, иностранные граждане, заключившие контракт с ВС РФ, другими войсками или воинскими формированиями России на срок не менее одного года, имеют право обратиться с заявлениями о приеме в российское гражданство в упрощенном порядке. Поправка была одобрена, а закон принят и опубликован 24 сентября 2022 г.

Неделю спустя последовал Указ Президента РФ сходного содержания под № 690 «О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан, заключивших контракты о прохождении военной службы, и членов их семей»¹⁷.

На фоне последовательного ужесточения миграционной политики, происходившего с 2020 г., когда, согласно поручениям президента, стали разрабатываться меры по экспоненциальному повышению контроля над мигрантами (создание цифрового профиля иностранного гражданина, введение режима контролируемого пребывания и др.), перечисленные перформативы имели либерализующий и десекуритизирующий эффект в отношении вышеупомянутой категории иностранцев — тех, кто заключил контракт на прохождение военной службы.

Одновременно с этим в публичном поле зазвучали предложения об обязательном привлечении к прохождению срочной службы в России лиц с миграционным бэкграундом и о лишении гражданства «новых россиян», а также членов их семей, в случае непостановки на воинский учет и уклонения от несения воинской обязанности.

Первыми с указанной инициативой выступили профессионалы безопасности: 22 сентября 2022 г. вышеупомянутые предложения были озвучены председателем Национального антикоррупционного комитета РФ и членом Совета по правам человека Кириллом Кабановым¹⁸, а 13 января 2023 г. сходное предложение прозвучало от главы Следственного комитета России Александра Бастрыкина, заявившего о целесообразности привлечения на фронт лиц с приобретенным российским гражданством в приоритетном порядке¹⁹. Оба спикера при этом продвигали аргумент о том, что натурализованные иностранцы, особенно уроженцы Средней Азии и Закавказья, в большинстве своем являются уклонистами. В частности, по словам К. Кабанова, «Новые граждане России, выходцы из стран Центральной Азии и Закавказья, массово не встают на воинский учет и тем самым уклоняются от исполнения воинской обязанности. Фактически плюют на нашу страну и наши законы, включая Основной»²⁰.

Лишение приобретенного гражданства за административное правонарушение, причем не только самого нарушителя, но и членов его семьи, как и приоритетная отправка на фронт на основании факта натурализации, очевидно, выходят за рам-

¹⁷ Впоследствии данный указ неоднократно дополнялся: 15 мая 2023 г. был издан Указ Президента РФ № 350 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 690 „О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы“», а 4 января 2024 г. последовал новый президентский указ № 10 «О приеме в гражданство Российской Федерации иностранных граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации или воинских формированиях, и членов их семей».

¹⁸ Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/923> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁹ Козлова Н. Александр Бастрыкин в интервью «РГ» — о раскрытии краж военного снаряжения, призыве в армию новых граждан РФ и полной конфискации имущества коррупционеров // Российская газета. 2023. 13 января. № 8951. URL: <https://rg.ru/2023/01/13/vot-takie-dela.html> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁰ Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1702> (дата обращения: 02.03.2025).

ки «нормальной политики». Экспрессивность высказываний, ссылки на военное время, подразумевающие экзистенциальную угрозу российской государственности, соответствуют классической риторической форме секьюритизирующего речевого акта. Формулировки, к которым прибегают секьюритизирующие субъекты: «готовим предложения» (К. Кабанов), «целесообразно рассмотреть вопрос» (А. Бастрыкин), — указывают на то, что основной аудиторией, к которой обращены упомянутые секьюритизирующие дискурсы, выступают игроки политического поля, уполномоченные создавать нормативные акты (перформативы первого порядка). Вместе с тем тот факт, что секьюритизирующие заявления были сделаны на площадках, обладающих высоким уровнем публичности (СМИ, телеграм-канал), свидетельствует также о стремлении получить широкую общественную поддержку.

Содержательно аргумент об уклонизме лиц с приобретенным гражданством обладал высоким уровнем новизны и имел сильную связь с текущим политическим контекстом, что привлекло к нему значительное внимание. В начале мая 2023 г. он был подхвачен первым игроком политического поля — депутатом Государственной Думы от КПРФ Михаилом Матвеевым, разместившим в своем телеграм-канале пост, начинавшийся с вопроса: «Где у нас таджикские батальоны?» Подчеркивая необходимость постановки на воинский учет «новых граждан» и их более активной мобилизации, М. Матвеев постулировал, что властям следует коренным образом изменить подходы к миграционной и демографической проблеме, сломать «паразитирующую психологию» лиц с миграционным бэкграундом, иначе «мы скоро можем получить в нашем тылу настоящую пятую колонну, враждебную российской государственности»²¹. Ранее со сходными заявлениями выступали упоминавшиеся выше К. Кабанов²² и А. Бастрыкин²³.

Как и в случае с уже рассмотренными секьюритизирующими высказываниями, пост М. Матвеева содержал все классические признаки секьюритизирующего речевого акта: декларировал наличие экзистенциальной угрозы референтному объекту (российской государственности), постулировал необходимость срочно действовать, а не рассуждать (иначе будет поздно), требовал изменения действующих норм.

При этом, будучи парламентарием, М. Матвеев обладал достаточным объемом символического капитала для создания соответствующего законопроекта. 28 августа 2023 г. он внес в Государственную Думу проект закона, согласно которому непостановка на воинский учет должна была стать основанием для лишения гражданства натурализованного иностранца с последующим выдворением в страну происхождения.

Чтобы данный секьюритизирующий шаг оказался успешен, необходимо было получить поддержку нескольких аудиторий: парламента, правительства, профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации. Однако на данном этапе развития секьюритизирующего дискурса этого не произошло: законопроект получил отрицательные отзывы всех перечисленных акторов и в итоге был откло-

²¹ Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/4842> (дата обращения: 02.03.2025).

²² Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1255> (дата обращения: 02.03.2025).

²³ См., например: Иванова О. Бастрыкин упомянул жалобы об атакующих российские тылы мигрантах // Взгляд. 2023. 11 мая. URL: <https://vz.ru/news/2023/5/11/1211484.html> (дата обращения: 02.03.2025).

нен. Тем не менее дискуссия об уклонизме и политической неблагонадежности «новых граждан» и мигрантов продолжала развиваться в СМИ и телеграм-каналах.

Вскоре в перечень ключевых сюжетов, обсуждаемых секьюритизирующими субъектами, вошли геополитические вопросы, что еще определеннее указывало на смещение акцентов с социального сектора (где референтным объектом является коллективная идентичность) в более классический военный сектор (где в качестве референтного объекта выступает государство) (см. [Buzan et al. 1998: 49]). В частности, много внимания уделялось встречам глав среднеазиатских республик с лидерами других иностранных государств, трактованным как проявление враждебности по отношению к России²⁴. Неоднократно высказывались опасения о том, что мигрантов и лиц с миграционным бэкграундом используют в антироссийских целях американские и английские спецслужбы, Украина, Азербайджан²⁵, Турция²⁶ и другие геополитические игроки.

В апреле 2024 г. к уже упоминавшимся спикерам присоединился еще один актер политического поля — депутат Государственной Думы, руководитель фракции «Справедливая Россия» Сергей Миронов. В посте под названием «Настало время разобраться в том, как Великобритания вмешивается в миграционные процессы у нас!» он утверждал, что «миграция стала настоящей миной замедленного действия под фундаментом [российской] государственности». Чтобы устранить эту угрозу депутат требовал «отменить безвизовый режим, пересмотреть патентную систему, заморозить массовую паспортизацию»²⁷. Иначе говоря, как и в случае с рассмотренными ранее секьюритизирующими речевыми актами, в посте депутата можно обнаружить все элементы классической риторической структуры секьюритизирующего дискурса: постулирование экзистенциальной угрозы референтному объекту (в качестве которого вновь выступает российская государственность) и срочная необходимость экстраординарных мер.

Наконец, в декабре 2024 г. ряды субъектов секьюритизации пополнил депутат третьей парламентской фракции — ЛДПР, первый заместитель председателя комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Андрей Луговой, который заявил, что «западные спецслужбы используют миграцию для решения задачи по дестабилизации России». По словам депутата, МИ-6 и ЦРУ разработали программу «Стратегия деколонизации России», «одной из задач которой является провокация национальных конфликтов, вплоть до восстания мигрантов». Под воздействием агентов влияния мигрантские сообщества должны были «выстрелить» и стать угрозой национальной безопасности России. Для предотвращения подобного развития событий необходимо «запустить национальный проект по сбору данных о фактах проявления русофобии и правонарушений со стороны мигрантов», чтобы затем, на основании анализа этих данных, «выработать продуктивные решения на высшем уровне»²⁸.

²⁴ Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/4848> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁵ См., например, Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/5354%20> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁶ См., например, Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1819> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁷ Сергей Миронов // Telegram. URL: <https://t.me/mironovonline/9831> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁸ Андрей Луговой // Telegram. URL: <https://t.me/lugovoyandrey/3705> (дата обращения: 02.03.2025).

Таким образом, к концу 2024 г. обновленный секьюритизирующий дискурс о миграции и мигрантах как об угрозе государственной безопасности, поддержали представители большинства парламентских партий: КПРФ, СР и ЛДПР. И хотя более традиционные обвинения в неуважении норм и традиций принимающего общества, склонности к правонарушениям, создании повышенной нагрузки на бюджет за счет претензий на выплаты и льготы, предназначенные местным жителям, повышении конкуренции на рынке труда, удешевлении труда за счет готовности работать за сниженную заработную плату по-прежнему продолжают воспроизводиться, в том числе перечисленными спикерами, позиционирование мигрантов в качестве «угрозы российской государственности» благодаря своей новизне и актуальности находится в авангарде секьюритизирующих дискурсов о миграции.

В конце июля 2024 г. в Государственную Думу был внесен очередной законопроект о лишении гражданства лиц с миграционным бэкграундом за непостановку на воинский учет. На этот раз в качестве секьюритизирующих субъектов выступила большая группа депутатов, включая уже упоминавшихся авторов обновленных секьюритизирующих дискурсов М. Матвеева, С. Миронова и А. Лугового. В отличие от законопроекта, предложенного годом ранее, данная законодательная инициатива получила положительные отзывы от профильных комитетов Государственной Думы, правового управления Аппарата Совета Федерации, комитетов Совфеда по обороне и безопасности, международных делам, конституционному законодательству и государственному строительству. В итоге закон был принят уже 8 августа того же года, что обозначило успех нового направления секьюритизации миграции: секьюритизирующим субъектам удалось убедить аудиторию в весомости своих аргументов и добиться принятия мер, выходящих за рамки нормальной политики, в отношении «новых граждан»²⁹.

Интересно при этом, что те же игроки политического поля, которые выступали субъектами секьюритизации, предприняли целенаправленные шаги по десекуритизации мигрантов, проявивших готовность заключить контракт на военную службу и отправиться в зону вооруженного конфликта. Так, М. Матвеев уже в первых постах об уклонении «новых граждан» от военной службы заявлял: есть «примеры тех ребят из Средней Азии, которые сейчас на фронте <...> честь им и хвала»³⁰. В декабре 2024 г. совместно с С. Обуховым³¹ он представил законопроект № 795722-8, предусматривающий запрет на депортацию «иностранцев граждан и лиц без гражданства, которые являются, либо являлись участниками специальной военной операции, и членов их семей»³². Пояснительная записка объясняла проектируемую новацию тем, что в случае депортации таким иностранным гражданам может грозить уголовное преследование на родине.

²⁹ Хотя возможность прекращения приобретенного гражданства уже была предусмотрена действующим законодательством, административное правонарушение (непостановка на воинский учет) впервые вошло в число возможных оснований для применения такой меры.

³⁰ Михаил Матвеев // Telegram. URL: <https://t.me/matveevkomment/4842> (дата обращения: 02.03.2025).

³¹ Депутат Государственной Думы, представитель партии КПРФ.

³² Законопроект № 795722-8 О внесении изменений в статьи 9—1 и 31 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части запрета применения режима высылки и депортации в отношении иностранных граждан-соотечественников и участников специальной военной операции). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795722-8> (дата обращения: 02.03.2025).

Десекуритизирующие заявления делал и другой политик, внесший вклад в более широкий процесс секьюритизации миграции, Александр Хинштейн, утверждавший, в частности: «Никто из иностранцев-ветеранов СВО не будет депортирован из России», «Своих не бросаем — это не просто слова!»³³

Таким образом, наряду с секьюритизирующим дискурсом, таргетирующим иностранцев и натурализованных граждан как культурно чуждых, потенциально политически нелояльных и опасных, существует более локальный и менее заметный³⁴ десекуритизирующий дискурс, который выводит иностранных граждан, заключивших контракт на военную службу, за границы широкой группы «мигрантов», причисляя их к «своим».

Хотя законопроект о запрете депортации иностранцев, поступивших на службу по контракту, еще находится на рассмотрении, 30 декабря 2024 г. был выпущен Указ Президента РФ № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки», предусматривающий в том числе запрет на депортацию и реадмиссию иностранцев, заключивших контракты о прохождении военной службы в ВС РФ или иных воинских формированиях.

Подводя итог, можно заключить, что (де)секьюритизирующие дискурсы и перформативные высказывания первого порядка³⁵ разделяют мигрантов и лиц с миграционным бэкграундом на две категории по критерию (не)желания принимать участие в вооруженном конфликте с Украиной. «Новые граждане» и иностранцы, готовые участвовать в конфликте, маркируются как желательные и «свои». Для таких иностранцев и членов их семей вводятся упрощенные правила получения российского гражданства, устанавливается защита от депортации и реадмиссии. Напротив, лица с миграционным бэкграундом и иностранные граждане, не желающие участвовать в российско-украинском конфликте, таргетируются как нелояльные, подрывающие национальную безопасность страны и составляющие потенциальную «пятую колонну». Для иностранцев, принадлежащих к этой категории, миграционный режим ужесточается³⁶, а для «новых граждан» вводится дополнительное основание лишения российского гражданства — непостановка на воинский учет — с последующей высылкой в страну происхождения.

Можно также констатировать, что с началом российско-украинского вооруженного конфликта наблюдается перенос акцента с озабоченности рисками, предположительно создаваемыми миграционными процессами в социальном секторе, на угрозы, которые миграция гипотетически приносит в военный сектор, где объектом секьюритизации является государство.

³³ Александр Хинштейн // VK. URL: https://vk.com/wall709507615_120251 (дата обращения: 02.03.2025).

³⁴ Десекуритизирующие речевые акты были обнаружены в четырех из 73 исследованных постов, принадлежащих профессионалам политики.

³⁵ В данном случае указы, законы и законопроекты.

³⁶ Курс на ужесточение миграционной политики выразился, в частности, в принятии Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были установлены нормы о режиме высылки мигрантов и сокращены максимальные сроки временного пребывания иностранцев в России без визы.

Новые практики в отношении мигрантов и российско-украинский конфликт

С началом вооруженного конфликта с Украиной в отношении мигрантов возникли не только новые перформативные дискурсы, но и связанные с ними практики. За нормативно-правовыми актами об упрощенном получении гражданства для иностранцев, заключивших контракты на прохождение военной службы, и членов их семей последовали практики трех видов: 1) размещение информации о преимуществах, которые дает иностранным гражданам служба в ВС РФ или иных российских воинских формированиях, на сайтах органов государственной власти (прежде всего, на официальных порталах ГУ МВД России и сайтах муниципалитетов); 2) создание рекламных буклетов и видеороликов на родных языках выходцев из стран СНГ (чаще всего на таджикском, узбекском, киргизском и казахском³⁷); 3) проведение разъяснительной и агитационной работы среди иностранных граждан через представителей национально-культурных объединений, работодателей, а также в ходе специально организованных встреч с участием органов местного самоуправления, полиции и военкоматов.

Подобные практики осуществляются в Москве³⁸, Санкт-Петербурге³⁹, Магадане⁴⁰, Надыме⁴¹, Сургуте⁴², Республике Саха (Якутия)⁴³, Красноярском крае⁴⁴, Владимирской⁴⁵, Тульской⁴⁶ и Костромской областях⁴⁷, Республике Дагестан⁴⁸. Вероятно, данные практики распространены гораздо шире, однако информацию о них не всегда можно обнаружить в открытых источниках. Условия, предлагаемые контрактникам-иностранцам (размер выплат, перечень льгот), идентичны тем, кото-

³⁷ См., например, Служи по контракту в Вооруженных силах (буклет) // Дом дружбы народов Красноярского края «Родина». URL: <https://www.ddn24.ru/about/inostran/kontract/sluzibuklet> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁸ Более 70 общин и диаспор помогли с информированием о контрактной службе иностранцев в Москве // News. 2023. 20 декабря. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/303772575> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁹ Кудин Н. В Петербурге хотят набирать иностранцев-контрактников через диаспоры и крупный бизнес // Фонтанка.ру. 2023. 4 апреля. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/04/04/72192212/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁰ В Магадане полицейские провели встречу с иностранными гражданами и работодателями // УМВД по Магаданской области. 2023. 20 ноября. URL: <https://49.mvd.pf/news/item/44125304> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴¹ Сотрудники отдела миграции и военкомата Надыма разъяснили иностранным гражданам нормы российского законодательства // УМВД России по ЯНАО. 2024. 4 февраля. URL: <https://89.mvd.pf/news/item/47273550> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴² Рудион В. Как иностранцев привлекают на службу в российской армии // Сургутская трибуна. 2023. 23 апреля. URL: https://sribuna.ru/articles/society/kak_inostrantsev_privlekayut_na_sluzhbu_v_rossiyskoy_armii/ (дата обращения: 02.03.2025).

⁴³ В Якутии полицейские организовали встречу с руководителями национальных диаспор // МВД по РС(Я). 2024. 23 января. URL: <https://14.mvd.pf/news/item/60342592> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁴ Информация от УВМ ГУ МВД России по Красноярскому краю // ГУ МВД по Красноярскому краю. 2024. 14 октября. URL: <https://24.mvd.pf/ms3/внимание-информация-/item/56136350> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁵ Владимирские полицейские провели рабочую встречу с представителями национальных диаспор и общественных объединений // УМВД России по Владимирской области. 2023. 27 июня. URL: <https://33.mvd.pf/news/item/39471393> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁶ Из Киреевского района служить по контракту ушли трое иностранных граждан // Арсеньевские вести. 2023. 20 декабря. URL: <https://ars-news.ru/n582248.html> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁷ Новая Родина — новые перспективы // УМВД России по Костромской области. 2023. 21 июля. URL: <https://44.mvd.pf/news/item/40134164> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁸ В Дагестане 40 иностранцев подписали контракт с Минобороны РФ с начала года // Ватан. Родина. 2024. 3 сентября. URL: <https://gazetavatan.ru/2024/09/v-dagestane-40-inostrancev-podpisali-kontrakt-s-minoborony-rf-s-nachala-goda/> (дата обращения: 02.03.2025).

рые предлагаются россиянам. А норма об упрощенном получении российского гражданства подразумевает ускоренную натурализацию и перспективу полного уравнивания в правах с гражданами России.

Секьюритизирующие практики, связанные с дискурсами об уклонении лиц с миграционным бэкграундом от постановки на воинский учет и несения воинской обязанности, включают в себя по меньшей мере четыре разновидности: передачу информации о натурализованных гражданах в военкоматы⁴⁹, полицейские облавы, в ходе которых лица с миграционным бэкграундом проверяются на предмет постановки на воинский учет⁵⁰, лишение гражданства и выдворение в страну происхождения «новых граждан» за непостановку на воинский учет.

Сплошной анализ региональных сайтов МВД РФ с помощью запросов по ключевым словам «воинский учет», «военкомат», «военный комиссариат» позволяет оценить хронологию возникновения и ареал распространения вышеупомянутых облав и практик прекращения приобретенного гражданства.

Установлено, что облавы проводились не менее чем в 39 регионах России⁵¹. Начало данной практике, по-видимому, было положено профессионалами безопасности Челябинской области в конце июля 2023 г.: на официальном сайте ГУ МВД именно этого региона появилось первое релевантное сообщение, кроме того, по свидетельству К. Кабанова, первое рейдовое мероприятие, направленное не только на задержание лиц, нарушивших миграционное законодательство, но и на выявление «новых граждан», не вставших на воинский учет, было проведено 28 июля 2023 г. ЦПЭ ГУ МВД России по Челябинской области, совместно с УФСБ России по Челябинской области при силовой поддержке ОЧН «Гром»⁵². Следует отметить, что, выступив в качестве пионера облав на лиц с миграционным бэкграундом, ГУ МВД РФ по Челябинской области в настоящий момент, по-видимому, является флагманом по количеству проведения подобных мероприятий. На сайте размещено 46 сообщений о полицейских облавах, нацеленных в том числе на «новых граждан». Судя по указанным сообщениям, рейды проводятся регулярно. Согласно представленным данным, только за первые девять месяцев 2024 г. в результате облав на воинский учет было поставлено около полутора тысяч лиц с миграционным бэкграундом⁵³.

⁴⁹ См., например: В Управлении по вопросам миграции МВД по Республике Калмыкия состоялось рабочее совещание с представителями военного комиссариата Республики Калмыкия // МВД России по Республике Калмыкия. 2024. 1 августа. URL: <https://08.мвд.рф/news/item/53526151> (дата обращения: 02.03.2025); Итоги оперативно-служебной деятельности управления по вопросам миграции УМВД России по Тамбовской области и подразделений по вопросам миграции УОМВД России по муниципальным образованиям Тамбовской области за 1-й квартал 2023 года // УМВД России по Тамбовской области. 2023. 28 апреля. URL: <https://68.мвд.рф/news/item/37807589> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁰ В случае ее отсутствия «новым гражданам» выдают повестки или доставляют в военный комиссариат.

⁵¹ Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия, Чувашская республика, Алтайский край, Краснодарский край, Красноярский край, Хабаровский край, Амурская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Волгоградская область, Ивановская область, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Курганская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Ульяновская область, Челябинская область, Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Республика Крым, г. Севастополь.

⁵² Кирилл Кабанов // Telegram. URL: <https://t.me/kabanovkv/1794> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵³ В Челябинской области продолжают массированные проверки соблюдения миграционного законодательства иностранцами // ГУ МВД России по Челябинской области. 2024. 22 сентября. URL: <https://74.мвд.рф/news/item/55337434> (дата обращения: 02.03.2025).

Достаточно высоким уровнем интенсивности размещения информации о полицейских рейдах, ориентированных также и на «новых граждан», отличаются ГУ МВД России по Ростовской области (29 сообщений за период с 20 декабря 2023 г. по 27 февраля 2025 г.⁵⁴), Красноярскому краю (18 сообщений за период с 18 сентября 2023 г. по 27 февраля 2025 г.), Санкт-Петербургу и Ленинградской области (11 сообщений за период с 7 сентября 2023 г. по 27 февраля 2025 г.), Саратовской области (10 сообщений за период с 4 декабря 2023 г. по 27 февраля 2025 г.).

О массовости облав свидетельствует заявление главы СК России А. Бастрыкина, согласно которому, уже к июню 2024 г. было выявлено около 30 тыс. «новых граждан», не исполнивших обязанность по постановке на воинский учет. Около трети из них, по словам А. Бастрыкина, впоследствии были направлены на фронт⁵⁵.

Видеоматериалы, размещенные на сайтах ГУ МВД России, а также отдельные упоминания стран происхождения лиц, в отношении которых были осуществлены проверки⁵⁶, позволяют сделать вывод, что полицейские облавы традиционно нацелены на «видимые меньшинства», в особенности на граждан, предположительно являющихся уроженцами стран Средней Азии и Закавказья. Кроме того, ряд видеоматериалов и официальных сообщений свидетельствует, что с иностранцами, задержанными в ходе облав за нарушения миграционного законодательства, проводится агитационная работа по заключению контракта с Минобороны РФ. Однако в отличие от мягких форм агитации, упоминавшихся выше, иностранные граждане, допустившие нарушения, нередко оказываются перед выбором: вступление в ряды Российской армии или высылка в страну происхождения⁵⁷.

Что касается практики лишения приобретенного российского гражданства за непостановку на воинский учет, то соответствующая информация обнаружена на 19 региональных сайтах ГУ МВД РФ⁵⁸. Согласно указанным данным, за период с декабря 2023 г. по 27 февраля 2025 г. за неисполнение обязанности по постановке на воинский учет приобретенного гражданства лишено по меньшей мере 53 человека.

Как и в случае с облавами, Челябинская область лидирует по количеству сообщений о прекращении гражданства на основании непостановки на воинский учет (пять сообщений, где говорится о лишении гражданства 12 лиц с миграционным бэкграундом). Интересно, что в отличие от подавляющего большинства других регионов здесь данная мера начала применяться еще до принятия за-

⁵⁴ Мониторинг сайтов МВД осуществлялся с 20 по 27 февраля 2025 г.

⁵⁵ Около 10 тыс. недавно ставших гражданами РФ иностранцев отправлены в зону СВО // Интерфакс. 2024. 27 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/968257> (дата обращения: 02.03.2025)

⁵⁶ В основном, речь идет о выходцах из Средней Азии и Закавказья. На видео в качестве проверяемых фигурируют лица, фенотипически отличающиеся от большинства российского населения.

⁵⁷ См., например: Царьград ТВ (телеграм-канал). URL: <https://t.me/tsargradtv/95165> (дата обращения: 02.03.2025); Незаконным мигрантам предлагают заключать контракты на СВО // Администрация городского округа Большой Камень. 2025. 15 февраля. URL: https://bkamen.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_4443.html (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁸ Сайты МВД России по Республике Мордовии; Красноярскому краю; Приморскому краю; Ставропольскому краю; Хабаровскому краю; Волгоградской области; Воронежской области; Кемеровской области; Курской области; Московской области; Нижегородской области; Ростовской области; Саратовской области; Сахалинской области; Тульской области; Ульяновской области; Челябинской области; Москве; Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

кона от 08.08.2024 № 281-ФЗ⁵⁹: два первых релевантных сообщения датируются 15 декабря 2023 г.⁶⁰ и 9 января 2024 г. Таким образом, секьюритизирующая практика лишения приобретенного гражданства за уклонение от постановки на воинский учет опередила соответствующий секьюритизирующий перформатив первого порядка.

Что касается участников описанных практик, то подавляющее большинство из них составляют профессионалы безопасности: сотрудники МВД РФ, ФСБ РФ, Росгвардии, СК РФ, работники военных комиссариатов и др. Важную роль в мероприятиях по прекращению приобретенного гражданства ожидаемо играют суды.

Подытоживая, можно заключить, что новые практики в отношении мигрантов и лиц с миграционным бэкграундом тесно связаны с соответствующими дискурсами, иногда следуя за ними, а иногда предшествуя им. Как и дискурсы, практики делят мигрантов и «новых граждан» на две группы: потенциально готовых добровольно принять участие в вооруженном конфликте с Украиной в составе российских воинских формирований, и неготовых к этому. На первую группу нацелены разнообразные агитационные мероприятия, аналогичные тем, что ориентированы на россиян. Условия, на которых иностранцам предлагается заключить контракт на военную службу, фактически не отличаются от условий, предлагаемых гражданам РФ, а опция ускоренного получения гражданства предполагает возможность быстрой инкорпорации и выравнивания в правах этой категории иностранных граждан с россиянами.

Для второй группы мигрантов и «новых граждан» предназначены секьюритизирующие практики, включающие облавы, принудительную доставку в полицейские участки и военные комиссариаты, прекращение приобретенного гражданства и/или высылку из страны в случае отказа от исполнения воинской обязанности или подписания контракта. Подавляющее большинство исполнителей данных мероприятий принадлежит к категории профессионалов безопасности.

Указанные практики, как и секьюритизирующие дискурсы, благодаря своей заметности (облавы и проверки документов россияне имеют возможность наблюдать непосредственно, кроме того, обо всех видах секьюритизирующих практик активно сообщается в СМИ), маркируют иностранцев и лиц с миграционным фоном как опасных и политически нелояльных.

Выводы

С началом российско-украинского вооруженного конфликта представления о желательных и нежелательных мигрантах подверглись важным трансформациям. Если ранее границы пролегли преимущественно по линии этнокультурной

⁵⁹ Теоретически такая возможность существовала и до принятия указанного НПА, однако ранее, как правило, не использовалась.

⁶⁰ Еще один инцидент с прекращением приобретенного гражданства до принятия упомянутого закона произошел в Москве 28 декабря 2023 г. Однако в данном случае соответствующее решение было принято после того, как натурализованный гражданин, будучи доставлен в военкомат для постановки на учет, впоследствии «не явился по повестке к месту отправки для дальнейшего прохождения военной службы в указанную дату», то есть речь фактически шла не только о непостановке на воинский учет, но и об уклонении от воинской обязанности. См.: Столичные полицейские вынесли новые решения о прекращении гражданства РФ // ГУ МВД России по г. Москве. 2023. 28 декабря. URL: <https://77.мвд.рф/news/item/45515799> (дата обращения: 02.03.2025).

близости или квалификации иностранцев (этнически и конфессионально близкие к большинству российского населения — желательные, другие — нежелательные; высококвалифицированные — желательные, низкоквалифицированные — нет), то теперь принципиальное различие делается между теми, кто готов участвовать в конфликте с Украиной в рядах российских воинских формирований, и теми, кто к этому не готов. В отношении первых устанавливается максимально благоприятный миграционный режим: вводятся нормы об упрощенном получении гражданства, запрет на высылку и депортацию. В отношении вторых, напротив, ужесточаются меры регулирования вплоть до лишения приобретенного гражданства за непостановку на воинский учет.

Секьюритизирующие дискурсы при этом существенно изменились: помимо традиционных обвинений мигрантов в том, что они не желают следовать нормам, существующим в принимающем обществе, составляют нежелательную конкуренцию местному населению, грозят вытеснить его, установив собственные правила игры, распространяются тезисы, согласно которым иностранцы и лица с миграционным бэкграундом являются уклонистами и представляют угрозу национальной безопасности страны. Инициированный профессионалами безопасности обновленный секьюритизирующий дискурс был поддержан игроками политического поля и в настоящий момент разделяется представителями подавляющего большинства российских парламентских партий (КПРФ, ЛДПР и СР). При этом секьюритизирующие субъекты предприняли целенаправленные шаги по десекуритизации иностранцев, поступивших на военную службу и отправившихся на фронт.

Изменения претерпели и секьюритизирующие практики: если до вооруженного конфликта с Украиной межведомственный обмен информацией, полицейские облавы и проверки были нацелены на иностранцев, нарушивших миграционный режим, то теперь в фокусе внимания профессионалов безопасности оказались также лица с миграционным бэкграундом, не вставшие на воинский учет. Задержанные нарушители обеих категорий зачастую ставятся перед выбором: пополнить вооруженные силы России или отправиться в страну происхождения. При этом рейдовые и проверочные мероприятия по-прежнему сконцентрированы на «видимых меньшинствах», в особенности на выходцах из Средней Азии и Закавказья.

В целом можно констатировать, что с началом российско-украинского вооруженного конфликта подозрительность в отношении иностранцев и лиц с миграционным бэкграундом значительно возросла, а секьюритизация миграции в настоящее время происходит сразу в двух секторах: социальном, где референтный объект — коллективная идентичность, и военном, где референтным объектом выступает государство.

Список литературы (References)

1. Аршин К. В. Диалектика секьюритизации и либерализации в миграционной политике России // *Власть*. 2019. Т. 27. № 2. С. 38—42.
Arshin K. V. (2019) *Dialectics of Securitization and Liberalization in the Migration Policy of Russia*. *The Authority*. Vol. 27. No. 2. P. 38—42. (In Russ.)

2. Григорьева К. С. Государственная политика и межэтническая напряженность // Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 197—240.
Grigorieva K. S. (2017) State Policy and Interethnic Tension. In: Epikhina Yu., Chernysh M. (eds) *Social Factors of Interethnic Tension in Russia*. Moscow: FCTAS RAS. P. 197—240. (In Russ.)
3. Григорьева К. С. Этническая дискриминация в борьбе с преступностью и терроризмом — вопрос здравого смысла? // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 107—139. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-1-107-139>.
Grigoreva K. S. (2019) Is Ethnic Discrimination a Matter of Common Sense in the Fight against Crime and Terrorism? *The Russian Sociological Review*. Vol. 18. No. 1. P. 107—139. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-1-107-139>. (In Russ.)
4. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб.: Алетейя, 2011.
Voronkov V., Gladarev B., Sagitova L. (eds.) (2011) *The Police and Ethnic Migrants: Interaction Practices*. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
5. Мукомель В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
Mukomel V. I. (2005) *Migration Policy of Russia: Post-Soviet Contexts*. Moscow: Dipol- T. (In Russ.)
6. Питухина М. А. К вопросу о секьюритизации миграции в России // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 2. С. 276—282.
Pitukhina M. A. (2014) On the Issue of Migration Securitization in Russia. *National Security / Nota Bene*. No. 2. P. 276—282. (In Russ.)
7. Смирнов А. А. Секьюритизация миграции в Российской Федерации // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2015. № 12. С. 145—148.
Smirnov A. A. (2015) Migration Securitization in the Russian Federation. *Current Issues of Innovative Economy*. No. 12. P. 145—148. (In Russ.)
8. Фролов А. А. Секьюритизация миграции: постановка проблемы // Актуальные проблемы российской правовой политики. Сборник докладов XVII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. 15 апреля 2016 г. / отв. ред.: С. Ю. Аваков, Н. Ф. Купчинов. Таганрог: Издательство Таганрогского института управления и экономики, 2016. С. 28—31.
Frolov A. A. (2016) Migration Securitization: The Problem Statement. In: Avakov S. Yu., Kupchinov N. F. (eds.) *Current Issues in Russian Legal Policy. Proceedings of the 17th Scientific and Practical Conference of Teachers, Students, Postgraduate Students, and Young Scientists*. April 15, 2016. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics. P. 28—31. (In Russ.)
9. Austin J. L. (1962) *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.

10. Balzacq T. (2005) The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context. *European Journal of International Relations*. Vol. 11. No. 2. P. 171—201. <https://doi.org/10.1177/1354066105052960>.
11. Bigo D., McCluskey E. (2018) What Is a PARIS Approach to (In)securitization? Political Anthropological Research for International Sociology. In: Gheciu A., Wohlforth W. C. (eds) *The Oxford Handbook of International Security Online*. Oxford: Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780198777854.001.0001/oxfordhb-9780198777854-e-9> (дата обращения: 02.03.2025).
12. Bourbeau P. (2014) Moving forward Together: Logics of the Securitisation Process. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 43. No. 1. P. 187—206. <https://doi.org/10.1177/0305829814541504>.
13. Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press.
14. Buzan B., Wæver O., De Wilde J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Reiner.
15. Chudinovskikh O., Kharaeva O. (2020) Migration Policy towards Skilled Labor in the Russian Federation. *BRICS Journal of Economics*. Vol. 1. No. 2. P. 80—102. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-11>.
16. Côté A. (2016) Agents without Agency: Assessing the Role of the Audience in Securitization Theory. *Security Dialogue*. Vol. 47. No. 6. P. 541—558. <https://doi.org/10.1177/0967010616672150>.
17. Huysmans J. (2000) The European Union and the Securitization of Migration. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 38. No. 5. P. 751—777. <https://doi.org/10.1111/1468-5965.00263>.
18. Karyotis G. (2007) European Migration Policy in the Aftermath of September 11. The Security-Migration Nexus. Innovation. *The European Journal of Social Science Research*. Vol. 20. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.1080/13511610701197783>.
19. Light M. (2017) Zwischen Liberalisierung und Restriktion: Entwicklungen der russischen Migrationspolitik. *Russland—Analysen*. Vol. 33. P. 2—8. <https://doi.org/10.31205/RA.331.01>.
20. McDonald M. (2008) Securitization and the Construction of Security. *European Journal of International Relations*. Vol. 14. No. 4. P. 563—587. <https://doi.org/10.1177/1354066108097553>.
21. Roe P. (2008) Actor, Audience(s) and Emergency Measures: Securitization and the UK's Decision to Invade Iraq. *Security Dialogue*. Vol. 39. No. 6. P. 615—635. <https://doi.org/10.1177/0967010608098212>.
22. Rudolph C. (2003) Security and the Political Economy of International Migration. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 4. P. 603—620. <https://doi.org/10.1017/S000305540300090X>.

23. Stritzel H. (2007) Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 3. P. 357—383. <https://doi.org/10.1177/1354066107080128>.
24. Trombetta M. J. (2014) Linking Climate-Induced Migration and Security within the EU: Insights from the Securitization Debate. *Critical Studies on Security*. Vol. 2. No. 2. P. 131—147. <https://doi.org/10.1080/21624887.2014.923699>.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3058](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3058)

К. И. Казенин

МИГРАЦИЯ И УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ МЕГАПОЛИСЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛМАТЫ)

Правильная ссылка на статью:

Казенин К. И. Миграция и усложнение социокультурного ландшафта в центральноазиатском мегаполисе (на примере Алматы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 221—245. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3058>.

For citation:

Kazenin K. I. (2025) Migration and Complication of the Socio-Cultural Landscape in a City of Central Asia: The Case of Almaty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 221–245. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3058>. (In Russ.)

Получено: 04.07.2025. Принято к публикации: 07.10.2025.

МИГРАЦИЯ И УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ МЕГАПОЛИСЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛМАТЫ)

КАЗЕНИН Константин Игоревич — научный сотрудник, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

Аннотация. Статья посвящена миграции в города как фактору, меняющему ценностные ориентиры индивидов и потенциально увеличивающему их разнообразие. На постсоветском пространстве этот эффект миграции в города в настоящее время наиболее ожидаем в странах Центральной Азии и Закавказья и в ряде регионов Юга России, где значительную часть переселенцев в города составляют жители территорий с достаточно традиционным, патриархальным социальным укладом. В статье сопоставляются взгляды на социальные роли женщин и мужчин у трех групп населения: индивидов, выросших в одном из крупнейших центральноазиатских мегаполисов — Алматы; индивидов, переехавших в этот город во взрослом возрасте; тех, кто проживает в других частях Казахстана. В качестве источника данных используются результаты опроса «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey), проведенного в Казахстане в 2018 г. Ответы респондентов на вопросы данной тематики анализируются с помощью мультиномиальных логистических регрессий, позволяющих сопоставить ценностные ориентиры трех исследуемых групп респондентов. Анализ показал, что в целом для респондентов, выросших в Алматы, более характерны эгалитаристские взгляды на социальные роли мужчин и женщин по сравнению с респондентами, переехавшими в данный мегаполис во взрослом возрасте. При этом среди респондентов му-

MIGRATION AND COMPLICATION OF THE SOCIO-CULTURAL LANDSCAPE IN A CITY OF CENTRAL ASIA: THE CASE OF ALMATY

Konstantin I. KAZENIN¹ — Researcher
E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

¹ Narхоз University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The paper considers the impact of migration to cities upon the cultural diversity of urban societies and its contribution to cultural conflicts. In post-Soviet states, these consequences of migration to cities are most expected in countries of Central Asia and the South Caucasus, as well as in cities in the southern regions of Russia, because a large proportion of migrants to those cities arrive from areas with high traditionalism, or “patriarchy”, in social settings. The study compares views on social roles of women and men among three population groups: those who have grown up in one of the biggest cities of Central Asia, Almaty (Kazakhstan), which has been attracting intensive immigration flows in recent decades; those who migrated to that city as adults; and those who reside in other parts of the country. The Generations and Gender Survey conducted in Kazakhstan in 2018 is the source. Multinomial logistic models are estimated for relevant survey answers, which allow for the comparison of views of the three groups of respondents on the social roles of women and men. The analysis has shown that respondents who have grown up in the city generally tend to have more gender-egalitarian views on this issue. Furthermore, these contrasts are stronger among Muslims than among respondents of other religious affiliations, which does not agree with general expectations about inter-confessional differences in the impact of urbanization on social values.

сультманского вероисповедания эти контрасты выражены ярче, чем среди респондентов других религий, вопреки сложившимся в литературе представлениям о различиях между представителями разных религий по влиянию урбанизации на ценностные ориентации.

Ключевые слова: миграция, Центральная Азия, брак, гендерные асимметрии, социальные роли, семейные роли, традиционные ценности

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант AP23489903).

Keywords: migration, Central Asia, marriage, gender asymmetries, social roles, family roles, traditional values

Acknowledgements. This article was published as part of the implementation of the AVR project IRN AR23489903, funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Введение

Миграция населения в крупные города стала одним из ключевых социально-демографических процессов в 1990-е — 2010-е годы на значительной части постсоветского пространства, в особенности в странах Центральной Азии, Закавказья, Юга России. Особенность миграции в города в этих странах и регионах в последние десятилетия состояла в том, что заметная доля мигрантов прибывала в крупные городские центры с территорий, где были сильны элементы традиционного, патриархального социума, с сохраняющимся большим значением родственных связей и жесткой асимметрией между женскими и мужскими ролями в семье (об этих особенностях в странах Средней Азии см. [Schmidt, Sagynbekova, 2008; Thieme, 2009]; в ряде городов Юга России — [Стародубровская, Идрисов, Казенин, 2022]). Для исследования городской среды постсоветских стран важно, какое влияние эта миграция оказывает на рост социокультурного разнообразия городского общества. В какой мере переселенцы в крупные города сохраняют нормы семейного уклада, воспринятые ими на территориях, где они жили до миграции? Ответ на этот вопрос необходим не только для описания собственно переселенческих сообществ, но и для понимания общих перспектив развития городов, притягивающих миграционные потоки. Исследования городов со значительным миграционным приростом населения в разных частях мира показали, что социокультурные контрасты среди городского населения нередко сохраняются, поскольку во многих аспектах переселенцы не теряют свою «особость» от остального городского населения. Развившаяся на основе анализа таких явлений теория сегментной ассимиляции [Esser, 2004; Портес, Чжоу, 2017] допускает, что вместо обязательного включения в культуру «мейнстрима», переселенцы могут выбирать, в какой именно сегмент городского общества им предпочтительно

интегрироваться, и нередко при этом ориентируются на сообщества, наиболее близкие им в культурном отношении (в частности, на сообщества выходцев с тех территорий, откуда они переселились).

Одна из сфер, в которой различия между коренными жителями крупных городов и переселенцами регулярно оказываются существенными, — семейная сфера, характеризующаяся такими параметрами, как распределение ролей женщин и мужчин в семье, особенности брака и деторождения (например, среднее количество детей в семьях, частота разводов и т. д.). Известно, что у населения крупных городов регулярно наблюдается наиболее заметный отход от патриархальных семейных норм, выражающийся в более симметричных ролях женщин и мужчин в семье, в более низкой рождаемости, меньшей стабильности брачных союзов и т. д. (см., например, [Lindstrom, 2003; Kulu, 2005]). Миграция в города с территорий, для которых не характерны эти явления, ведет к усложнению городского социума, создает предпосылки для «культурных конфликтов» и для сегрегации в нем. Именно этим обусловлена практическая необходимость изучения различий в сфере семейных практик не только между жителями крупных городов и населенных пунктов других типов, но и между переселенцами в крупные города и их коренными жителями.

Возможный путь такого исследования — сопоставление переселенцев и коренного населения по их взглядам на семейную жизнь, декларируемым в ходе социологических опросов. Это позволяет увидеть различия между мигрантами и коренными жителями даже в тех случаях, когда в реальном поведении эти различия наблюдаются не столь четко. Серьезная потенциальная проблема данного метода состоит в том, что, сообщая в ходе опросов о своих взглядах, тем более по таким чувствительным темам, как семейные отношения, респонденты могут ориентироваться не на собственное мнение, а на мнения, доминирующие в социуме [Krumpal, 2013]. В случае с переселенцами оценка эффекта «социальной приемлемости» на ответы, данные в ходе опросов, дополнительно затруднена тем, что изначально неясно, идет ли речь о «приемлемости» каких-то вариантов ответов в принимающем социуме или в переселенческом сообществе.

В данной статье исследование проводится именно на данных социологического опроса, и принципиально важно с самого начала учитывать создаваемые им ограничения. Материалом служат данные опроса «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey), проведенного в Казахстане в 2018 г. Сопоставляются взгляды на социальные роли женщин и мужчин у трех групп респондентов этого опроса: индивидов, выросших в одном из крупнейших центральноазиатских мегаполисов — Алматы; индивидов, переехавших в этот город во взрослом возрасте; тех, кто вырос и проживал на момент опроса в других частях Казахстана. Влияние проживания и взросления в Алматы на ценностные ориентиры индивида сопоставляется у респондентов-мусульман и респондентов других вероисповеданий. Такое сопоставление было важным прежде всего в свете имеющихся в литературе результатов, указывающих на большую консервативность семейного уклада мусульман по сравнению с представителями других религий, проживающими в Центральной Азии [Kumo, Perugini 2024] (см. ниже и о других причинах, делающих актуальным сопоставление респондентов разных религий). На фоне этой тенденции,

фиксируемой на уровне социума в целом, возникало предположение, что переезд в города оказывает более ограниченное влияние на ценностные ориентиры мусульман по сравнению с последователями других религий. Проведенный анализ позволил оценить, насколько это предположение верно.

Работа делает попытку внести вклад в современные исследования роли урбанизации в формировании ценностных ориентиров населения в трех аспектах. Во-первых, вводится в рассмотрение один из мегаполисов постсоветской Центральной Азии, города которой ранее мало изучались в отношении ценностных ориентиров населения, особенно в связи с идущей в эти города миграцией. Во-вторых, сопоставляются не уроженцы города и переселенцы, а те, кто вырос в городе, и те, кто переехал в него во взрослом возрасте. При исследовании постсоветских городов такая категоризация жителей до сих пор проводится очень редко, хотя именно возраст совершения миграции признан одним из существенных факторов, влияющих на восприятие ценностей и поведенческих моделей принимающего социума [Myers, 1999]. В-третьих, учитывается роль религиозной принадлежности респондента при исследовании влияния миграции в мегаполис на ценностные ориентиры.

Миграция в Алматы в постсоветское время

Постсоветский период истории Алматы характеризовался увеличением численности жителей, прежде всего за счет миграции из других регионов Казахстана, и изменением этнического состава населения города. Рост населения в 1990-е годы носил весьма ограниченный характер: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в городе проживало 1 071 900 человек, а по данным переписи населения Республики Казахстан 1999 г. — 1 129 400 человек, то есть за десять лет рост составил всего 5,4%. Однако с начала 2000-х годов население города стало расти более заметными и все ускоряющимися темпами. На 2023 г., по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, численность населения города составила уже 2 195 290 человек [Демографический сборник Казахстана, 2023].

Постсоветский период характеризовался также значительными изменениями соотношения численности проживающих в городе этносов. В первую очередь изменения касались крупнейших этносов в составе городского населения. По данным Всесоюзной переписи населения России 1989 г., доля казахского населения среди алматинцев составила 23,8%, а русского — 57,4%. Согласно переписи населения Республики Казахстан 2021 г., эти доли составили 63,4% и 20,5% соответственно. Таким переменам способствовала активная миграция в город казахского населения из других частей страны, а также отъезд русского населения и несколько более высокая рождаемость среди казахского населения по сравнению с русским [Гали, 2011; Джумамбаев, 2014; Бюлегенова и др., 2024; Agadjanian et al., 2008; Makhanov, 2023].

Миграция в Алматы в постсоветское время была неоднородна в этническом отношении, однако «вклад» в нее этнических казахов регулярно был выше. Например, в 2015—2019 гг., по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, ежегодный

чистый миграционный прирост казахского населения в городе находился в пределах 22—36 тыс. человек, в то время как аналогичный показатель для русского населения составлял 1,5—3 тыс. человек [Демографический ежегодник города Алматы, 2015—2019: 73].

По данным Бюро национальной статистики, миграция в город русского населения шла преимущественно из соседней Алматинской области (объединенной в 1997 г. с Талды-Курганской областью, которая вновь была выделена в отдельный регион, называемый ныне Жетысуской областью, в 2022 г.). В составе этнических казахов, мигрировавших в город, значительную долю составляли выходцы из этой же области, а также из двух регионов юга Казахстана — Жамбыльской и Туркестанской (до 2018 г. — Южно-Казахстанской) областей. Население двух этих областей — по крайней мере, судя по демографическим показателям, доступным из официальных источников, — в постсоветское время отличалось достаточно консервативным семейным укладом: в 2000-х — начале 2020-х годов уровень рождаемости в них был одним из самых высоких в стране, а уровень разводимости — один из самых низких [Демографический сборник Казахстана, 2024]. Население Алматы в целом, судя по тем же индикаторам, характеризовалось в этот период одним из самых низких в стране уровней рождаемости и относительно более высокой частотой разводов. Таким образом, демографические данные указывают на значительные различия в семейных практиках между Алматы и некоторыми из тех регионов, откуда в город шла интенсивная миграция.

Сочетание особенностей позднесоветского и постсоветского развития Алматы делают этот город уникальным на фоне других городов Казахстана. В позднесоветское время город отличался, во-первых, разнообразием национального состава (помимо русских и казахов, значительную долю населения составляли различные этнические меньшинства, включая корейцев, немцев, уйгуров и др.), а во-вторых, значительно более высоким образовательным уровнем населения и более широкими возможностями для получения образования по сравнению с большинством других городов и регионов страны. В постсоветское время Алматы также, в отличие от абсолютного большинства городов Казахстана, почти не столкнулся с уменьшением общей численности населения, даже несмотря на значительный отток русского населения [Панарин 2005]. Можно сказать, что город не прошел после распада СССР через период столь значительного «опустения» и упадка, как большинство городов Казахстана, включая даже его новую столицу Астану.

Цель исследования

Основной целью исследования является сопоставление мигрантов и коренных жителей Алматы по взглядам на социальные роли мужчин и женщин. Упомянутые социологические исследования по постсоветской миграции в Центральной Азии, а также некоторые приведенные выше данные статистики по миграции в Алматы позволяют предположить, что заметная доля мигрантов прибывала в город с территорий, где преобладает более патриархальный по сравнению с крупными городами семейный уклад. На основе этого мы ожидаем, что среди переселенцев по сравнению с коренными жителями города более распространены представления о жестко отличающихся друг от друга социальных ролях мужчин и женщин,

по которым за женщиной закрепляется преимущественно забота о доме и семье, за мужчиной — работа и материальное обеспечение семьи. Образованию мужчин в этом случае также закономерно придается большее значение, чем образованию женщин, а тому, сколько времени отец проводит с детьми, — меньше.

Предпосылка анализа состоит в том, что принципиальное влияние на формирование ценностных ориентиров индивида оказывает не столько рождение в городе, сколько первоначальная социализация в городской среде [Myers, 1999]. Поэтому мы сопоставляем респондентов, чье детство прошло в Алматы, и тех, кто переехал в город позднее. Обе категории жителей города сопоставляются также с жителями Казахстана, выросшими и проживающими за пределами Алматы.

Особенности городского развития Алматы в предшествующие десятилетия позволяют предположить, что для жителей этого города отход от патриархальных взглядов на семейный уклад, подразумевающий жесткое противопоставление социальных ролей женщин и мужчин, был более вероятен, чем для жителей других частей страны. Во-первых, вследствие высокого уровня образования в позднесоветское время в постсоветский период существенной оставалась доля населения, воспитанного в достаточно «модернизированном» семейном укладе, характерном для образованного населения крупных советских городов [Вишневский, 1998]. Несмотря даже на значительные изменения состава населения города в 1990-е годы, контакты с представителями этого слоя с большой вероятностью оставались частью социального опыта всех горожан. Во-вторых, менее значительный по сравнению с другими городами упадок городской среды и экономики, а также во многом сохранившаяся с советских времен система образования увеличивали возможности женщин для учебы и работы, то есть на практике позволяли им не ограничивать круг своих занятий семьей. Разумеется, жителей постсоветского Казахстана за пределами Алматы невозможно рассматривать как «гомогенный» социум в отношении интересующих нас характеристик. Тем не менее в силу упомянутых выше факторов обоснованным представляется предположение, что по преобладающим взглядам на социальные роли мужчин и женщин жители постсоветской Алматы могут заметно отличаться от населения других частей страны — не только сельского, но и городского. Этим оправдывается рассмотрение жителей других частей Казахстана как единой категории в анализе.

Наряду с общим сравнением указанных групп жителей в каждой из этих групп сопоставляются индивиды разного вероисповедания, с концентрацией в первую очередь на возможных различиях мусульман и представителей других религий. Наряду с упомянутыми выше результатами исследований, указывающих на более высокий уровень семейного консерватизма среди мусульман Центральной Азии по сравнению с представителями других религий, такая задача оправдана и другими причинами. Во-первых, для сегодняшнего Казахстана вероисповедание достаточно сильно коррелирует с этнической принадлежностью. При отсутствии в данных опроса «Поколения и гендер» по Казахстану прямого указания на этническую принадлежность респондентов параметр вероисповедания позволяет в каком-то приближении сопоставить основные этнические группы мигрантов по тому, насколько их ценностные ориентиры близки городскому населению (в случае Алматы переселенцы мусульманского вероисповедания в основном включают в себя

этнических казахов и уйгуров). Это, в свою очередь, дает возможность оценить, в какой мере межэтнические культурные различия сохраняются после миграции в мегаполис. Во-вторых, многочисленные исследования, проведенные на материале различных стран, показывают, что на адаптацию мигрантов-мусульман могут оказывать влияние особые факторы, в том числе развитие на новом месте проживания социальных связей с единоверцами [van Tubergen, Sindradottir, 2011]. Отсюда можно ожидать, что среди переселенцев мусульманского вероисповедания формирование ценностных ориентиров будет идти несколько иначе по сравнению с другими переселенцами, поскольку большую роль в их формировании могут играть городские мусульманские общины. Влияние этих общин может быть разнонаправленным, но существенно, что сам фактор общины для формирования ценностных ориентиров мусульманского населения может играть особенно значительную роль.

Данные

Источник данных — исследование «Поколения и гендер», первая волна которого была проведена в Казахстане в апреле-ноябре 2018 г.¹ (пока однократно). Это стандартизированный опрос, который с 2004 по 2023 г. был по крайней мере однократно проведен в 19 странах мира. Казахстан — одно из немногих государств за пределами Европы, где состоялся данный опрос. Общий объем выборки по стране составил 14857 женщин и мужчин в возрасте от 18 до 79 лет².

Особенность опроса «Поколения и гендер» состоит в том, что его данные содержат как многочисленные социально-демографические характеристики респондентов (образование, семейное положение, количество детей, трудовая деятельность, миграционная история и т. д.), так и ответы на вопросы, касающиеся ценностных ориентиров. В частности, респондентам предлагалась серия вопросов об их взглядах на роль женщин и мужчин в семье и обществе. Для задач нашего исследования наибольший интерес представляли вопросы из этой серии, которые касались задач или видов деятельности, в патриархальном укладе закрепленных в основном за мужчинами (работа за пределами домохозяйства, заработок) или в основном за женщинами (воспитание детей). Вопросы данной группы, ответы на которые использовались в анализе, формулировались следующим образом: «*Чьей задачей, по вашему мнению, является воспитание детей и забота о доме?*», «*Чьей задачей, по Вашему мнению, является материальное обеспечение семьи?*»³ Ответы респондентов, указывающие на их предпочтение традиционного разделения функций между мужчинами и женщинами в семье, обнаруживали сторонников более консервативного семейного уклада, а ответы, указывающие

¹ См. Generations and Gender Survey 2020 Kazakhstan Wave 1. URL: https://ggp.colectica.org/item/int_ggp/009e728f-77f1-4c45-88be-e3bc1acb5bfa/1 (дата обращения: 21.12.2025).

² О принципах формирования выборки и других ключевых особенностях опроса «Поколения и гендер» см. [Vikat et al., 2007]. Согласно общим требованиям данного опроса, при формировании выборок используется вероятностная стратегия [Simard, Franklin 2005].

³ В анкете проекта «Поколения и гендер» имелись и другие вопросы о «разделении труда» отцов и матерей при воспитании детей. Для анализа был выбран данный вопрос, так как, в отличие от других вопросов данного ряда, он касался именно «нормативной» стороны организации семьи, предписанных супругам ролей, а не их способности или психологической предрасположенности к уходу за детьми.

на неприятие такого разделения, свидетельствовали об отходе от этих консервативных идеалов. К вопросам о ролях мужчины и женщины в семье тесно примыкал вопрос о том, для кого — мужчин или женщин — в первую очередь важно иметь высшее образование и работу. Консервативным семейным установкам соответствовала точка зрения, что работа и образование важны в первую очередь для мужчины. Отход от этой точки зрения свидетельствовал о принятии менее патриархальной точки зрения на социальные роли мужчин и женщин. Данные вопросы формулировались в анкете следующим образом: «Для кого, по вашему мнению, важнее получить высшее образование?», «Для кого, по вашему мнению, важнее иметь работу?» На все приведенные вопросы предлагалось три варианта ответа: «(для) женщин», «(для) мужчин», «(для) мужчин и женщин в равной степени».

Также интерес для целей исследования представляли вопросы, в которых респондентам нужно было согласиться или не согласиться с определенной точкой зрения, касающейся семейной жизни. Из них как наиболее актуальные для целей исследования были выбраны вопросы о совмещении отцами и матерями работы и воспитания ребенка: «Согласны ли Вы, что работающая мать может поддерживать тесные и стабильные отношения с ребенком?»; «Согласны ли Вы, что для ребенка дошкольного возраста вредно, когда отец очень много времени проводит на работе?» По обоим вопросам предлагалось пять вариантов ответов, от категорического согласия до категорического несогласия. Патриархальным семейным ценностям соответствовало несогласие с предложенными утверждениями.

Данные опроса «Поколения и гендер» по Казахстану не содержали полной миграционной истории респондентов, однако помимо региона, в котором респондент проживал на момент опроса, содержалась информация о стране/регионе, где респондент родился и где жил в возрасте до 15 лет⁴. Из общего числа 14857 респондентов опроса при анализе было исключено 1238 респондентов, которые в возрасте до 15 лет жили за пределами Казахстана. Такое решение связано с ожидаемой значительной ценностной разнородностью этой группы в зависимости от страны, в которой прошло взросление. Также были исключены из анализа 49 респондентов, которые на момент опроса жили вне Алматы, но провели детство в этом городе. Исключение группы было оправдано ее малочисленностью, а также трудностью прогнозирования эффекта детства в городе при разнонаправленности последующих переселений. Таким образом, общее число респондентов, включенных в анализ, составляло 13570.

Следует отметить, что между регионом рождения и регионом, где респондент прожил первые 15 лет, наблюдалась очень высокая корреляция: среди жителей Алматы, для которых имелись данные по обоим этим вопросам, несовпадение регионов рождения и проживания в первые 15 лет зафиксировано лишь примерно у 7%. Тем самым анализ опроса не позволял достоверно сопоставить эффекты рождения в городе и проживания в городе в период детства. Тем не менее, следуя первоначально сформулированной цели исследования, в анализе мы различали респондентов не по месту рождения, а по тому, прошло ли их детство в городе или за пределами.

⁴ Насколько можно судить, не имелось какой-либо специальной методики обработки ответов в случае, если респондент сообщал, что в возрасте до 15 лет переезжал из одного региона в другой. По-видимому, в таких случаях респондентам предлагалось определить регион, в котором прошла наибольшая часть их детства.

Метод

Взгляды на социальные роли мужчин и женщин, очевидно, могут зависеть не только от того, провел ли респондент детство в городе или за его пределами, но и от большого количества других факторов, по которым могут различаться респонденты наряду с различиями по месту проживания и миграционному статусу. В связи с этим для анализа было необходимо использовать регрессионные модели, так как они позволяют различить роль места проживания в детстве от роли других факторов, потенциально значимых для мнения респондента по исследуемым вопросам. Поскольку представления о социальных ролях мужчин и женщин в опросе «Поколения и гендер» измеряются с помощью порядковых шкал, а также по причине возможных нелинейных различий были использованы мультиномиальные логистические модели.

У зависимых переменных, отражающих ответы на вопросы о предпочтительности выполнения определенной социальной роли женщинами или мужчинами, было три варианта ответов: «женщины», «мужчины», «мужчины и женщины в равной степени». Если вопрос предполагал пять вариантов ответа: «определенно, да», «скорее да», «ни да ни нет», «скорее нет» и «определенно нет», — он был перекодирован в три значения: «согласие» (соответствовало первым двум вариантам ответа), «нейтралитет» (соответствовал третьему варианту ответа), «несогласие» (соответствовало четвертому и пятому вариантам ответа). Если для респондента в данных не было информации об ответе на какой-либо вопрос или содержалось указание на отказ от ответа, из анализа ответов на данный вопрос респондент исключался. Такие случаи имели низкую частотность (см. табл. 1), которая вряд ли позволяет рассматривать их как источник существенного искажения результатов анализа.

Для ответа на каждый из вопросов были построены две модели. В обеих моделях основной объяснительный параметр различал три категории респондентов (ниже для краткости этот параметр обозначается как «статус респондента»): (1) проживающие в Алматы на момент опроса и жившие там до 15 лет; (2) проживавшие в Алматы на момент опроса, но переехавшие туда из других частей Казахстана в возрасте старше 15 лет; (3) проживавшие на момент опроса за пределами Алматы и жившие в другой части страны в возрасте до 15 лет⁵.

В качестве контрольных в *первой модели* применялись следующие параметры:

- пол респондента;
- возраст респондента на момент опроса (были использованы бинарные переменные для различения следующих возрастных категорий: 18—24 года, 25—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60+);
- уровень образования респондента на момент опроса (начальное или ниже, среднее, высшее);

⁵ В постсоветское время территория города Алматы неоднократно расширялась за счет территории Алматинской области. Наиболее активно изменение границ шло в первой половине 2010-х годов. Нельзя исключать, что у части респондентов, проживавших на момент опроса в Алматы, детство прошло на территориях, на момент опроса входивших в состав Алматы, а ранее — в состав Алматинской области. Мы не можем знать, как такие респонденты отвечали на вопрос о месте жительства в период детства. В качестве проверки устойчивости результатов анализа были дополнительно построены модели, в которых респонденты, выросшие/проживавшие в Алматы или Алматинской области, сопоставлялись с респондентами, проживавшими в других частях страны. Существенных различий по результатам между моделями с такой категоризацией респондентов и моделями, описываемыми в статье, не обнаружилось.

— семейное положение на момент опроса (по этому параметру различались имеющие и не имеющие на момент опроса супруга/партнера; включение в модели параметра, более детально описывающего семейное положение, в частности различающего овдовевших, разведенных и т. д., было затруднено малочисленностью респондентов этих категорий в подвыборке жителей Алматы);

— религиозная принадлежность (различались респонденты, определившие себя в ходе опроса как мусульмане, православные христиане, представители других религий⁶ и неверующие).

Поскольку абсолютное большинство респондентов идентифицировали себя либо как мусульмане, либо как православные (см. таблицу A1 [электронного приложения](#)), последний параметр, скорее всего, в какой-то мере допустимо рассматривать и как коррелят этнической принадлежности.

Имеющееся у респондента количество детей, очевидно, также могло оказать влияние на взгляды по рассматриваемым вопросам. Однако данный параметр (как и бинарный параметр наличия/отсутствия хотя бы одного ребенка у респондента) оказался сильно скоррелирован с семейным положением на момент опроса и поэтому не мог быть включен в анализ.

К сожалению, параметры, характеризующие материальное положение индивида или его семьи на момент опроса, в данных опроса «Поколения и гендер» по Казахстану были определены только для малой части респондентов, вследствие чего их использование в качестве контрольных было невозможно. Это создавало определенные ограничения для анализа, поскольку взгляды на брак и на социальные роли мужчин и женщин могут варьировать в зависимости от уровня жизни.

Во второй модели эффект проживания и взросления в Алматы сопоставлялся для респондентов, самоидентифицировавшихся в ходе опроса как мусульмане, и для респондентов, иначе определивших свою религиозную принадлежность. Для этого были использованы мультиномиальные логистические модели с взаимодействием двух бинарных параметров: статуса респондента и переменной, указывающей, идентифицировал ли себя респондент в ходе опроса как мусульманина. В качестве контрольных параметров во второй модели применялись те же переменные, что и в первой модели, за исключением переменной религиозной принадлежности.

Для более наглядной презентации результатов анализа на основе построенных моделей были вычислены «предсказанные вероятности» каждого варианта ответа на вопрос при заданном значении основного объяснительного параметра (места проживания в детстве или «взаимодействия» места проживания в детстве и религиозной принадлежности). В соответствии со стандартной методикой «предсказанные вероятности» были вычислены как среднее вероятностей какого-либо варианта ответа на вопрос, посчитанных с помощью регрессионного уравнения для каждого индивида выборки при присвоении всем индивидам интересующего значения объяснительного параметра (о данном методе репрезентации результатов

⁶ Среди респондентов, определивших себя как представителей других религий, две трети были охарактеризованы в доступной нам базе данных опроса как индуисты, что, с учетом малой представленности этой религии в Казахстане, скорее всего, является результатом ошибки. Еще примерно четверть респондентов этой группы составляли последователи христианских течений, альтернативных православия. Вне зависимости от того, насколько правомерно было объединение в одну группу респондентов разных религий, их сравнительно малая доля в исследуемой выборке (10%) не позволяла ожидать, что данное решение окажет серьезное влияние на результаты анализа.

регрессионного анализа см. [Muller, MacLehose, 2014]). «Предсказанные вероятности» при демонстрации результатов анализа даются в форме графиков с доверительными интервалами на уровне значимости 83,5 %, поскольку отсутствие «пересечения» доверительных интервалов этого уровня для двух величин позволяет с вероятностью 95 % утверждать, что сами оцениваемые величины не равны друг другу [Payton et al., 2003]⁷. В следующем разделе результаты моделирования представлены в виде графиков, показывающих «предсказанные вероятности» разных вариантов ответа на исследуемые вопросы. Ниже термин «вероятность» используется в качестве эквивалента термина «предсказанная вероятность». Для краткости эффекты контрольных параметров при описании результатов в основной части статьи не представлены. Полные модели содержатся в [электронном приложении](#).

Результаты

В таблице 1 представлено распределение значений зависимых параметров, используемых в моделях, у трех сопоставляемых групп респондентов.

Таблица 1. *Распределение ответов респондентов на вопросы о социальных ролях мужчин и женщин, %*

	Кому важнее иметь высшее образование — мужчинам или женщинам?			Кому важнее иметь работу — мужчинам или женщинам?		
	Проживающие за пределами Алматы	Переехавшие в Алматы по взрослому возрасту	Выросшие в Алматы	Проживающие за пределами Алматы	Переехавшие в Алматы по взрослому возрасту	Выросшие в Алматы
Мужчинам	13,46	7,59	5,73	38,87	32,64	30,36
И женщинам, и мужчинам	80,82	86,78	91,30	58,92	64,94	68,37
Женщинам	4,12	4,02	2,12	1,36	1,03	0,85
Нет ответа	1,60	1,61	0,85	0,85	1,38	0,42
	Кто в первую очередь должен зарабатывать деньги для семьи — мужчина или женщина?			Кто в первую очередь должен заботиться о доме и детях?		
Мужчина	60,20	56,55	54,78	4,65	4,37	6,37
И женщина, и мужчина	37,06	40,80	44,37	50,17	52,18	63,48
Женщина	1,89	0,21	0,21	44,23	41,61	29,72
Нет ответа	0,85	0,64	0,64	0,95	1,84	0,42
	Может ли работающая мать установить теплые и стабильные отношения с ребенком?			Вредно ли для ребенка дошкольного возраста, когда отец очень много времени проводит на работе?		
Да	70,74	53,33	59,45	34,07	38,62	55,63
И да, и нет	12,74	17,24	19,32	21,69	14,83	15,50
Нет	12,05	23,33	18,90	38,49	36,67	25,05
Нет ответа	4,47	6,09	2,34	5,75	9,89	3,82
Всего	13467	870	471	13467	870	471

⁷ Отсутствие пересечения между доверительными интервалами указывает на то, что различия между вероятностями разных ответов на рассматриваемые вопросы на основании построенных моделей следует считать статистически значимыми.

По всем вопросам, кроме вопроса о том, вредно ли для ребенка дошкольного возраста, если отец слишком много времени проводит на работе, самый частотный вариант ответа был одним и тем же во всех трех группах. По вопросу об образовании и работе во всех трех группах преобладала точка зрения об их важности и для мужчин, и для женщин. Также большинство респондентов во всех трех группах разделяло точку зрения, что забота о доме и детях — в равной мере задача женщины и мужчины, и верило в то, что работающая мать способна установить теплые и стабильные отношения с ребенком. Асимметричная точка зрения на роли мужчин и женщин преобладала только в ответе на вопрос о том, кто в первую очередь должен зарабатывать деньги для семьи: во всех трех группах респондентов наиболее распространенной оказалась точка зрения, что это обязанность мужчины. При этом частота ответов, соответствующих симметричным представлениям о роли мужчин и женщин, была регулярно наиболее высокой среди выросших в Алматы, ниже среди проживающих там, но выросших в другой части страны, и еще ниже среди проживающих в других частях страны. По вопросу о том, вредно ли для ребенка постоянное отсутствие работающего отца дома, среди выросших в Алматы положительный ответ фиксировался в два раза чаще, чем отрицательный, а у двух других групп респондентов частоты положительного и отрицательного ответов были очень близки друг другу.

Распределения, представленные в таблице 1, не указывают на резкие контрасты между исследуемыми группами респондентов. За редкими исключениями, различия между тремя группами по частоте определенного ответа находятся в пределах 10 п. п. Однако необходимо учитывать, что на эти межгрупповые различия могли оказывать влияние и различия между группами по другим параметрам, потенциально влияющим на ценностные установки, таким как пол, возраст, образование, семейное положение, религиозная принадлежность. Для обеих групп респондентов, на момент опроса проживавших в Алматы, влияние этих факторов на распределения ответов на вопросы могло быть особенно велико в силу относительной немногочисленности этих групп. Именно поэтому более надежную картину различий между рассматриваемыми группами мог дать регрессионный анализ, в котором все перечисленные параметры выступали в качестве контрольных. В этом случае различия между респондентами трех исследуемых групп по взглядам на социальные роли мужчин и не могли объясняться различиями между ними по контрольным параметрам. На рисунках 1—6 показаны «предсказанные вероятности» (далее для простоты обозначаемые как «вероятности») разных ответов на вопросы для трех рассматриваемых групп респондентов. Эти показатели посчитаны на основе моделей без взаимодействия параметров. На рисунках показаны доверительные интервалы вероятностей.

В ответах на вопрос о том, мужчинам или женщинам важнее иметь высшее образование (см. рис. 1), вероятность ответа «мужчинам и женщинам в равной степени» была очень высока для всех категорий респондентов, так что альтернативные точки зрения можно считать маргинальными. Тем не менее у жителей Алматы, вне зависимости от места проживания в первые 15 лет, ве-

роятность этого ответа была статистически значимо выше по сравнению с проживавшими за пределами города. При этом для выросших в Алматы данный ответ, в свою очередь, был статистически значимо более вероятен, чем для тех, кто переехал в город после 15 лет. В обоих случаях, при статистической значимости, различия не были велики. Вероятность точки зрения, что высшее образование важнее получить женщинам, была выше у переехавших в город после 15 лет, чем у выросших в нем, хотя уровень вероятности такого ответа был крайне низок для всех категорий респондентов. У проживавших вне Алматы значимо выше была вероятность точки зрения, что высшее образование важнее иметь мужчинам.

Рис. 1. Вероятности ответов на вопрос о том, в первую очередь мужчинам или женщинам важно иметь высшее образование

Рассмотрим теперь вероятности ответов на вопрос, мужчины или женщины должны в первую очередь иметь работу. Как видно на рисунке 2, значимых различий между выросшими в Алматы и переехавшими туда позднее не наблюдалось. При этом для обеих групп проживавших в Алматы по сравнению с проживавшими за пределами города значимо выше была вероятность точки зрения, что иметь работу одинаково важно мужчинам и женщинам, хотя абсолютные различия по вероятности не были велики. Наоборот, у проживавших за пределами Алматы по сравнению с обеими группами жителей города значимо выше оказалась вероятность точки зрения, что иметь работу важнее мужчинам.

На рисунке 3 показаны вероятности ответов на вопрос о том, мужчины или женщины должны в первую очередь зарабатывать деньги для семьи. Здесь значимые различия фиксировались только между проживавшими на момент опроса в Алматы или за ее пределами: среди проживавших в городе более распространена была точка зрения, что эту роль в одинаковой степени должны исполнять и муж-

чины, и женщины, и менее распространена точка зрения, что в качестве «добытчика» в семье выступать должен только мужчина.

Рис. 2. Вероятности ответов на вопрос о том, в первую очередь мужчинам или женщинам важно иметь работу

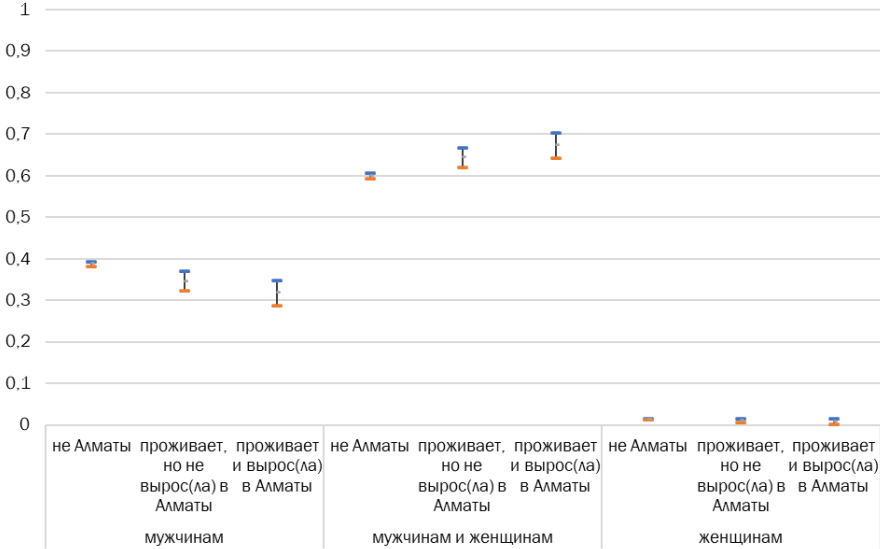

Рис. 3. Вероятности ответов на вопрос о том, в первую очередь мужчины или женщины должны зарабатывать деньги для семьи

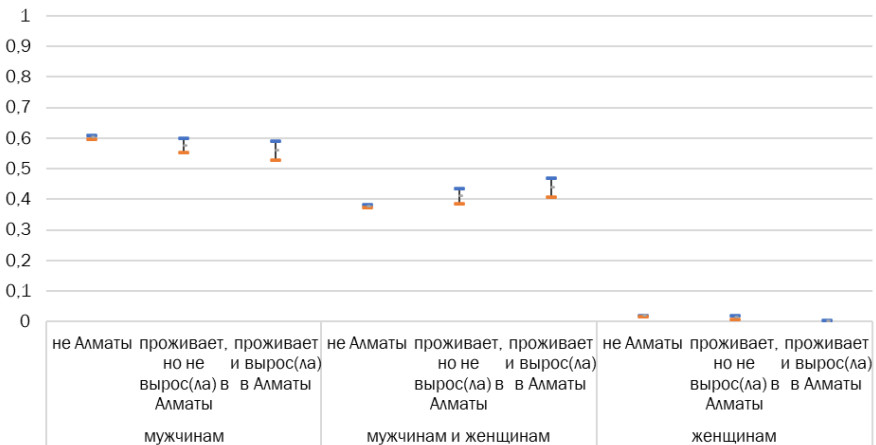
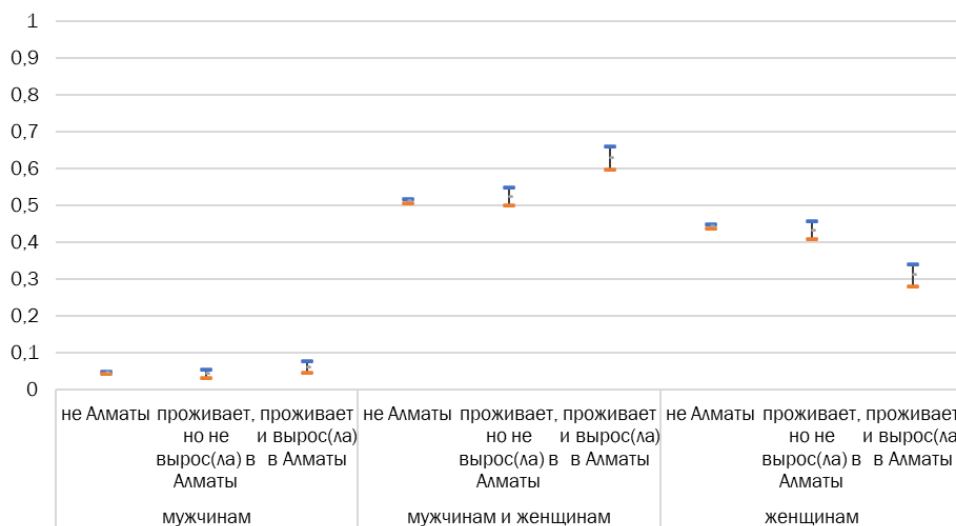

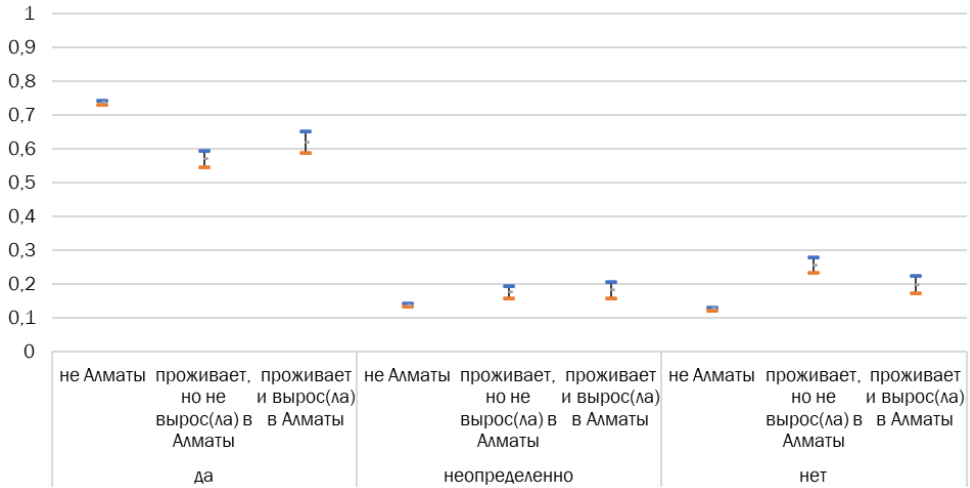
Рисунок 4 демонстрирует распределение вероятностей различных ответов на вопрос о том, мужчины или женщины должны в первую очередь заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. В данном случае значимые различия наблюдались между теми, чье детство прошло в Алматы, и всеми остальными респондентами: у выросших в городе значимо выше оказалась вероятность точки зрения, что эту задачу должны брать на себя и мужчины, и женщины, и значимо ниже вероятность точки зрения, что это исключительно задача женщин. Разница между вероятностями в этом случае была больше, чем в наблюдававшихся ранее случаях статистически значимых различий.

Рис. 4. Вероятности ответа на вопрос, мужчины или женщины должны в первую очередь заботиться о доме и детях

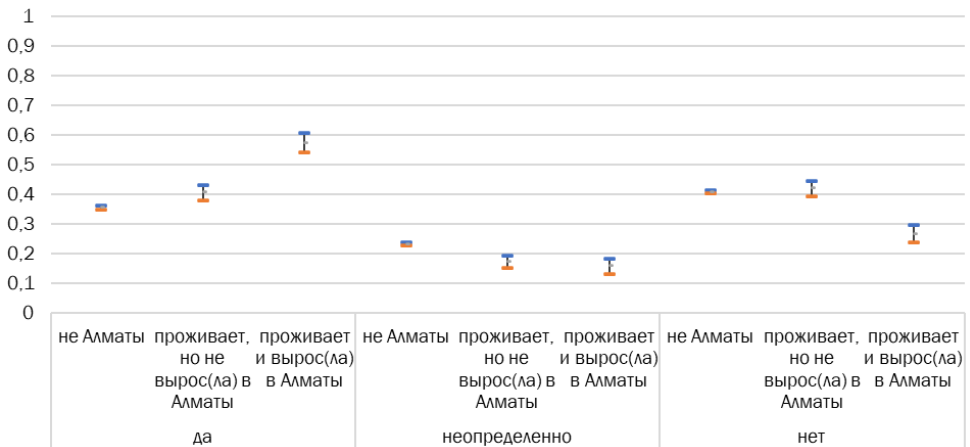
Представления о том, может ли работающая мать установить теплые и стабильные отношения с ребенком, также различались в зависимости от места проживания и взросления респондентов (см. рис. 5). Мнение, что это возможно, больше всего было распространено у живущих вне Алматы; у них также наиболее низка по сравнению с другими группами респондентов вероятность противоположного мнения. Разрывы по вероятностям в обоих случаях достаточно существенны. У выросших в Алматы утверждение, что работа матери не мешает ее отношениям с ребенком, было более вероятно, чем у жителей города, чье детство прошло в другом месте, однако в данном случае различие между вероятностями было меньше и находилось на грани статистической значимости. Наоборот, мнение, что работа матери и ее полноценные отношения с ребенком несовместимы, оказалось распространеннее среди тех, кто проживает, но не вырос в Алматы, по сравнению с теми, кто там вырос.

Рис. 5. Вероятности ответа на вопрос, может ли работающая мать установить теплые и стабильные отношения с ребенком

Согласие с тем, что для ребенка дошкольного возраста плохо, если отец очень много времени проводит на работе, было менее всего вероятно у тех, кто жил за пределами Алматы (см. рис. 6). У тех, кто вырос в Алматы, вероятность такой точки зрения значительно выше, чем у живущих в Алматы, но не выросших там, причем контраст по вероятностям весьма заметный. Противоположная точка зрения была значительно менее вероятна у выросших в Алматы по сравнению с переехавшими в город после 15 лет и по сравнению с проживающими в другой части страны.

Рис. 6. Вероятности ответа на вопрос, вредно ли для ребенка дошкольного возраста, когда отец очень много времени проводит на работе

Обратимся теперь к результатам анализа, имевшего целью выявить различия во взглядах на роли мужчин и женщин между респондентами-мусульманами и последователями других религий. Как было отмечено выше, в рамках целей настоящего исследования интерес представляли не собственно различия респондентов разных религиозных групп по частоте разных ответов на вопросы анкеты, а то, различаются ли мусульмане и респонденты других религий по связи между вероятностью разных ответов и проживанием/взрослением в мегаполисе. Поэтому в таблице 2 сопоставляются предсказанные вероятности разных точек зрения на социальные роли мужчин и женщин, посчитанные на основе моделей с взаимодействием параметра религиозной принадлежности и параметра, указывающего на место проживания/взросления респондента. Обнаруженные различия между респондентами-мусульманами и респондентами других вероисповеданий представлены в таблице 2. В [электронном приложении](#) представлено дескриптивное распределение респондентов-мусульман и респондентов других религий по ответам на все исследуемые вопросы, а также мультиномиальные логистические модели, на основе которых посчитаны предсказанные вероятности. В таблице 2 приведены только те мнения, по которым соотношения вероятностей у мусульман и респондентов других религий оказались разными. Показаны только статистически значимые различия (знак «>» означает, что у группы, указанной слева от него, вероятность соответствующего мнения значимо выше, чем у группы, указанной справа от него).

Таблица 2. Вопросы о социальных ролях мужчин и женщин: случаи статистически значимых различий между респондентами-мусульманами и другими респондентами по эффекту проживания и взросления в Алматы*

Мнение	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов-мусульман	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов других вероисповеданий
Иметь высшее образование в равной степени важно для мужчин и для женщин	В > П > неП	В, П > неП
Иметь работу одинаково важно мужчинам и женщинам	В > П, неП	П > В > неП
Иметь работу важнее мужчинам	неП, П > В	неП, В > П
Деньги для семьи должны в первую очередь зарабатывать мужчины	неП > В, П	П > неП
Деньги для семьи должны зарабатывать и мужчины, и женщины	П, В > неП	неП > П
Домашними делами и детьми должны в равной мере заниматься женщины и мужчины	П, В > неП	В > неП > П
Домашними делами и детьми должны в первую очередь заниматься женщины	неП > В, П	П > неП > В

Мнение	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов-мусульман	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов других вероисповеданий
Согласен(–на), что для ребенка дошкольного возраста плохо, если отец очень много времени проводит на работе	В > П, неП	В, П > неП
Не согласен(–на), что для ребенка дошкольного возраста плохо, если отец очень много времени проводит на работе	П > неП > В	неП > П > В

* В — выросшие в Алматы; П — проживающие в Алматы, выросшие в других частях Казахстана; неП — выросшие и проживающие в других частях Казахстана.

Как видно из таблицы 2, связь проживания или взросления в мегаполисе с отказом от патриархальных представлений о социальных ролях мужчин и женщин более последовательно наблюдается у респондентов-мусульман. Среди них представление о том, что иметь высшее образование и работу в одинаковой степени важно и мужчинам, и женщинам, значимо более вероятно у выросших в Алматы, чем у переехавших туда во взрослом возрасте или живущих в других частях страны. Наоборот, мнение, что иметь работу важнее мужчинам, среди респондентов-мусульман значимо менее вероятно у выросших в Алматы по сравнению с проживающими или выросшими за пределами мегаполиса. У респондентов других вероисповеданий такого последовательного противопоставления выросших в мегаполисе всем другим группам респондентов по более эгалитарным взглядам на работу и образование мужчин и женщин не наблюдается. Более того, у респондентов-немусульман патриархальное представление о том, что иметь работу важнее мужчинам, среди выросших в Алматы значимо более вероятно, чем среди переехавших туда во взрослом возрасте. Аналогично среди респондентов-мусульман вероятность точки зрения, что деньги для семьи должны зарабатывать только мужчины, значимо выше у проживающих вне Алматы, чем у выросших в этом городе или переехавших в него, а точка зрения, согласно которой деньги должны зарабатывать представители обоих полов, наоборот, значимо менее вероятна у проживающих вне Алматы по сравнению с двумя другими группами. Проживающие вне Алматы среди респондентов-мусульман отличаются и более высокой вероятностью точки зрения, согласно которой домашними делами и детьми должна заниматься в первую очередь женщина, и более низкой вероятностью точки зрения, что мужчины и женщины должны выполнять эту функцию в равной мере. Для респондентов других религий не наблюдается такой последовательной связи между проживанием за пределами Алматы и приверженностью более «традиционным» взглядам на участие мужчин и женщин в домашних делах. Единственный случай, когда фактор мегаполиса более тесно связан с отказом от патриархального распределения ролей в семье у респондентов-немусульман по сравнению с мусульманами, касается ответа на вопрос о том, плохо ли для ребенка дошкольного возраста, когда отец проводит слишком много времени на работе. У респондентов других религий согласие с этой точкой зрения значимо менее вероятно сре-

ди проживающих за пределами Алматы, и среди них же значимо более вероятно противоположная точка зрения. У респондентов-мусульман распределение вероятностей разных мнений по данному вопросу не позволяет однозначно говорить о связи представления о необходимости участия отца в воспитании детей с фактором мегаполиса: среди них несогласие с тем, что постоянная занятость отца работой вредна для ребенка, наиболее вероятно среди проживающих в Алматы.

Обсуждение результатов

На примере одного из крупнейших мегаполисов постсоветской Центральной Азии, Алматы, мы увидели отличия его населения от населения других частей страны по преобладающим взглядам на социальные роли женщин и мужчин. Анализ продемонстрировал более эгалитарные точки зрения на данные вопросы среди населения мегаполиса по сравнению с жителями других частей страны. Также результаты в целом подтвердили, что жители Алматы, прошедшие детство в данном мегаполисе, демонстрируют менее традиционные представления о социальных ролях женщин и мужчин по сравнению с теми жителями города, которые провели детство за его пределами. Это касается точек зрения на участие мужчин и женщин в воспитании детей, в материальном обеспечении семьи, на важность образования и трудовой деятельности мужчин и женщин. В большинстве случаев различия в вероятностях разных точек зрения на эти вопросы между рассматриваемыми группами населения были невелики в абсолютном выражении, однако статистическая значимость межгрупповых различий регулярно указывала на наличие указанных тенденций.

Этот результат позволяет констатировать культурные контрасты внутри населения Алматы и подтверждает предположение, что по крайней мере частично эти различия могут быть связаны с более консервативными социальными нормами, в которых выросла часть прибывающих в город переселенцев. Пример Алматы также говорит в пользу того, что миграция в мегаполис в постсоветской Центральной Азии не обязательно сопровождается уподоблением переселенцев коренным жителям города по ценностным ориентирам. Переехавшие в город во взрослом возрасте демонстрируют регулярные отличия по таким ориентирам от выросших в городе, подтверждая теоретические представления о роли места первоначальной социализации индивида для его ценностных установок и поведенческих стандартов (ср. обсуждение этих теоретических представлений в контексте демографического поведения мигрантов разных поколений в [Kulu et al. 2019; Pailhé 2017] и др.).

При этом анализ показал, что по некоторым вопросам переселенцы в мегаполис «группируются» с жителями других частей страны, а по некоторым другим — с теми, кто вырос в мегаполисе. Наиболее явной «точкой согласия» между выросшими в Алматы и переехавшими туда позднее является вопрос о работе женщин и об их участии в обеспечении доходов семьи. Это позволяет предположить, что точка зрения на этот вопрос в значительной степени формируется взрослым опытом жизни в городе, где трудовая деятельность обоих супругов является нормой и необходимостью для большинства семей. Однако взгляды, касающиеся более «внутренних» сторон семейной жизни, таких как роль супругов в воспитании де-

тей и ведении домашнего хозяйства, оказались более «чувствительными» именно к тому, вырос респондент в Алматы или за его пределами. Тем самым, по-видимому, для выработки мнений по этим вопросам оказывается важным опыт, приобретенный в детстве, и наблюдаемые индивидом в тот период образцы социального поведения.

Мы также видели, что среди респондентов-мусульман проживание и взросление в мегаполисе демонстрирует более регулярную связь с ослаблением роли патриархальных представлений о социальных ролях мужчин и женщин, чем среди респондентов других религий. Этот результат представляет интерес в первую очередь на фоне исследований, демонстрирующих большую распространенность консервативных семейных ценностей среди мусульман в странах Центральной Азии [Kuito, Perugini 2024]. Продолжение миграции населения в мегаполисы, по крайней мере в контексте Казахстана, может иметь результатом сдвиг семейных идеалов мусульманского населения в сторону большей симметричности ролей женщин и мужчин в семье, что, в свою очередь, с большой вероятностью будет значимо и для демографических перспектив этих городских образований.

На вопрос о том, почему именно среди респондентов-мусульман взросление в мегаполисе и переезд в него наиболее тесно связаны со сдвигами к более симметричным представлениям о социальных ролях мужчин и женщин, предварительно можно дать как минимум два ответа. С одной стороны, как уже было отмечено, среди респондентов-мусульман значительную долю составляли выходцы из регионов Казахстана, характеризующихся — судя, по крайней мере, по доступным демографическим показателям, — достаточно консервативным семейным укладом. Большой удельный вес жителей этих регионов среди респондентов-мусульман может усиливать ценностный разрыв между проживающими в Алматы и за ее пределами. С другой стороны, некоторые социально-экономические характеристики респондентов-мусульман, переезжающих во взрослом возрасте в Алматы, позволяет предположить их восприимчивость к менее консервативным ценностям. На это указывает, в частности, высокий образовательный уровень респондентов-мусульман, переехавших в Алматы во взрослом возрасте: среди них высшее образование имели 67,9%, в то время как среди респондентов-мусульман, проживающих вне Алматы, — только 35,2%.

Не столь регулярная связь между проживанием или взрослением в городе и отходом от патриархальных взглядов на социальные роли мужчин и женщин среди респондентов, не являющихся мусульманами, может иметь свои собственные причины. Как мы видели, для респондентов-немусульман, переехавших в Алматы во взрослом возрасте, более характерны, чем для проживающих вне Алматы, взгляды, закрепляющие в первую очередь за мужчинами задачу зарабатывать деньги для семьи, а за женщинами — заботу о детях и домашнем очаге. Одно из возможных объяснений связано с тем, что среди респондентов-немусульман, проживающих вне Алматы, почти половина (48%) жила в пяти областях северного и восточного Казахстана с наиболее высокой долей русского населения — Северо-Казахстанской, Костанайской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Павлодарской областях. Близкий к соседним регионам РФ жизненный уклад этих регионов делает ожидаемой высокую вероятность среди проживающих в них ре-

спондентов симметричных взглядов на социальные роли женщин и мужчин. С другой стороны, респонденты-немусульмане, проживающие в культурно более разнородной среде Алматы, могут воспринимать в ней ценности разного характера, включая и патриархальные. Проверка такого объяснения, разумеется, требует дополнительных исследований. Однако в любом случае данный результат указывает на то, что, при общем ослаблении консервативных взглядов на взаимоотношения полов в контексте мегаполиса, траектории ценностных изменений у разных групп переселенцев могут различаться, образуя достаточно сложную мозаику.

С данными и методикой анализа, используемыми в статье, связаны ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Прежде всего, это уже упомянутый риск, состоящий в том, что на вопросы о ценностях и предпочтениях респонденты могут давать «социально приемлемые» ответы, не отражающие в полной мере их личное мнение. Выявить этот возможный эффект использованная методика анализа, разумеется, не позволяет. Другое ограничение состоит в том, что эффект детства в городе на основе используемых данных не может быть отграничен от эффекта рождения в городе: как мы видели, подмножества респондентов, родившихся в Алматы и проведших там первые 15 лет своей жизни, почти совпадали. Поэтому при интерпретации результатов невозможно утверждать, в какой мере выявленные различия между респондентами объяснимы местом их жительства в период первоначальной социализации, а в какой — именно фактом рождения в городе.

При всех этих ограничениях, проведенный анализ не оставляет сомнений в том, что одно из ключевых последствий современной миграции в крупные центральноазиатские города — это усложнение их социума из-за различий между переселенцами и коренными жителями, а также между разными группами переселенцев по ценностным ориентациям. Эти различия могут быть связаны с религиозной принадлежностью, а также с тем, вырос ли индивид в городе или переехал в него позднее. На этом фоне важным предметом практико-ориентированных городских исследований становится устойчивость таких различий у мигрантов разных поколений, а также то, насколько эти ценностные различия ведут к поведенческим различиям между разными группами городского социума — например, к разным уровням рождаемости, разной распространенности трудовой занятости женщин и т. д.

Список литературы (References)

1. Бюлегенова Б. Б., Шермухамедова Н. А., Туремуратов О. Ж. Тенденции урбанизации в странах Центральной Азии: развитие агломераций за годы независимости (2000—2023 гг.) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 150—166.
Byelegenova B. B., Shermukhamedova N. A., Turemuratov O. Zh. (2024) Urbanization Tendencies in the Countries of Central Asia: Development of Agglomerations in the Period of Independence (2000—2023). *Russia in Global World*. Vol. 27. No. 2. P. 150—166. (In Russ.)
2. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: О. Г. И., 1998.

- Vishnevski A. G. (1998) *The Sickle and the Rouble: The Conservative Modernization in the USSR*. Moscow: O.G.I. (In Russ.)
3. Гали Д. А. Развитие системы городских поселений и процессов расселения населения в Казахстане в 1959—1999 гг. (урбанизационный аспект) // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 90—101.
Gali D. A. (2011) *Development of the System of Urban Settlements and Population Resettlement Processes of Kazakhstan in 1959—1999 (The Urbanization Aspect)*. *Journal of NGUEU*. No. 2. P. 90—101. (In Russ.)
  4. Демографический ежегодник города Алматы, 2015—2019. Алматы: Департамент статистики города Алматы, 2020.
Demographic Yearbook of Almaty, 2015—2019. (2020) Almaty: The Department of Statistics of Almaty. (In Russ.)
  5. Демографический сборник Казахстана. Алматы: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2023.
Demographic Yearbook of Kazakhstan. (2023) Almaty: National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning of Republic of Kazakhstan. (In Russ.)
  6. Демографический сборник Казахстана. Алматы: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
Demographic Yearbook of Kazakhstan. (2024) Almaty: National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning of Republic of Kazakhstan. (In Russ.)
  7. Джумамбаев С. К. Урбанизация и индустриализация в Казахстане: взаимосвязь, состояние и перспективы // Вестник КазНУ. Серия экономическая. 2014. № 2. С. 3—11.
Dzhumabaev S. K. (2024) *Urbanization and Industrialization in Kazakhstan: Intercommunication, State and Prospects*. *KazNU Bulletin. Economics Series*. No. 2. P. 3—11. (In Russ.)
  8. Панарин С. А. Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989—1999) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 48—70.
Panarin S. A. (2005) *Kazakhstan: Cities and Urbanization Between the Censuses (1989—1999)*. *Journal of Eurasia*. No. 3. P. 48—70. (In Russ.)
  9. Портес А., Чжоу М. Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1. С. 122—141 <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>.
Portes A., Zhou M. (2017) *The New Second Generation: Segmental Assimilation and Her Types*. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1. P. 122—141. <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>. (In Russ.)
  10. Стародубровская И. В., Идрисов Э. Ш., Казенин К. И. Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий

- // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 2. С. 22—41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>.
- Starodubrovskaja I. V., Idrisov E. Sh., Kazenin K. I. (2022) Adaptation of Rural-to-Urban Migrants from Daghestan in Makhachkala and in Astrakhan: Sources of Differences. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 2. P. 22—41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>. (In Russ.)
11. Agadjanian V., Dommaraju P., Glick J. (2008) Reproduction in Upheaval: Ethnic Specific Fertility Responses to Societal Turbulence in Kazakhstan. *Population Studies*. Vol. 62. No. 2. P. 211—233.
  12. Esser H. (2004) Does the “New” Immigration Require a “New” the Theory of Inter-generational Integration? *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1126—1159.
  13. Greenstein T. N., Shannon N. D. (2006) Cross-National Variations in Divorce: Effects of Women’s Power, Prestige and Dependence. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 37. No. 2. P. 253—273.
  14. Krumpal I. (2013) Determinants of social desirability bias in sensitive surveys: a literature review. *Quality & Quantity*. Vol. 47. No. 4. P. 2025—2047. doi: 10.1007/s11135-011-9640-9
  15. Kulu H. (2005) Migration and Fertility: Competing Hypothesis Reexamined. *European Journal of Population Research*. Vol. 21. P. 51—87.
  16. Kulu H., Milewski N., Hannemann T., & Mikolaj J. (2019). A decade of life-course research on fertility of immigrants and their descendants in Europe. *Demographic Research*. Vol. 40. Art. 46. P. 1345—1374. <https://doi.org/doi:10.4054/Dem-Res.2019.40.46>.
  17. Kumo K., Perugini C. (2024) Religion, Gender Norms and Fertility in Muslim Post-Communist Economies. *Post-Communist Economies*. Vol. 36. No. 8. P. 1035—1065. <https://doi.org/10.1080/14631377.2024.2437734>.
  18. Lindstrom D. P. (2003) Rural-Urban Migration and Reproductive Behavior in Guatemala. *Population Research and Policy Review*. Vol. 22. No. 4. P. 351—372.
  19. Makhanov K. (2023) Soviet and Post-Soviet Transformations of Urban System: Case of Kazakhstan from 1979 to 2022. *Eurasian Research Journal*. Vol. 5. No. 1. P. 43—58.
  20. Muller C. J., MacLehose R. F. (2014) Estimating Predicted Probabilities from Logistic Regression: Different Methods Correspond to Different Target Populations. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 43. No. 3. P. 962—970. <https://doi.org/10.1093/ije/dyu029>.
  21. Myers S. M. (1999) Childhood Migration and Social Integration in Adulthood. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 61. No. 3. P. 774—789.

22. Pailhé A. (2017) The Convergence of Second-Generation Immigrants' Fertility Patterns in France: The Role of Sociocultural Distance Between Parents' and Host Country. *Demographic Research*. Vol. 36. Art. 45. P. 1361—1398. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.45>.
23. Payton M.E., Greenstone M. H., Schenker N. (2003) Overlapping Confidence Intervals or Standard Error Intervals: What Do They Mean in Terms of Statistical Significance? *Journal of Insect Science*. Vol. 3. No. 34. <https://doi.org/10.1093/jis/3.1.34>.
24. Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F. C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J. M., MacDonald A., Neyer G., Pailhé A., Pinnelli A., Sola A. (2007) Generations and Gender Survey (GGS): Towards a Better Understanding of Relationships and Processes in the Life Course. *Demographic Research*. Vol. 17. Art. 14. P. 389—440.
25. Schmidt M., Sagynbekova L. (2008) Migration past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. Vol. 27. No. 2. P. 111—127.
26. Simard M., Franklin S. (2005) Sample Design Guidelines. In United Nations Economic Commission for Europe. Generations and Gender Programme. Survey Instruments. New York, NY; Geneva: United Nations.
27. Thieme S. (2009) Living in Transition: How Kyrgyz Women Juggle Their Different Roles in a Multi-local Setting. *Gender, Technology and Development*. Vol. 12. No. 3. P. 325—345. <https://doi.org/10.1177/097185240901200303>.
28. van Tubergen F., Sindradóttir J. (2011) The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 50. No. 2. P. 272—288.

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3039](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3039)

А. Ю. Филякин

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН
(ИССЛЕДОВАНИЕ ТРОИЦКОГО ОБХОДНОГО ОБРЯДА
В ДЕРЕВНЕ ЩЕРБИНИНО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Правильная ссылка на статью:

Филякин А. Ю. Нематериальное культурное наследие в представлениях россиян (исследование троцкого обходного обряда в деревне Щербинино Московской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 246—270. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3039>.

For citation:

Filyakin A. Yu. (2025) Intangible Cultural Heritage in the Perceptions of Russians (The Study of the Trinity Home-to-Home Walk Rite in the Village of Shcherbinino in Moscow Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 246–270. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3039>. (In Russ.)

Получено: 01.06.2025. Принято к публикации: 29.10.2025.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН (ИССЛЕДОВАНИЕ ТРОИЦКОГО ОБХОДНОГО ОБРЯДА В ДЕРЕВНЕ ЩЕРБИНИНО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

*ФИЛЯКИН Арсений Юрьевич — аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации Института общественных наук, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия
E-MAIL: arsen2812@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-9871-0438>*

Аннотация. В статье исследуются представления россиян о нематериальном культурном наследии (НКН) на примере объекта наследия славянской культуры — троицкого обходного обряда в деревне Щербинино Московской области. С учетом современного понимания НКН как «живого» (то есть в полной мере существующего лишь в момент воспроизведения) феномена в качестве основного подхода к его рассмотрению выбран конструктивизм, постулирующий интерпретацию индивидом окружающего мира в соответствии со знаниями, заложенными при социализации и закладываемыми в процессе постоянного социального взаимодействия. Конструктивистская идея в наследническом ракурсе объясняется проблемой поиска идентичности. Автором выдвигается концепция «наследиезации» как неотъемлемого понятия в контексте исследования конструирования культурного феномена как наследия. Концепция «наследиезации» позволила встроить изучение троицкого обряда в более широкий социокультурный контекст через сравнение с неоязыческими практиками сохранения славянского наследия. Методом сбора данных выступают глубинные интервью с жителями Щербинино. Результаты иссле-

INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE PERCEPTIONS OF RUSSIANS (THE STUDY OF THE TRINITY HOME-TO-HOME WALK RITE IN THE VILLAGE OF SHCHERBININO IN MOSCOW REGION)

*Arseniy Yu. FILYAKIN¹ — Graduate Student, Department of Cultural Studies and Social Communication, School of Public Policy
E-MAIL: arsen2812@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0000-9871-0438>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. The article examines contemporary Russian perceptions of intangible cultural heritage (ICH) using the example of a Slavic cultural heritage site — the Trinity Home-to-Home Walk rite in the village of Shcherbinino in the Moscow Region. Given the modern understanding of ICH as a “living” phenomenon (i.e., fully existing only at the moment of reproduction), constructivism has been chosen as the primary approach to examining ICH. It postulates an individual’s interpretation of the surrounding world in accordance with knowledge ingrained in the process of socialization and developed through ongoing social interaction. The constructivist idea, from a hereditary perspective, is explained by the problem of the search for identity. The author proposes the concept of “heritagization” as an integral concept in the context of research into the process of constructing a cultural phenomenon as heritage. The concept of “heritagization” allowed the study of the Trinity rite to be embedded in a broader sociocultural context through comparison with Neopagan practices of preserving Slavic heritage. Data collection was conducted through in-depth interviews with residents of Shcherbinino. The study’s results confirm the transformation of ICH phenomena (changes in the meanings that heritage bear-

дования подтверждают факт трансформации феноменов НКН (изменения смыслов, которыми наделяют наследие его носители) вследствие воздействия внешне- и внутриполитических, социокультурных факторов. Использование семиотического подхода к анализу ответов информантов позволило составить современную семантическую картину обряда, включающую архаичные смыслы (культ растений и тему смеха, игрищ и увеселений), актуальные интерпретации (религиозную (христианскую и «языческую»), народную и аналогически конструируемую) и мотивы (кулинарно-гастрономический и коммуникативный).

Ключевые слова: обряд, традиция, славянская культура, вернакулярные религии, Троица, идентичность, наследие, нематериальное наследие, конструктивизм, наследиезация, неоязычество, культурное наследие

ers ascribe to it) as a result of the influence of external and internal political and sociocultural factors. The use of a semiotic approach to analyzing informants' responses allowed the creation of a contemporary semantic picture of the rite, incorporating archaic meanings (plant cult and theme of laughter, games, and entertainments), current interpretations (religious (Christian and "pagan"), folk, and analogically constructed), and motifs (culinary-gastronomic and communicative).

Keywords: rite, tradition, Slavic culture, vernacular religions, Trinity, identity, heritage, intangible cultural heritage, constructivism, heritagization, Neopaganism, cultural heritage

Введение

Тема культурного наследия (КН) актуальна в современном российском обществе, что подтверждается на государственном уровне, например, объявлением Указом президента 2022 г. Годом культурного наследия народов России¹, а на уровне научного сообщества — ростом числа публикаций соответствующей тематики [Филякин, 2025: 96—97].

Нематериальное культурное наследие (НКН) представляет собой особый вид КН, который отличается отсутствием физического объекта. Благодаря этому НКН неразрывно связано с человеческим сознанием, которое поддерживает его существование. «Живая целостность» феномена НКН и его носителей, среды его бытования [Kirshenblatt-Gimblett, 2004: 53] является перспективным концептом в изучении НКН.

«Живая» сущность НКН позволяет понимать его как практику отношения к прошлому. Согласно Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, феноменами НКН могут быть танцы, обряды, ремесла и т. д.² В процессе исполнения танца, совершения обряда, ремесленной работы (а именно в процессе воплощается НКН) человек обращается к прошлому через восприятие

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2021. 31 декабря. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115?ysclid=m644uwko9k18115975> (дата обращения: 29.11.2025).

² Конвенция об охране нематериального культурного наследия // ООН. 2003. 17 октября. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

своего занятия как части жизни предшествующих поколений. Воспринимать прошлое можно различными способами. Например, в ракурсе истории или памяти. С. А. Еремеева трактует эти понятия как «разные способы „упаковки“ прошлого» [Еремеева, 2022: 5]. Д. Лоуэнталь предлагает также понимать наследие как особый ракурс восприятия прошлого. По мнению исследователя, наследие не просто указывает на прошлое, но и наполняет его целями настоящего [Lowenthal, 1998: 15]. Ш. Макдональд обозначает задачей критических исследований наследия поиск ответа на вопрос, почему определенные вещи начинают считаться наследием и какие последствия вытекают из этого [Macdonald, 2013: 17]. Такой взгляд на наследие отсылает в важнейшим культурологическим проблемам «традиций и инноваций», модернизации культуры.

Наиболее подходящим для подробного изучения смысловой трансформации НКН под влиянием быстро меняющейся социальной реальности является, с точки зрения автора, конструктивистский подход. Согласно теории П. Бергера и Т. Лукмана, представления индивида о мире формируются в процессе социализации, социального взаимодействия [Бергер, Лукман, 1995: 101—102]. Об особой важности этапов первичной социализации в конструировании картины мира писали П. Бурдьё [Бурдьё, Пассрон, 2007] и представители советской психолого-педагогической школы [Выготский, 1991; Макаренко, 1985]. По мнению М. Мейснер, как часть «инкорпорированного культурного капитала» (П. Бурдьё) НКН вносит вклад в формирование габитуса и дает причастным к нему людям чувство идентичности [Kusek, Purchla, 2019: 440—442]. Конструироваться могут представления не только отдельных индивидов и небольших групп, но и многочисленных сообществ. Так, Б. Андерсон предлагал понимать нации как конструкты в сознании их представителей [Андерсон, 2001: 29—32]. Конструктивистский подход к наследию диктует следующее определение: НКН — это форма культурной деятельности, которая воспринимается как культурный опыт предыдущих поколений и формирует тем самым чувство самобытности и преемственности.

Обращение к прошлому — это всегда процесс, имеющий свои предпосылки, цели, двигатели. Среди подходов к изучению обращения людей к прошлому следует упомянуть концепции «архаизации» (пробуждение архаических элементов в культурной памяти [Хачатурян, 2012: 10—11]) и «меморизации» / «мемориализации» (актуализация памяти под воздействием социальной среды [Абдулаева, Курбанова, 2023; Гун, 2018]). Перманентный процесс конструирования наследия (наследиетворчество) следует обозначить понятием «наследиезация» (от англ. *heritagization*). Данный термин почти не используется в отечественной науке (разве что в качестве своего рода аналога термина «музеефикация» [Актуально о музее..., 2019: 21]), однако зарубежные авторы к нему обращаются часто, например в рамках исследований культурной политики [Nilsson, 2018; Huang, Zhou, 2024]. Процессы «наследиезации» стимулируются поиском индивидами в прошлом легитимности своих точек опоры в настоящем (поиском идентичности) и носят характер позитивного восприятия. Следовательно, «наследиезация» — это вызываемое поиском идентичности наделение культурного феномена статусом наследия предыдущих поколений. «Наследиезация» может быть бессознательной или осознанной, инициироваться отдельными людьми или группами (и государством —

через культурную политику). Важно отметить, что конструктивистский ракурс исследования НКН, делающий акцент именно на восприятии прошлого, позволяет также подразделять «наследиезацию» на такую, объектом которой выступает реальный феномен из прошлого (пусть и переосмысленный), и на такую, чей объект — современный феномен, который лишь считается индивидами относящимся к прошлому.

В контексте курса современной российской политики на самость, цивилизационный путь развития, что утвердилось как актуальная риторика власти после начала специальной военной операции (СВО) и стало лейтмотивом внутренней политики³ [Лапин, 2021], славянское дохристианское КН (выражаемое, в частности, в таких формах НКН, как верования и обрядность) представляется актуальным полем для исследования трансформации НКН через изменение смыслов, вкладываемых в него носителями. Тем более что в последнее время в российском обществе наблюдается особый интерес к славянской тематике — в медиапространстве одним из культурных трендов стал «славянский шик» (мода на «славянскую» одежду, туризм в формате «избинга», этническую музыку и т. д.).

Исследовательской базой для статьи послужили глубинные интервью с жителями деревни Щербинино Московской области, в которой практикуется обряд обхода дворов на Троицу. Выбор деревни объясняется ее территориальным соседством с неоязыческим капищем⁴, благодаря чему в гайд удалось включить вопросы об отношении информантов к осознанному конструированию обрядности и сравнить два разных варианта «наследиезации». Выводы интервьюирования (эмный взгляд на обряд) сопоставляются с релевантным этнографическим материалом (этний взгляд). Обряд анализируется с позиций семиотического подхода, который призван наиболее подробно раскрыть его смысловую картину [Кимеева, Абрамова, Насонов, 2021].

Цель исследования заключается в определении специфики трансформации семантической картины славянского НКН (векторов и факторов трансформации) на примере щербининского обряда и в выявлении траектории его «наследиезации». Согласно гипотезе исследования, поддерживаемое практиками дохристианское наследие славянской культуры (его смысловая палитра) конструируется в соответствии с современными тенденциями поиска идентичности на уровне общества и государства.

Славянская обрядность в этнографии XIX—XX веков и на рубеже XXI в.: дохристианские практики весенне-летнего (троицко-семицкого) цикла

О дохристианских верованиях славян известно крайне мало в силу отсутствия достаточного количества исторических свидетельств и долгого периода борьбы христианства с местными поверьями. Как писал Н. М. Гальковский, относительно так называемого «русского язычества... можно только предполагать и гадать

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Гарант. 2022. 10 ноября. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=m8zu7d3fw7924607247> (дата обращения: 29.11.2025).

⁴ Достопримечательность «Капище Перуна» // Яндекс Карты. URL: <https://yandex.com/maps/-/CLR0jH-H> (дата обращения: 05.10.2025).

сь большей или меньшей вероятностью» [Гальковский, 1916: 1]. Термин «язычество» в современной научной литературе подвергается критике, так как указывает не на некое религиозное учение, систему верований. Еще в середине прошлого века В. Я. Пропп писал, что идея о причислении древними славянами Ярила, «троичной» (троицкой) березки или чучела масленицы к божествам не находит подтверждения в этнографическом материале [Пропп, 1995: 108]. Современные исследователи О. В. Белова и В. Я. Петрухин заявляют, что в произведениях фольклора, ставших важными источниками сведений о язычестве, собственно языческий смысл часто преувеличен толкованиями исследователей или даже сконструирован, а языческие сюжеты бессистемны и часто носят лишь метафорический характер [Белова, Петрухин, 2008: 10—29]. По этой причине дохристианские славянские верования следует определять через актуальное понятие «вернакулярные верования», акцентирующее внимание на внеинституционализированных, повседневных, индивидуально-личных религиозных формах, отсутствии рефлексии и выраженном географическом факторе [Лютаева, 2023: 123—124]. Использование данного понятия также помогает рассмотреть «преломление» догматов официальной религии через индивидуальное восприятие, призму архаичных убеждений [Шахнович, 2023: 594—595].

Бурно развивавшаяся на рубеже XIX—XX веков этнография оставила богатое наследие в области исследования вернакулярных славянских верований и связанной с ними обрядности. Щербининский обряд обхода дворов входит в троико-семицкий комплекс празднеств весенне-летнего цикла, знаменующий конец весны и начало лета. Этот цикл был у славян наиболее насыщенным праздниками периодом, так как это было время активной сельскохозяйственной работы, плоды которой должны были обеспечить сытное и безбедное существование в холодное время года. Зависимость праздничной активности от трудовой нагрузки объясняется проистекающей из трудовой теории праздника В. И. Чичерова аграрно-продуцирующей теорией В. Я. Проппа [Мазаев, 1978: 47—48], согласно которой праздник моделирует дополненные магическим пониманием трудовые отношения.

Как пишет Д. К. Зеленин, в обрядах семика и Троицы прослеживается смешение культа растений и культа заложных покойников, которых раньше хоронили именно в семик [Зеленин, 1991: 394]. Наличием культа заложных, то есть преждевременно умерших, покойников объясняется и привязка к троико-семицкой обрядности темы русалок — умерших «нечистой» (неестественной) смертью девушек (девственниц), образ которых (вместе с праздником русалий, или «русальными днями») был заимствован славянами на Западе. Культ заложных покойников порождал обряд кумления (посестримства) с русалкой с целью получения предсказания, задабривания и доставления русалке развлечения эротического характера, а также следующие за ним обряд раскумления и обряд поминовения заложных покойников, при котором в их могилы в качестве жертвоприношения и для защиты от болезней бросали деньги и яйца. Переходя к анализу культа растений, Зеленин пишет: «Так как кумовство при отсутствии крестника стало непонятным, появился и крестник. Так возник новый южнорусский обряд („крещение кукушки“), где кукушку изображает пучок травы» [там же: 395]. С культом растений связан обряд внесения в деревню березки и обряд плетения венков — ка-

челей для русалок. Зеленин также упоминает и связанную с этими праздниками обрядовую пищу — яичницу. Яйцо, как пишет В. Я. Пропп, символизировало бес-смертие и воскресение, обеспечивало их, а также было средством, вызывающим рост хлебов [Пропп, 1995: 106—107].

Пропп выделяет большее количество «„слагаемых“ структуры аграрных праздников» [там же: 9], имеющих переклички с троицко-семицким циклом. Он отмечает, что «русские праздники имеют чрезвычайно архаический, добожеский характер» [там же: 110], поэтому божества здесь — силы природы (поту- и посюсторонний миры воспринимались древними славянами как в равной мере реально существующие). Пропп отдельно выделяет поздравительно-заклинательные песни, которые исполняли на разные праздники, и, в частности, пишет, что на Троицу исполняли нечто вроде рождественских колядок, имеющих целью заклятие урожая и благополучия семьи, а также вносили в дом ветки березы как символ счастья и изобилия [там же: 64—65]. В описании Проппа примечательны два факта, а именно: 1) подобные колядкам песни пели и носили при этом березовые ветки в Западной Европе, а в России — нет; 2) в XIX веке колядование уже превратилось в игру и стало уделом детей [там же: 49, 65]. Помимо обрядового пения Пропп находит в троицко-семицкой обрядности элементы комизма и игрищ. Темы смерти и смеха прослеживаются в «веселых» похоронах и уничтожении троицкой березки путем выбрасывания ее в поле или пруд. «Смешным может быть только человек и то, что его напоминает» [там же: 111], поэтому антропоморфный облик березки вызывал яркие позитивные эмоции. При этом сопровождаемая смехом инсценируемая смерть переходила в новое рождение, а сам смех был способен «усилить производительные силы природы» [там же: 113—114]. Иллюстрирующий обрядовые игрища и увеселения обряд кумления в семик помимо создания союза между девушками имел целью подготовить девушек к будущему материнству.

Тема игрищ и увеселений еще шире освещена Т. А. Агапкиной в рамках описания матримониально-эротической мифопоэтической доминанты троицко-купальского цикла (данным циклом Агапкина объединяет троицкие празднества со следующим за ними праздником Купало). Эротическая составляющая обуславливалась идеями «„растрачивания“ эротического потенциала» молодых людей перед браком, воспевания фертильности, «репетиции» свадеб [Агапкина, 2002: 514—525]. Смыслы, заключенные в представленных Агапкиной «доминантах», на которые раскладывается мифопоэтическая семантика славянского календаря — связанные с поминовением усопших, растительностью, животным миром, эротизмом, космосом, стихиями воды и земли, — сливаются в общий смысл о пробуждении всего живого, обновлении, новом начале, который читается в каждом обряде троицко-семицкого цикла, являющегося переходным периодом от весны к лету.

Разнообразие обрядов троицко-семицкого цикла проистекает из сложившихся традиций контакта с загробной жизнью и воспевания пробуждения природы в той или иной местности, в том или ином сообществе. Обряды общения с русалками, исполнения заклинательных песен, украшения березок и другие широко представлены в работах Т. А. Агапкиной, Д. К. Зеленина, А. А. Коринфского (например, упомянутые им обычай «русалочьих проводов» в Черниговской губернии или «купание-захоронение Костромы» в Пензенской и Симбирской губерниях [Ко-

ринфский, 2013: 344—345]), В. Я. Проппа. Стоит отметить, что вне зависимости от взглядов на символику празднеств все исследователи, в том числе и работавшие в XIX веке (такие как А. А. Коринфский и Н. Н. Харузин [Сборник свѣдѣній..., 1889—1891]), сходятся во мнении, что православная церковь активно вытесняла вернакулярные верования, в существовавшие народные праздники и традиции вплетались христианские, заменяли их собой (об осведомленности церкви о популярности вернакулярных верований и резко негативном отношении к ним свидетельствует Стоглав).

Рассматриваемый в данной статье обряд относится к категории обходных обрядов, представляющих собой разновидность ритуальных действий преимущественно магического характера, которые иногда сопровождалась мероприятиями развлекательного характера, такими как шутки, заигрывания, запугивания, танцы, игры [Славянские древности..., 2009: 484—485]. Главной ритуально-магической целью этих мероприятий было «обеспечение общесемейного и хозяйственного благополучия» [там же: 485]. Неизменным элементом обходных обрядов было собиране даров — продуктов питания, денег, текстильных изделий [там же: 486].

Щербининский обряд входит в группу троицких обходных обрядов Восточного Подмосковья, основным ареалом распространения которых являются Павлово-Посадский городской округ, Орехово-Зуевский городской округ, Муниципальный округ Шатура, Муниципальный округ Егорьевск. Обряд представляет собой следующий комплекс мероприятий. Рано утром в Троицу дети собираются в небольшие группы и идут от дома к дому с украшенной ленточками березкой (цельным деревцем или веткой, которую обычно наряжают накануне), называемой «кумушкой». Около каждого дома они останавливаются, поют песенку (также именуемую «кумушкой»), за что жильцы дают им сладости, деньги и яйца. Одаряющие детей взрослые также по-своему участвуют в обряде — приготавливают гостинцы, украшают дома, просыпаются загодя в день совершения обряда и встречают его участников. Описание обряда по этнографическим экспедициям конца XIX — начала XX века представлено в статьях Е. Г. Борониной [Боронина, 2015; История России..., 2022; Фольклор..., 2004], Д. В. Громова [Громов, 2023] и М. Б. Чернышевой [Чернышева, 1996]. М. Б. Чернышева и Е. Г. Боронина исследуют обряд в первую очередь с точки зрения его музыкальной составляющей. Так, Е. Г. Боронина выделяет два типа формульных напевов «кумушки». В данной статье речь пойдет о песенке второго типа, которому, согласно Е. Г. Борониной, свойственны афористичность и интонационная лаконичность; такая песенка представляет собой «попевку из мира скандирования» [Фольклор..., 2004: 300—302]. Что касается смысловой палитры, то в текстах всех песен прослеживаются общие мотивы, отсылающие к обряду кумления: обращение, благопожелание, приход славельщиков к березе-«кумушке», принесение ей угощения, мотив положительных свершений, просьба о подаении или поздравление с праздником [там же: 299; История России..., 2022: 124]. Цель обряда исследователи видят в поздравлении людей с праздником и сборе подаения для последующей совместной трапезы [Фольклор..., 2004: 296].

Исследователи обходных обрядов в разных частях России отмечают их трансформацию. К примеру, З. М. Брусько с заметной апелляцией к концепции игро-

вой природы культуры пишет, что омоложение участников татарских обходных обрядов способствует обретению детьми роли «медиатора между людьми и высшими силами», а сама игровая форма поддерживает передачу культурного опыта [Брусьюко, 2020: 135—136]. Трансформацию обряда Восточного Подмосковья усматривают в постепенном исчезновении из песен мотивов аграрной магии (благопожеланий) [Боронина, 2015: 14]; в усилении разрыва обряда обхода дворов с обрядом завивания березки, выражающегося в снижении интереса к выбору березки заранее; в переходе обряда из молодежного в детский (что, кстати, разнится с упомянутыми ранее сведениями В. Я. Проппа, согласно которым этот переход произошел еще в XIX веке); в отмирании традиции украшать березку яичными скорлупками [Громов, 2023: 57].

Отдельный уникальный и весьма специфический способ поддержания славянских обрядов, отсылающих к вернакулярным верованиям, реализуется в рамках неоязыческих практик, вызывающих в последнее время бурный интерес у антропологов, этнографов, религиоведов. Несмотря на явную новизну самого феномена неоязычества и конструктивистскую сущность порождаемой им обрядности [Шиженский, 2024; Шнирельман, 2012], неоязыческую деятельность вполне можно рассматривать в контексте «наследиезации», учитывая, например, наследнический дискурс в неоязыческих документах⁵. В социальной сети «ВКонтакте» в описании официальной группы движения «Круг Языческой Традиции», представители которого до недавних пор проводили обряды на капище близ Щербинино, указано, что движение развивается в соответствии с вышеупомянутой конвенцией ЮНЕСКО. Вместо Троицы неоязычники отмечают праздник Купало, сопровождающийся ритуальным сожжением костра, «похоронами» антропоморфной куклы Ярило, обрядами кумления, украшения и утопления березки. Неоязыческие обряды имеют четкие сценарии, составленные идеологами движения в 1990-х годах и вытекающие из концепции, представляющей собой сплав реальных исторических и этнографических материалов и сконструированного представления о пантеоне славянских богов. Неоязыческие религиозно-культурные воззрения также обладают ярко выраженным современным социально-политическим подтекстом: противостояние модернизации, построение мононационального государства и т. д. [Шнирельман, 2012: 21].

Коллективная картина мира информантов и факторы ее трансформации с акцентом на щербининском обряде

Участниками глубинных интервью выступили десять жителей Щербинино, являющиеся либо непосредственными участниками обряда, либо его постоянными наблюдателями и «участниками через детей» (например, помогают детям готовиться к обряду). Подробный социально-демографический состав информантов пред-

⁵ В «Манифесте Языческой Традиции» неоязычники позиционируют себя и своих предков как «прямых потомков и наследников Богов» [Авдонова и др., 2007: 9]. В «Битцевском обращении» также встречается формулировка «прямые потомки и наследники [религии древних славян. — Прим. авт.]» (Битцевское обращение // Славянская традиция. URL: <https://slavtradition.com/soobshchestva/obshchiny/dokumenty/8107-bitcevskoe-obrashchenie> (дата обращения: 07.07.2025)). В уставе Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры (ССО СРВ) в пункте 1.6 указано, что Союз «придерживается, распространяет и развивает исконное вероучение славян, их духовное и культурное наследие, передаваемое из поколения в поколение» (Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры // Устав ССО СРВ. URL: <https://rodnovery.ru/dokumenty/ustav-ssv-srv> (дата обращения: 12.10.2025)).

ставлен в Приложении. Гайд был составлен в соответствии с принципом «прямой воронки», предполагающим выстраивание вопросов в такой последовательности, при которой каждый последующий вопрос имеет меньший логический объем, чем предыдущий [Белановский, 2001: 77] Это позволило получить подробные данные об информанте (социальном статусе и горизонтах картины мира) и, путем предоставления ему свободы повествования, дополнительных фактов, имеющих отношение к истории Щербинино, которые обогатили понимание автором локуса деревни (т. е. ее культурно-географического контекста) и места в нем троицкого обряда. Структура гайда предполагала последовательное освещение информантами следующих тем: личные данные (возраст, профессия, увлечения, семья и т. д.); политика, религия и культура (общие представления об этих сферах жизни в России и участие в них информантов); история и культура Щербинино, праздник Троица, троицкий обряд и другие местные традиции.

По возрасту информантов можно разделить на следующие группы: молодые люди (26 и 29 лет), люди младшего среднего возраста (34, 34, 36, 36 лет), люди среднего возраста (43 и 46 лет), люди старшего возраста (61 и 67 лет). У большинства информантов (8 человек) есть дети, которые в раннем возрасте знакомятся с обрядом.

Никто из информантов не относится к людям творческих профессий, в основном это бухгалтеры, рабочие, менеджеры. Перечисляя хобби, только три информанта отметили творческую деятельность — рукоделие, живопись. Отсутствие среди информантов людей творческих профессий говорит о том, что их отношение к обряду не подпитывается профессиональным интересом (как в случае с неоязыческим сообществом, где идеологический костяк составляет творческая интеллигенция [Демидченко, 2015: 328—329]).

Политические взгляды информантов варьируются от либеральных до консервативных, традиционных. При этом прослеживается тенденция, что чем моложе информант, тем менее он способен определить свою политическую позицию и тем менее он в целом интересуется политикой. Из пяти информантов, сумевших четко определить свою политическую позицию, большинство (четверо) охарактеризовали свои взгляды как консервативные. При этом в ответах приверженцев консервативных взглядов встречаются такие слова, как «патриотизм», «традиционные ценности», что позволяет сделать вывод о солидарности примерно половины информантов (причем именно тех, которые более остальных осведомлены об обряде и имеют мнение по поводу его смысла, значения) с риторикой российских властей, конструирующих «традиционные ценности как фактор безопасности, суверенности и дальнейшего развития России» [Илларионов и др., 2023: 73].

Политической позицией информантов во многом объясняется и их видение современной русской культуры. Каждый информант назвал свой уникальный набор основных элементов русской культуры: для кого-то она представляется в образе семейных ценностей и традиционных праздников/обрядов, кто-то мыслит о ней в рамках шедевров искусства и материальных объектов КН, для других русская культура — это православие, русская кухня, русский менталитет, русский фольклор. Однако повторяющиеся ответы — менталитет, православие, искусство, семейные ценности, традиции — формируют более однородную композицию. Показа-

тельно также, что двое не близко знакомых друг с другом информантов назвали выразителем идей русской культуры И. И. Охлобыстина (подчеркнув при этом религиозную составляющую его деятельности). Актер известен своей общественной позицией, перекликающейся и в чем-то гиперболизирующей официальную позицию власти и церкви (идеи о катехонической, то есть препятствующей распространению зла, миссии России, о необходимости распространения патриотических чувств как одной из основ новой идеологии, о совместимости консерватизма и свободы личности⁶). Таким образом, можно сказать, что представления информантов о русской культуре в общем и целом диктуются смыслами, заложенными в государственной культурной политике.

Ключевая роль религии в культурных картинах мира информантов (лишь двое не считают себя верующими) дополнительно подтверждается популярностью отмечаемых ими праздников — второе, третье и четвертое места по популярности после Нового года (6 упоминаний) заняли Троица (5 упоминаний), Рождество и Пасха (по 4 упоминания). Веру большинство информантов (6 человек) понимают как праведный (в широком смысле этого слова) образ жизни (следование заповедям), а также ощущение некоей внутренней духовной наполненности. Трое информантов выделили поминовение усопших как важный элемент своей веры (еще один информант отметил традицию православных похорон). Двое информантов подчеркнули посещение церкви как один из главных показателей веры в бога, в целом же информанты посещают церковь преимущественно по праздникам. Несмотря на позиционирование себя как верующих людей, информанты не сильно просвещены в христианстве: о смысле празднуемого ими праздника Троица им практически ничего не известно, предполагаемая суть праздника — некое символическое единение Отца, Сына и Святого Духа — выводится ими разве что из его названия. К Русской православной церкви (РПЦ) у информантов в целом нейтральное отношение, однако у троих она вызывает неоднозначные эмоции, потому что, с их слов, «наживается на прихожанах», а многие священнослужители «ведут неподобающе роскошный образ жизни». Три информанта также добавили, что, несмотря на свои религиозные чувства, выступают против религиозного фанатизма. Отношение к другим религиям и их представителям у всех без исключения информантов либо положительное, либо нейтральное.

Результаты ответов на первые два тематических блока гайда позволяют вывести коллективную картину мира информантов, характеризующуюся: 1) консервативным взглядом как продуктом современной политической повестки России с упором на «традиционные духовно-нравственные ценности»; 2) скорее национальным и религиозным, а не идеологическим самопозиционированием, характерным, как писал С. Хантингтон, для общемирового культурного пространства постсоветского периода [Хантингтон, 2003: 70]; 3) патриотизмом, православной верой, семьей как главными идентификационными маркерами⁷; 4) эклектично-

⁶ Оя Е. Иван Охлобыстин: «Миссия России — сохранение мира Божьего во всем спектре цветов» // Абзац. 2023. 30 июня. URL: <https://absatz.media/kultura/40542-ivan-ohlobystin-missiya-rossii-sohranenie-mira-bozhego-vo-vsyom-spektre-cvetov> (дата обращения: 29.11.2025).

⁷ Популярность данных маркеров подтверждается и массовыми социологическими опросами. См.: Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ. 2023. 30 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi?ysclid=m91epa79ih669473260> (дата обращения: 29.11.2025).

стью религиозных представлений, проявляющейся в разнородности представлений о религиозных праздниках, и бессистемностью в отправлении культа через посещение церкви (что подразумевает не крепкую осознанную веру, а скорее наличие доставшихся от предков «традиции верить» и веры в сверхъестественное, вследствие чего необходимо вести условно «правильный» образ жизни, то есть руководствоваться некими общегуманистическими ценностями и идеалами, принятыми в сообществе за традиционно им следуемые).

Как следует из социокультурного анализа коллективной картины мира информантов, общекультурные воззрения формируются под воздействием многочисленных внешне- и внутривнутриполитических факторов, инициируемых государством: примирение и конфронтация с Западом, выработка государственной идеологии, корректировка социальной, культурной, религиозной политики. Изменение общекультурных воззрений, в свою очередь, ведет к трансформации смысловой палитры щербининского обряда как культурного феномена.

Внутриполитические факторы при этом могут воздействовать на сознание людей либо напрямую — через средства массовой информации, либо опосредованно — через череду управленческих решений от федерального до муниципального уровня. Так, идеологическая повестка и религиозная политика оказывали существенное влияние на религиозное мировоззрение щербининцев, популяризацию и восприятие обряда. Близость деревни к поселению Демихово, где в 1935 г. был основан крупный машиностроительный завод, и микрорайону Карболит города Орехово-Зуево, где еще с начала XX века существовала Подгорная мануфактура И. Н. Зимина, обуславливала переход крестьянского населения в пролетарское, которое затем, по словам информанта № 10, «горячо приветствовало революцию» и охотно принимало идеи большевиков, отстраняясь от религиозных идей. При этом многие церкви в регионе в советское время не закрывались, а в самой деревне до 1950-х годов существовала часовня, куда по православным праздникам приезжал служить молебен батюшка («престольными праздниками здесь были Иванов день (7 июня) и Иван цветной, или Иван Купала (7 июля)»)⁸, что помогало поддерживать местные традиции. После перестройки началось восстановление позиции религии, в том числе и в форме популяризации старообрядчества в Восточном Подмоскowie⁹. Несмотря на тот факт, что данных о распространении когда-либо старообрядчества в Щербинино нет, общекультурный фон в Орехово-Зуевском районе, где на рубеже XX—XXI веков периодически «подогревалась» данная тема, воздействовал на щербининцев таким образом, что некоторые из них связывают семантику обряда и причины его сохранности со старообрядческим укладом, издревле существовавшим в Восточном Подмоскowie (4 информанта сами подняли данную тему, не сумев при этом хоть как-нибудь раскрыть суть течения).

Помимо политических, существуют социокультурные факторы. Порождаемый глобальным феноменом общества потребления культ материальных благ и денег

⁸ Красуленков Г. Д. Глубинка: деревня Щербинино. Поселение близ Вырки и дремучего соснового леса // Орехово-Зуевская правда. 2021. 5 июня. URL: <https://orehovozevo.bezformata.com/listnews/derevnya-sherbinino-poselenie-bliz/94478834/> (дата обращения: 29.11.2025).

⁹ Лизунов В. С. Старообрядческая Палестина (из истории Орехово-Зуевского края) // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение. 2007. 20 января. URL: https://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/19_lizunov.html?ysclid=m55c41me41522913755 (дата обращения: 29.11.2025).

занимает важнейшее место в картине мира россиян [Цветкова, 2018]. Об этом заявили и трое информантов в ответ на вопрос, какой мейнстрим в современной культуре нашей страны они бы выделили, добавив, что культ потребления влечет за собой затушевывание традиций. В контексте щербининского обряда потребление проявилось в смещении акцента с получения гостинцев на получение конкретно денег и в разделении гостинцев после завершения обряда, тогда как раньше, как было сказано, например, информантом № 10, собранное оставалось общим. Изменение статуса прилегающего к деревне поля с земли сельскохозяйственного назначения на землю под строительство, сопровождающееся увеличением числа людей, способных позволить себе загородные дома для отдыха, и новыми трендами в строительстве, сказалось на трансформации локуса деревни вследствие изменения внешнего вида многих домов, придомовых территорий и облика деревни в целом. Для многих жителей Щербинино превратилось из традиционной деревни «типичного русского ландшафта» [Культурный ландшафт..., 2004: 72—77] в современный российский дачный поселок. Важность локуса подчеркивается словами информанта № 2, который рассказывает, что русская культура в его жизни присутствует в образе его щербининского дома, напоминающего русскую избу. С отсылкой к идеям Н. Г. Федотовой можно говорить и об изменении и даже оскудении символического капитала (в его понимании Бурдьё) деревни, утрате элементов, обеспечивающих узнавание деревни и способствующих идентификации с нею жителей [Федотова, 2018].

Прямое и косвенное влияние внутри- и внешнеполитических и социокультурных факторов на трансформацию коллективной картины мира щербининцев говорит о наличии объективных предпосылок к метаморфозам представлений носителей наследия о феноменах НКН, отвечающем требованиям современности характере конструирования вкладываемых в наследие смыслов, зависимости процесса «наследиезации» от идеологического дискурса и глобальных культурных трендов. Глубокая встроенность факторов в жизнедеятельность индивида подчеркивает роль неосознанности конструирования.

Семантическая картина щербининского обряда и его положение в процессах «наследиезации» в современной России

Щербининский обряд по форме во многом совпадает с наблюдениями Е. Г. Борониной, Д. В. Громова и М. Б. Чернышевой. Среди оставшихся в памяти информантов, но утраченных в настоящее время элементов обряда можно назвать: 1) существовавшую в 1990—2000-е годы традицию участниц обряда наряжаться в «аутентичные» (сделанные на славянскую тематику) платья и наносить румяна на лица с целью, по выражению информанта № 5, «походить на таких исконно русских женщин, девушек», а также традицию украшать калитки и ворота березовыми ветками, декорированными (как и «кумушка») разноцветными ленточками; 2) дореволюционную традицию совместного приготовления из собранных яиц и потребления яичницы, что происходило, со слов информанта № 10, в лесу, куда молодежь шла после обхода дворов. Утрата перечисленных составляющих обряда говорит об общем упрощении его формы и, как минимум, частичном нивелировании смыслов, отсылающих к вернакулярным славянским верованиям.

Рис. 1. Участники обряда в деревне Щербинино, приблизительно 1992—1994 гг.¹⁰

Как и другие подмосковные троицкие обходные обряды, щербининский обряд имеет свой уникальный вариант «кумушки»:

*Ах ты Кумушка,
Ты голубушка,
Ты приземистая,
Прикулемистая,
Там, где кум прошел —
Там овес взошел,
Где кума прошла —
Там и рожь взошла,
А где девицы сидели —
Там и веники гремели,
Где ребята шли —
По яичку нашли¹¹.*

Слово «веники» в ответах представителей младшей возрастной категории заменено на слова «копеечки», «и денежки», что свидетельствует о затушевывании

¹⁰ Фото из личного архива Информанта № 2.

¹¹ Текст записан со слов информантов, воспроизведших его в формате пропевания или проговаривания.

первоначальных смыслов обряда и сведении его к детской забаве, увеличении роли сбора гостинцев (особенно денег) как компонента обряда.

В отличие от формы, содержание щербининского обряда (смысловая палитра в сознании индивидов), как показали интервью, представляет собой куда более весомый материал для изучения. Для систематизации сведений об актуальной смысловой картине обряда используется авторская концепция семантической картины, включающая три группы представлений: архаичные смыслы (семантика, совпадающая с той, которая записана этнографами и зафиксирована в исторических материалах), интерпретации (индивидуальные трактовки обряда, то есть те знаки и составляющие, через которые индивиды объясняют суть обряда) и мотивы (ключевые компоненты идеи обряда, прослеживаемые в представлениях большинства его участников и бессознательно ими постулируемые).

В интерпретациях информантами обряда прослеживаются три направления мысли (см. табл. 1). В более общих чертах информанты пытаются объяснить идею обряда религиозными или «народными» побуждениями. Под последними подразумевается конкретное значение обряда для деревни, семьи информанта и его деревенского круга общения — идея совершить обряд понятна только местному населению, независимо от религиозных взглядов его представителей. В этой идее читается связанный с идентичностью контекст. Будучи распространенным среди крайне узкого круга лиц¹² и связывающий давнюю традицию соседей, обряд предстает по сути одним из немногих культурных феноменов (если не единственным), который объединяет потомков общего сообщества предков в одной общей культурной плоскости. Религиозная интерпретация подразделяется на христианскую и «языческую» (в обыденном понимании этого слова). При этом следуя христиански-ориентированной интерпретации, информанты явно путают Троицу с Вербным воскресеньем. Некоторые информанты пытаются найти в своем культурном поле более известные и популярные культурные феномены, через которые можно было бы объяснить троицкий обряд, и таким феноменом оказывается, как ни странно, Хэллоуин.

Таблица 1. Типология интерпретаций троицкого обряда обхода дворов согласно ответам информантов

Интерпретации			
Религиозная		Народная	Аналогически конструируемая
Христианская	«Языческая»		
Березовые ветки символизируют лавровые или пальмовые ветви, с которыми встречали входившего в Иерусалим Христа	Обряд имеет целью некое восхваление для заклинания урожая и достатка в доме	Обряд всегда был, передавался от поколения к поколению, представляет собой яркое летнее мероприятие	Обряд представляет собой нечто схожее с традицией выпрашивания сладостей на Хэллоуин

¹² Форма исследуемого в статье обряда свойственна не просто щербининцам, но тому их подсообществу, которое проживает в определенной части главной улицы. У подсообщества проживающих на другой улице («слободке») щербининцев, например, текст песни «кумушки» немного отличается, как отмечают информанты.

Христианский подтекст, безусловно, является конструктом по отношению к сущности обряда как продукта славянских вернакулярных верований. Факт существования христианской интерпретации объясняется многовековой деятельностью церкви по замене традиций, связанных с вернакулярными верованиями, христианскими. Как говорит Информант № 10, несмотря на «народный окрас», данная троицкая традиция «считается христианской, привязана к празднику, и когда там (в Щербинино. — Прим. авт.) жили люди, которые исповедуют христианство, они это дело отмечали всегда».

Попытка объяснения подмосковного троического обряда через популярный в США и Западной Европе праздник Хэллоуин демонстрирует силу процессов глобализации и показывает, насколько популярность и успешность отдельного культурного феномена способны влиять на восприятие других культурных феноменов, в особенности тех, чьи значения существенно стерты временем.

«Народная» интерпретация также является конструктом. Безусловно, и в до-революционные времена многие люди участвовали в обряде, преимущественно отдавая дань традиции и не задумываясь над смыслом совершаемых действий, но в настоящее время, как показывают результаты интервью, «народная» интерпретация (то есть обряда как унаследованного культурного опыта) стала наиболее популярной. Шесть информантов ответили, что подразумевают под КН традиции, остальные варианты — культурные ценности, «информация культуры», история — были названы гораздо меньшим числом информантов (двумя, одним и одним человеком соответственно). Важно добавить, что, рассуждая о КН, восемь информантов мыслят он нем в первую очередь как о нематериальном феномене. Три информанта также сказали, что обряд можно считать частью КН в полном смысле этого слова тогда, когда он «живой», то есть когда он воспроизводится, что отсылает к пониманию НКН Б. Киршенблатт-Гимблетт [Kirshenblatt-Gimblett, 2004]. Понимание обряда как доставшейся от предков традиции также подтверждается сочетанием популярности в семьях информантов праздника Троица, единственным элементом которого по сути стал троицкий обходной обряд, с тем фактом, что некоторые информанты назвали обряд особенностью деревни, которая отличает ее от других деревень.

Что касается архаичных смыслов (упомянутых Т. А. Агапкиной, Д. К. Зелениным, В. Я. Проппом), то далеко не все из них сохранились в семантической картине щербининского обряда. Неизвестно, была ли она когда-либо присуща обряду тема загробной жизни. Учитывая, что почти треть информантов отметили поминание предков как важную для себя в религиозном контексте тему, но при этом ни один не коснулся этого вопроса, можно с уверенностью сказать, что данная проблематика не отражена в семантической картине обряда. Тема заклинания урожая также не является лейтмотивом — информанты обращаются к ней только после наводящих вопросов. Эротическая тема, по всей видимости, была естественным образом забыта ввиду постепенного «омолаживания» участников обряда. Культ растений представляет собой один из немногих сохранившихся элементов — информанты тщательно описывают предусмотренные обрядом манипуляции с березкой, она описывается с учетом антропоморфного содержания и остается символом обряда. Тема смеха, игрищ и увеселений остается, по всей видимости, наиболее хоро-

шо сохранившимся архаичным смыслом (или даже стала основной темой, так как в обряде в последние десятилетия участвуют только исключительно дети).

Ключевые мотивы, побуждающие щербининцев сохранять обряд, читаются также в двух других деревенских традициях информантов — отмечании названного информантом № 7 праздника Иван Цвётный (на который пекутся традиционные семейные пироги с черникой) и упомянутых информантами № 2 и 3 праздника первого огурца и осеннего праздника урожая (на которые устраиваются семейные застолья), — и представляют собой кулинарно-гастрономический и коммуникативный мотивы. Щербининский обряд привлекает детей возможностью полакомиться сладостями, поучаствовать в совместном интересном мероприятии и не без повода пообщаться с односельчанами, а взрослым позволяет порадовать детей угощениями, найти для своих детей новых друзей и самим пообщаться с соседями при сопровождении участников обряда.

Семантическая картина щербининского обряда (см. табл. 2) приводит к следующим выводам: 1) обряд имеет отсылки к вернакулярным славянским верованиям; 2) обряд сохраняется спонтанно и по мотивам, имеющим относительно бытовой характер; 3) смысловая наполненность проистекает из коллективной картины мира информантов, актуализированной, в свою очередь, современными социальными тенденциями; 4) обряд поддерживает чувство идентичности щербининцев.

Таблица 2. Семантическая картина троицкого обходного обряда в деревне Щербинино по результатам интервьюирования ее жителей

Архаичные смыслы	Культ растений	
	Тема смеха, игрищ и увеселений	
Интерпретации	Религиозная	Христианская
		«Языческая»
	Народная	
Мотивы	Аналогически-конструируемая	
	Кулинарно-гастрономический	
	Коммуникативный	

Если располагать феномены НКН по степени осовременивания их содержания на отрезке между модернизированным наследием (то есть тем, в котором сохранившиеся архаичные смыслы соседствуют с современными смыслами) с одной стороны и наследием-конструктом (тем наследием, в семантике которого архаичные смыслы уступили место современным) — с другой, то щербининский обряд будет располагаться ближе к наследию-конструкту. «Наследиезацию» щербининского обряда можно охарактеризовать как бессознательную, восходящую (инициируемую сообществом). При апеллировании к тем же общим смыслам неоязыческий подход к «наследиезации» весенне-летней славянской обрядности абсолютно другой. Неоязыческое наследие не может быть отнесено к модернизированному или наследию-конструкту, потому что является псевдонаследием (то есть не имеет доказанных отсылок к прошлому и было изначально создано, исходя из современ-

ных целей). «Наследиезация» в неоязыческом сообществе является целенаправленной, нисходящей (инициируемой лидерами мнений). Сравнение щербининской и неоязыческой практик позволяет сделать вывод о зависимости трансформации семантической картины НКН от социальных позиций и целей носителей наследия.

Заключение

Одно и то же НКН может иметь разные (не всегда аутентичные) смыслы для его носителей, что демонстрируют результаты рассмотрения трансформации щербининского обряда в рамках конструктивистской концепции с применением семиотического подхода. Главные векторы трансформации семантической картины щербининского обряда:

1) продолжающееся вытеснение отсылающих к вернакулярным славянским верованиям смыслов христианскими (причем на данный момент без религиозной конкретики, что способствует эклектичности интерпретаций обряда);

2) все большее наделение обряда наследническим смыслом вследствие поиска носителями идентичности, вызванного традиционным поворотом в российской политике и изменениями социокультурного ландшафта деревни и Восточного Подмосковья;

3) наполнение обряда смыслами, почерпнутыми в процессе культурной социализации (хэллоуинским подтекстом), вследствие постепенного забывания архаичных смыслов;

4) усиление роли некогда второстепенных элементов обряда — кулинарно-гастрономической и коммуникативной составляющих — в силу современных запросов на развлечения и общение (способствующее поддержанию идентичности).

Смыслы НКН трансформируются под влиянием различных факторов, которые можно разделить на три группы: внешнеполитические, внутривнутриполитические и социокультурные. На радикальные изменения смысловой палитры щербининского обряда оказали прямое и косвенное влияние политические и культурные тренды XX—XXI веков, конструируя картины мира носителей обряда.

Метаморфозы смыслов НКН следует изучать в контексте «наследиезации» — постоянного процесса конструирования семантики культурного феномена, воспринимаемого в качестве наследия. «Наследиезация» бывает бессознательной или целенаправленной, нисходящей или восходящей (инициируемой для сообщества или им самим), исторически обоснованной или безосновательной (имеющей или не имеющей доказанное отношение к прошлому). Щербининский обряд является примером бессознательной, восходящей, исторически обоснованной (в отличие от славянского неоязычества в его современном виде) «наследиезации».. По степени аутентичности феномены НКН подразделяются на модернизированное наследие, наследие-конструкт и псевдонаследие. Щербининский обряд располагается между первыми двумя типами, тяготея ко второму.

Толкование понятия КН через «традиционные духовно-нравственные ценности» и формирование восприятия щербининского обряда в контексте поиска идентичности на уровне государства и выработки национальной идеи подтверждают выдвинутую во введении гипотезу. Идея обряда схожа с идеей праздника, «являющегося стандартным способом репрезентации коллективной идентичности» [Пе-

тухов, Бараш, 2014: 90], но имеет более глубокую духовную направленность. Будучи воспринимаемым в качестве наследия, щербининский обряд демонстрирует тенденцию обращения информантов к прошлому, через которое они стараются самоидентифицировать себя. Учитывая возрастающую роль традиций в системе смысложизненных установок россиян после начала СВО [Седова, 2023], можно предположить, что под воздействием импульсов к легитимации актуальной картины мира через прошлое щербининский обряд будет продолжать трансформироваться, в первую очередь в сознании его носителей.

Список литературы (References)

1. Абдулаева Э. С., Курбанова Л. У. Меморизация событий как способ влияния на общественное сознание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 17—20.
Abdulayeva E. S., Kurbanova L. U. (2023) Memorization of Events as a Way to Influence Public Consciousness. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. No. 6. P. 17—20. (In Russ.)
2. Авдоница Д. Д., Бруталский Н. П., Гаврилов Д. А., Сперанский Н. Н. Манифест языческой традиции. М.: Ладога-100, 2007.
Avdonina D. D., Brutal'sky N. P., Gavrillov D. A., Speransky N. N. (2007) Manifesto of the Pagan Tradition. Moscow: Ladoga-100. (In Russ.)
3. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. М.: Индрик, 2002.
Agapkina T. A. (2002) Mythopoetic Foundations of the Slavic Folk Calendar. Moscow: Indrik. (In Russ.)
4. Актуально о музейном: 55-летию Сургутского краеведческого музея посвящается / под общ. ред. М. Ю. Селяниной; отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут: Издательско-полиграфический комплекс, 2019.
Isaeva T. A., Selyanina M. Yu. (eds.) (2019) Museum News: Dedicated to the 55th Anniversary of the Surgut Museum of Local Lore. Surgut: Publishing and printing complex. (In Russ.)
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
Anderson B. (2001) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Moscow: Canon-Press-C, Kuchkovo Pole. (In Russ.)
6. Белановский С. А. Индивидуальное глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001.
Belanovsky S. A. (2001) Individual In-Depth Interview. Moscow: Nikkolo-Media. (In Russ.)
7. Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука. Ин-т. Славяноведения РАН, 2008.

- Belova O. V., Petrukhin V. Ya. *Folklore and Bookishness: Myth and Historical Realities*. Moscow: Nauka. The Institute for Slavic Studies of the RAS. (In Russ.)
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
  9. Боронина Е. Г. Троицкий обход дворов в Восточном Подмоскowie // Живая старина. 2015. № 4. С. 11—14.
Boronina E. G. (2015) *Trinity Home-to-Home Walk in the Eastern Moscow Region*. *Zhivaya Starina*. No. 4. P. 11—14. (In Russ.)
  10. Брусьюко З. М. Дети как носители традиции: обходные обряды у татар // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 18: Детская культура и фольклор в социокультурном пространстве России / сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. М. Г. Матлин. Москва; Ульяновск: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, Центр народной культуры Ульяновской области, 2020. № 1. С. 130—137.
Brusko Z. M. (2020) *Children as Bearers of Tradition: Circumambulation Rites among the Tatars*. In: Dobrovolskaya V. E., Ippolitova A. B., Matlin M. G. (eds.) *Slavic Traditional Culture and the Modern World. No. 18: Children's Culture and Folklore in the Sociocultural Space of Russia*. Moscow; Ulyanovsk: State Russian House of Folk Art named after V. D. Polenov, Center of Folk Culture of the Ulyanovsk Region. No. 1. P. 130—137. (In Russ.)
  11. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение, 2007.
Bourdieu P., Passeron J. C. (2007) *La Reproduction: Éléments pour Une Théorie du Système D'enseignement*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.)
  12. Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1991. № 4. С. 5—18.
Vygotsky L. S. (1991) *The Problem of the Cultural Development of the Child*. *Lomonosov Psychology Journal*. No. 4. P. 5—18. (In Russ.)
  13. Гальковский Н. М. Борьба христианства съ остатками язычества въ Древней Руси. Т. I. Харьков: Епархiальная Типографiя, 1916.
Gal'kovsky N. M. (1916) *The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Rus'*. Vol. 1. Kharkov: Eparxial'naya Tipografiya. (In Russ.)
  14. Громов Д. В. Троицкий обход дворов в Восточном Подмоскowie // Живая старина. 2023. № 4. С. 56—58.
Gromov D. V. (2023) *Trinity Home-to-Home Walk in the Eastern Moscow Region*. *Zhivaya starina*. No 4. P. 56—58. (In Russ.)
  15. Гун Г. Е. Процессы мемориализации в современной культуре // Вестник культуры и искусств. 2018. № 2. С. 46—52.

- Gun G. E. (2018) Memorialization Processes in Modern Culture. *Culture and Arts Herald*. No. 2. P. 46—52. (In Russ.)
16. Демидченко В. В. К вопросу о неоязычестве // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 325—333.
Demidchenko V. V. (2015) On the Question of Neo-Paganism. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. Vol. 20. No. 1. P. 325—333. (In Russ.)
17. Еремеева С. А. Память: поле битвы или поле жатвы? М.: Дело, 2022.
Eremeeva S. A. (2022) *Memory: Battlefield or Harvest Field?* Moscow: Delo. (In Russ.)
18. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной. М.: Наука, 1991.
Zelenin D. K. (1991) *Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
19. Илларионов Г. А., Грицков Ю. В., Морозова О. Ф., Рахинский Д. В. Традиционные ценности: соотношение научного понятия и политического проекта // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 10. С. 71—74.
Illarionov G. A., Gritskov Yu. V., Morozova O. F., Rakhinsky D. V. (2023) Traditional Values: Correlation of Scientific Concept and Political Project. *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 10. P. 71—74. (In Russ.)
20. История России, русской культуры и русской церкви в IX—XVIII столетиях: материалы Всероссийской конференции памяти профессора В. А. Плугина / сост. Д. И. Володихин. М.: Снежный Ком М, 2022.
Volodikhin D. I. (ed.) (2022) *History of Russia, Russian Culture and the Russian Church in the 9th—18th Centuries: Proceedings of the All-Russian Conference in Memory of Professor V. A. Plugin*. Moscow: Snezhny Kom M. (In Russ.)
21. Кимеева Т. И., Абрамова П. В., Насонов А. А. Интерпретация и реконструкция традиционной обрядности с позиции семиотического подхода (на примере шорского обряда шачыг) // Научный диалог. 2021. № 6. С. 361—377. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-361-377>.
Kimeeva T. I., Abramova P. V., Nasonov A. A. (2021) Interpretation and Reconstruction of Traditional Rituals on Semiotic Approach (Shor Rite 'Shachig'). *Nauchnyi Dialog*. No. 6. P. 361—377. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-361-377>. (In Russ.)
22. Коринфский А. А. Народная Русь. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
Korinfsky A. A. (2013) *People's Rus'*. Moscow: Institut Russkoj Civilizacii. (In Russ.)
23. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E. (eds.) (2004) *Cultural Landscape as a Heritage Site*. Moscow: Russian Heritage Institute; Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russ.)
24. Лапин Н. И. «Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 6—42. <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42>.

- Lapin N. I. (2021) “Russian Civilization Development Project” and Anthroposociocultural Approach. *Civilization Studies Review*. Vol. 3. No. 1. P. 6—42. <https://doi.org/10.21146/2713-1483-2021-3-1-6-42>. (In Russ.)
25. Лютаева М. С. «Живая религия» и «вернакулярная религия». Проблема концептуализации терминов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 3. С. 119—127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V261>.
Lyutaeva M. S. (2023) “Lived Religion” and “Vernacular Religion”. Conceptualization of the Terms. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. Vol. 23. No. 3. P. 119—127. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V261>. (In Russ.)
26. Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М.: Наука, 1978.
Mazaev A. I. (1978) *Holiday as a Socio-Artistic Phenomenon: An Experience of Historical and Theoretical Research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
27. Макаренко А. С. Книга для родителей // Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. М.: Педагогика, 1985. Т. 5.
Makarenko A. S. *A Book for Parents* (1985). In: Gordin L. Yu., Frolov A. A. (eds.) *Pedagogical Works: in 8 Vols*. Moscow: Pedagogy. Vol. 5. (In Russ.)
28. Петухов В. В., Бараш Р. Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 83—101.
Petukhov V. V., Barash R. E. (2014) The Russians and the “Russian World”: The Historical Context and the Contemporary Interpretation. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 83—101. (In Russ.)
29. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра-Азбука, 1995.
Propp V. Ya. (1995) *Russian Agrarian Feasts*. Saint Petersburg: Terra-Azбуka. (In Russ.)
30. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. (Обычное право, обряды, вѣрованія и пр.): в 3 т. / под ред. Н. Н. Харузина. М.: Типографія А. Левенсонъ и К°, 1889—1891.
Kharuzin N. N. (ed.) (1889—1891) *A Collection of Information for Studying the Everyday Life of the Peasant Population of Russia (Customary Law, Rituals, Beliefs, and etc.) in 3 Vols*. Moscow: Tipografiya A. Levenson i K°. (In Russ.)
31. Седова Н. Н. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 283—304. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498>.
Sedova N. N. (2023) Dynamics of Russians’ Attitudes and Consolidation Potential of Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 283—304. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498> (In Russ.)

32. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито) / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения; Институт славяноведения РАН, 2009.
Tolstoy N. I. (ed.) (2009) *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Vol. 4: P (Water Crossing) — S (Sieve). Moscow: International Relations Publishing House; Institute of Slavic Studies of the RAS. (In Russ.)
33. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141—155.
Fedotova N. G. (2018) *Symbolic Capital of the Place: Notion, Peculiarities of Accumulation, Research Methods*. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. No. 29. P. 141—155. (In Russ.)
34. Филякин А. Ю. Индуктивный и дедуктивный методы в современном подходе к изучению нематериального культурного наследия // Наука. Искусство. Культура. 2025. № 2. С. 96—106.
Filyakin A. Yu. (2025) *Inductive and Deductive Methods in the Modern Approach to the Study of Intangible Cultural Heritage*. *Science. Arts. Culture*. No. 2. P. 96—106. (In Russ.)
35. Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А. В. Рудневой / ред. Н. Н. Гилярова. М.: Московская консерватория, 2004.
Gilyarova N. N. (ed.) (2004) *Folklore: Modernity and Tradition*. Proceedings of the Third International Conference in Memory of A. V. Rudneva. Moscow: Moscow Conservatory. (In Russ.)
36. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.
Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russ.)
37. Хачатурян В. М. Феномен архаизации в культурной динамике: автореф. дисс. ... д-р культурологии. М.: Государственная академия славянской культуры, 2012.
Khachaturian V. M. (2012) *The Phenomenon of Archaization in Cultural Dynamics*. Extended Abstract of the Doctor Dissertation in Cultural Studies. Moscow: Institut Slavyanskoj Kul'tury. (In Russ.)
38. Цветкова О. Л. Генезис общества потребления в постсоветской России и культурное влияние США // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 281—292.
Tsvetkova O. L. (2018) *Genesis of Consumer Society in Post-Soviet Russia and US Cultural Influence*. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. No. 4. P. 281—292. (in Russ.)
39. Чернышева М. Б. Троицкий обряд. Народная музыка Восточного Подмосковья // Музыкальная академия. 1996. № 2. С. 118—130.
Chernysheva M. B. (1996) *Trinity Rite. Folk Music of the Eastern Moscow Region*. *Music Academy*. No. 2. P. 118—130. (In Russ.)

40. Шахнович М. М. Антропологические аспекты локальных культов: теоретико-методологические подходы изучения // Третьи степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху / отв. ред. В. А. Лекторский, В. Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2023. С. 594—598.
Shakhnovich M. M. (2023) Anthropological Aspects of Local Cults: Theoretical and Methodological Approaches to Studying Religious Places of Memory. In: Budanov V. G., Lektorsky V. A. (eds.) *The Third Stepin Readings. Prospects for the Philosophy of Science in the Modern Era*. Kursk: Universitetskaya kniga. P. 594—598. (In Russ.)
41. Шиженский Р. В. Современное русское язычество: религиоведческая концептуализация: автореф. дисс. ... д-р. филос. наук. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2024.
Shizhensky R. V. (2024) Modern Russian Paganism: Religious Studies Conceptualization. Extended Abstract of the Doctor Dissertation in Philosophy. Nizhny Novgorod: Minin University. (In Russ.)
42. Шнирельман В. А. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: Издательство ББИ, 2012.
Shnirelman V. A. (2012) Russian Rodnoverie: Neo-Paganism and Nationalism in Modern Russia. Moscow: BBI. (In Russ.)
43. Kusek R., Purchla J. (eds.) (2019) *Heritage and Society*. Krakow: International Cultural Centre.
44. Huang J., Zhou X. (2024) The Heritagization of Cultural Politics: Anthropological Research on Chinese Cultural Heritage. *International Journal of Anthropology and Ethnology*. Vol. 8. Art. 12. <https://doi.org/10.1186/s41257-024-00113-7>.
45. Kirshenblatt-Gimblett B. (2004) Intangible Heritage as Metacultural Production. *Museum International*. Vol. 56. № 1—2. P. 52—65. <https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2004.00458.x>.
46. Lowenthal D. (1998) *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: Cambridge University Press.
47. Macdonald S. (2013) *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. London, New York: Routledge.
48. Nilsson P. Å. (2018) Impact of Cultural Heritage on Tourists. The Heritagization Process. *Athens Journal of Tourism*. Vol. 5. № 1. P. 35—54.

Приложение

Таблица 1. **Социально-демографический состав информантов**

№	Пол	Возраст	Профессия	Место фактического проживания
1	ж	34	Домохозяйка	Москва
2	ж	43	Консультант в консалтинговой компании	Москва, Щербинино
3	ж	67	Бухгалтер	Москва
4	м	36	Бригадир на заводе	Щербинино
5	м	34	Специалист по разработкам на промышленном предприятии	Демихово
6	ж	29	Работник МЧС, фермер	Демихово, Щербинино
7	ж	46	Домохозяйка	Москва
8	ж	26	Банковский представитель, домохозяйка	Орехово-Зуево
9	м	36	Менеджер в железнодорожной компании	Москва
10	ж	61	Бухгалтер	Москва, Щербинино

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3057](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3057)**С. Ю. Демиденко**

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕН В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН.
РЕЦ. НА КН.: «СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
РОССИЯН: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, СУЖДЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ,
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ / ПОД РЕД. М. К. ГОРШКОВА.
М.: ВСЬ МИР, 2024**

Правильная ссылка на статью:

Демиденко С. Ю. Взаимосвязь времен в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 271—287. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3057>. Рец. на кн.: «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2024.

For citation:

Demidenko S. Yu. (2025) The Relationship of Times in the Mass Consciousness of Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 271–287. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3057>. Book Review: Gorshkov M. K. (ed.) (2024) The “Arrow of Time” in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Judgments About the Present, Ideas About the Future. Moscow: Ves’ Mir Publishers. (In Russ.)

Получено: 03.07.2025. Принято к публикации: 22.10.2025.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕН В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН. РЕЦ. НА КН.: «СТРЕЛА ВРЕМЕНИ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН: ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, СУЖДЕНИЯ О НАСТОЯЩЕМ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ / ПОД РЕД. М. К. ГОРШКОВА. М.: ВЕСЬ МИР, 2024

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна — старший преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
E-MAIL: demidsu@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-3194-4085>

Аннотация. Коллективная монография «„Стрела времени“ в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем», подготовленная под руководством академика М. К. Горшкова на основе общероссийского репрезентативного опроса населения (февраль 2024 г.), анализирует массовое историческое сознание россиян. Авторы характеризуют динамику изменений, опираясь на сопоставления с результатами общероссийских социологических опросов, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в предыдущие периоды. Исследовательские задачи проекта направлены на выявление оценок гражданами нашей страны актуальных событий прошлого, которые демонстрируют доминирующие ценности и установки настоящего с ориентацией на будущее. Выбранная метафора «стрела времени» выступает связующим звеном представленных восьми глав, однако понимается в работе упрощенно, только как временная перспектива, не раскрывается сложность и неоднозначность используемого метафорического понятия. Для интерпретации богатого эмпирического материала авторами предложены интересные объяснительные схемы. В рецензии разбираются ключевые поло-

THE RELATIONSHIP OF TIMES IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS. BOOK REVIEW: GORSHKOV M. K. (ED.) (2024) THE "ARROW OF TIME" IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS: ASSESSMENTS OF THE PAST, JUDGMENTS ABOUT THE PRESENT, IDEAS ABOUT THE FUTURE. MOSCOW: VES' MIR PUBLISHERS

*Svetlana Yu. DEMIDENKO*¹ — Senior Lecturer
E-MAIL: demidsu@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0001-3194-4085>

¹ State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The collective monograph "The "Arrow of Time" in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Judgments About the Present, Ideas About the Future" (ed. by M. K. Gorshkov, 2024) analyzes the mass historical consciousness of Russians based on a national representative population survey (February 2024). The authors characterize the dynamics of change, relying on comparisons with the results of national sociological surveys conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in previous periods. The research objectives of the project are aimed at identifying mass assessments of past events that demonstrate the dominant values and attitudes of the present with a focus on the future. The chosen metaphor of the "arrow of time" serves as a unifying factor throughout the eight chapters. However, it is understood in the work in a simplified manner, as a mere temporal perspective, without revealing the complexity and ambiguity of the metaphorical concept. To interpret the rich empirical material, the authors propose interesting explanatory frameworks. This review examines the key propositions and empirical findings of the researchers, noting the difficulties of sociologically studying historical understandings.

жения и эмпирические находки исследователей, отмечаются трудности социологического изучения представлений об истории. Подчеркивается важность социологических оценок массового сознания российского общества для использования их в выстраивании социальной политики, отражающей интересы граждан.

Ключевые слова: динамика массового сознания, историческое сознание, консолидация российского общества, история, общественное мнение, социальное настроение, ценности, «стрела времени»

It emphasizes the importance of sociological assessments of the mass consciousness of Russian society in developing social policy that reflects the interests of citizens.

Keywords: dynamics of mass consciousness, historical consciousness, consolidation of Russian society, history, public opinion, social sentiments, values, 'arrow of time'

Актуальность изучения исторического сознания

К теме исторического сознания и памяти исследователи обращаются регулярно на протяжении последних 20—25 лет. Еще в начале 2000-х годов Ж. Т. Тощенко отмечал увеличение интереса к знанию, пониманию и отношению людей «к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем» [Тощенко, 2000: 3], с тех пор тематика еще больше актуализировалась. Регулярно проводятся эмпирические исследования, в том числе ВЦИОМ, с целью выявления отношения населения к тем или иным историческим событиям или личностям, изучается процесс сохранения и воспроизводства прошлого опыта и его переосмысление. На проблеме исторической памяти фокусируются многие мониторинговые исследования (см., например, [Покида, Зыбуновская, 2016]), в том числе посвященные конкретным событиям (например, мониторинг Российского общества социологов «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005—2025 гг.)).

Рецензируемая коллективная монография, подготовленная группой ученых Института социологии ФНИСЦ РАН, обобщает результаты всероссийского репрезентативного опроса ($N = 2000$, февраль 2024 г.) и данные предыдущих исследований с целью выявления оценок прошлого, суждений о настоящем, представлений о будущем граждан нашей страны. Предыдущая монография коллектива [Историческое сознание россиян..., 2022] представляла результаты опроса 2022 г. и ориентировалась в большей степени на изучение связи исторического сознания с гражданской идентичностью россиян. В настоящей работе исследователи поддались «научному соблазну» и представили данные через метафору «стрелы времени» путем «выявления духовно-нравственных „скреп“, которые обеспечивают «устойчивость ресурса единства и сплоченности» общества [«Стрела времени»..., 2024: 286]. Отметим, что в общественной повестке не первый год идет поиск смысложизненных ориентаций и основ, влияющих на социально-политическую устойчивость российского общества (см., например, [Российское общество и государство..., 2024]).

Писать рецензии на коллективные монографии всегда сложно, так как они часто представляют собой сборник статей авторов по теме работы, которые существенным образом различаются по качеству и по используемому понятийному аппарату, а порой и методологии. В настоящем издании подобной «солянки» во многом удалось избежать благодаря работе редактора и руководителя проекта «Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего» академика М. К. Горшкова. Каждая из восьми глав по-своему отвечает на поставленные руководителем проекта задачи [«Стрела времени»..., 2024: 10—11], что, безусловно, связано с научными интересами и специализацией каждого из авторитетных исследователей, однако основополагающей идеей остается взаимосвязь времен в массовом сознании россиян. Авторы подробно проанализировали данные опроса и дали собственные интерпретации, а в заключении М. К. Горшков представил в качестве ключевых 20 выводов, которые могут послужить аналитическими основаниями для дальнейших научных изысканий.

Коротко отметим содержание монографии. В первых двух главах Р. Э. Бараш анализирует самооценку россиянами своего познания истории и отношения к прошлому страны, выделяет ключевые исторические события в представлениях и оценках наших сограждан, а также вероятные векторы развития страны через проекции исторического опыта. В третьей главе Ю. В. Латов разбирает результаты общественного мнения о современной ситуации и путях развития России. Социальным настроениям россиян и насущным проблемам посвящена четвертая глава Н. В. Латовой. Н. Н. Седова пишет о ценностях современной России в массовых оценках и суждениях (глава 5), М. М. Мчедлова рассматривает состояние и динамику религиозного сознания, конфессиональную идентичность и роль религий и религиозных организаций (глава 6). Ф. Э. Шереги и И. О. Тюрина анализируют представления наших граждан о будущем России и затрагивают важную проблему консолидации общества (глава 7). Акцент на поколенческих различиях в контексте восприятия прошлого и будущего сделал А. Л. Андреев (глава 8).

На протяжении многих лет коллектив института проводит исследования, обращенные к изучению исторического сознания россиян. Сама идея, что «прошлое создает настоящее и одновременно выстраивает предпосылки для воплощения сценариев будущего, порождая рефлексию о путях развития страны и общества» [там же: 7—8], не подвергается сомнению. Однако важно именно понимание того, как воспринимается это прошлое гражданами страны и воспроизводится ими. При этом следует учитывать, что в подобных исследованиях фиксируется «реально функционирующее сознание, выраженное в позициях людей», которое представляет собой причудливое сочетание научных и повседневных представлений [Тощенко, 2000: 3].

В целом у россиян в последние годы отмечается повышенный интерес к истории¹ и историческому прошлому нашей страны. Об этом можно судить не только из данных опросов, но и по увеличению спроса на произведения с российской

¹ По данным опроса ВЦИОМ, подавляющее большинство россиян интересуется историей (90%), при этом две трети из них — время от времени. См. Путешествие по отечественной истории // ВЦИОМ. 2023. 27 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoy-istorii> (дата обращения: 24.06.2025).

исторической тематикой², по интересу к публичным и онлайн-лекциям по истории (например, Лекторий «Достоевский» расширяет свою аудиторию), к различным экскурсионным программам в исторические центры страны, высокому конкурсу в 2024 г. в вузы на исторические специальности (по словам замминистра науки и высшего образования РФ К. Могилевского³)⁴. Но что именно закрепляется в массовом сознании граждан и каким образом это отражается на их установках? Ведь манипуляция и «переписывание» истории могут привести к печальным последствиям. Не одно десятилетие распространяются мифы о России и подогреваются русофобные настроения [Таньшина, 2023; Мединский, 2025 и др.]⁵ с целью повлиять на сознание граждан и расколоть общество. Поэтому исследования, подобные проекту Института социологии ФНИСЦ РАН, не только помогают фиксировать оценки и представления россиян о ключевых событиях прошлого, выявлять самооценку своего познания истории, положения и ориентации на будущее, но и могут служить аналитической базой для социальной политики государства, направленной на укрепление общероссийской «идентичности» и дальнейшую консолидацию российского общества вокруг одобряемых населением страны представлений о будущем.

Метафора «стрела времени» как вектор изучения исторического сознания

Как уже было отмечено, в основу своего теоретического конструкта авторы приняли метафорическое понятие «стрела времени». Как в работе раскрывается это сложное и неоднозначное понятие? Стало ли оно связующей теоретической рамкой? Н. В. Романовский отмечает слабую теоретическую проработку используемого понятия в рецензируемой работе, подчеркивает, что метафора лишь «привлекательна для читательского глаза, удачна как маркетинговый ход», и ставит под сомнение саму идею работы с этим понятием [Романовский, 2025: 7]. Но стремления к концептуализации в работе все же видны: метафора «стрела времени» является стержнем всей монографии, посредством которой выстраивается определенная логика и предпринимается попытка показать взаимосвязь времен и поколений. Однако под *стрелой времени* понимается только существование трех временных периодов — прошлого, настоящего и будущего, что традиционно для изучения исторического сознания, то есть в работе дается лишь упрощенная трактовка.

Проблема использования метафор в социологии не раз поднималась учеными (например, Р. Н. Абрамовым [Абрамов, 2008], И. Н. Шмерлиной [Шмерлина, 2017], А. И. Кравченко [Кравченко, 2016] и др.), в том числе и в дискуссиях на Харчевских чтениях. Сегодня не стоит вопрос о неправомерности использования метафор в научных работах. Описывая новые явления и феномены, социологи часто используют

² Так, МТС «Строки» с января по конец мая 2025 г. зафиксировал рост на 31% за пять предшествующих месяцев. См. Короткова Е. Россияне стали больше интересоваться историей своей страны // Газета.ру. 2025. 10 июня. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/06/10/25998512.shtml> (дата обращения: 24.06.2025).

³ Минобрнауки сообщило о высоком конкурсе в вузы на исторические специальности в 2024 году. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3406265> (дата обращения: 19.12.25).

⁴ О востребованности различных источников знаний по истории России по данным исследования ИС ФНИСЦ РАН см. табл. 1.8 в книге [«Стрела времени»..., 2024: 28].

⁵ Можно также напомнить о неоднократном переиздании научно-популярных книг В. Р. Мединского «Мифы о России» в трех томах (М.: Просвещение, 2023).

метафорический язык и понятия для их описания и конкретизации (вспомним, например, работы Ж. Т. Тощенко: парадоксальный человек, кентавр-проблемы, фантомы и пр.). Однако в рецензируемой монографии *стрела времени* не реализует в полной мере весь свой потенциал и сужает понимание лишь до временной перспективы. Ни о какой ускоряющейся динамике человеческих сообществ в трактовке И. Р. Пригожина, который обосновывал постулат о *стреле времени*, здесь речи не идет. Поэтому используемая метафора несколько запутывает просвещенного читателя. Хотя представленные данные действительно демонстрируют всю сложность нашего социума и неоднозначность трактовок разных событий, а также ускорение процесса переоценки исторических фактов и личностей в периоды социально-политических трансформаций. Однако подобный посыл «прошлое для настоящего» с ориентацией в будущее актуален, так как разделяемые или оспариваемые ценности и события прошлого становятся основой формирования коллективной идентичности и порой служат для легитимации существующего социального порядка, что важно для социологического осмысления исторических процессов.

Как измеряется историческое сознание?

Социолог, изучающий взаимосвязь исторического сознания и самого общества, всегда должен с осторожностью входить в это научное поле, где его подстерегает масса ловушек и топких мест. В целом следует констатировать сложность социологического изучения представлений об историческом процессе и об историческом знании, памяти (см., например, [Орлова, 2017; Малинкин, 2020 и др.]), еще труднее сама интерпретация полученных данных. Проблема заключается прежде всего в возможных искажениях при оценивании респондентами собственных позиций (задаваемые вопросы могут быть неотрефлексированными), уровня знаний (например, познания истории респондентами, которые могут быть как завышены, так и занижены, а сами знания не всегда объективно отражают реальность). Историческая память социально дифференцирована и избирательна, изменчива и может подвергаться существенным изменениям [Прошлое для настоящего..., 2020: 14]. Известно, что общество формулирует знание, но и знание влияет на само общество, поэтому изучение диалектической связи между ними важно, как и анализ взаимоотношений между знанием и властью. Также желательно учитывать возможное непреднамеренное воздействие исследователей на формирование мнения респондента, так как могут закладываться определенные смыслы при теоретической и эмпирической интерпретации используемых понятий и терминов. Выбор шкал, формулировки суждений, списки дат или событий в закрытых вопросах могут также оказывать влияние на сами результаты. Эти методические приемы важны. А в монографии, к сожалению, не всегда приводятся точные формулировки вопросов, которые также значимы для оценки результатов и их интерпретации.

В настоящей рецензии не будем обсуждать сам опросный метод получения данных. Безусловно, все опросные методики имеют ограничения, однако важно подчеркнуть, что в представленном исследовании (как и в других мониторинговых проектах) важна именно динамика — сопоставление результатов с прошлыми периодами и ситуативный анализ, что учтено авторами. Так же, как многие исследо-

вания группы М. К. Горшкова, оно направлено на изучение массового сознания, поэтому опрашивались широкие слои населения. Выборка позволяет проводить сравнения с разными социально-демографическими группами (по возрасту, типу поселения, материальной обеспеченности и другим признакам), именно подобные разборы делают анализ акцентированным, хотя, конечно, объем выборки в 4 тыс. респондентов, как это было ранее в проекте, был более предпочтительным для исследователей, но это уже вопрос к финансированию проекта. Особо подчеркнем, что сбор данных осуществлялся методом персонализированных интервью, что сейчас редкость (чаще проводятся онлайн-опросы или комбинированные), по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке (квоты по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу, уровню образования и типу населенного пункта).

Отметим некоторые важные аспекты, связанные с измерением. Ю. В. Латов обосновано указывает, что для осознания особенностей и перспектив развития страны, помимо динамики изменений показателей, стоит обращать внимание на выявление сходства/различий между крупными социальными группами [«Стрела времени»..., 2024: 84]. Подобный анализ и предпринимают все участники проекта, стараясь выделить различные группы не только на основе социально-демографических данных, но и различных субъективных показателей. Так, в работе предпринимается попытка диагностики социально-психологического самочувствия российского общества. М. К. Горшков ранее теоретико-методологически обосновывал социологический анализ духовной жизни общества, выделяя два уровня — массовидные духовно-психологические и духовно-практические образования — для операционализации понятия [Горшков, 2021]. В главе 4 «Социальные настроения россиян: запас прочности и насущные проблемы» (Н. В. Латова) речь идет «об анализе показателей, характеризующих психоэмоциональное восприятие людьми объективной социальной реальности» [«Стрела времени»..., 2024: 107], которые, по мнению автора, более информативны, чем объективные характеристики, так как ориентированы на субъективное переживание. В другой своей статье исследователь подчеркивала, что на социальное самочувствие влияют не столько объективные характеристики положения людей, сколько удовлетворенность разными аспектами жизни [Латова, 2024: 25], и именно это во многом определяет умонастроения граждан, дает представление об общей картине субъективного благополучия, указывает на источники позитивных и негативных социально-психологических состояний людей [там же: 19]. Посредством оценок собственного социально-психологического состояния и своего окружения, которое зеркально отражает собственный настрой, но в ухудшенном варианте [«Стрела времени»..., 2024: 115], анализируются показатели удовлетворенности разными аспектами жизни, отношения к стране, социальные настроения. Делается вывод, что запас прочности находится на хорошем уровне и имеются «благоприятные условия для роста консолидации граждан, закрепления позитивных тенденций в общественной жизни» [там же: 135]. В целом подобный анализ социальных аспектов через субъективные переживания позволяет учитывать разные социальные настроения и более тонко оценивать ситуацию, а динамические ряды с учетом событийного анализа показывают резкую смену социально-психологического состояния.

Поэтому можно согласиться с автором, что психоэмоциональное восприятие информативно, хотя и не стоит преувеличивать роль этих показателей в сравнении с другими объективными характеристиками.

Помимо анализа линейных и парных распределений, активно используемых в анализе, применяются дополнительные типологии, на основе которых выделяются различные ценностные группы. Но не все типологии удачны. Например, предложения по выделению групп «исторических оптимистов», «исторических пессимистов» и «исторических нейтралитов» кажутся спорными. На данных настоящего исследования об этом судить невозможно, так как сама логика построения анкеты и вопросы уже задают направление. То, как семантически воспринимают россияне понятия «прошлое», «настоящее» и «будущее», нельзя связывать исключительно с историческим оптимизмом или пессимизмом [там же: 20], ибо не ясно, о каком измерении идет речь — индивидуальном или историческом. Поэтому и вопрос о формировании исторического мышления остается открытым, а утверждение, что «многие современники рассматривают отечественную историю ретроспективно: как движение страны „по стреле времени“... к ограниченному набору вариантов будущего» [там же: 16], недостаточно обосновано. Высокий процент тех, кто неоднозначно воспринимает понятие «стрела времени» (39%), свидетельствует скорее о методической проблеме: более трети респондентов, возможно, не поняли вопроса, формулировку которого авторы, к сожалению, не привели в тексте.

Также выделяются четыре ценностные группы на основе ответов на три вопроса, характеризующих предпочтения респондентов в отношении цивилизационного и мировоззренческого суверенитета страны на трех временных этапах: «последовательные сторонники», «в целом сторонники», «непоследовательные сторонники», «противники исторического суверенитета» [там же: 18]. К сожалению, в тексте сложно отыскать доли этих групп, хотя последовательно приводятся парные распределения по другим вопросам, например о востребованности различных источников знания по истории России [там же: 31], о принятии единого учебника [там же: 39] или целях изучения истории в школе [там же: 44].

Любопытным представляется описание пяти типологических групп россиян в оценках будущего (гл. 7) — оптимисты (14,1%), умеренные (5,1%), пессимисты (1,8%), эклектики (разные оценки по различным направлениям — 68,6%) и неопределившиеся (10,4%) [там же: 237] — и их количественно-качественных характеристик. Показано, что консолидирующую основу российского общества составляют так называемые эклектики, учитывающие, что в разных сферах ситуация будет складываться по-разному (от успеха до поражения), к ним примыкают оптимисты и умеренные в своих прогнозах. Интересно, что представители всех пяти групп оценивают аспекты своей жизни (материальное обеспечение, жилищные условия, возможность отпуска, получения образования, жизненную среду) как хорошие. Исключение составляет позиция о возможности выражать свои политические взгляды: хуже ее оценивают в группе пессимистов, умеренных и эклектиков. То, что большинство граждан (88%) дают положительные прогнозы внутренней и внешней жизни нашей страны, свидетельство высокого уровня консолидации общества. В целом выделение подобных групп представляется эвристичным для сравнительного анализа — как для оценки прошлого и настоящего, так и прогностического аспекта.

Отметим также анализ семантического пространства восприятия россиянами явлений и процессов через оценку по трехбалльной шкале 30 понятий, объединенных в тематические категории: время в трех перспективах, философия и идеология, форматы общественной трансформации (реформы, революция), геополитика (Восток, Азия, Запад, Америка, Европа, Евросоюз, глобализация, Россия), ценности и институты, знания и технологии (гл. 5, Н. Н. Седова). Анализируется восприятие гражданами этих понятий и выстраивается их рейтинг. Можно подвергать сомнению, что именно измеряется в этом вопросе и как люди отвечают на него (об этом указано выше в отношении времени), однако в контексте измерения массового сознания представляет интерес общая картина. Так, однозначное отрицательное мнение высказано в отношении однополых браков (87 % отрицательных оценок, лишь 4 % высказались положительно), что подчеркивает ценностную традиционалистскую установку. Насторожено относятся россияне к элите (59 % отрицательных оценок, лишь 10 % положительных) и капитализму (всего 12 % позитивных оценок при 48 % отрицательных), что также соотносится с общим вектором социальных настроений россиян и ностальгии по прошлым временам (так, социализм позитивно отметили 41 % россиян). В конце рейтинга и такие понятия, связанные с геополитикой, как Америка (10 % позитивных ответов), Запад (16 %), Евросоюз (16 %), Европа (20 %), тогда как в отношении Востока и Азии больше положительных оценок (33 % и 39 % соответственно). Все это в целом отражает общую геополитическую ситуацию и отношение россиян к ней. Скорее всего, за прошедший год восприятие гражданами нашей страны этих понятий не изменилось, а разрыв мог только усилиться. Таким образом, представленный в монографии анализ дополняет общую ценностную картину россиян и может успешно применяться при комплексном подходе.

Отметим и некоторые проблемные моменты. В первых двух главах заявляется о «выявлении в массовом сознании основных уроков истории» на основе самооценки отечественной истории россиянами, главных источниках получения информации о ней и пр. К сожалению, не приводятся данные о том, какой же процент населения вообще интересуется историей России. В исследовании информация подается с оценки собственной исторической компетентности россиян: мы видим позитивную динамику показателя высокой информированности — с 11 % в 2020 г. до 25 % в 2024 г. возросло число тех, кто считает, что хорошо знает историю России [там же: 14]. Но хотелось бы понимать, как оценивают свои знания именно те, кто историей интересуется, а кто — нет. Далее представлен социально-демографический профиль отвечающих и даже анализ эмоционально-чувственного отношения к своей стране через призму компетенции [там же: 16—17], но показателя «интерес к истории» мы не узнаем (хотя он базовый, например, для выявления интереса к политике).

Р. Э. Бараш, утверждая, что «нашим согражданам близки идеи исторического детерминизма» [там же: 47], предлагает анализ выбора значимых событий отечественной истории, которые определили ее (см. Рис. 2.1 [там же: 49]), однако результат зависит от формы вопроса — закрытый, полузакрытый или открытый. Только из ссылки на с. 51 можно догадаться, что вопрос был закрытым и респонденты могли выбрать не как в 2020 г. более пяти вариантов, а все, что счита-

ли необходимым, поэтому сопоставление результатов будет некорректным (см. табл. 2,3 [там же: 54]).

В целом нужно подчеркнуть, что проблема измерения исторического сознания из разряда «вечных», поэтому научный поиск в этом направлении всегда важен. Авторы продемонстрировали возможности владения инструментами анализа, а результаты могут быть полезны для понимания и осмысления этой непростой тематики, поэтому перейдем к разбору некоторых из них.

Эмпирические факты и находки

Как уже было сказано, исследование выполнено высококвалифицированным коллективом, длительное время занимающимся данной проблематикой, и содержит отсылки к прошлым исследованиям, что позволяет сопоставить данные и увидеть динамику. Например, обратим внимание на рост востребованности у россиян школьных и вузовских учебников как источников исторического знания (с 21 % в 2020 г. до 51 % в 2024 г.) [там же: 32]. Возможно, это связано с широкой общественной дискуссией вокруг создания единой линейки учебников истории России по поручению президента РФ, данному еще в 2013 г. В конце августа 2024 г. новые учебники (авторы — В. Мединский, А. Торкунов, А. Чубарьян) были представлены на пресс-конференции в ТАСС, а к началу 2025/2026 учебного года уже поступили в школы⁶. В разные эпохи существовал свой мотивированный запрос со стороны государства на создание учебника в соответствии с учетом задач времени поэтому концепции отечественной истории существенным образом различались (см., например, анализ [Лубков, 2024]). Но нужно признать, что в современных реалиях этот вопрос не менее острый, и это понимают граждане страны, ведь речь идет о влиянии на подрастающее поколение, формирование гражданской идентичности, ценностей и мировоззрения, исторического мышления в целом. Это связано и с патриотическим воспитанием. А вот результаты опроса о том, кого россияне считают патриотами, оказались предсказуемыми — прежде всего тех, кто любит свое Отечество (80 %), остаются преданны ему даже в самые сложные моменты (75 %), ценят историю страны (73 %), поддерживают культуру и традиции (68 %), трудятся на благо своей страны (66 %) и др. [«Стрела времени»..., 2024: 22—23]. И здесь важно то, что россияне считают одинаково значимыми чертами патриота — готовность защищать интересы страны с оружием в руках (61 % — однозначно согласны) и борьбу с искажениями истории своей страны (59 %). Ценность истории своей страны, в том числе с ее ошибками и неоднозначными поворотами, признается большинством россиян — как и стремление к объективности⁷. А вопросы переосмысления истории и соотношения ее с современностью соотносятся с формированием национальной идентичности и национального сознания. Так, подобные стратегии историзации могут придавать событиям исторический

⁶ Новая линейка единых учебников по истории // История.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/news/novaya-lineyka-edinyh-uchebnikov-po-istorii> (дата обращения: 02.07.2025).

⁷ Здесь можно вспомнить результаты опроса ВЦИОМ 2023 г., когда 54% россиян заявили, что оценка исторических событий должна быть неизменной и единой, с фиксацией того, как все происходило в истории на самом деле. И только треть считает, что нужно отходить от однозначной трактовки и переосмысливать события 37%. См. Путешествие по отечественной истории // ВЦИОМ. 2023. 27 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 21.10.2025).

смысл и значение и создавать позитивный образ прошлого для корректировки исторического сознания [Прошлое для настоящего..., 2020: 6].

Один из важных выводов исследования — позитивная динамика социальных настроений, даже несмотря на сложный период в жизни российского общества (СВО, санкционное давление и пр.): в 2024 г. доля пребывающих в негативном социально-психологическом состоянии ровнялась доле позитивно настроенных (по 50% соответственно), то есть показатели вернулись к значениям 2021 г. (в 2022 г. в связи с началом СВО соотношение было 28% к 72% соответственно) [«Стрела времени»..., 2024: 110. В главе 4 подробно анализируется динамика за десять лет, в том числе через оценку социально-психологического состояния окружающих людей. Любопытно, что во втором случае показатели более низкие — негативные состояния наблюдают 63%, позитивные — только 37%. Здесь есть о чем подумать, возможно, это свойство нашего национального характера — мы любим пожаловаться, поругать власть, создавая впечатление негативно настроенных и даже порой унылых, тогда как внутри мы более позитивны и собраны, оптимистично настроены и готовы преодолевать трудности.

Также положительная динамика наблюдается при оценке удовлетворенности разными аспектами российской повседневности [там же: 115—125]. «Несмотря на кризис, обусловленный проведением СВО на Украине и изоляцией России со стороны стран „коллективного Запада“ в жизни наших сограждан произошли позитивные сдвиги», — Н. В. Латова делает вывод, что «крепкие социальные контакты, а также возросшая удовлетворенность реализацией базовых потребностей формируют в социуме определенный запас прочности» [там же: 124]. При этом средняя самооценка эмоциональной привязанности к России по 10-балльной шкале — 8,5 балла (медиана 9, мода — 10 баллов), у тех, кто ощущает себя позитивно. Интересно, что даже у тех, кто испытывает безразличие и апатию, баллы довольно высокие (7,2, 8 и 8 соответственно), как и среди чувствующих раздражение, озлобленность и агрессию (7,1, 8 и 8 соответственно). Возможно, позитивный настрой связан еще с одной чертой россиян — консолидироваться в состоянии внешней угрозы, — однако авторы справедливо предлагают «не сбрасывать со счетов» проблемные аспекты [там же: 125].

Установлено, что самыми популярными консолидирующими ориентирами выступают: вера в Россию (42%, в большей степени среди тех, кто оценивает свое состояние позитивно), общие моральные ценности (38%), соблюдение законности и прав граждан, экономическая и политическая свобода (33%). Но «объединение вокруг флага» в начале военной операции, которое придало позитивный импульс консолидации, может нивелироваться повседневными проблемами, которых, судя по результатам исследования, вскрылось немало. Например, 31% опрошенных плохо оценивают возможность получения качественной медицинской помощи, в том числе платной; 18% считают себя плохо материально обеспеченными, 24% не имеют возможности отдохнуть в свой отпуск, довольно высок процент тех, кто заявляет о невозможности выражения своих политических взглядов (23%) [там же: 142]. Все это — довольно тревожные показатели, которые могут влиять на рост напряженности в обществе в случае нерешенности назревающих проблем.

В целом более 41 % россиян считают, что напряжение в России немного или существенно возросло, это значительно меньше показателя 2022 г. (89 %) и близко к показателю 2018 г. (39 %), что демонстрирует сложную ситуацию в целом, хотя и не противоречит явной тенденции к снижению [там же: 93]. Рассматривая динамику показателей с 2008 г., Ю. В. Латов называет это «новой нормальностью», объясняя ее чередой кризисов в стране и адаптацией к ним. Пик кризиса за это время пришелся на 2023 г. — 73 % считали ситуацию в стране напряженной (в 2016 г. показатель был 71 %), однако уже в 2024 г. показатель значительно опустился (до 57 %, как и в 2017 г.). Эту цикличность исследователи ИС ФНИСЦ РАН отмечают как «нормализацию». Выявлен парадокс: менее критично россияне оценивают ситуацию в местах непосредственного проживания, чем в целом по стране.

Большая часть населения лояльно относится к власти и выбранному курсу (65 %), с 2022 г. доля увеличилась почти в два раза. Оппозиционеры, напротив, существенно потеряли свои позиции (с 29 % в 2021 г. до 13 % в 2024 г.). Возможно, определенную роль здесь сыграл и отток несогласных с политикой за пределы страны. В любом случае растет число граждан, положительно оценивающих выбранный путь развития страны (с 53 % в 2020 г. до 78 % в 2024 г.), но видящих основные угрозы для России из-за рубежа (с 50 % в 2020 г. до 75 % в 2024 г.).

Важно также, что при рассмотрении представлений россиян о будущем России фиксируется снижение показателя тревожности. Увеличилось число тех, кто считает, что страна будет развиваться успешно: с 14,2 % в 2022 г. до 33,9 % в 2024 г., хотя большее число россиян склоняется к тому, что Россию ждут трудные времена (38,2 %), но этот показатель соответствует и относительно спокойному 2011 г. (38,6 %). Позитивные ожидания у россиян в отношении международного статуса (75 %) и экономического развития страны в будущем (70,9 %), гораздо скромнее оценки ситуации в сфере социальной справедливости (только 54,1 % позитивных ожиданий) и уровня жизни в целом (67,5 %). В главе подробно анализируются оценки разными группами россиян наличия и характера влияния на восприятие будущего событий последнего времени.

Одна из самых интересных глав монографии, на взгляд рецензента, посвящена состоянию и динамике религиозного сознания и конфессиональной идентичности как важной опоры культурно-цивилизационной идентичности. В последние годы наблюдается устойчивость религиозно-мировоззренческих предпочтений, при этом прошлая рамка анализа и деление на «прихожан и захожан» уже не работает, так как общины верующих состоят уже из нескольких поколений (причем число молодежи среди прихожан возрастает) и самовоспроизводятся [там же: 181—182]. Стабильна группа и тех, кто верит в Бога, но не относит себя к какой-то конфессии (11 %), как и группа атеистов (12 %). Однако все же атеистическое мировоззрение свойственно в большей степени молодежи (30 %, в 2017 г. — 19 %), как и тем, кто не причисляет себя к конкретным конфессиям. Исследователи по-прежнему отмечают размытость религиозного сознания, однако более четким становится соотношение веры в Бога и мировоззрения [там же: 185]. У мусульман фиксируется большая устойчивость чувства общности с единоверцами, чем среди православных (90 против 80 %), но и среди двух других групп — внеконфессионально верующих и атеистов — также наблюдается высокий уровень единения (67 и 52 % со-

ответственно), что может свидетельствовать о несколько ином символическом наполнении данной идентичности [там же: 189]. В целом нужно учитывать, что мусульман в опросе 6%; хотя это больше ошибки выборки, все же необходимо иметь в виду большую разницу с группой православных (69%).

М. М. Мчедлова пишет, что «конфессиональная идентичность не оказывает существенного влияния на интеграторы общегражданской идентичности», но несколько усиливает их, а витальные символы родной земли, территориальная идентичность выступают объединителями для большинства и православных, и мусульман, и внеконфессиональных верующих (56, 59 и 57 % соответственно), но для менее чем половины атеистов (47 %) [там же: 193]. Интересно, что для православных и мусульман общее государство более значимо, чем для других групп (50 и 56 % против 42 и 41 %). Многие вопросы не находят консенсуса, например о светскости государства, хотя наблюдается рост доли сограждан, полагающих, что религиозные организации вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь (с 9 % в 2015 г. до 16 % в 2024 г.), особенно в политику (только 2 % населения — и в 2015, и в 2024 г. — связывают надежды на их роль в сфере политики и политической деятельности), но во всех группах большинство считает недопустимым насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах [там же: 202]. Таким образом воспроизводятся императивы консолидации различных этносов и культур, а также ориентация на светский характер общества (56 %).

Обращает на себя внимание фиксирование расхождения позиций молодого поколения (до 30 лет) со старшими возрастными группами в вопросах, связанных с моралью и нравственностью. В частности, усиление позиций индивидуализма в молодежной среде, когда личностный фактор превалирует над общественным [там же: 261—262]. Поэтому проблему ценностного транзита и социокультурной преемственности авторы считают одной из важных и актуальных для устойчивости общества. Добавим, что с 2018 г. исследователи фиксируют снижение доли россиян, ставящих в приоритет личные интересы, а к 2024 г. впервые за десять лет соотношение «общественников» и «индивидуалистов» стало в пользу первых (51 против 49 %) [там же: 153]. Это в целом рассматривается как признак ценностной мобилизации и консолидации. Однако отмечается, что во взглядах и установках младшего поколения потенциально заложены разные векторы: с одной стороны, молодежь больше склонна следовать западным образцам, которые воспринимаются ею как нормативные, с другой — более оптимистична в восприятии перспектив России [там же: 306]. Впрочем, опасения за молодежь традиционны, а исходя из анализа «цветных» революций и массовых политических протестов, вполне обоснованы [Устюжанин, Зинькина, Коротаев, 2023], но согласимся с авторами: на сегодняшний день все же нет оснований утверждать, что молодежная среда охвачена «радикальными версиями западничества» [«Стрела времени»..., 2024: 263]. Однако риски возможной радикализации стоит учитывать. Именно по этой линии могут возникнуть угрозы консолидации общества. Другой опасный момент, который все больше заботит россиян и может служить основанием для массовых возмущений, — мигранты. Этот аспект, к сожалению, в монографии отдельно не рассматривается. Однако 41 % респондентов, например, считают, что патриоты России — это люди, которые борются с незаконной миграцией [там же: 23].

Интересными видятся представления россиян о вероятных и предпочитаемых сценариях национального будущего. Авторы подчеркивают, что решающую роль в генерации видения будущего играет дистанция во времени — чем дальше заглядываем, тем туманнее перспективы, — однако подобные проекции всегда отражают настоящее и учитывают контекстуальность. В период кризисов и нестабильности представления о будущем обычно более пессимистичны. Тенденция позитивных прогнозов на ближайшую перспективу (на ближайший год) у россиян сохраняется. Переломным стал 2022 г., когда 75,5% отметили, что страну ждут трудные времена, в 2024 г. доля сократилась уже до 38,2% и продолжился восходящий тренд оценок успешного развития страны (с 14,2% в 2022 г. до 33,9% в 2024 г.). При конкретизации вопросов будущего страны также отмечаются позитивные ожидания в экономике (70,9%), уровне жизни (67,5%), международном статусе (75%), гораздо меньше ожиданий в отношении разрешения ситуации с социальной справедливостью (лишь 54,1%). Это связывается с ростом одобрения и поддержки действий властей, надежды на то, что государство способно противостоять кризису. Таким образом, мы наблюдаем уникальную ситуацию доверия, которое важно не обмануть. Россияне готовы временно закрыть глаза на некоторые сложности, но острота проблем социального неравенства (об их отсутствии заявляют лишь 4%, и только каждый седьмой не страдает от них [там же: 227]) не исчезнет, если их не решать. Все это может ослабить гражданскую солидарность и привести к социальной напряженности.

Прицел на перспективу

В целом итоги исследования убеждают в общественной и научной значимости труда ученых, в их умении ставить важные вопросы и актуализировать полученные результаты. Монография продолжает изучение исторического сознания россиян и позволяет соотносить результаты с прошлыми заключениями. Представленные М. К. Горшковым ключевые выводы могут служить основанием для анализа перспектив развития российского общества [там же: 286]. Он подчеркивает, что динамика данных свидетельствует о надежном запасе «социально-психологической устойчивости у наших сограждан» [там же: 291]. Установлено, что интерес к национальной истории после начала СВО усилился, при этом актуализируется положительная доминанта восприятия образа страны и его будущего, а уважительное отношение к истории воспринимается как базовая черта патриотизма. При этом сам исторический процесс исследователями воспринимается как взаимосвязанная цепочка событий, способствующая консолидации под влиянием внешних вызовов и угроз целостности и независимости. По мнению академика Горшкова, сами события уже не ограничиваются прошлым, а переносятся в новейшую историю России [там же: 288]. В частности, воссоединение Крыма с Россией маркируется как ключевое событие, определившее судьбу страны (46% в 2024 г. против 20% в 2020 г.), усилилась в массовом сознании и роль победы в Великой Отечественной войне (75% в 2024 г. против 60% в 2020 г.). Однако мы отмечали, что сопоставление этих данных не совсем корректно из-за разницы в методике. Современные события воспринимаются как поучительный урок, и россияне в целом с оптимизмом смотрят в будущее и поддерживают общий вектор развития (толь-

ко 4 % допускают негативный сценарий развития для страны), считая, что «Россия должна жить своим умом и идти своим путем» (52 против 35 % в 2017 г.), однако наши сограждане обращают внимание на решение главных задач, таких как борьба с коррупцией (59 %), преодоление социального расслоения (48 %) и учет национальных интересов (40 %). Исследователи справедливо предупреждают, что если оптимизм не оправдается, то вероятно критическая переоценка предшествующих событий [там же: 291]. Несмотря на то что в массовом сознании преобладают гордость и уважение к своей стране, каждый пятый испытывает обиду, стыд и возмущение. На этом фоне отмечается и рост готовности россиян к отстаиванию своих прав и интересов (в 2024 г. — максимальный показатель с 2002 г.).

Хотя авторы пока не вышли на теоретические обобщения, сам анализ представляется комплексным и многоаспектным. Сильная сторона монографии в том, что она дает важный срез и динамику мнений наших сограждан о том, в каком обществе они хотели бы жить. Ожидания будущего у россиян, несомненно, связаны с реалиями сегодняшнего дня, которые существенным образом определяют отношение ко времени. И эти потенции важно учитывать при выстраивании социальной политики, поэтому рецензируемая книга не только обладает научным потенциалом, но и может стать настольной в кабинетах высшего руководства и аналитических службах.

Список литературы (References)

1. Абрамов Р. Н. Дефиниционистские метафоры в теоретической социологии // Социологический журнал. 2008. № 4. С. С. 23—34.
Abramov R. N. (2008) Definitionist Metaphors in Theoretical Sociology. *Sociological Journal*. No. 4. P. 23—34. (In Russ.)
2. Горшков М. К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S013216250012674-4>.
Gorshkov M. K. To the Issue of Sociology of Collective Spiritual Phenomena (Theoretical and Methodological Aspect). *Sociological Studies*. No. 2. P. 3—14. <https://doi.org/10.31857/S013216250012674-4>. (In Russ.)
3. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022.
Gorshkov M. K. (ed.) (2022) Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, and Symbols (Experience of Sociological Measurement). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
4. Кравченко А. И. Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 124—133.
Kravchenko A. I. (2016) Metaphors in Sociology: A New Perspective or a Road to Nowhere? *Sociological Studies*. No. 7. P. 124—133. (In Russ.)
5. Латова Н. В. Удовлетворенность россиян разными аспектами жизни: десятилетний тренд на фоне социально-экономических кризисов // Социоло-

- гические исследования. 2024. № 9. С. 17—29. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090029>.
- Latova N. V. (2024) Satisfaction of Russians with Different Aspects of Life: Ten-Year Trend Against the Background of Socio-Economic Crises. *Sociological Studies*. No. 9. P. 17—29. <https://doi.org/10.31857/S0132162524090029>. (In Russ.)
6. Лубков А. В. О едином учебнике истории. Концептуальные подходы // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Ч. 2. С. 303—320.
Lubkov A. V. (2024) About the Unified History Textbook. Conceptual Approaches. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. No. 1. P. 2. P. 303—320. (In Russ.)
7. Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23—34. <https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2>.
Malinkin A. N. (2020) Historical Memory of the Great Patriotic War: Epistemologic and Genealogic Aspects. *Sociological Studies*. No. 5. P. 23—34. <https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2>. (In Russ.)
8. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939—1945. 4-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение-Союз; Просвещение, 2025.
Medinsky V. R. (2025) The war. Myths of the USSR. 1939—1945. 4th ed. Moscow: Prosveshchenie-Soyuz; Prosveshchenie. (In Russ.)
9. Орлова И. Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 66—77. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090082>.
Orlova I. B. (2017) Historical Knowledge as a Subject of Sociological Analysis (Phenomenological Aspect). *Sociological Studies*. No. 9. P. 66—77. <https://doi.org/10.7868/S0132162517090082>. (In Russ.)
10. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98—107.
Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. (2016) Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring). *Sociological Studies*. No. 3. P. 98—107. (In Russ.)
11. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.
Repina L. P. (ed.) (2020) The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity. Moscow: Akvilon.
12. Романовский Н. В. Социологическая теория в России сегодня — пример «стрелы времени» // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 5—12.
Romanovskiy N. V. Sociological Theory in Russia Today — the Case of the «Arrow Of Time». *Sociological Studies*. No. 7. P. 5—12. (In Russ.)

13. Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений. Социальная и социально-политическая ситуация / отв. ред. В. К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2024.
Levashov V. K. (ed.) (2024) *Russian Society and the State: The Foundations of Sustainability and Trends of Change. Social and Socio-political Situation*. Moscow: FCTAS RAS.
14. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2024.
Gorshkov M. K. (ed.) (2024) *The “Arrow of Time” in the Mass Consciousness of Russians: Assessments of The Past, Judgments About the Present, Ideas about the Future*. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)
15. Таньшина Н. П. Русофобия: История изобретения страха. М.: Концептуал, 2023.
Tanshina N. P. (2023) *Russophobia: The Story of the Invention of Fear*. Moscow: Conceptual. (In Russ.)
16. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3—13.
Toshchenko Zh.T. (2000) *Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current State*. *New and Contemporary History*. No. 4. P. 3—13.
17. Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. Опасная молодежь: почему в массовых политических выступлениях (не) применяют оружие? // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 82—96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8>.
Ustyzhanin V. V., Zinkina J. V., Korotayev A. V. (2023) *Dangerous Youth: Why Do Political Uprisings Take an Unarmed Form? Sociological Studies*. No. 5. P. 82—96. <https://doi.org/10.31857/S013216250025805-8>. (In Russ.)
18. Шмерлина И. А. Метафора — когнитивный барьер (на примере использования понятия “институт”) // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 15—25. <https://doi.org/10.7868/S0132162517100026>.
Shmerlina I. A. (2017) *Metaphor as a Cognitive Obstacle (Exemplified by the Concept “Institute”)*. *Sociological Studies*. No. 10. P. 15—25. <https://doi.org/10.7868/S0132162517100026>. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3019](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3019)**Р. К. Тангалычева**

**КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ
В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ.
РЕЦ. НА КН.: GOODWIN M. BAD EDUCATION. WHY OUR
UNIVERSITIES ARE BROKEN AND HOW WE CAN FIX THEM?
LONDON: TRANSWORLD PUBLISHES, 2025**

Правильная ссылка на статью:

Тангалычева Р.К. Консервативный поворот в высшем образовании США и Великобритании. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 288—302. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3019>. Рец. на кн.: Goodwin M. Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them? London: Transworld Publishes, 2025.

For citation:

Tangalycheva R. K. (2025) The Conservative Turn in Higher Education in the US and UK. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 288–302. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3019>. Book Review: Goodwin M. (2025) Bad Education. Why Our Universities Are Broken and How We Can Fix Them. London: Transworld Publishers. (In Russ.)

Получено: 15.05.2025. Принято к публикации: 30.09.2025.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ. РЕЦ. НА КН.: GOODWIN M. BAD EDUCATION. WHY OUR UNIVERSITIES ARE BROKEN AND HOW WE CAN FIX THEM? LONDON: TRANSWORLD PUBLISHES, 2025

ТАНГАЛЫЧЕВА Румия Кямильевна — доктор культурологии, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: rimma98@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0692-383X>

Аннотация. Публикация представляет собой рецензию на книгу британского ученого Мэтта Гудвина «Плохое образование. Почему наши университеты развалены и как их можно исправить?», вышедшую в свет в Великобритании в 2025 г. Издание вызвало полемику в западных университетах и носит неоднозначный характер. Тем не менее оно позволяет читателю понять причины кризиса и даже раскола в ведущих университетах Великобритании и США, а также консервативный поворот в системе высшего образования, который стал реакцией на сформировавшийся в последние десятилетия в западной университетской среде радикальный левый активизм, многочисленные проявления которого описывает Мэтт Гудвин. Книга содержит обширные статистические данные, свидетельствующие о падении престижа университетского образования в англосаксонских странах, знакомит читателя с так называемой «новой университетской идеологией», поддерживаемой на всех уровнях (учеными и преподавателями, студентами и администрациями). Автор дает возможные варианты выхода из сложившейся ситуации и предлагает свой Манифест изменения устройства университетов.

THE CONSERVATIVE TURN IN HIGHER EDUCATION IN THE US AND UK. BOOK REVIEW: GOODWIN M. (2025) BAD EDUCATION. WHY OUR UNIVERSITIES ARE BROKEN AND HOW WE CAN FIX THEM. LONDON: TRANSWORLD PUBLISHERS

Rumiya K. TANGALYCHEVA¹ — Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor at the Department for Sociology of Culture and Communication
E-MAIL: rimma98@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-0692-383X>

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper reviews the book by Matt Goodwin "Bad Education. Why Our Universities Are Broken and How We Can Fix Them" published in the UK in 2025. This book has sparked controversy in Western universities and was perceived controversially. Nevertheless, it allows the reader to understand the causes of the crisis and even schism at leading universities of Great Britain and the USA, as well as the conservative turn in higher education. The latter manifested as a reaction to the radical leftist activism that has emerged in Western universities in recent decades, the numerous examples of which Matt Goodwin describes. The book presents extensive statistical data indicating the declining prestige of university education in Anglo-Saxon countries and introduces the reader to the so-called "new university ideology" supported at all levels (by academics and faculty, students, and administrators). The author offers possible solutions to the current situation and proposes his Manifesto for changing universities.

Ключевые слова: плохое образование, кризис университета, ученые, студенты, административная система, консервативный поворот, высшее образование

Keywords: bad education, university crisis, scholars, students, administrative system, solutions, conservative turn

Мэтт Гудвин — британский ученый, преподававший в университетах Манчестера, Ноттингема и Кента. Он сотрудничал со многими аналитическими центрами, включая Королевский институт международных отношений Великобритании, был награжден премией Ричарда Роуза, которая вручается молодым ученым за вклад в общественные науки. Он является соавтором и автором бестселлеров Sunday Times¹ «Национальный популизм: восстание против либеральной демократии» [Eatwell, Goodwin, 2018] и «Ценности, голос и добродетель: новая британская политика» [Goodwin, 2023]. Он соавтор книги «Восстание справа» [Ford, Goodwin, 2014], которая была номинирована на премию Дж. Оруэлла. В 2025 г. вышла в свет его новая книга «Плохое образование. Почему наши университеты развалены и как их можно исправить?», обзор которой предлагается вниманию читателей.

Книга состоит из пяти частей, в первой автор описывает проблемную ситуацию и приводит статистические данные, свидетельствующие об ухудшении состояния западных университетов со специальным фокусом на элитные университеты США и Великобритании. Во второй части он рассматривает положение дел с позиций ученых и преподавателей, в третьей — с точки зрения студентов, в четвертой — системы администрирования университетов в целом. В заключительной части исследования Мэтт Гудвин предлагает свое видение решения проблемы и публикует Манифест по улучшению положения в университетской среде. Для убедительности своих суждений он ссылается на взгляды и результаты исследований известных ученых, среди которых Фрэнсис Фукуяма, Яша Мунк, Джонатан Хайдт, Джон Маквортер, Эрик Кауфманн и многие другие.

Автор начинает свою книгу с описания кризисной ситуации в университетах Великобритании и США. Он пишет, что, когда они впервые появились почти тысячу лет назад в таких местах, как Болонья, Париж, Оксфорд, Кембридж и Сент-Эндрюс в Шотландии, многие были открыто религиозными учреждениями, которыми руководили верующие люди, строго следовавшие жестким ортодоксальным идеям того времени. Однако с конца XIX века университеты постепенно становились более светскими и профессиональными. К XX веку возник консенсус относительно того, что главной целью такого заведения стало не отстаивание религиозных догм, а поиск истины с помощью свободы совести, мысли, слова и публикационной активности. Вот почему даже сегодня элитные западные университеты, подобные Гарварду и Йелю, по-прежнему сохраняют слово «veritas» («истина») в своих девизах. Однако в наши дни, по мнению автора книги, можно констатировать, что британские и американ-

¹ «Сандей таймс» — британская воскресная газета, известная качественными журналистскими расследованиями, освещением политики, искусства, а также сильным фокусом на бизнес-читателей из образованного среднего и высшего класса. Газета связана с консервативной медиагруппой «News UK» (владелец Руперт Мердок) и склоняется к правому центру.

ские университеты и вся система высшего образования находятся в кризисе, дают плохое образование.

В книге приводится целый ряд статистических данных, свидетельствующих о падении престижа высшего образования в англосаксонских странах. Так, в США в 2024 г. исследовательская компания Gallup² обнаружила, что с 2015 г. доля американцев, которые «очень доверяют» университетам, резко упала с 57 % до 36 %. (падение особенно заметно среди республиканцев); при этом доля выбравших вариант «мало или совсем нет доверия» к университетам, увеличилась с 11 % до 50 % [Goodwin, 2025: 15]. Годом ранее The Wall Street Journal³ опубликовала данные, согласно которым большинство американцев негативно относятся к университетским дипломам, причем этот скептицизм сильнее всего проявляется среди тех, у кого есть дипломы. В то же время в Великобритании представители элитных слоев общества, окончившие Оксфорд, Кембридж или один из других престижных университетов «Russel Group», регулярно используют свои влиятельные позиции в политике, культуре и СМИ, чтобы превозносить чудеса университетского образования. Однако подавляющее большинство обычных жителей Соединенного Королевства не разделяют этого мнения. В 2024 г. опрос общественного мнения YOUGov⁴ показал, что большая часть британцев (около 52 %) считают текущий «уровень образования и заработной платы выпускников недостаточным, чтобы оправдать расходы на учебу», а более одной трети (38 %) вообще склонны указывать на слишком большое количество студентов в университетах [ibid.: 16].

В США в 2023 г. Pew Reserch Center⁵ отметил, что зачисление в американские колледжи постоянно снижалось в течение последнего десятилетия, а общее число поступивших в возрасте от 18 до 24 лет сократилось на 1,2 млн по сравнению с пиковым значением в 2011 г. В Великобритании в 2024 г. число молодых людей, подающих заявления в университет, также сокращалось второй год подряд, в то время как доля студентов, поступивших и считающих, что университет — это «хорошее соотношение цены и качества», резко снизилась с 50 % в 2013 г. до 39 % в 2024 г. Более того, каждый четвертый студент начал думать об уходе из университета, как только прибыл в кампус, настолько он был разочарован этим опытом [ibid.: 19].

Мэтт Гудвин пытается разобраться в причинах наступившего кризиса. Он приводит два противоположных мнения, отражающих чаяния университетов и рядовых жителей Великобритании. С одной стороны, после подписания закона о «Брекзите» в 2020 г. в британских университетах возникли ощутимые финансовые трудности, связанные с неспособностью обычных семей платить за обучение своих детей и успевать за инфляцией. Ситуация в стране ухудшилась в результате сильных последствий пандемии COVID-19, резкого скачка стоимости жизни и осложнения отношений с иностранными державами, прежде всего с Китаем, который

² Американский институт общественного мнения, основанный профессором-социологом Джорджем Гэллапом.

³ Ежедневная американская деловая газета на английском языке.

⁴ Международная группа, занимающаяся онлайн-исследованиями и аналитикой данных.

⁵ Исследовательский центр, находится в Вашингтоне. Предоставляет информацию о социальных проблемах, общественном мнении и демографических тенденциях, формирующихся в США и мире.

долгое время был важнейшим источником иностранных студентов и, соответственно, финансирования университетов.

С другой стороны, рядовые британцы полагают, что этот кризис коренится в массовом расширении университетов, которое началось в 1990-х годах и подтолкнуло молодежь из семей рабочего класса к получению высшего образования. Сегодня нетрудно услышать массовое мнение британцев, что это расширение зашло слишком далеко и Великобритания в избыточно финансирует университеты, подрывая и обесценивая высшее образование в целом. Сейчас более одного из трех выпускников британских университетов трудоустроены на позициях, не требующих диплома. И это особенно заметно за пределами Лондона. В столице 38 % выпускников работают на должностях, не требующих диплома. Показатель увеличивается до 42 % за пределами Лондона и почти до 60 % — в местах, расположенных дальше, например в Линкольншире [ibid.: 21]. На эту проблему ранее обратил внимание Р. Коллинс в своей работе «Средний класс без работы», когда писал об инфляции университетских дипломов. По его мнению, система образования в развитых странах функционирует как скрытое кейнсианство. В условиях экономического спада и сокращения доходов государства возникают протестные движения налогоплательщиков за сокращение расходов на образование [Коллинз, 2015: 87—88].

Ученые и преподаватели

Разбирая ситуацию с позиций ученых и преподавателей, Мэтт Гудвин пишет, что за последние 60 лет университеты на Западе радикально сместились влево. Они все больше превращаются в так называемые монокультуры — учреждения, где разрешено процветать только одному набору идей, убеждений, предположений и приоритетов. Крупные опросы, проведенные аналитическими центрами, такими как More In Common⁶, показывают, что только 10—15 % людей на Западе разделяют взгляды «радикальных прогрессистов», которые доминируют в кампусах и ратуют за иммиграцию, отдают приоритет защите меньшинств, а не защите свободы слова, верят, что самопровозглашенная «гендерная идентичность» человека должна вытеснить его биологический пол. Но в кампусе на фоне сильного левого уклона почти нет никакого сопротивления радикальным активистам, чувствующим себя свободно и навязывающим свою волю другим. Вот почему так часто ученые и преподаватели, придерживающиеся иных взглядов или бросающие вызов этой монокультуре, обнаруживают, что их выталкивают на обочину университетской жизни, побуждают молчать и не высказываться публично.

Например, в области социологии, где доминируют леволиберальные ценности, термин «белая привилегия», как пишет Гудвин, стал общепринятым для обозначения якобы незаслуженных преимуществ, которыми белые пользуются из-за цвета кожи и статуса большинства. Но, как отмечают некоторые ученые, это означает, что белые находятся в более выгодном положении по сравнению со всеми другими группами. Однако в США американцы азиатского происхождения находятся в более выгодном положении, чем белые, имея такие преимущества, как более

⁶ Международная аналитическая компания.

высокий средний доход, лучшие результаты в системе образования и меньшую вероятность стать жертвами преступных действий [Goodwin, 2025: 78].

Взгляды, доминирующие в кампусах, окутаны стремлением представителей академической среды к обретению социального статуса и уважения со стороны других членов университетского сообщества. Гудвин ссылается на Роба Хендерсона, выпускника Кембриджа, красноречиво описавшего, как современный образованный класс, особенно те, кто работают в самых престижных университетах, все чаще определяют себя с помощью термина «убеждения роскоши» («luxury beliefs») ⁷. «Убеждения роскоши» — это идеи и мнения, которые агрессивно продвигаются элитным классом, особенно университетским, поскольку они престижны и налагают высокие издержки на не принадлежащих к нему людей [Goodwin, 2025: 76]. Гудвин приводит целый ряд примеров такого рода убеждений, и главным среди них считает нападение на традиционные конструкции семьи и моногамии. Так, в престижных университетах Великобритании и США учится множество студентов из стабильных хорошо обеспеченных семей с двумя родителями, которым навязывается идея о том, что традиционные семьи «старомодны» и общество должно «развиваться» согласно альтернативным либеральным сценариям. Однако при этом подходе игнорируется, что люди из семей с одним родителем хуже учатся и более подвержены широкому спектру социальных и психических проблем, включая наркоманию и алкогольную зависимость, преступность и безработицу.

Еще одно «роскошное убеждение», процветающее в университетской среде, — «белые привилегии». И снова самые страстные сторонники этой идеи — белые выпускники колледжей. Однако они не понимают, что, когда начнут внедряться меры по борьбе с «привилегиями белых», пострадают не только выпускники Оксфорда, Гарварда или Йеля, но в первую очередь — бедные белые, которые и так находятся в не самой благоприятной экономической и социальной ситуации по сравнению с другими группами.

На наш взгляд, термин «luxury beliefs» схож с понятием клубной культуры интеллектуалов («faculty club culture»), проанализированной Питером Бергером в работе «Культурная динамика глобализации», опубликованной на русском языке еще в 2004 г. Рассматривая процессы глобализации западной интеллигенции, он писал, что клубная культура интеллектуалов представляет собой идеи и правила поведения, выработанные западными, главным образом американскими, интеллектуалами. К этим идеям относятся учение о правах человека, концепции феминизма, защиты окружающей среды и мультикультурализма, а также представления о политике и образе жизни, в которых воплощаются эти идеологические построения [Бергер, 2004: 11—12]. Распространяется «клубная культура интеллектуалов» такими учреждениями, как академические структуры, фонды, неправительственные организации. Бергер писал, что цена за вход в эту культуру очень высокая, и она влияет на личную жизнь своих членов: представителям этой культуры следует быть осмотрительными, они должны демонстрировать свои либеральные взгляды даже вне своей профессиональной деятельности. Гудвин, обращаясь к термину «роскошные убеждения», показывает, что эта культура (способ мышления) принимает

⁷ Цит. по: Haidt J. Why Antisemitism Sprouted So Quickly on Campus // After Babel. 2023. 21 December. URL: <https://www.afterbabel.com/p/antisemitism-on-campus> (дата обращения 08.12.2025).

в Великобритании и США все более радикальный характер и явно входит в конфликт с представлениями большинства жителей этих стран.

Студенты

Характеризуя позицию студентов, Гудвин опирается на мнение Грега Лукьяноффа и Джонатана Хайдта, изложенное в опубликованной в 2018 г. книге «The Coddling of the American Mind» («Потакание американскому мышлению»). Эти авторы стали первыми, кто объяснил, как и почему современные университеты отдают предпочтение «социальной справедливости» в ущерб традиционной цели поиска истины [цит. по: Goodwin, 2025: 105].

Авторы пишут о «чрезвычайной хрупкости психики современной молодежи и, следовательно, определяют цель деятельности университета как защиту студентов от психологического насилия (вреда)». Конечная цель заключается в том, чтобы превратить кампусы в «безопасное пространство», где молодые люди защищены от слов и идей, которые вызывают у них дискомфорт.

Но почему в наши дни мы говорим о гиперхрупкости и чувствительности молодежи? Дело в том, что дети, родившиеся после 1980 г. (миллениалы и зумеры), с большей вероятностью, чем старшие поколения, подвергались ограничениям со стороны родителей. Школы, в которых они учились, также стали больше внимания уделять устранению возможных опасностей в классе и на игровой площадке, чем в прошлом. Во многом это усилило убеждение молодых людей в том, что жизнь заключается в избегании, а не в управлении рисками и уязвимостями, и побудило их увидеть главную роль взрослых, школ и университетов в том, чтобы делать все возможное для их защиты от эмоционального и физического насилия [Haidt, Lukianoff, 2018].

Раньше общества были организованы вокруг культуры чести, в которой люди довольно бурно и эмоционально реагировали на любое предполагаемое оскорбление, агрессию или вызов. Позже общества превратились в культуру достоинства, где проявление самообладания стало более важным маркером поведения человека, что отражено в поговорке «палки и камни могут сломать мне кости, но слова никогда не ранят меня». Однако сегодня многие западные страны развиваются в сторону культуры жертвенности, где, как мы видим в элитных кампусах по всему Западу, студентов учат реагировать на любое словесное насилие, пусть даже ощущение насилия, обращаясь к администрации университетов с жалобами и таким образом противодействуя нанесенному оскорблению.

«Культура виктимности» отличается низкой терпимостью к неуважению. На фоне этой новой моральной культуры студенты полагают, что тех, кто причиняет им эмоциональный вред, например преподавателя или ученого, позволяющего себе честно высказать спорное суждение, следует заставить молчать или вообще устранить, чтобы защититься. Для этого надо сигнализировать о подобных актах «насилия» администрации университетов. Более того, в рамках культуры жертвенности, как считается, студенты обретают чувство самоуважения и чести, укрепляют свой социальный статус, нанося символическое осквернение противникам, например именуя их взгляды «расистскими». Согласно Фонду за права личности и самовыражение, который отслеживает ключевые тенденции в кампусах США, в период с 2000

по 2022 г. количество попыток наложить санкции на оппонентов резко возросло со всего лишь четырех случаев в 2000 г. до рекордных 145 в 2022 г., большинство из которых были инициированы студентами левых взглядов [Goodwin, 2025: 109]. В 2023 г. исследование Университета штата Северная Дакота, основанное на опросе 2250 студентов, показало, что 81 % студентов, называющих себя либералами, заявили, что сообщат властям о профессоре, если тот сделает замечание, которое студенты сочтут оскорбительным, по сравнению с более низким, но все еще тревожным показателем в 53 % студентов-консерваторов [ibid.: 112].

Все это становится возможным благодаря распространению в университетской среде новой идеологии под названием «привилегия белых» и «антирасизм». Элитные университеты Великобритании, включая Оксфорд и Кембридж, особенно склонны погружать студентов в концепции ключевых академических теорий, лежащих в основе новой идеологии, таких как постколониализм, критическая теория и гендерная идеология, обучая их дискурсу «привилегии белых», который поощряет дискриминировать белых или гетеросексуалов во имя защиты меньшинств.

Мэтт Гудвин пишет, что такие проявления стало невозможно игнорировать после 7 октября 2023 г., когда террористы ХАМАС совершили зверства в Израиле. В последующие недели и месяцы один крупный опрос за другим обнаруживал, что студенты университетов с наибольшей вероятностью высказывали резкое несогласие с Израилем, поддерживали ХАМАС и говорили, что террористические акты, совершенные меньшинствами (палестинцами) против угнетающего большинства (Израиля), могут быть «оправданы». В 2023 г. в Америке около 48 % всех зумеров, то есть возрастной группы до 25 лет, заявили, что они больше поддерживают ХАМАС, чем Израиль (эту точку зрения разделяли только 16 % американцев в целом по стране). В Великобритании зумеры также с наибольшей вероятностью говорили, что открыто поддерживают Палестину, и с наименьшей вероятностью считали ХАМАС террористической группировкой [ibid.: 116].

Согласно господствующим в элитных университетах представлениям, система образования является «структурно расистской» и предвзятой по отношению к меньшинствам, и поэтому, как следствие, университеты должны вкладывать значительные средства в попытки набрать больше студентов из меньшинств. По мнению автора книги, хотя это и достойно восхищения, реальность такова, что именно дети из белого рабочего класса, а не дети из меньшинств, регулярно остаются без внимания и игнорируются на всех уровнях системы образования. В настоящее время только 10,5 % белых британских детей поступают в самые престижные университеты, в то время как среди британских китайских студентов таких 41 %, британских азиатов — 16 %, чернокожих британских студентов — 11 % [ibid.: 118].

В последние годы среди специалистов правого толка стало модным утверждать, что Запад наконец-то дошел до «пика пробуждения», новая идеология достигла апогея и теперь будет постепенно исчезать из виду, поскольку люди становятся все более настороженными и истощенными культурой отмены, идеей политической корректности и культурными войнами. Но, по мнению автора рецензируемой книги, достаточно взглянуть на последние исследования того, что происходит в ведущих университетах среди студентов и молодых ученых, чтобы увидеть, насколько обманчив этот нарратив. Исследования показывают, что эта

система убеждений не только не достигла пика, но и все более распространяется среди поколения Z.

Система

Система включает в себя университетских проректоров, старших бюрократов и администраторов высших учебных заведений, аналитических центров, исследовательских советов, благотворительных организаций и лоббистских групп. Эти категории университетских сотрудников накапливают все больше власти, влияния и используют их для навязывания и закрепления нового доминирующего набора ценностей сверху вниз.

В период с 1976 по 2018 г. в США число штатных университетских администраторов и других «профессиональных» сотрудников резко возросло на 164% и 452% соответственно. Но в то же время число штатных преподавателей увеличилось всего на 92%, а число студентов — только на 78%. Другими словами, быстрый рост университетской бюрократии опередил рост академического и студенческого сообществ. Во многих ведущих университетах и колледжах США на одного студента приходится в три раза больше бюрократов, чем преподавателей и профессоров [ibid.: 115].

Автор рецензируемой книги, ссылаясь на работу «Падение факультета» Бенджамина Гинзберга, пишет, что вместо того чтобы сохранить преподавание, исследования и академическую свободу в основе университета, сегодняшние бюрократы часто видят эти вещи через призму позитивного корпоративного «бренда» университета. Именно поэтому университетская администрация часто призывает к молчанию ярких ораторов и ученых с оригинальными идеями, которые, по их мнению, не должны привлекать «негативное» или «проблемное» внимание СМИ к университету [цит. по: Goodwin, 2025: 152].

В последние годы университетская бюрократия превратилась в своего рода гиперполитическую и высокоактивную управленческую силу, закрепившую все описываемые процессы. В основе политизации университета лежит программа разнообразия, равенства и инклюзивности (Diversity, Equity and Inclusion, DEI). В США в 2024 г. Мичиганский университет, по данным автора книги, выплачивал более 30 млн долларов примерно 241 получателю DEI каждый год, чего достаточно для покрытия платы за обучение почти 2000 студентов [Goodwin, 2025, p. 158]. Отделы кадров образовательных учреждений при приеме сотрудников на работу стоят на страже таких идей и концепций, как «привилегия белых», «систематический расизм», «бессознательная предвзятость», «токсичная маскулинность» и т. д., хотя, по мнению Гудвина, они являются довольно спорными и часто не имеют достаточных доказательств.

В чем проблема с DEI, по мнению Мэтта Гудвина? Программа подрывает идею подлинного разнообразия, настаивая на том, что нет приемлемой альтернативы узкому набору ценностей и приоритетов, поддерживаемых новой идеологией и сопутствующими ей теориями «социальной справедливости», «критической расовой теории» и «интерсекциональности». Эта повестка не поощряет разнообразие, а, напротив, перестраивает университеты на базе крайне политизированного и спорного утверждения о том, что большинство угнетает меньшинства, люди

определяются только своей фиксированной групповой идентичностью и западные страны по своей сути являются расистскими.

Программа работает против подлинного включения, поощряя университеты исключать и маргинализировать ученых, студентов и спикеров, которые осмеливаются выступать против их новой идеологии в кампусе, и различными способами навязывать новые речевые ограничения и языковые коды, чтобы заставить замолчать нонконформистов. Даже самые пассивные люди, которые не придерживаются «правильных» убеждений, «правильной» политики и не принадлежат к «правильной» группе, часто исключаются или запугиваются.

Другой способ, с помощью которого система навязывает новую доминирующую идеологию сверху, — обучение «антирасизму» (или «разнообразию») в преподавании и исследованиях. Все чаще ученых и преподавателей подталкивают не просто заявлять, что они отвергают расизм и дискриминацию, но и принимать крайне агрессивный, разъединяющий и активистский бренд «антирасизма», вытекающий из критической расовой теории (КРТ). Сегодня система высшего образования и университетские профессора нередко продвигают таких леволиберальных ученых, как Ибрам Х. Кенди, чья книга «Как стать антирасистом» стала мейнстримом в кампусах по всему Западу. Кенди предполагает, что каждое действие, человек, учреждение и политика не могут быть нейтральными — они либо расистские, либо антирасистские. Люди, которые называют себя «нерасистами», в уме ставят себя в один ряд с работарговцами, сегрегаторами и расистами прошлого. Чтобы иметь моральную ценность и считаться социально приемлемыми, они должны переопределить себя как активных «антирасистов», постоянно работая над разрушением того, что критически настроенные расовые теоретики считают системами расизма и угнетения на Западе [Kendi, 2019]. Эти идеи становятся все более популярными в кампусах, их продвигают радикальные активисты-ученые и администраторы, игнорируя, например, тот факт, что уровень расовых предрассудков в Великобритании с 1980-х годов снижается, а не растет.

Еще один пример того, как система активно политизирует университет, — внедрение идеи «деколонизации». Постколониальная теория — это область исследований, ориентированная на активизм, в которой ученые выступают за систематическое уничтожение колониализма во всех его формах, рассматривают общества как определяемые дисбалансом сил между угнетенными и угнетающими группами и стремятся переписать историю, культуру и знания с точки зрения «угнетенных», или «колонизированных», меньшинств, даже если это противоречит объективным знаниям и эмпирическим данным. Они хотят «деколонизировать» народы и институты, чтобы уменьшить зависимость от белых ученых и писателей из бывших «колониальных» держав, продвигать голоса представителей меньшинств и бывших колонизированных регионов, независимо от качества их исследований, а также критиковать, проблематизировать и принижать «западные» знания.

Согласно этому подходу, западные университеты (и общества) являются институционально расистскими, соответственно, преподавание социальных дисциплин должно быть перестроено, по сути, вокруг явно антизападной повестки дня, не в последнюю очередь путем деколонизации списков чтения для студентов.

В 2020 г., на фоне протестов после смерти Джорджа Флойда и «Жизни темнокожих имеют значение» (Black Lives Matter), Британский аналитический центр политики высшего образования опубликовал отчет, призывающий к «деколонизации университетов». Это, как утверждалось, «жизненно важно для улучшения учебных программ курсов, педагогической практики, благополучия персонала и опыта студентов». Два года спустя, в 2022 г., исследовательский отчет показал, что 70% университетов в Великобритании в настоящее время проводят ту или иную форму деколонизации либо путем официальной политики администрации, либо путем возвышения отдельных ученых, выступающих за нее [цит. по: Goodwin, 2025: 186].

Ссылаясь на профессора Эрика Кауфманна, Гудвин пишет, что эти усилия по деколонизации университета отражают основную черту новой идеологии, которую можно обозначить как «декультурирующий натиск». Это мировоззрение направлено не только на то, чтобы бросить вызов, но и на то, чтобы критиковать и подрывать культуру и историческое наследие западных стран, чтобы навлечь стыд и вину на население внутри этих стран [цит. по: Goodwin, 2025: 191].

В последней части книги Мэтт Гудвин анализирует решения, связанные, по его мнению, с возможным выходом западных университетов из сложившегося кризиса. Их он публикует в виде Манифеста, состоящего из следующих пунктов:

— свободное и открытое расследование по всем вопросам, пока это не нарушает закон и не представляет собой реальной угрозы или преследования для человека;

— гарантия всем членам университетского сообщества максимально возможной свободы говорить, писать, слушать, бросать вызов и учиться;

— уважение и поддержка свободы всех сотрудников обсуждать любые проблемы открыто и без негативных последствий;

— противодействие ограждению людей от теорий, идей и мнений, которые они считают нежелательными, неприятными, вредными или оскорбительными;

— противодействие попыткам прекратить дебаты и обсуждения посредством призывов к вежливости, взаимному уважению или во имя избежания «эмоционального вреда»;

— устранение всех внутренних речевых кодексов и университетской политики, которые противоречат вышеуказанному обязательству по свободе слова и академической свободе;

— требование, чтобы все университеты регулярно проверялись на предмет нарушений академической свободы и свободы слова, с возможностью штрафовать учреждения, которые не соблюдают эти основные меры защиты для студентов и ученых;

— требование, чтобы университеты прилагали столько же усилий продвижению политического разнообразия в кампусе, сколько они прилагают для продвижения расового, сексуального и гендерного разнообразия; там, где продвигается DEI, если он вообще продвигается, политическое разнообразие должно продвигаться в той же степени;

— требование, чтобы университеты относились к политической дискриминации так же серьезно, как они относятся к расовой, сексуальной и гендерной дискриминации;

— обеспечение того, чтобы отдельные преподаватели сохраняли полный контроль и автономию над своими списками чтения курсов и не подчинялись нисходящим правилам университета, которые мешают их академической свободе;

— запрет на любые прямые отношения между политическими партиями и университетами, включая финансирование, стипендии и трудоустройство ученых и студентов;

— запрет на использование «заявления о разнообразии» при найме ученых и распределении исследовательских грантов;

— обеспечение того, чтобы все комиссии по отбору исследовательских грантов и комитеты по поиску академических и старших административных должностей были политически сбалансированными;

— вместо того чтобы все соискатели академических должностей размышляли о том, как их исследования и преподавание поддерживают DEI, следует размышлять о том, как их исследования и преподавание поддерживают свободу слова, свободу выражения и академическую свободу в кампусе [цит. по: Goodwin, 2025: 217—219].

Мэтт Гудвин полагает, что корни описываемого им кризиса академической жизни и плохого качества образования глубоко политические. Он утверждает, что за последние 60 лет, особенно с 1980—1990-х годов, университеты были охвачены политической революцией, которая трансформирует их в худшую сторону, отталкивает их от первоначального предназначения и подвергает целое поколение студентов ложному образованию, обрекая их на неудачи в будущем. Он связывает университетский кризис с «новой доминирующей идеологией» в кампусе, новой системой убеждений, новым мировоззрением, которое навязывается сверху вниз университетским преподавателям, студентам и администраторам и которое полностью пронизывает культуру академической жизни. Западные университеты, на его взгляд, сегодня строятся вокруг новой религиозной догмы, и большинство авторов, которых он находит интересными, придерживаются скорее правых, чем левых взглядов.

В последние годы книги и статьи таких ученых, как Фрэнсис Фукуяма [Fukuyama, 2022], Яша Мунк [Mounk, 2023], Джонатан Хайдт и Грег Лукьянов [Haidt, Lukianoff, 2018], Джон Маквортер [McWhorter, 2021], Эрик Кауфманн [Kaufmann, 2024], и многих других способствовали формированию мнения о том, что захватившие университеты настроения не просто отличаются от классического либерализма, но и принципиально противоречат ему. К примеру, Эрик Кауфманн определяет такую идеологию как нечто, полностью организованное вокруг «сакрализации расовых, сексуальных и гендерных меньшинств» [цит. по: Goodwin, 2025: 28]. Другими словами, это система убеждений, которая сосредоточена на основополагающем утверждении, что все расовые, сексуальные и гендерные меньшинства должны считаться священными и неприкосновенными и должны быть защищены от «эмоционального вреда».

В университетской среде эта нетерпимость нашла свое выражение в распространении «предупреждений о триггерах», «микроагрессии», «безопасных пространствах», предпочтительных гендерных местоимений, особенно резком росте с 2010 г. числа профессоров, подвергшихся разного рода санкциям вплоть до увольнения. Также среди студентов и профессоров университетов отмечается

повсеместное «самоцензурирование», когда приходится скрывать свои настоящие взгляды и опасаться того, что может случиться, если они выскажут их вслух. Это представляет собой радикальный разрыв с прошлым. Гудвин ссылается на Фрэнсиса Фукуяму, который в своей книге «Либерализм и недовольство» писал, что любое движение, которое ставит фиксированную групповую идентичность людей выше их индивидуальных прав, не должно иметь места в либерализме.

В отличие от настоящих либералов, которые ценят широкий спектр взглядов и мнений, разнообразие точек зрения, последователи новой академической идеологии регулярно клеймят или просто увольняют тех, кто осмеливается подвергать сомнению или оспаривать подобные убеждения. Они не проявляют серьезного интереса к таким вещам, как объективное знание, эмпирическое доказательство, строгие дебаты и разум, особенно когда те противоречат их догматам. Все это, по мнению Гудвина, также помогает объяснить ярко выраженный антизападный и антибелый этос «новой университетской идеологии». Постоянные нападки, критика, сомнения и пересмотр национальных героев, символов, истории, мифов и воспоминаний о группах западного большинства и, по сути, их переделка в символы или истории расистского позора представляют собой попытку подорвать позитивную идентичность (белой) группы большинства, принизив ее по сравнению с меньшинствами.

Вместо того чтобы расширять кругозор студентов, знакомить их с различными точками зрения, под огромным давлением новой идеологии и ее последователей, по мнению автора рецензируемой книги, университеты заставляют молчать людей, которые выражают другие взгляды, подавляя свободу слова во имя защиты меньшинств и студентов от «эмоционального вреда». Проблема, по сути, в том, что подобного рода радикализация избыточно политизирует высшее образование, наносит вред студентам, снижает стандарты, душит свободу слова и превращает лучшие мировые университеты в предвзятые учреждения, предоставляющие в конечном счете плохое образование.

Подводя итоги, заметим, что рецензируемая книга Мэтта Гудвина в целом носит неоднозначный характер. Сам автор подвергся остракизму и был вынужден уволиться из университета из-за поддержки голосования по выходу Великобритании из Евросоюза, поскольку неолиберальное большинство британских университетов было категорически против Брексита. Сразу же после выхода в свет книги Гудвина на нее появилось немало критических рецензий со стороны британского и американского университетского сообществ⁸. По мнению авторов негативных рецензий, так называемые образованные классы, которые критикует Гудвин, всегда придерживались более прогрессивных взглядов, чем широкая общественность. Обычно академическая среда раньше приходит к теоретическому одобрению новых либеральных идей (равенства полов, рас и сексуальности),

⁸ См, например: Anthony A. Bad Education by Matt Goodwin review — a Lapsed Liberal's War on 'Woke' Lecture. URL: <https://www.theguardian.com/books/2025/jan/20/bad-education-why-universities-are-broken-and-we-can-fix-them-by-matt-goodwin-review-a-rant-about-university-wokeism-disguised-as-a-book> (дата обращения: 10.05.2025); Freedman T. Review of the book «Bad Education. Why our universities are broken and how we can fix them?» by Matt Goodwin. URL: <https://schoolweek.co.uk/bad-education-why-our-universities-are-broken-and-how-we-can-fix-them/> (дата обращения: 8.12.2025); Segnit N. Business Class. Political Polarization and the Crisis of Higher Education. Book Review. URL: <https://www.the-tls.com/politics-society/social-cultural-studies/bad-education-matt-goodwin-the-secret-lecturer-anonymous-book-review-nat-segnit> (дата обращения: 08.12.2025).

которые со временем получают поддержку большинства в обществе. К примеру, в 1960-х годах многие правые считали университеты рассадниками радикализма, а студенческий активизм — синонимом экстремизма. Противостояние сегрегации в США и войне во Вьетнаме было обычным явлением как среди студентов, так и среди ученых. Тем не менее из этого не следует, что такие взгляды являются элитарными. Напротив, ретроспективно они стали рассматриваться как самоочевидные и фундаментальные для любого цивилизованного взгляда на мир⁹.

На наш взгляд, книга Мэтта Гудвина делает важный вклад в очень живую дискуссию. В ней представлена и подробно проанализирована мало известная в России «новая университетская идеология», давно бытующая в американских и британских университетах и состоящая из таких ключевых идей и практик, как «культура виктимности», «привилегии белых», антирасизм, деколонизация, приоритизация расовых, сексуальных и гендерных меньшинств.

Автор книги стоит на позициях классического либерализма, понимаемого как совокупность политических, экономических, моральных, философских взглядов, основанных на принципах свободы, индивидуализма и равенства. Однако с наступлением эпохи глобализации в университетской среде сформировался комплекс неолиберальных идей, постепенно приведших к расколу в представлениях, убеждениях университетских элит (администрации, профессоров и студентов) и основной массы населения в США и Великобритании. Университеты в этих странах стали похожи на закрытые учреждения, распространяющие «клубную культуру интеллектуалов», переходящую в конфронтацию с образом жизни и мышления подавляющего большинства населения. Гудвин настаивает на необходимости предоставления в университетских стенах возможности свободной полемики и циркуляции разнообразных идей, и прежде всего актуальных в масштабах всего общества. Он выступает против радикального активизма студентов и молодых преподавателей, а также политизации высшего образования в целом.

Ценность этой книги в том, что она требует изучения и академического анализа многочисленных вопросов, поставленных автором. Работа позволяет российскому читателю приоткрыть завесу внутренних процессов, имеющих место в западных университетах и в обществе в целом. Автор приводит примеры того, как «новая академическая идеология» и радикальный активизм в университетских кампусах способствуют искажениям в мышлении студентов и формируют не критическое восприятие многих происходящих в обществе процессов. Вместе с тем «новая идеология», описанная Гудвином, вызывает отторжение общества, существующего за границами академической среды. А это, в свою очередь, ведет к распространению популистских и даже праворадикальных идей и политических практик. Неслучайно Дональд Трамп, придя к власти в США на второй срок, подписан указ о запрете действия программы многообразия, равенства и инклюзивности (Diversity, Equality and Inclusion, DEI). Кроме того, требования американского правительства включили «аудит» университетских программ и факультетов, а также изменения в структуре управления, найма на работу и сокращение финанси-

⁹ Anthony A. Bad Education by Matt Goodwin review — a Lapsed Liberal's War on 'Woke' Lecture. URL: <https://www.theguardian.com/books/2025/jan/20/bad-education-why-universities-are-broken-and-we-can-fix-them-by-matt-goodwin-review-a-rant-about-university-wokeism-disguised-as-a-book> (дата обращения: 10.05.2025).

вания ведущих университетов. В связи с этим многие американские ученые задумались об отъезде из США, главным образом в Канаду и страны Европы.

Таким образом, можно констатировать, что наблюдаемый консервативный поворот в отношении регулирования высшего образования в США стал реакцией на сформировавшийся в последние десятилетия в университетской среде Запада радикальный левый активизм, многочисленные проявления которого описывает в своей книге Мэтт Гудвин.

Список литературы (References)

1. Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 8—24.
Berger P. (2004) Introduction. Cultural Dynamics of Globalization. In: P.L. Berger, S. P. Huntington (ed.) *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. Moscow: Aspect Press. P. 8—24. (In Russ.)
2. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 61—110.
Collins R. (2015) Middle Class Without Work: The Exits Are Closing. In: *Does Capitalism Have a Future?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House. P. 61—110. (In Russ.)
3. Eatwell R., Goodwin M. (2018) *National Populism. The Revolt Against Liberal Democracy*. London: Pelican Books.
4. Ford R., Goodwin M. (2014) *Revolt on the Right. Explaining Support for the Radical Right in Britain*. London: Routledge.
5. Fukuyama F. (2022) *Liberalism and Its Discontents*. New York, NY: Profile Books.
6. Goodwin M. (2025) *Bad Education. Why Our Universities Are Broken and How We Can Fix Them?* London: Transworld Publishes.
7. Goodwin M. (2023) *Values, Voice and Virtue: The New British Politics*. London: Penguin.
8. Haidt J., Lukianoff G. (2018) *The Coddling of the American Mind: How Good intentions and Bad Ideas are Setting up a Generation for Failure*. New York, NY: Penguin.
9. Kaufmann E. (2024) *Taboo: How Making Race Sacred Produced a Cultural Revolution*. London: Forum.
10. Kendi I. X. (2019) *How to be Antiracist*. London: One World.
11. McWhorter J. (2021) *Woke Racism: How a New Religion has Betrayed Black America*. New York, NY: Penguin.
12. Mounk Y. (2023) *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in our Time*. New York, NY: Penguin.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ВЦИОМ

